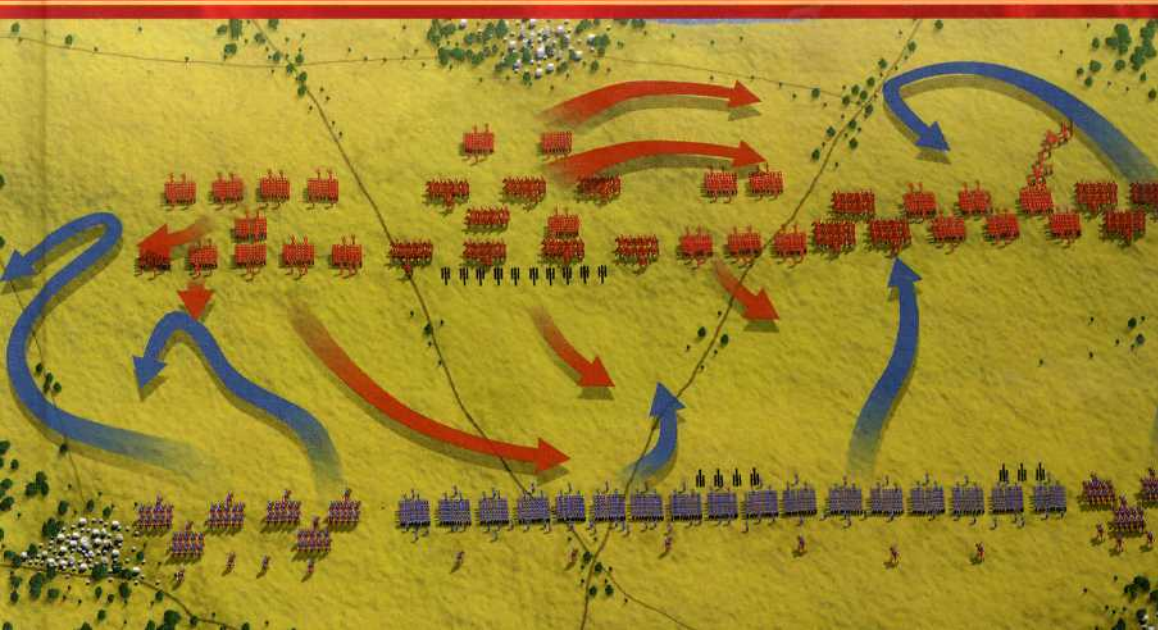
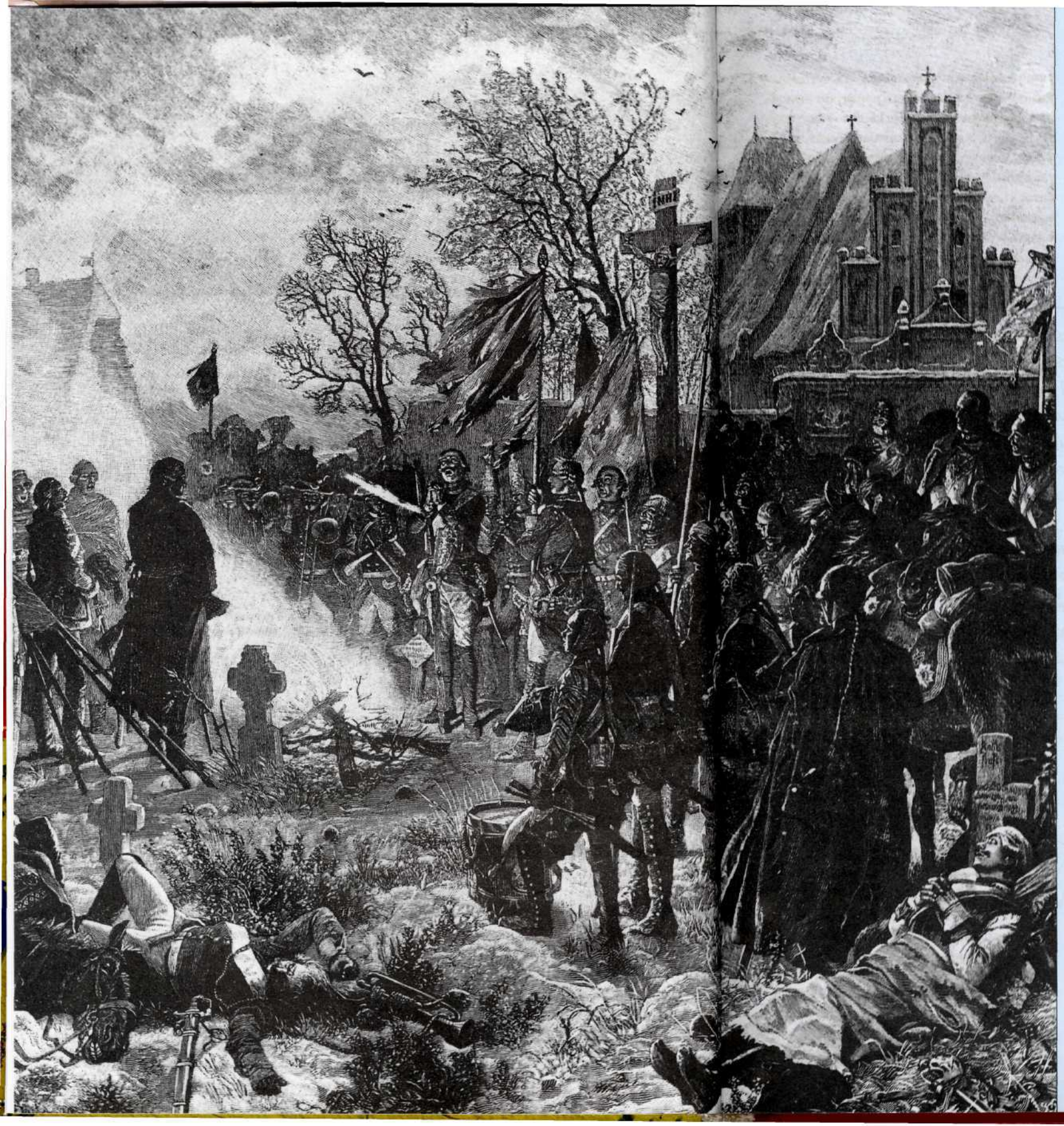

ВОЙНЫ и СРАЖЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

1500 — 1763

Кристер Йоргенсен Михал Павкович Роб Райс Фредерик Шнайд Крис Скотт

Глава первая

Роль пехоты

На протяжении значительной части Средних веков в Европе конные воины являлись единственным значимым компонентом большинства армий в поле. Однако начавшиеся примерно с середины пятнадцатого столетия изменения в приемах ведения войны в Европе привели к созданию крупных постоянных армий. Такие армии опирались на все более увеличивающееся количество хорошо обученной и вооруженной пехоты.

В следующие три столетия пехоте вновь предстояло стать доминирующей силой на полях сражений. Два основополагающих фактора обусловили усиление роли пехоты. Первым и, возможно, главным следует назвать развитие административных структур, которые позволили государствам на заре периода Нового времени набирать и содержать более крупные контингенты регулярной пешей армии. Если на первых порах при формировании пехотных подразделений государства полагались на военных «подрядчиков» и наемников, то укрепление административной и финансовой организации позволило королям и князьям удерживать солдат в регулярной армии на более долгий срок, что в свою очередь создало возможности для развития самоидентификации, усиления сплоченности и подъема дисциплины подразделений.

Вторым фактором выступало освоение новой системы вооружения, строящейся на комбинации пики — оружия самого по себе весьма древнего — и ручного огнестрельного оружия (более юного из двух состав-

После разгрома австрийцев Фридрих Великий остановился на отдых в селении Лейтен. Некоторые из его солдат запели гимн «Как все мы благодарны Богу», который стал впоследствии известен как «Лейтенский хорал». Скоро гимн этот распевала вся прусская армия.

ляющих системы, прозванной «стреляй — коли»), созданной в результате развития технологии производства оружейного пороха. Распространение разнообразного пехотного оружия на длинных древках, особенно копий или пик, которые получали в свои руки дисциплинированные пехотинцы-наемники или солдаты регулярных частей европейских государств раннего периода Нового времени, позволило пехоте противостоять даже наиболее грозным тяжеловооруженным всадникам. А принимая во внимание наличие все большего количества солдат, располагающих сравнительно дальнобойным, обладающим способностью поражать цели на расстоянии огнестрельным оружием, формирования хорошо выученной пехоты стали грозным фактором на полях сражений.

«В завязавшейся битве швейцарцы со своими пиками развили такой натиск, что вскоре прорвали ряды противника, но испанцы, прикрываясь щитами, так ловко орудовали мечами, что полностью уничтожили швейцарцев и вырвали победу из рук врага».

Макиавелли, «Турнир в Барлетте»
(цит. по д'Адзельо)

Швейцарцы, ландскнехты и терсиос

В начале шестнадцатого века в войнах между Валуа и Габсбургами отряды пехоты, вооруженной пиками и огнестрельным оружием, стали играть все более важную роль в сражениях. Действующая сомкнутым строем пехота с копьями и другим оружием с длинным древком и отряды пеших воинов с ружьями, которые нашли почти одновременное распространение, обычно считаются неразрывным тандемом «стреляй — коли», но следует иметь в виду, что возникали эти «рода войск» независимо друг от друга и на основе совершенно различных традиций. Поэтому процесс развития тактики копейного и огневого боя отражал результаты постоянных поисков и экспериментов, ведущихся на протяжении почти двух столетий.

Однако вооруженные копьями и довольно боеспособные пешие отряды — часто на базе городских ополчений, особенно в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге — существовали и раньше — в тринадцатом и в четырнадцатом веках. Наглядным примером подобных формирований после 1500 г. могут служить «роты» швейцарских наемников, которые являлись неотъемлемой частью французских армий того периода. Швейцарцы заработали высокую репутацию в течение пятнадцатого столетия, победив бургундцев при Гран(д)соне и Мюртене (иначе Мора, между Бернском и озером Нё(в)шатель. — *Прим. ред.*) в 1476 и при Нанси в 1477 гг. Одержать вышеупомянутые победы швейцарцам помогло активное применение пехотных колонн, вооруженных главным образом пиками, при поддержке воинов, владеющих алебардами. Швейцарская пика представляла собой копье до шести метров длиной. Алебарда имела двухметровое древко из твердой древесины с насаженной на него комбинацией топора и колющего наконечника, а также короткого изогнутого лезвия или же — также колющего — «отрога» на обухе топора. Пики позволяли пехоте строиться плотными шеренгами настолько близко друг к другу, что иногда ряды разделяло не более 15 см, при этом из строя передовой шеренги впереди каждого солдата выступало по четыре-пять наконечников пик.

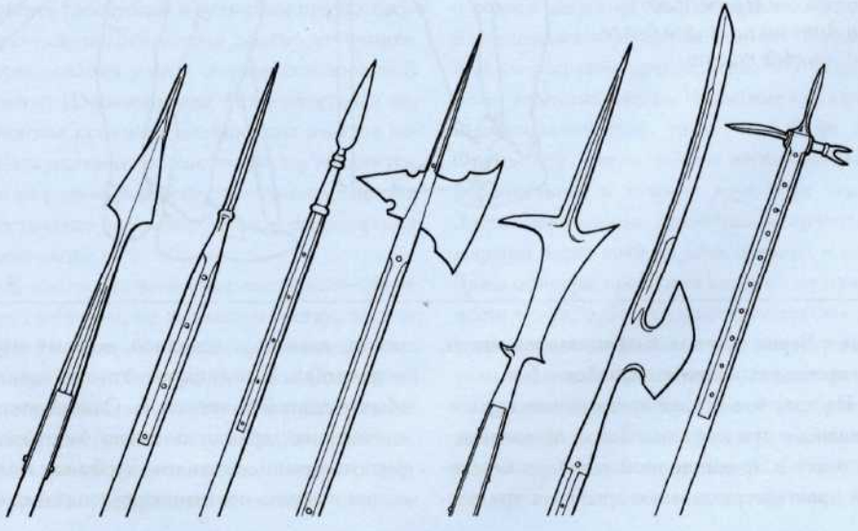
Оборонительное построение копейщиков представляло собой серьезное препятствие для неприятеля, особенно для кавалерии. Вес и длина алебарды делали ее сильным оружием против вражеских пехотинцев и даже закованных в доспехи всадников. Однако для ее эффективного применения требовалось большое свободное пространство, которым не располагали — и не могли располагать — воины в сомкнутом строю. Примерно до 1450 г. швейцарцы вооружались в основном алебардами, но после поражения, нанесенного им двадцатью годами раньше миланской тяжелой

кавалерией, они постепенно стали все больше делать ставку на копейщиков. Солдаты, вооруженные алебардами, продолжали использоваться для защиты знамени части и в виде отдельных отрядов для поддержки копейщиков. Многие солдаты по-прежнему не расставались с нагрудниками и шлемами, в то время как некоторые, похоже, совсем отказались от доспехов. Только солдаты, стоявшие в первых рядах, имели тяжелые латы, в комплект которых обычно дополнительно входили особые «юбки», защищавшие переднюю часть бедер, а также наплечники и поручи.

Между тем успехи швейцарцев не следует относить только на счет вооружения и сомкнутых порядков. Значительную роль в высокой действенности их боевых приемов играло общественное устройство. Все верно, пика являлась довольно простым в обращении оружием, особенно при обороне в сомкнутом строю, и не требовала от солдат особых навыков, но не пика сама по себе определяла эффективность отрядов копейщиков на поле брани. Главным фактором служила сплоченность отряда. Поэтому швейцарцы прилагали много усилий для формирования их внутренней когерентности — спаянности коллектива как некоего микросоциума.

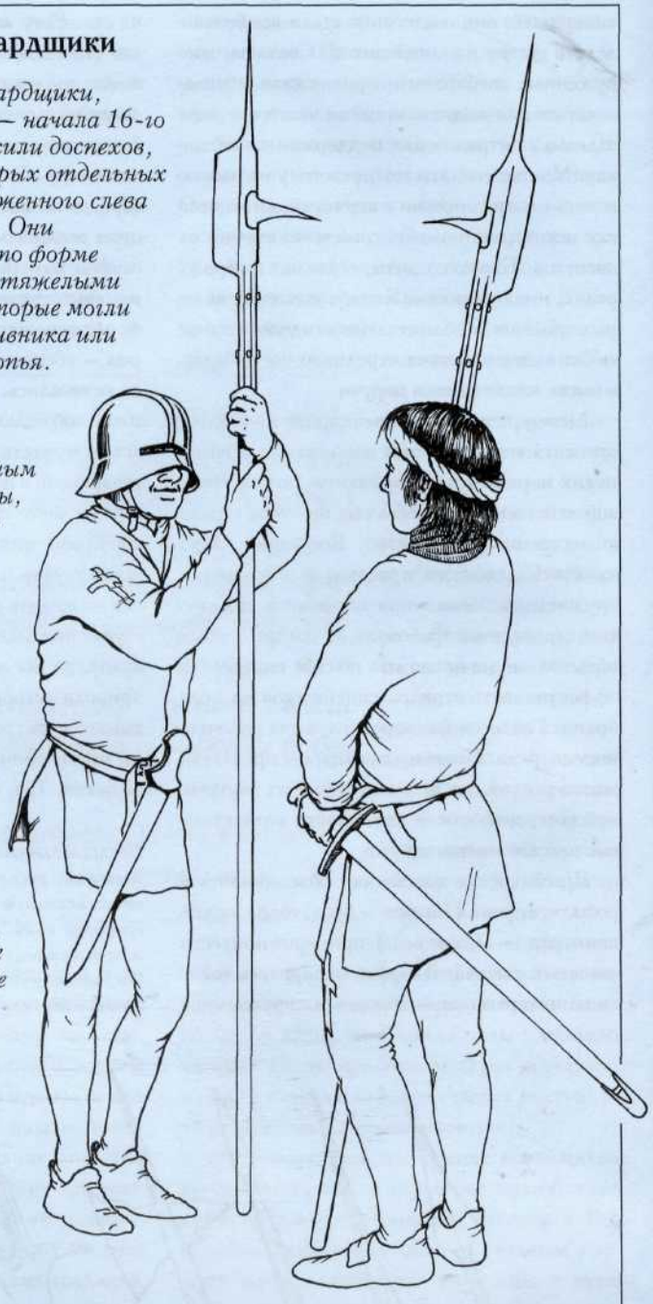
Швейцарские копейщики объединялись в роты, «гауфен» (*Haufen* — букв. толпа людей, или отряд. — *Прим. ред.*), примерно по двести человек в каждой. В гауфен набирались жители одного региона — городов и окружающих их сел. Роту возглавлял гауптман, или капитан (немецкое *Hauptman*, или «главенствующий», этимологически полностью идентично английскому *captain*, так как оба восходят к слову «голова» соответственно в немецком и латыни. — *Прим. ред.*), который назначался городской администрацией. Остальные офицеры выбирались личным составом. Поэтому гауфен являлись частями с хорошо развитыми внутренними связями и не отделимыми от общины или кантона, составляющей которых — военным их продолжением — они всегда оставались. Подобная общественная близость побуждала швейцарских пеших солдат к актам мужества и самопожертвования во имя товарищей, а потому неудивительно, что такие отряды часто сражались до последнего человека. Кроме того, важность сохранения целостности гауфен на поле боя заставляла швейцарцев не щадить врагов, поскольку в противном случае пришлось бы выделять каких-то людей из отряда для охраны пленных. Общественная природа устройства швейцарских «рот» сказывалась на уровне подготовки солдат. Общины могли начинать военное обучение в раннем возрасте. Так, скажем, в конце пятнадцатого

Представленный здесь набор пехотного оружия с древками, распространенного в 16—17-м столетиях, включает в себя, слева направо, три разновидности пики, алебарду, гизарму, глефу и боевой молот (клевец). Длинные металлические полосы, покрывавшее древко, особенно у пик, не позволяли противнику обрубить наконечник.

Швейцарские алебардщики

Такие швейцарские алебардщики, типичные для конца 15 — начала 16-го века, как правило, не носили доспехов, если не считать некоторых отдельных элементов, как у изображенного слева солдата в легком шлеме. Они вооружались простыми по форме алебардами с длинными тяжелыми рубящими лезвиями, которые могли поразить доспехи противника или перерубить древко его копья. Алебарды также имели клювообразные острия на обухе. С их помощью представлялось возможным наносить колющие удары, пробивая даже тяжелые латы. Длина такого оружия делала его эффективным как против пехоты, так и против кавалерии. Кроме того, алебардщики имели мечи. Солдат слева вооружен коротким мечом, известным как кацбальгер (Katzbalger — что можно образно перевести как «потрошитель кошек», или кошкодер, но вообще же означает нечто вроде «оружия для ближнего боя». — Прим. ред.), у другого на поясе более длинный палаш.

века в Берне открылась официальная школа, где преподавали приемы копейного боя.

На поле боя гауфен традиционно группировались в три колонны. Такая организация восходит к традиционной для Средневековья практике разделения армии на три элемента: авангард, основной ударный отряд и арьергард. У швейцарцев эти три колонны обычно двигались эшелоном. Однако тактика швейцарцев характеризовалась быстрыми и решительными действиями, чтобы как можно скорее навязать противнику рукопашный бой.

Их скорость передвижения на поле боя была настолько высока, что говорили, будто швейцарцы могут атаковать вражеские пушки до того, как те изготовятся ко второму выстрелу.

Ландскнехты

Большие успехи швейцарской пехоты в конце пятнадцатого века породили огромный спрос на отряды швейцарских наемников. К сожалению для потенциальных нанимателей, особая социальная структура, которая делала швейцарские гауфен такими сплоченными на поле боя, не способствовала серьезному увеличению количества доступных наемников. Основным потребителем услуг выступали французы, поскольку Габсбурги опасались прибегать к найму швейцарцев. Первоначально осторожность являлась следствием расстановки сил — швейцарцы издавна боролись против влияния Габсбургов. Посему французы пользовались почти неограниченной монополией на отряды швейцарцев, закрепив такое положение подписанием «Вечного мира» между Францией и Швейцарской Конфедерацией в 1516 г. В результате Габсбургам и монархам прочих государств пришлось искать другие источники формирования у себя высоко-боеспособной пехоты. Положение еще более обостряла неприятная привычка швейцарских отрядов покидать нанимателя, как только им покажется, что их родина в опасности, что также не способствовало росту численности швейцарских наемников.

«Поэтому я заключаю, что хорошая пехота должна быть в состоянии без страха противостоять не только кавалерии, но и любой пехоте. И таковая способность, как я уже говорил ранее, должна основываться на ее дисциплине и вооружении».

Макиавелли,
«Искусство войны»

В общем, по всем вышеназванным причинам государям, не желавшим отстать друг от друга в военном отношении, пришлось искать альтернативу. Один из кайзеров Священной Римской империи, уже тогда принадлежавшей Габсбургам, нашел выход в создании собственных хорошо подготовленных пехотных подразделений, набранных из жителей империи и обученных обращению с копьями. Итак, в 1486 г. император Максимилиан I приступил к формированию первых частей ландскнехтов (*Landsknechte* — мн. ч., в переводе нечто вроде «слуг страны», или, более узко, «земли», в немецком понимании этого слова. — *Прим. ред.*), чтобы обеспечить империю регулярными частями профессиональных солдат пехоты. Максимилиан понимал, что единственным способом создать части, конкурентоспособные швейцарцам, является как можно более точное копирование их системы. С точки зрения организации, вооружения и подготовки подобная затея представлялась вполне выполнимой. Гораздо более сложной задачей являлось утверждение железной дисциплины, строившейся у швейцарских отрядов на их внутренней сплоченности.

В попытке повторить систему отношений внутри швейцарских гауфен Максимилиан требовал, чтобы части ландскнехтов, известные как «фенляйн» (*Fähnlein*), комплектовались в соответствии со швейцарской системой. Главнокомандующий, или «кригсгерр» (*Kriegsherr*), получал полномочия набора рот и полков ландскнехтов. Выбирались офицеры и создавались вербовочные партии. Потенциальным рекрутам предписывалось собираться в определенных местах. Известные или успешные военачальники, такие, как Георг фон Фрундсберг, могли собрать несколько тысяч добровольцев в течение двух-трех недель. Затем новобранцы строились и проходили маршем через арку из двух алебард и пики. Здесь офицеры проверяли каждого на пригодность к службе. Прошедшие «комиссию» рекруты получали месячное жалованье и заслушивали правила и предписания, определяющие их права и обязанности. Наконец, собранные ландскнехты давали клятву послушания офицерам и исполнения устава. С 1490 г. для усиления лояльности императору все ландс-

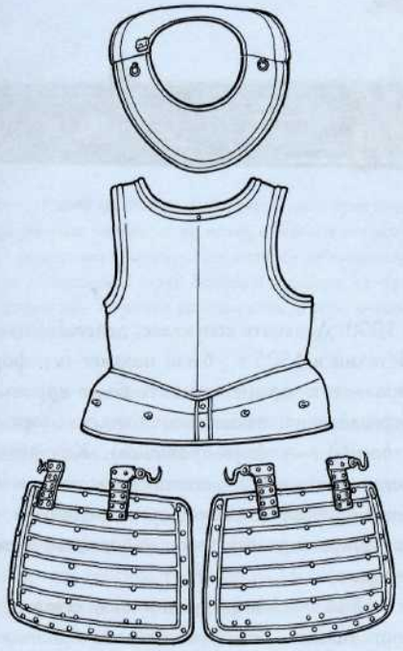
кнехты давали персональную клятву верности Максимилиану как «отцу ландскнехтов». Теоретически ландскнехты не имели права воевать против империи, но — поскольку главнокомандующие могли собирать армии и на средства других государств — правило это соблюдалось далеко не всегда.

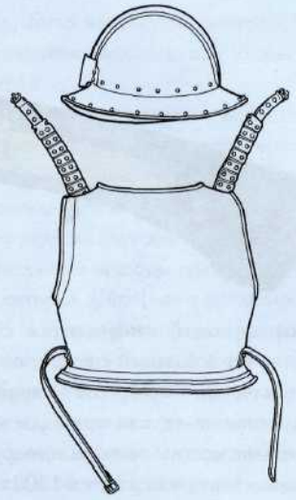
Завербованные солдаты приписывались к фенляйн, численность которого теоретически составляла 400 человек. Четверть личного состава приходилась на более опытных военнослужащих, они занимали наиболее опасные позиции в сражении и — как следует из названия, «доппельзёльднер» (*Doppelsöldner*) — получали двойное жалованье (*Söldner* в немецком означает то же, что в английском *mercenary*, т.е. наемник, оплачиваемый солдат. — *Прим. ред.*). Большинство «удвоенных наемников» имели на вооружении алебарды или большие двуручные мечи, но небольшое количество доппельзёльднер, примерно от 25 до 50 в каждой роте, применяли огнестрельное оружие, поначалу аркебузы. Обычно из 10 рот формировался полк, численностью примерно в 4000 человек.

Стандартным построением ландскнехтов служил «гефирте Орднунг» (*gevierte Ordnung* — букв. «четырехугольное построение»; в немецком существительное имеет женский род. — *Прим. ред.*), или копейный блок. Такое построение, в отличие от «троичных» колонн швейцарцев, носило более оборонный, чем наступательный характер. Оно состояло из плотного отряда копейщиков с *доппельзёльднер*, вооруженных алебардами и двуручными мечами по передней и задней линиям. «Удвоенные наемники» с аркебузами располагались вдоль флангов или — часто — строились четырьмя небольшими отрядами вблизи углов строя, выступая в роли так называемых «застрельщиков» (т.е. солдат, в задачи которых входило завязывать бой с противником, действуя обычно в рассыпном строю. — *Прим. ред.*). При угрозе сильного неприятельского противодействия аркебузиры отходили и укрывались между рядами копейщиков. При выдвижении на соприкосновение с врагом действия копейного блока предваряло «ферлорене гауфе» (*verlorene Haufe*), «потерянное подразделение», что обычно переводится как «слабая надежда» (слова *Haufe*[n] и *hoffen* — надеяться — звучат похоже. — *Прим. ред.*), поскольку изначально предполагалось, что в бою уцелеют немногие. Такие отряды формировались из добровольцев, людей, выбранных по жребию, и даже из заключенных, получавших возможность освободиться или умереть в попытке обрести свободу (т.е. искупить вину кровью). Они выстраивались редкой цепью, чтобы иметь возможность воспользоваться алебардами или двуручными мечами для пробивания бреши во вражеских порядках, в которую устремлялись затем взаимодействующие копейщики.

Ландскнехты-аркебузиры 16-го века носили одежду, типичную для наемников того периода. Броские жакеты с разрезами и чулки поверх также яркого нижнего белья. Из доспехов они пользовались нагрудниками, а из вооружения помимо ружей имели короткие мечи «кошкодеры».

Доспехи хорошо оснащенного пехотинца 17-го века могли включать в себя латный воротник (слева вверху) для защиты горла, нагрудник и пару набедренников для прикрытия верхней части бедер. Справа изображен шлем и тыльная часть панциря. Такие доспехи можно назвать типичными для копейщиков того времени, особенно для тех, кто сражался в передовых порядках.

Большинство ландскнехтов располагало почти таким же наступательным и защитным вооружением, как и швейцарцы, которых они пытались копировать. Копейщики часто носили шлемы и нагрудники и — кроме неотъемлемой пики — короткие мечи, или кацбальгер. Пики, применяемые ландскнехтами, отличались, как правило, меньшей длиной, чем те, которыми пользовались швейцарцы, иногда всего четыре метра в длину. Доппельзёльднер и копейщики, находившиеся в первых рядах, располагали обычно лучшим защитным вооружением, комплект их доспехов пополнялся особыми «юбками», прикрывающими переднюю часть бедер, а также наплечниками и поручами.

Испанские «триединства», или терсиос

Испанцы также составляли немалую часть имперских армий, участвовавших в войнах Валуа и Габсбургов. Но в отличие от ландскнехтов, которые копировали швейцарцев, испанские армии того периода представляли собой воплощение военной концепции, служившей отражением процесса Реконкисты — героической многовековой борьбы христиан за освобождение Иберийского полуострова от мавров. Испанские армии описываемого в данной работе периода выковывались на заключительной стадии Реконкисты, а именно — в последнее двадцатилетие пятнадцатого века. Проникнутые духом этого длившегося столетия конфликта, испанцы организовывали свои армии в соответствии с потребностями, диктуемыми характером и условиями пограничной войны с маврами, а поэтому испанские части состояли из легче вооруженных солдат, подходящих для подобного рода боевых соприкосновений.

В последнее десятилетие пятнадцатого века в Испании под влиянием завершившейся тогда Реконкисты сформировалась фактически регулярная армия. Так же, как у французов (и их швейцарских наемников) и в империи Габсбургов в Центральной Европе, у испанцев находили применение отряды и тяжеловооруженных всадников, и копейщиков.

Последние — меньшинство — образовались из копьеносцев городского ополчения. Только одна треть испанской пехоты была представлена копейщиками, остальные делились в общем и целом на легкую пехоту с мечами и небольшими щитами и застрельщиков, вооруженных

При нажатии на спусковой крючок аркебузы горящий фитиль опускался на полку с черным порохом. Тот вспыхивал и через расположенное рядом отверстие воспламенял заряд пороха в зарядной каморе, который при сгорании выделял газы, в свою очередь толкавшие пулю.

стрелковым оружием, включающим в себя арбалеты и — все в большей степени, по мере течения технического прогресса — аркебузы. Макиавелли описывает, как испанцам удавалось эффективно использовать легковооруженных застрельщиков при Барлетте в 1502 г.:

«В завязавшейся битве швейцарцы со своими пиками развили такой натиск, что вскоре прорвали ряды противника, но испанцы, прикрываясь щитами, так ловко орудовали мечами, что полностью уничтожили швейцарцев и вырвали победу из рук врага».

Легковооруженные мечники и застрельщики не только идеально соответствовали тактике Реконкисты (нападение на врага небольшими подвижными группами), но и оказались весьма полезными, когда испанские войска вступили в боевые действия против французского противника в Италии. Ломбардская низменность пересечена множеством рек и каналов, и, пользуясь этим, итальянцы начали активно применять полевые укрепления. В таких условиях легковооруженные испанские войска оказывались весьма эффективными.

Вооружение испанских копейщиков во многом сравнимо с тем, которым располагали военнослужащие в других армиях. Многие носили шлемы и кирасы, а солдаты, составлявшие первую линию, часто использовали дополнительные защитные элементы латного обмундирования для рук и бедер. Легче вооруженные мечники, арбалетчики и аркебузиры носили доспехи различных видов, включая кожаные куртки, клепаные панцири и пластинчатые кирасы.

В начале итальянских войн испанская пехота организовывалась в «колунелас» (мн. ч. от *colunela*), или «колонны». Изначально такие части состояли из 600 чел., но к 1505 г. численность личного состава в них возросла до 1000. Двадцать колунелас, действовавших в Италии в 1505 г., были позднее переформированы в четыре или пять более крупных подразделений, называемых бандерас (мн. ч. от *bandera* — формирование). Колунелас представляли собой смешанные части, состоявшие преимущественно из копейщиков и аркебузиров при поддержке небольшого числа мечников.

В 1534 г. испанцы предприняли серьезную реорганизацию своей пехоты, что привело к появлению терсиос. Терсиос (мн. ч. от *tercio*. — *Прим. ред.*) являлись довольно крупными формированиями, насчитывающими почти 3000 чел. каждое, созданными, вероятно, в результате слияния трех колунелас (однако аллюзия к слову «три» в термине «терсио», возможно, более связана с тремя «родами войск» традиционной организации, нежели со слиянием терсиос из трех колунелас). Терсио состояло обычно из 12 рот: 10 копейщиков и 2 аркебузиров. Рота копейщиков насчитывала в своем составе 219 бойцов, в то время как рота аркебузиров — 224 чел. В дополнение роты аркебузиров включали в себя по 15, а роты копейщиков по 20 вспомогательных солдат, вооруженных мушкетами.

Мушкет являлся более тяжелой разновидностью огнестрельного оружия, появившейся в 1521 г. Он стрелял пулей вдвое более крупной, чем аркебуза. (Попросту говоря, из фунта свинца получалось 10 пуль для мушкета против 20 пуль для аркебузы.) Масса выстрела обеспечивала огню мушкета большую пробиваемость, но оружие получалось таким тяжелым (около 8—9 кг), что при стрельбе его приходилось устанавливать на вилкообразную сошку. В чисто арифметической пропорции, в терсио состояло — или должно было состоять — три с четвертью копейщика на одного стрелка. Однако рекрутские списки показывают, что терсиос обычно насчитывали 1500 бойцов, что дает соотношение, близкое к двум с четвертью копейщиков на одного солдата, вооруженного огнестрельным оружием. Подобное наблюдение позволяет предположить, что терсиос полагались на огнестрельное оружие в большей степени, чем следует из сохранившихся источников.

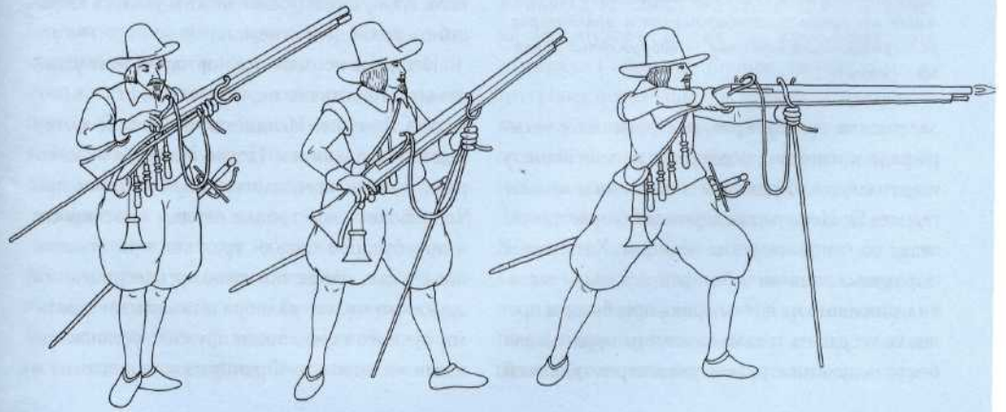
Шестнадцатый век — время экспериментов

Развитие тактики в начальной стадии эпохи «стреляй — коли» отражает попытки найти лучший способ интеграции двух систем вооружения. В качестве главной проблемы вставала защита уязвимых аркебузиров на поле боя. Для того чтобы быть действительно эффективными, им приходилось действовать группами, но длительное время, необходимое на заряжание фитильных аркебуз, а позже еще более неповоротливых мушкетов (управляться с тяжелым ружьем, вилочным упором и черным порохом на открытой полке, одновременно держа медленно тлевший запальный фитиль, было непростым занятием), делало их уязвимыми, особенно при атаках тяжелой кавалерии.

Ответ нашли имперские военные, а конкретно — испанцы. Они стали использовать стрелков под защитой полевых укреплений. Возможно, идея эта стала результатом переноса взгляда на способы применения ручного огнестрельного оружия, сравнимого с арбалетами, которые лучше всего проявили себя при осадах. И те и другие обладали хорошей пробиваемостью, но невысокой скорострельностью. Кроме того, многие аркебузиры, участвовавшие в итальянской кампании, происходили из городских ополченцев и были лучше знакомы с техникой боя из-за неподвижных укрытий. В выработке подобных приемов испанцам в какой-то мере помог их французский противник, который часто атаковал полевые укрепления силами стремительной аристократической тяжелой кавалерии, «жандармов» (*gens d'armes* — буквально «вооруженные люди». — *Прим. ред.*) и энергичной швейцарской пехоты.

Одним из ранних примеров таких схваток может служить битва при Черриньоле в апреле 1503 г. Тогда испанский командующий, Гонсало Фернандес де Кордоба, расположил свои войска позади бруствера, возведенного на краю траншеи. В центре его позиции находились

Мушкетер с фитильным ружьем готовится выстрелить. Зарядив тяжелое и неудобное оружие, предстояло проделать целый ряд движений, чтобы выстрелить из него. В условиях тесного строя при обращении с горящим фитилем требовалась особая осторожность, а для стрельбы из тяжелого мушкета приходилось применять вилкообразную сошку.

Имперские ландскнехты с одной стороны и швейцарцы — наемники французов — с другой разят друг друга копьями в сражении при Павии, 1525 г. Обратите внимание на алебардщиков и аркебузиров, поддерживающих основные — вооруженные копьями — силы.

две тысячи аркебузиров, построенных в четыре ряда и имевших поддержку из копейщиков и артиллерии. Французы под командованием герцога де Немура предприняли безрассудную атаку на неприятельские позиции. Хотя взрыв пороховых запасов у батареи испанцев заставил замолчать их артиллерию, аркебузиры проявили твердость и залп за залпом продолжали осыпать пулями сгрудившуюся перед траншеей французскую кавалерию, чем нанесли ей серьезные потери, ранив и самого герцога Немурского. Атаку французской пехоты удалось также отбить ружейным огнем.

Испанцы попытались повторить этот успех девятью годами позже, в апреле 1512 г., в битве при Равенне. Испанская и папская армии под командованием Педро Наварро — который, кстати, командовал аркебузирами при Черньоле — выстроили отряды копейщиков и аркебузиров позади траншеи при огневой поддержке, обеспечиваемой артиллерийскими орудиями малого калибра и тяжелыми стволами ручного стрелкового оружия, установленными на повозки. Французские жандармы и их командир, Гастон де Фуа, не стали, однако, атаковать траншеи без поддержки, что наблюдалось при Черньоле. Вместо этого они подвергли позицию артиллерийскому обстрелу, на который испанцы и их итальянские союзники пытались в свою очередь отвечать залпами из пушек. Французские орудия не просто заставили замолчать испанскую артиллерию, но и вынудили испанскую и итальянскую тяжелую кавалерию к беспорядочной атаке. Французские же жандармы обратили испанскую и итальянскую конницу в бегство, после чего последовали за ней сквозь бреши в испанских боевых порядках. В то же время французская пехота, при участии некоторого количества ландскнехтов, которые теперь воевали за Францию, напала на испанскую пехоту, позиционированную позади траншей. Тут французские жандармы перестали преследовать союзную кавалерию и атаковали испанскую пехоту с тыла. Много испанцев погибло в бою, однако около трех тысяч пехотинцев сумели все же отступить организованно.

Все следующее десятилетие французы, швейцарцы и испанцы экспериментировали с целью найти наилучший способ использования различных родов войск, составлявших их армии. В сражении при Бикокке в апреле 1522 г. испанцы снова, что называется, открыли рецепт успеха. На этот раз они расположились вдоль довольно широкой, заглубленной дороги и усилили ее полевыми укреплениями. Французы, в свою очередь, надеялись повторить прошлый успех при Равенне, ослабив противодействие испанцев на позициях сосредоточенным артиллерийским огнем. Но швейцарская пехота на захотела ожидать в резерве и атаковала позиции испанцев. Расстроенные и ослабленные испанской артиллерией, швейцарцы все же достигли дороги только для того, чтобы обнаружить, что полевые укрепления слишком высоки для их пик. Пока швейцарцы переформировывались для штурма у подножия бруствера, испанские аркебузиры расстреливали их плотные ряды. Немногих швейцарцев, сумевших взобраться на вал, сбросили оттуда аркебузиры и ландскнехты. Швейцарцев постиг полный разгром, и французам пришлось отступить.

Испанцы решительно изменили способ применения вооруженной огнестрельным оружием пехоты во время французского вторжения (в Италию) в 1524 г. В конце апреля французская армия под командованием адмирала Гийома де Бонивe, потерпев месяцем ранее поражение под Миланом, отступала перед многократно превосходящей имперской армией. Французов преследовали имперские силы под началом итальянского кондотьера Джованни де Медичи и маркиза ди Пескара. В имперскую армию входили аркебузиры и мушкетеры, которые передвигались верхом, но стреляли спешившись. Наступающие измотывали французское войско, состоявшее из швейцарских копейщиков и жандармов, пос-

Битва при Павии

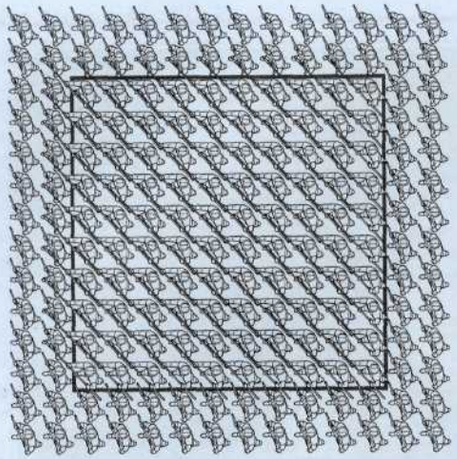
1525 г.

Воспользовавшись уходом части швейцарских наемников с французской службы, имперские войска напали на французскую армию Франциска I (или Франсуа), осаждавшую Павию. Имперские отряды атаковали после выполнения сложного ночного маневра, который позволил им пробить брешь в стене герцогского охотничьего парка, где французы стояли лагерем. Проникнув в парк, имперские солдаты развернулись в боевые порядки, тогда как гарнизон Павии совершил вылазку, чем серьезно осложнил положение французов. Застигнутым врасплох французам пришлось предпринимать спонтанные и плохо организованные атаки на разных направлениях, тогда как имперские войска использовали рельеф парка для защиты своей пехоты, особенно вооруженной огнестрельным оружием. Это позволило им применить ее как наступательную силу с минимальными потерями, что привело к поражению французской армии.

В октябре 1524 г. король Франции Франциск I осадил стратегически важный город Павию в Северной Италии. К шагу этому его побудила необходимость защитить свои коммуникации перед выдвижением для атаки Неаполя.

ПОСТРОЕНИЕ В ВИДЕ КВАДРАТА ИЗ КОПЕЙЩИКОВ, окруженного аркебузирами, обеспечивало защиту стрелков от противника, особенно его кавалерии, во время действий на открытой местности без прикрытия фортификационных сооружений.

тоянно обстреливая их с флангов. Как только швейцарцы или французская кавалерия пыталась атаковать, аркебузиры под командованием ди Пескара, пользуясь известной степенью подвижности, просто отходили и переформировывались на следующем участке по направлению движения сил противника. Французы в итоге понесли серьезные потери; среди тех, кому не повезло, оказался даже их командующий. Событие это, известное как «разгром на Сесии», продемонстрировало наступательный потенциал ручного огнестрельного оружия, которое до тех пор применялось только в обороне и с подготовленных позиций.

В следующем году тактические изыскания периода войн Валуа и Габсбургов в Италии достигли кульминации в битве при Павии. В этой битве испанцы продемонстрировали, как устойчивые формирования типа «стреляй — коли» могут применяться вне подготовленных укреплений, используя импровизированные препятствия.

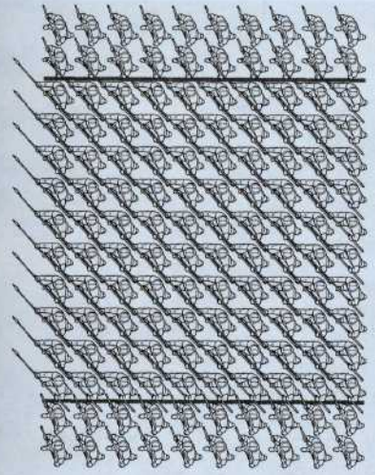
Павия, 1525 г. — неожиданные тактические приемы

28 октября 1524 г. король Франции Франциск I с большой и сильной армией осадил Павию. Город защищал имперский гарнизон под командованием дона Антонио де Лейба. Французы хотели нейтрализовать город перед тем, как погрузиться на корабли и отправиться отвоевывать Неаполь. Франциск блокировал Павию и стал готовиться к захвату Неаполя. В рамках этой подготовки он усилил свое войско 6000 швейцарцев из Грисона и еще 2 тысячами из Вале. Он также воспользовался услугами Джованни де Медичи и его так называемых Банде Нере (букв. «черных шаек». — *Прим. ред.*), примерно в 2000 чел. В декабре Франциск предпринял удачный дипломатический ход, подписав договор с папой, который разорвал отношения с имперской стороной. Он надеялся, что Флоренция и даже, может быть, Венеция также присоединятся к альянсу. Вместе с тем вторжение в южные пределы Франции коннетабля Шарля Бурбона, который примкнул к империи после ссоры с Франциском, успеха не имело, и его армии пришлось с потерями отступить обратно через Альпы. Франциск разделил свои силы, выслав вперед Джона Стюарта, герцога Олбани, почти с 11 000 чел., что составляло до одной трети личного состава.

К сожалению для французов, осада Павии проходила не так, как надеялся Франциск. Первоначальная попытка взять город приступом провалилась, и французы приступили к планомерной осаде, медленно, но неуклонно продвигая вперед батареи. В ноябре французские саперы взялись за строительство дамбы с целью запрудить реку Тичино и дать армии возможность атаковать Павию с незащищенной стороны. К несчастью, декабрьские ливни переполнили реку и вода смыла дамбу. Ввиду скромности успехов, советники предлагали Франциску отойти на зимние квартиры, чтобы уберечь армию от плохой погоды и — как следствие — от болезней и небоевых потерь. Между тем Франциску не хотелось бросать начатого, особенно в свете известия о серьезном недовольстве гарнизона низким жалованьем и плохими бытовыми условиями, и осада продолжалась до февраля.

Имперская сторона, однако, зимой не бездействовала. В январе Шарль Бурбон вернулся в Германию, где получил от кайзера разрешение и деньги на набор дополнительных войск.

Ему удалось призвать под имперские знамена 500 всадников и 6000 ландскнехтов

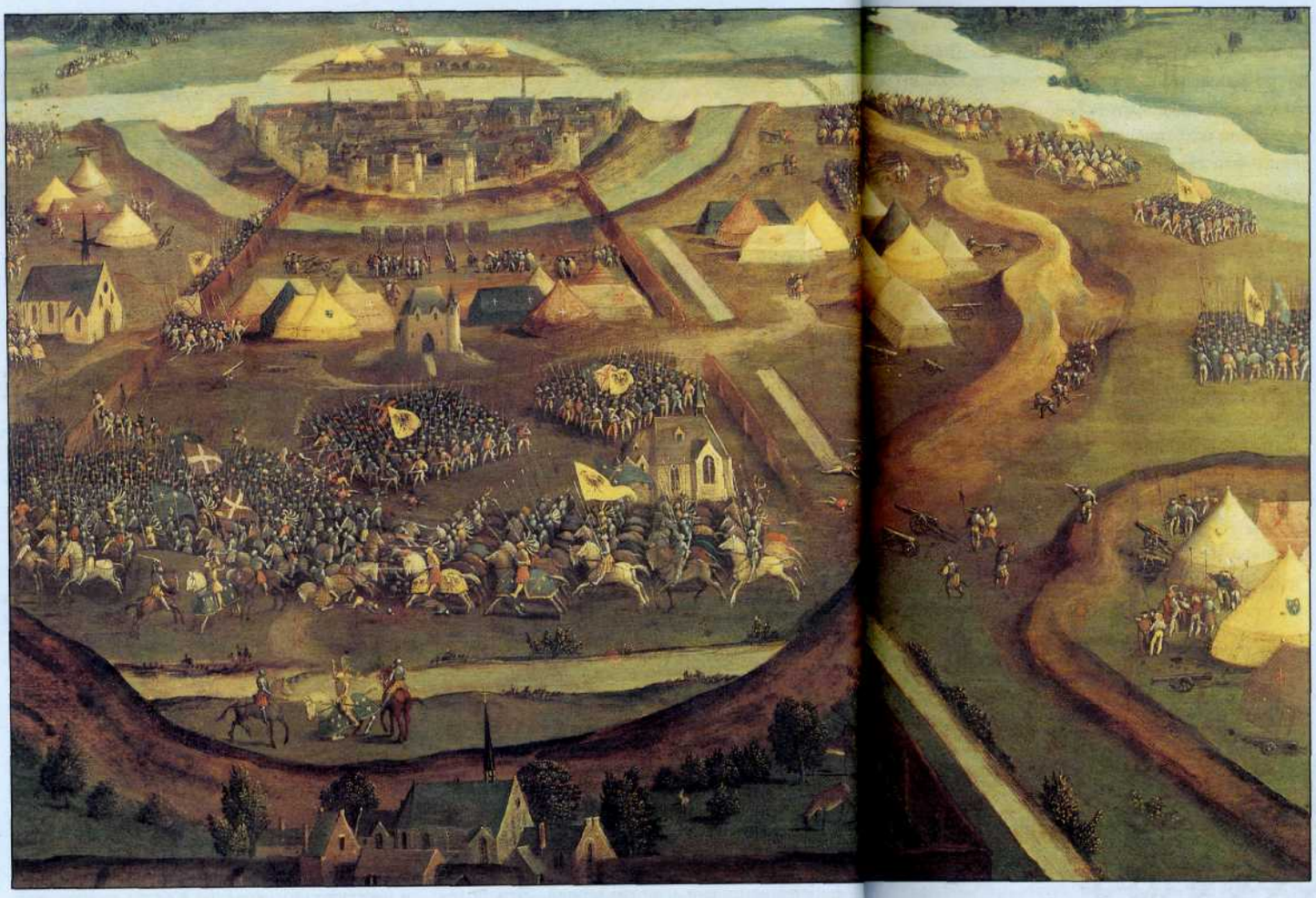
ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ЭТО ПОСТРОЕНИЕ сверху видно, что копейщики составляют как бы «туловище», а вооруженные ружьями мушкетеры «руки» единого организма. Такой строй сосредотачивал в себе боевую мощь копейщиков и мушкетеров, вместе с тем позволяя обеспечивать надежную защиту стрелков, поскольку соотношение численности копейщиков и мушкетеров было в пользу первых.

под командованием легендарного Георга фон Фрундсберга и отправиться с ними на соединение с имперской армией в Италию. Вместе с войсками Бурбона имперская сторона имела около 17 000 пеших солдат и 1000 конных под командованием вице-короля Неаполя Шарля де Ланнуа и его помощника ди Пескара. Вместе они решили направиться к Павии, чтобы деблокировать город.

Имперские военачальники надеялись отвлечь Франциска от Павии, угрожая его коммуникациям, но Франциск продолжал осаду. При приближении противника он занял позицию вдоль ручья, или маленькой речушки, Вернакула и быстро усилил его земляными фортификациями и артиллерией. Эти полевые укрепления тянулись вдоль ручья от реки Тичино на север до стены парка Мирабелла большого охотничьего заповедника в трех милях к северу от города. Де Ланнуа вывел войска на противоположный берег Вернакула и, в свою очередь, также приказал воздвигнуть полевые укрепления.

На протяжении трех недель обе армии вели артиллерийские перестрелки, не приносившие выигрыша ни одной из сторон. Ни одна из армий не пыталась перейти в решительную атаку. Командиры каждого из противоборствующих войск надеялись, что противник будет ослаблен какими-то иными негативными факторами. В имперском лагере многие ландскнехты по многу месяцев не получали жалованья, и существовала реальная опасность мятежа или повального дезертирства. У французов главная опасность исходила от многочисленных болезней, вызванных долгой зимней осадой. Но 17 февраля до де Ланнуа дошли вести, которые сильно изменили обстановку. Во-первых, Джованни де Медичи получил рану во время вылазки и, что называется, вышел из строя, объявленный соответственно *hors de combat*. Без влиятельного командира, способного держать их в узде, наемники из «черных шаек» разбежались, уменьшив армию Франциска почти на 2000 чел. Другая новость воодушевляла противника французов еще больше: 6000 швейцарцев из Грисона покинули нанимателя, отозванные в связи с тревожной обстановкой на их собственной границе. Так армия Франциска безо всякого боевого столкновения потеряла 8000 чел. и сократилась до 1300 жандармов, 4500 ландскнехтов, включая пользующийся дурной репутацией Черный легион, остававшийся на службе у французов с Равенны (т.е. с 1512 г.. — *Прим. ред.*), 5000 швейцарцев и 9000 французских и итальянских солдат.

Неожиданный подарок судьбы в виде такого заметного численного ослабления французов и растущее недовольство в рядах собственных войск подвигли де Ланнуа на внезапную атаку в ночь с 23 на 24 февраля. Двигаясь на север вдоль ручья Вернакула под покровом темноты, он нашел подходящее место для брода и переправился на французскую сторону. Затем он поделил свои войска на пять отрядов пехоты при поддержке двух небольших подразделений кавалерии. Имперская артиллерия начала бомбардировку для прикрытия передвижений армии, а часть пехоты осталась на укреплениях, так сказать, для отвода глаз. Около 2000 итальянских «первопроходцев» принялись разбирать северо-восточную часть стены, ограждавшей парк Мирабелла и прикрывавшей французский лагерь с северной стороны. Стену удалось разрушить, и просочившиеся имперские войска начали строиться в боевые порядки.

На полотне, изображающем битву при Павии, разгоревшуюся в 1525 г., показаны имперские силы, разворачивающиеся в боевые порядки после пробивания бреши в стене парка Мирабелла. Хорошо видны отряды имперской пехоты и кавалерии.

Однако при наличии на территории герцогского охотничьего парка большого количества кустарника и живых изгородей задача развертывания привычного строя оказалась невыполнимой. Слева находился «дивизион» маркиза дель Васто, насчитывавший в своем составе приблизительно 1500 испанских и итальянских аркебузиров и мушкетеров плюс 200 легких конников. Следующее подразделение под командованием ди Пескара состояло из испанских пехотинцев. Третье соединение включало в себя основные силы ландскнехтов под командованием Ланнуа, прикрытых с флангов двумя небольшими отрядами кавалерии. Далее следовал Бурбон со своими собственными ландскнехтами. Замыкал строй арьергард, сколоченный из испанской и итальянской пехоты. Дождь и туман помогли имперскому войску достигнуть почти полной внезапности. Сопротивление оказал лишь небольшой отряд итальянцев, легко сметенный с пути атакующими.

Франциск понял, что противник не только прорвал строй его войск, но и находится внутри их расположений. Положение осложнялось еще и тем, что французам приходилось растягивать силы вдоль линии фронта, обращая их в сторону Павии и в сторону Вернакула. Ситуацию усугубляли и действия имперских войск, сделавших вылазку из города (де Лейба получил сообщение о предполагаемой атаке за день до этого от гонца, проскользнувшего через французский фронт). Для контратаки наиболее подходили части, дислоцированные недалеко от королевской ставки. Они состояли в основном из жандармов и небольшого артиллерийского резерва. Формирования эти поспешили на помощь туда, где находились швейцарские копейщики и ландскнехты, в составе которых действовал и Черный легион. Франциск повел вперед жандармов, а развернутая артиллерия начала обстрел имперского арьергарда. Части его сильно пострадали от французских орудий и подверглись разгрому жандармами. Затем Франциск развернул наступление поперек фронта своей артиллерии и ударил на отряды имперской кавалерии, успешно рассеяв их и уничтожив их командира. Далее Франциск попытался атаковать колонны имперской пехоты, но не сумел пробиться через порядки вооруженных пиками ландскнехтов в центре. Великолепная французская тяжелая кавалерия могла опрокинуть любого противника в поле, но оказалась не в состоянии одолеть копейщиков без посторонней помощи, а Франциску не удалось организовать необходимую поддержку, и поэтому остановленные копейщиками жандармы утратили слаженность действий, порядок и пришли в полное замешательство.

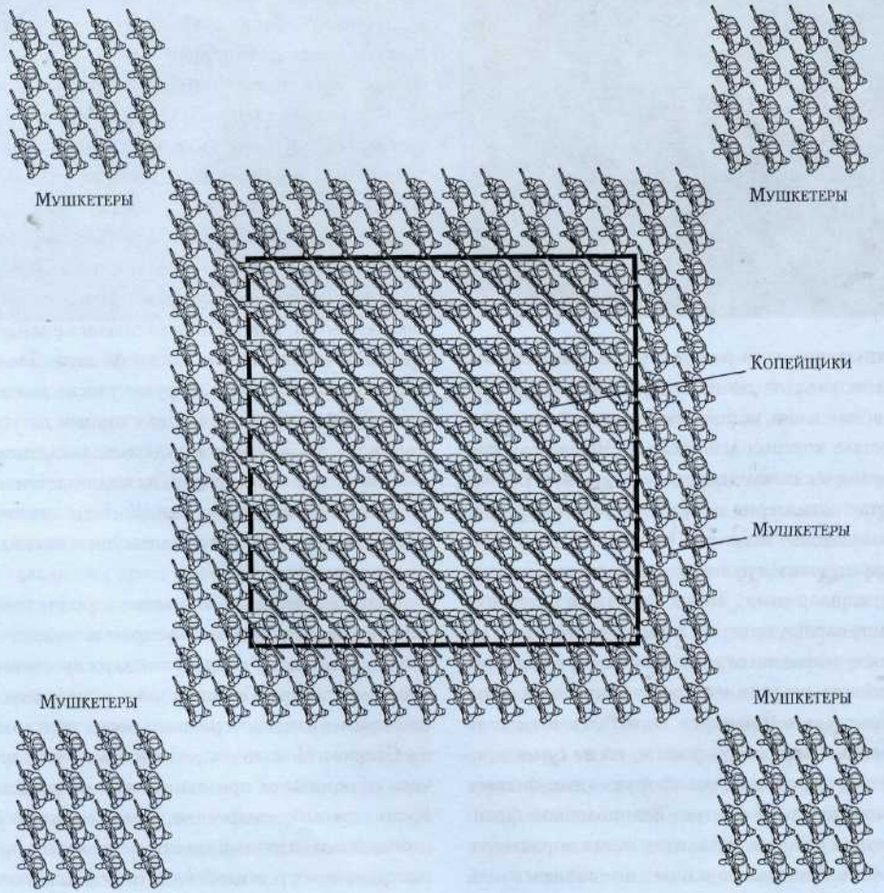
Тем временем две колонны пехоты — швейцарцы и состоявшие на французской службе ландскнехты — присоединились к атаке. Швейцарцы двинулись было в направлении аркебузиров и мушкетеров дель Васто, но, похоже, уроки Бикокки и Сесии сказали свое слово, заставив легендарно дерзких швейцарцев сбавить пыл. Они сблизились с солдатами дель Васто, но не довели атаку до конца. Аркебузиры и мушкетеры использовали любые доступные укрытия охотничьего парка, а при приближении швейцарцев быстро отходили, не переставая вести огонь и нанося урон врагу. Швейцарцы уразумели, что пехота с огнестрельным оружием является опасным противником и, не желая нести такие же тяжелые потери, как в предыдущих сражениях, вышли из боевого соприкосновения с противником после короткой стычки с испанцами ди Пескара на пиках. На французском правом фланге ландскнехты и Черный легион сошлись с ландскнехтами из подразделения де Ланнуа. Завязалась жестокая схватка, французские ландскнехты держались в ней очень хорошо до тех пор, пока им во фланг не ударили ландскнехты Георга фон Фрундсберга из подразделения Бурбона. Французские ландскнехты стояли насмерть и в итоге подверглись уничтожению в рукопашной схватке.

Отход швейцарской колонны открыл испанским и итальянским аркебузирам и мушкетерам возможность оказать поддержку своим войскам в центре. Они повторили прием, который применили годом раньше в ходе «разгрома на Сесии». Похоже, подобная тактика получила официальное признание, ибо, по словам хронистов-современников, «они сражались небольшими отрядами по всему полю боя, не выстраиваясь в ровные боевые порядки, в соот-

ветствии с наработанным опытом и новыми предписаниями ди Пескара». Используя все имеющиеся укрытия, они расстреливали французских жандармов, как в тире. Растерянные французские кавалеристы оказались неспособны атаковать среди кустов и изгородей и очутились в еще более сложном положении, встретив на своем пути плотные построения имперских копейщиков, которые пресекали любые попытки маневра или отхода. Огнестрельное оружие нанесло французской коннице тяжелый урон. И аркебузы, и мушкеты легко пробивали доспехи с небольшого расстояния. Сам Франциск — лишенный коня и раненый — вскоре оказался в кольце врагов. Короля чуть не убил испанский пехотинец, но на помощь разгромленному и поверженному монарху пришел французский рыцарь — один из тех, кто последовал в изгнание за Шарлем Бурбоном.

Сражение при Павии представляет собой демонстрацию возможностей зарождающейся тактики «стреляй — коли», пока еще использованной не массово, но действующей уже весьма эффективно. Также оно отражает эволюцию в использовании огнестрельного оружия, которое помимо чисто оборонительных функций приобрело и наступательные. Но комплексной тактической системы, позволявшей бы копейщикам и пехоте с огнестрельным оружием действовать в тесном взаимодействии, еще не существовало.

Дальнейшее развитие квадрата из копейщиков, окруженного стрелками и действующего при поддержке стрелковых «выступов» по четырем углам построения, позволяло сосредоточить достаточную для отражения противника огневую мощь на любом направлении. Однако построение это являлось в основном оборонительным, поскольку при движении возникали значительные трудности с сохранением его целостности.

Голландские реформы

В 1568 г. голландцы начали долгую борьбу за независимость от Испании, которая с перерывами продолжалась 80 лет. Трудности, вставшие перед молодой голландской республикой, сыграли важную роль в военных реформах, проводившихся там в последующие несколько десятилетий. Основными задачами преобразований служили организация пехоты, выучка ее и выработка действенной тактики против сильного и опасного врага. Надо заметить, что ведение войны у голландцев в большей степени выражалось в ведении осад, чем в открытых столкновениях с противником в поле.

Имя графа Мориса фон Нассау (1567—1625) наиболее часто упоминается в связи с голландским реформаторским движением. Сын Вилема (или Вильгельма, как принято у нас. — *Прим. ред.*) Молчаливого — лидера голландского восстания, — в 1584 г., в возрасте всего 17 лет, Морис (или, на нидерландский манер, Маурицц. — *Прим. ред.*) стал *стадхаудером* (нидерландское: *stadhouder*. — *Прим. ред.*) Голландии и Зеландии. В 1590 г. его назначили главнокомандующим всех голландских войск, и у него появилась возможность провести реформы.

Как многие военные того времени, Морис фон Нассау пытался подражать античным полководцам и брал за основу их армии, в частности римскую. Граф Морис изучал древние военные трактаты, в частности Вегеция (или Вегетия; несколько подробнее на стр. 134. — *Прим. ред.*) и «Тактику» византийского императора Льва (базилевса Льва VI, правившего в 886—912 гг.. — *Прим. ред.*), а также работы современников, таких, как философ Юст Липс (может встретиться латинский вариант Юстус Липсиус, *Justus Lipsius*. — *Прим. ред.*). Граф Морис придерживался твердого убеждения в том, что необходимо делать главный упор на постоянную армию, дисциплину и выучку. Но в контексте классической военной науки он также видел важность более эффективного применения постоянно совершенствующегося огнестрельного оружия.

Главным достижением графа Мориса можно назвать создание армии, действующей на регулярной основе. До сих пор армия состояла большей частью из иностранцев, служивших за деньги. Одни являлись наемниками в традиционном смысле, другие являлись частями иностранных армий, посланными своими монархами на службу в Голландию за голландский счет (особенно много находилось там англичан). Например, в 1603 г. голландская армия состояла из 132 рот. Из них 43 были английскими, 32 французскими, 20 шотландскими, 11 валлонскими, 9 немецкими и всего лишь 17 собственно голландскими. Такое преобладание иностранцев обусловливалось сравнительно небольшим населением Голландии при постоянной необходимости для ее властей на протяжении почти 80 лет держать армию в боевой готовности. Граф Морис пришел к выводу, что содержание этих рот круглый год, без обычных увольнений в так называемый мертвый сезон или же по окончании военной кампании, со временем превратит голландскую армию в весьма боеспособную силу.

Содержание регулярной армии также позволило графу Морису ввести новые стандарты обучения и тренировки. В этом ему помогали кузены — Вильгельм Людовик и Иоганн — графы Нассау. Под наблюдением Мориса и его братьев произошла стандартизация обучения и вооружения с тем, чтобы заставить все войска на голландской службе действовать одинаково, независимо от своего происхождения. Были регламентированы длина пики, защитное вооружение копейщика, а также длина и калибр стрелкового оружия. Но, наверно, не менее важной следует считать кодификацию приемов обучения в так называемом «Голландском уставе», который упорядочил формулировки строевых команд и приемы обращения с оружием — как с пиками, так и с аркебузами и мушкетами. В 1607 г. Якоб де Гейн опубликовал книгу «Вапенханделинге» (*Wapenhandelinghe* — букв. «обращение с оружием». — *Прим. ред.*) — полное руководство по применению копья, аркебузы и мушкета с 116 иллюстрациями, комментариями и сводом соответствующих команд.

Также граф Морис видоизменил организацию и тактику голландской пехоты. И тут он снова обратился в качестве источника вдохновения к древним. Он надеялся воспроизвести маневренность римского легиона путем

создания отрядов, подобных когортам, взамен больших и неповоротливых полков и терсиос, существовавших в то время. С этой целью он реорганизовал каждый голландский полк в два или больше батальона. Каждый батальон теоретически состоял из 550 чел., так же как и когорта в *antique legio* (древнем легионе), из которых 250 приходилось на копейщиков, а 300 на солдат с огнестрельным оружием — аркебузиров или мушкетеров. Из этих трехсот 60 чел. составляли линию так называемых застрельщиков. Из копейщиков строился центр батальона с аркебузирами и мушкетерами на флангах.

Несмотря на то что в таких отрядах было меньше рядов, чем в более ранних формированиях и в терсиос, в строю копейщиков насчитывалось от пяти до десяти шеренг, а стрелки строились в 8 или более (до 12 шеренг) в глубину. Стрелков обучали вести огонь попеременно на контрмарше — прием, подсказанный древними. При таком построении между колоннами стрелков образовывалось достаточно пространства для прохода. Первые стрелки производили залп, затем разворачивались и двигались по «коридору», чтобы занять место в хвосте колонны. По пути стрелкам предписывалось приступить к перезарядке ружья. Далее стрелял второй ряд, потом третий и т.д. К тому времени как первые стрелки возвращались на первоначальную позицию, они успевали изготовиться к новому выстрелу, после чего давали залп и повторяли всю процедуру снова.

Такой прием требовал высочайшей выучки и слаженности действий солдат, но позволял поддерживать постоянную плотность огня. В случае угрозы со стороны кавалерии аркебузиры и мушкетеры скрывались за копейщиками, не нарушая строя. На поле битвы голландцы обычно строили батальоны в три линии уступами, напоминавшими шахматную доску, чтобы один батальон всегда мог оказать поддержку другому. Подобное построение удивительно напоминает *acies triplex* («триединое» построение) римского легиона, выстраиваемого похожим образом.

Граф Морис заложил основу строительства армии нового времени, строившейся на необходимости постоянных упражнений и высокой дисциплины. Он также разработал систему тактических приемов, которые позволили копейщикам и стрелкам действовать как единое целое. По иронии судьбы, за два десятилетия конфликта с Испанией Морису фон Нассау только дважды удалось вывести армию на поле боя в открытом сражении (оба раза он победил), зато пришлось принять участие в 29 осадах.

Тридцатилетняя война — шведский синтез

Система, начало которой положил Морис фон Нассау с его реформами, достигла почти полного совершенства в шведской армии Густава Адольфа во время Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.). При Густаве Адольфе регулярная армия шведов из меньших по численности и обладавших большей степенью подвижности отрядов, построенная на основе строгой выучки и железной дисциплины (а в шведском случае усиленной еще религиозным рвением) и голландских тактических приемов, превратилась в грозную силу семнадцатого столетия.

Как военный Густав Адольф, несомненно, находился под влиянием голландских реформаторов. В 1601 г. его отец, Карл IX, контактировал с кузеном Мориса фон Нассау, Иоганном, желая применить голландскую систему в Швеции, и пригласил для юного Густава Адольфа голландского наставника, Йохана Скейтта, который познакомил его с трудами по военному делу как античных, так и современных голландских авторов. Позже король получал персональные консультации от голландского командующего, а в 1620 г. встречался с Иоганном фон Нассау.

Будучи королем Швеции, Густав Адольф имел возможность не просто перенять голландскую систему, но и значительно усовершенствовать ее в соответствии со своими потребностями. Самым важным нововведением можно назвать наращивание огневой мощи войск в наступлении, а не только в обороне.

По приказу короля мушкеты шведских солдат стали делаться более короткими и легкими, что повысило подвижность и позволило ускорить процесс заряжания. Густав Адольф еще более усилил огневую мощь пехоты, придав непосредственно пехотным частям легкие и довольно подвижные артиллерийские орудия. Пушки эти, стрелявшие трехфунтовыми ядрами, могли передвигаться вместе с пехотой, а с введением унитарных боеприпасов (не в современном смысле слова, конечно, поскольку стрелки все равно применяли раздельное заряжание. — *Прим. ред.*) заметно увеличили наступательную способность подразделений. Шведское войско семнадцатого века, как и ранее, комплектовалось за счет призывников: один из десяти крестьян обязывался служить в армии. Из них на местах формировался «земельный», или провинциальный, полк, ландсрегемент (*Landsregement*), каждый из которых, в свою очередь, должен был предоставить три полевых полка для действующей армии. Такие

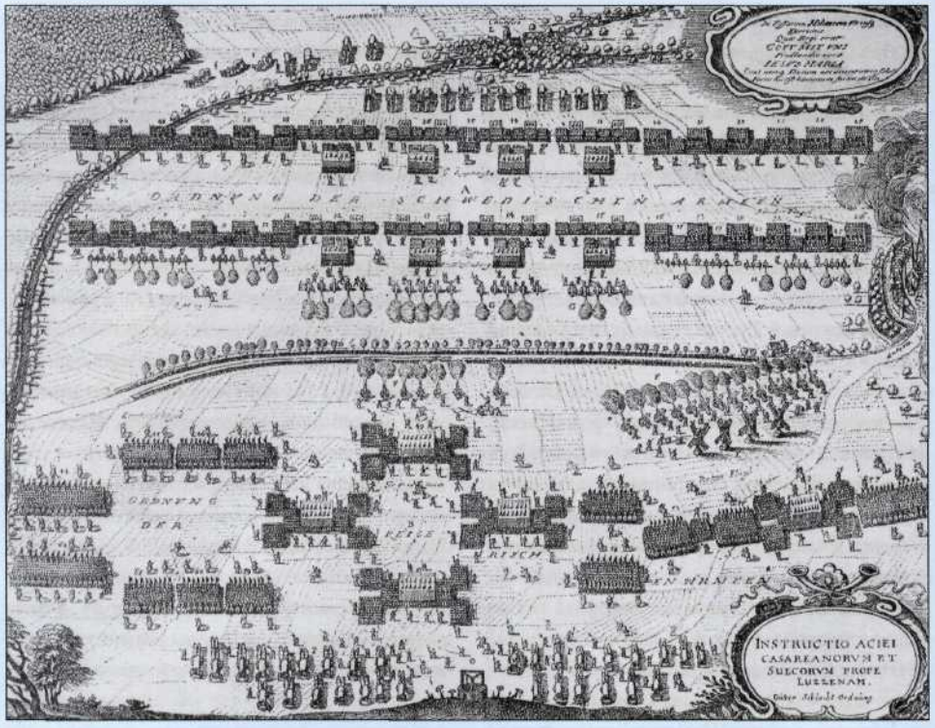
Иллюстрированное наставление 17-го века показывает различные приемы обращения с пикой. На втором рисунке справа изображено «толкание пики», а на последнем положение, предписываемое для противодействия кавалерии. Появление таких уставов имело большое значение для стандартизации приемов боя все более разрастающихся регулярных армий того времени.

Густав Адольф погиб в битве под Лютценом в 1632 г. Шведские позиции изображены в верхней части рисунка, а имперские — в нижней. Линейное построение шведов заметно отличается от более глубокого, напоминающего порядки терсиос, построения имперской пехоты.

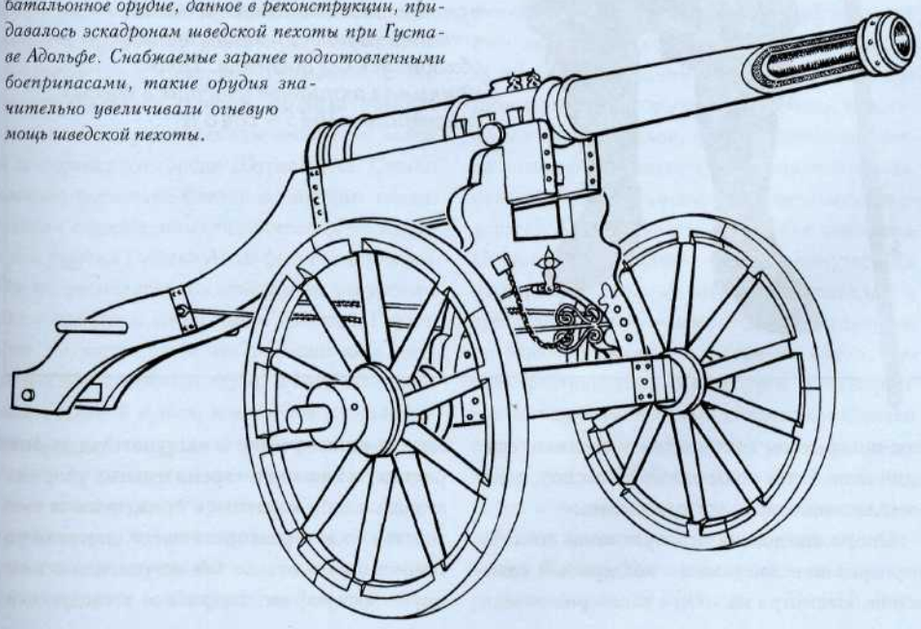
полевые полки делились на восемь рот, но по примеру голландцев бились в более мелких формациях, называемых эскадронами (аналогично голландским батальонам). (Автор имел в виду введение промежуточного деления полков, роты которых действовали в батальонах. Вообще же терминология в разное время и в разных странах бывала различной, что приводит к путанице и к тому, что может показаться, будто батальон получается меньше роты, а полк состоит из трех полков; хотя слово *regiment/regement* переводится именно как «полк», резонней, видимо, понимать под такими провинциальными полками корпуса или — что еще точнее — дивизии. — *Прим. ред.*) Эскадрон полного состава насчитывал 216 копейщиков, организованных в 12 отделений, или «капральств», по 18 чел. в каждом, и 288 мушкетеров в 12 отделениях по 24 чел. в каждом. Обычной практикой становилось откомандирование четырех отделений мушкетеров для выполнения специальных заданий, часто в целях поддержки шведской кавалерии.

Шведы не могли позволить себе крупную регулярную армию, состоявшую бы целиком из местного населения, и поэтому привлекали наемников, чтобы дополнить за их счет провинциальные полки, или корпуса. Шведские командиры использовали в основном наемников из Германии, имевшей давнюю традицию оказания подобных услуг, и Шотландии. Густав Адольф активно набирал солдат среди шотландцев, причем не только рядовых (около 13 000 за время Тридцатилетней войны), но и офицеров: в число привлеченных иностранных командиров входило не менее 30 полковников и шести генералов. Все наемники организовывались и обучались согласно шведским правилам, «Шведскому уставу», который вскоре стал копироваться многими европейскими армиями. Так же, как голландцы, шведы содержали национальные части и отряды наемников отмобилизованными круглый год, что давало возможность поддерживать высокий уровень дисциплины. Как одну из важных статей подготовка включала в себя и непременное посещение религиозных служб. Систематическое уклонение от них могло наказываться даже смертной казнью.

На поле боя эскадроны группировались в формирования, известные как бригады. Шведская бригада обычно состояла из трех или четырех эскадронов. Эскадроны разворачивались в две линии, выстроенные в шахматном порядке так, чтобы поддерживать друг друга. Каждой бригаде придавалось по 12 трехфунтовых батальонных пушек, которые, как уже говорилось, обладали сравнительно небольшой массой и могли передвигаться вместе с пехотой, что заметно усиливало огневую мощь бригады. Особенно способствовало увеличению темпов огня введение Густавом Адольфом «унитарных боеприпасов», или подготовленного снаряда (попросту патрона), в деревянных ящиках. Использование заранее отмеренных боеприпасов позволяло легкой артиллерии стрелять быстрее мушкетеров (примерно восемь выстрелов из орудия против шести — из мушкета). Такие бригады стали постоянными формированиями в период Тридцатилетней войны и являли пример высокого уровня сплоченности и кастового духа — *ésprit de corps*. Формирования различались по цветам мундиров, в которые облачались солдаты одного или более подразделений в составе бригады. Так, существовала Синяя бригада, Желтая бригада и Зеленая бригада.

Шведская тактика делала основной упор на огневой потенциал, поэтому шведы образовывали не такой глубокий строй, как голландцы. Стандартное построение эскадрона насчитывало шесть рядов с копейщиками в центре и мушкетерами по флангам. Иногда некоторое количество мушкетеров размещалось на передней линии. При таком построении мушкетеры применяли попеременный огонь. В случаях, если противник оказывался близко, стрелки получали приказ «сдвоить ряды». При этой команде три последних мушкетера выдвигались в промежутки между своей колонной и соседней, изменяя, таким образом, строй с шести шеренг на три одним движением. В этом строю первая шеренга становилась на колено, вторая пригибалась, а третья оставалась стоять в полный рост. По команде стреляли все шеренги, а также и приданные пехоте трехфунтовые пушки, производя опустошительный залп по противнику. Если тот начинал колебаться, терять строй, тогда весь эскадрон продвигался вперед, чтобы сокрушить неприятеля. Если враг стоял твердо, мушкетеры перезаряжали оружие — когда необходимо,

Легкое, выводившееся на позиции вручную батальонное орудие, данное в реконструкции, придавалось эскадронам шведской пехоты при Густаве Адольфе. Снабжаемые заранее подготовленными боеприпасами, такие орудия значительно увеличивали огневую мощь шведской пехоты.

Копейщик Стратбогийского пехотного полка, 1644 г.

Стратбогийский полк сформировал в 1639 г. Джордж Гордон, второй маркиз Хантли, для поддержки дела роялистов. Полк комплектовался за счет южных шотландцев и отличался хорошим вооружением и выучкой. Во время Епископальной войны (в 1639–1640 гг. между Карлом I Английским и шотландцами по причине религиозных разногласий англикан и католиков. — Прим. ред.) полк располагал английским оружием, насчитывал около 600 чел., одна треть которых действовала пиками. Копейщики могли носить доспехи, поскольку поставки из Англии включали в себя «1000 пик с экипировкой и латами». Полк в течение двух месяцев тренировался под пристальным надзором профессиональных военных в замке Стратбоги и считался хорошо обученным. Во второй раз полк собрали в 1644 г. для участия в Гражданской войне (1642–1651 гг.) на стороне роялистов. В целях поддержания единообразия с другими правительственными частями, копейщики полка в этот период обходились без доспехов. Полк принимал активное участие в боевых действиях в 1645–1646 гг.

под прикрытием копейщиков — и давали еще один залп. И так повторялось до тех пор, пока не удавалось сокрушить противника.

Опора шведов на огневую мощь пехоты неразрывно связывалась с поддержкой кавалерии. Несмотря на то что кавалерия видела свое предназначение в наступательных операциях, а именно в стремительных ударных атаках, а не в караколи с применением пистолетов (т.е. в развороте после выстрела по противнику и отходе без вступления с ним врукопашную; см. подробнее в следующей главе. — *Прим. ред.*), она часто размещалась на поле боя вместе с отдельными отрядами мушкетеров. Мушкетеры обеспечивали прикрытие, удерживая противника на расстоянии, пока кавалерия готовилась к атаке.

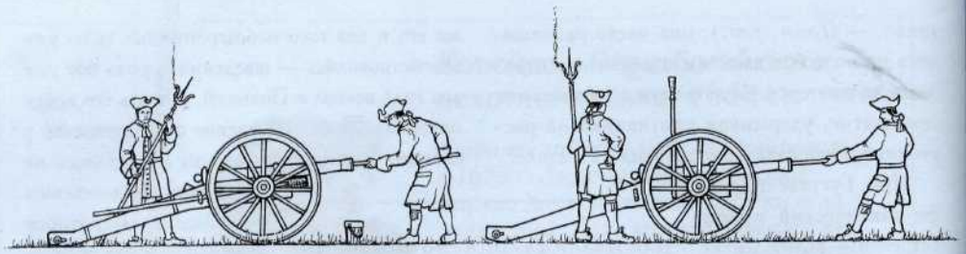
При Густаве Адольфе тактический прием «стреляй — коли» достиг своего расцвета. Король разработал организацию и тактику, которые позволили пехоте играть более заметную роль в наступлении, чем это случалось раньше. Конечно, определенные ограничения сохранялись, поскольку мушкетеры оставались уязвимыми, особенно для кавалерии, будучи застигнутыми с разряженным оружием и/или без поддержки копейщиков. Такое положение начнет меняться с развитием техники на протяжении столетия.

> *«Целесообразность применения легких отрядов в войне очевидна: все знают, что они необходимы для обеспечения безопасности армий, что войско без таких отрядов не сможет противостоять армии, в которой их довольно много...»*
>
> *Йохан Эвальд,*
> «Трактат о партизанской войне»

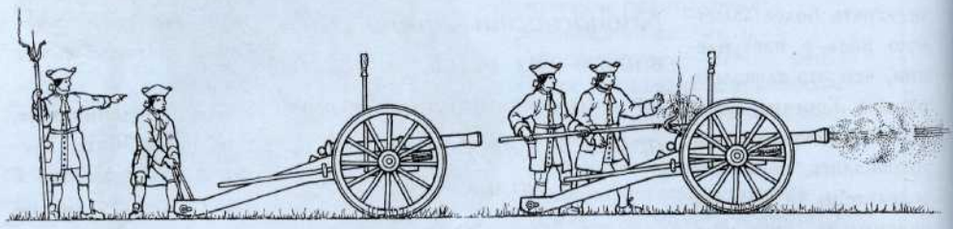
Брайтенфельд, 1631 г. Огневая мощь и маневренность

Густав Адольф вступил в Тридцатилетнюю войну в июне 1628 г. с целью изменить положение и победой прервать череду поражений протестантов в Северной Германии. В его первоначальный замысел входила помощь голландцам в снятии осады имперских войск с померанского города Штральзунд. Существовало несколько факторов, которые накладывали определенные ограничения на масштабы участия Густава Адольфа в предприятии. Он не располагал достаточными ресурсами для создания и содержания войска в Германии. Несмотря на то что он располагал твердым и боеспособным ядром в лице шведской национальной армии, вовлечение в серьезные военные действия на севере Германии потребовало бы от него дополнительной мобилизации в своей стране и привлечения подходящих наемников и контингентов союзников, которых еще предстояло бы подготовить к войне в соответствии со *шведской моделью*. К тому же его и без того небезграничные силы уже задействовались — шведский король вот уже два года воевал с Польшей, и часть его войск находилась там. Шведское вмешательство в события под Штральзундом не осталось не замеченным имперским руководством, которое послало войска в помощь полякам. Густав Адольф, понимая, что ресурсов его для ведения сразу двух кампаний недостаточно, быстро заключил благоприятный мир с Польшей.

Двумя годами позже, в июне 1630 г., Густав Адольф высадил в Померании сравнительно небольшой десант в 14 000 чел. Хотя там и находились значительные по численности имперские войска, они были разбросаны по нескольким гарнизонам, и потому шведам никто не помешал. В следующие полгода Густав Адольф собрал дополнительные силы и довел численность войск до 50 000 чел. Однако и этого не хватало для обеспечения гарнизонами городов и крепостей и наступления против имперских войск. Густав Адольф надеялся получить дополнительно 80 000 чел. к началу военной кампании 1631 г., но северные немцы, часть которых с подозрением относилась к целям шведов, а часть просто не имела возможности подать им военную помощь, оказали Густаву Адольфу минимальную поддержку. Планы шведского короля завоевать Силезию и Саксонию, а затем двинуться на имперскую столицу Вену представлялись довольно несбыточными. В действительности он оказался даже не в состоянии предотвратить разграбление Магдебурга и избиение его жителей имперскими солдатами. Однако скоро шведский король заручился финансовой поддержкой Франции и Бранденбурга, обрел возможность набрать дополнительные войска и привлечь столь необходимых союзников. Густав Адольф получил в свое распоряжение около 10 000 чел. из Гессена-Кас-

На рисунке показана подготовка артиллерийского орудия к стрельбе. Сначала расчет прочищает ствол мокрой губкой (банником), чтобы тлеющая бумага или порох, оставшиеся от предыдущего выстрела, не подожгли заряд раньше времени. Затем расчет помещает порох и ядро в ствол и пробойником плотно трамбует заряд в казенной части ствола.

После этого расчет наводит орудие на цель, используя гандшпуг для возвращения пушки в исходное положение, поскольку откат от предыдущего выстрела бывал значительным.

Наконец орудие готово к выстрелу, который производится путем поднесения запального фитиля на вилкообразном шесте, называемом фитильным пальником.

селя; и в то же время к нему за содействием обратился курфюрст Саксонии, Иоганн Георг, который незадолго до этого потерял Лейпциг. Имперская армия под командованием Иоганна Церклеса фон Тилли захватила город, угрожая в случае сопротивления со стороны жителей поступить с ними так же, как с населением Магдебурга. Густав Адольф согласился помочь Иоганну Георгу, но потребовал от него формального объявления альянса, чем вынудил курфюрста Саксонии открыто примкнуть к антиимперскому лагерю. До этого момента Иоганн Георг тщательно придерживался нейтральной позиции.

Обеспечив союз с курфюрстом, Густав Адольф двинулся на соединение с Иоганном Георгом и его саксонцами. 5 сентября 1631 г. обе армии благополучно соединились в 30 км к северу от Лейпцига. Густав Адольф располагал 24 000 чел. плюс сильный 18-тысячный саксонский контингент. Шведский король не сомневался, что столь крупными объединенными силами он сможет дать бой и победить имперские войска Тилли из 35 000 чел. Командующий проверенной в боях армией Тилли, со своей стороны, не видел повода опасаться шведов. Тем более что, поскольку Саксония до последнего времени сохраняла нейтралитет, Лейпциг и окрестности еще не подверглись разорению, что давало Тилли возможность особо не беспокоиться в отношении снабжения армии.

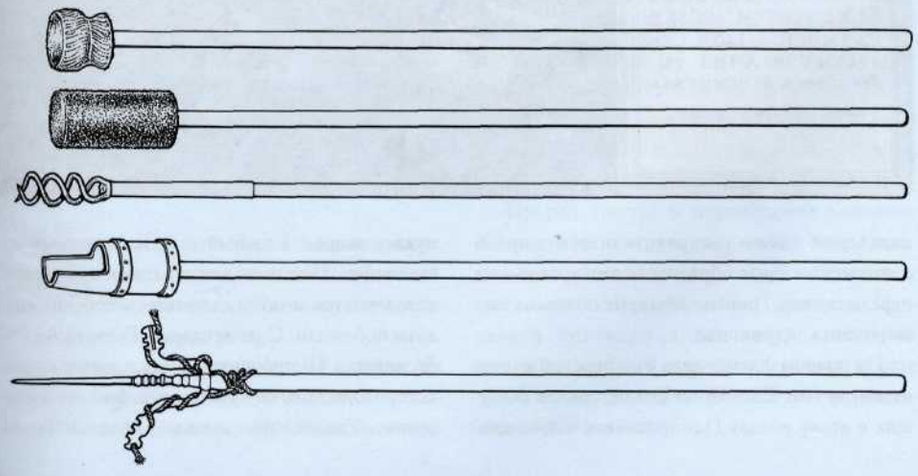
Развертывание

Так как Густав Адольф и Иоганн Георг наступали по направлению к Лейпцигу, Тилли выдвинул свою армию им навстречу и занял горный хребет примерно в восьми километрах к северу от города. Утром 7 сентября две армии вступили в бой. Около 18 терсиос пехоты Тилли расположились на горном хребте в одну линию, составляя центр. Кавалерия также выстроилась единым фронтом на флангах. Дислоцированными на левом крыле примерно 5 тысячами всадников командовал заместитель Тилли, Готфрид Генрих Граф цу Паппенхайм (может встречаться традиционное для нашей транслитерации Паппенгейм/Паппенхейм; слово «граф» в фамилиях немецких аристократов представляет собой часть имени, потому должно писаться с заглавной буквы. — *Прим. ред.*). Кавалерией на правом фланге командовал сам Тилли. Замысел состоял в том, чтобы скоординированными кавалерийскими атаками на фланги противника отбросить его назад и затем взять шведский центр в клещи двойным охватом.

Густав Адольф расположил войска двумя основными боевыми линиями, позади каждой из которых находился резерв. Первая линия располагала довольно значительным резервом, у второй же он состоял из двух небольших кавалерийских отрядов. Перед шведским центром располагались 12 тяжелых артиллерийских орудий. Еще 43 легких полевых орудия и трехфунтовые батальонные пушки были разбросаны между отрядами пехоты. Большая часть шведской кавалерии дислоцировалась справа напротив кавалеристов Паппенхайма, кроме того, несколько отрядов прикрывали левый фланг шведской пехоты. Шведская кавалерия располагала также отрядами пеших мушкетеров по 200 чел. в каждом, помещенными между отдельными подразделениями. Левый фланг объединенной армии занимали саксонцы, сформированные в большие полки наподобие имперских с частями собственной кавалерии в роли поддержки. Густав Адольф начал сражение артиллерией с тем, чтобы затем действовать по обстоятельствам, в зависимости от того, как будет развиваться сражение дальше. Последовавшая артиллерийская дуэль принесла успех шведам. Они не только располагали большим количеством пушек, но и заранее подготовленными боеприпасами, обеспечивавшими больший темп огня, чем у имперской артиллерии. Шведская канонада достигла определенного эффекта — ядра, сыпавшиеся на кавалерию Паппенхайма, спровоцировали его к попытке уйти из зоны поражения, выдвинуться вперед и схватиться с кавалерией противника. Поскольку это выдвижение носило неожиданный характер, Тилли не отдал приказа своей кавалерии к одновременному выступлению, и поэтому Паппенхайм атаковал совершенно без поддержки.

Кавалерия Паппенхайма атаковала шведскую не путем сшибки и вступления в рукопашный бой, а применяя караколь — приближение к противнику на дистанцию пистолетного огня, выстрел и возвращение в свои порядки для перезаряжания с последующим повторением процедуры (концепция, во многом схожая с попеременным огнем пехоты). Однако такая тактика не давала эффекта против шведов, имевших отряды мушкетеров среди кавалерийских подразделений. Они причинили серьезный урон имперской кавалерии, потому что огонь их залпов отличался большей сосредоточенностью, а само по себе оружие превосходило пистоль (или пистолет) дальнобойностью и пробиваемостью. В ответ Паппенхайм попытался растянуть свой фронт, чтобы обойти шведов с фланга, но шведская

Инструменты орудийного расчета: (сверху вниз) пробойник для помещения ядра в ствол, банник для очистки ствола от тлеющих ошметков после предыдущего выстрела, приспособление для удаления остатков бумаги из ствола, совок для пороха, пальник с запальным фитилем, который подносится к отверстию в казенной части ствола для воспламенения пороха.

На этой иллюстрации, изображающей сражение при Брайтенфельде (вероятен «классический» вариант Брейтенфельд. — Прим. ред.) в 17-м веке, виден беспорядочный характер действий пехоты, вовлеченной в ближний бой. Огромные клубы дыма от черного пороха плывут над полем сражения, затрудняя видимость и осложняя руководство боем и взаимодействие частей.

кавалерия также рассредоточилась шире и соответствующим образом отреагировала на передвижения Паппенхайма, не позволив ему выполнить задуманное.

На правом фланге дела у имперской армии пошли лучше. Кавалерия Тилли, увидев скачущих в атаку солдат Паппенхайма, также двинулась вперед. Главный удар их пришелся на саксонцев. Под напором опытных имперских кавалеристов необстрелянные саксонские солдаты побежали. Одним ударом Густава Адольфа лишили 40 процентов войска, целое крыло которого оказалось просто сметено с поля сражения. Увидев происходящее, солдаты Тилли закричали: «Победа!» Если бы имперская кавалерия сумела потеснить шведский левый фланг при поддержке своей пехоты, шведскую армию ожидал бы разгром.

К счастью для Густава Адольфа, характер развертывания и отличная выучка его солдат не позволили имперской кавалерии смять левый фланг шведов. Командиром на оставшемся незащищенным после разгрома союзников левом фланге шведов был Густав Хорн, один из наиболее компетентных офицеров Густава Адольфа. Хорн оказался в состоянии использовать высокую дисциплину войск и маневренность небольших формирований для отражения угрозы противника. Также Хорн сумел подтянуть резерв, поскольку боевые порядки шведов состояли более чем из одной линии. Быстрота, с которой он осуществил маневр, позволила ему оказаться в атакующей позиции раньше, чем имперский противник смог эффективно перегруппироваться после быстрого бегства саксонцев. Со свежими силами из резерва и другими отрядами на переднем крае шведы начали теснить имперские войска дружными залпами.

К этому времени сражение длилось уже около пяти часов. На шведском правом фланге Густав Адольф принял командование на себя, и в конце концов королю удалось отбросить кавалерию Паппенхайма. Демонстрируя прозорливость и талант великого полководца, Густав Адольф, бросив *coup d'oeil* — «орлиный взгляд» — на поле, тут же понял, что пришло время атаковать. Во главе нескольких отрядов всадников он повел не связанный в данный момент боем шведский правый фланг на имперский центр. Поскольку многие части отошли оттуда для оказания поддержки на других участках, Густав Адольф прорвал центр противника и захватил вражеские пушки, которые тут же направил на прежних хозяев.

Прорыв центра и привлечение дополнительного артиллерийского огня в конце концов способствовали перелому ситуации и заставили имперское войско дрогнуть. Преследуя противника, шведская кавалерия уничтожила 7600 вражеских солдат, а еще 6000 захватила в плен. Потери шведов составили 2000 чел.

Мушкетер пехотного полка под командованием полковника Чарльза Эссекса, 1642 г.

Здесь изображен типичный мушкетер времен Гражданской войны в Англии. Он вооружен большим и тяжелым мушкетом с фитильным замком. Оружие это отличалось такой значительной массой, неуклюжестью и неповоротливостью, что для прицеливания требовался упор в виде вилки (сошка), который солдат держит в левой руке. На мушкетере надет бандольер — патронташ с деревянными футлярами, патронами, содержащими порох и пулю. Обычно в патронташе имелось 12 таких емкостей, и поэтому он назывался «12 апостолов». На конце патронташа подвешивалась бухта фитиля, который использовался для стрельбы из ружья. У солдата нет ни шлема, ни доспехов. В доспехи облачались только копейщики, но даже они с течением времени от них отказались.

Сражение при Брайтенфельде показало превосходство «шведского синтеза», комбинации огневой и ударной мощи с высочайшей дисциплиной и организационной гибкостью, каковые факторы работали с умноженной силой, поскольку во главе войска стоял опытный и инициативный командир. По мере течения Тридцатилетней войны многие армии, включая имперскую, начали копировать новую модель, применяя небольшие и подвижные части, такие, как голландские батальоны или шведские эскадроны.

Появление линейной тактики, 1660–1715 гг.

Голландская тактическая система и опыт Тридцатилетней войны дали толчок военной мысли к разработке того «тренда», который выльется в линейную тактику восемнадцатого столетия. Применение небольших батальонов, развертывание их в обеспечивающие взаимное прикрытие друг друга линии и применение шведской техники залпового огня несколькими шеренгами одновременно, стали отличительными чертами приемов ведения войны в восемнадцатом веке. Хотя все эти наработки легли в основу позднейших тактических приемов, вторая половина семнадцатого столетия стала свидетельницей перемен, имевших ключевое значение для европейских армий. Некоторые из этих подвижек относились к области техники и носили скорее эволюционный, чем революционный характер. Другие перемены можно назвать более институциональными по сути, отражавшими поступательный рост государственного авторитета в начале периода Нового времени в истории Европы. Сойдясь вместе, эти технические и институциональные трансформации не только подготовили условия для серьезных династических конфликтов, сценой для которых послужила Европа, но и позволили европейцам продемонстрировать свою военную силу в других частях света.

Результатом одного из уроков, полученных в течение семнадцатого века военными, стало осознание сокрушительного эффекта огнестрельного оружия на поле битвы. Уменьшение массы мушкета, уплотнение рядов стреляющих, позволившее ввести в действие больше ружей одновременно, и залповый огонь несколькими шеренгами сразу дали толчок к увеличению числа мушкетеров в подразделениях. В пятнадцатом-шестнадцатом веках в испанских терсиос насчитывалось по три или четыре копейщика на одного мушкетера, но к середине семнадцатого столетия пропорция выровнялась и составляла примерно одного копейщика на одного мушкетера. В шведских эскадронах уже действовало по четыре мушкетера на трех копейщиков, хотя часть мушкетеров формировалась в отдельные отряды.

К последней четверти семнадцатого века соотношение мушкетов и пик в формированиях инфантерии изменилось коренным образом. В большинстве батальонов большинства стран в тот период количество копейщиков упало до одной пятой или одной шестой от общего числа личного состава подразделения. Хотя такое перераспределение обеспечивало серьезное увеличение огневой мощи, оставались еще нерешенные проблемы, к тому же далеко не все выражали согласие с тем, что будущее за огнестрельным оружием, некоторые выступа-

Артиллерийское орудие 18-го века в походном положении. В это время пушки стали легче и подвижнее по сравнению с предыдущим столетием. Также на рисунке изображены основные виды боеприпасов (слева направо): картечь, крупная картечь и ядро. Первые два применялись на близких дистанциях, засыпая противника большим количеством ружейных пуль. Ядра применялись на более дальних дистанциях.

Битва при Брайтенфельде

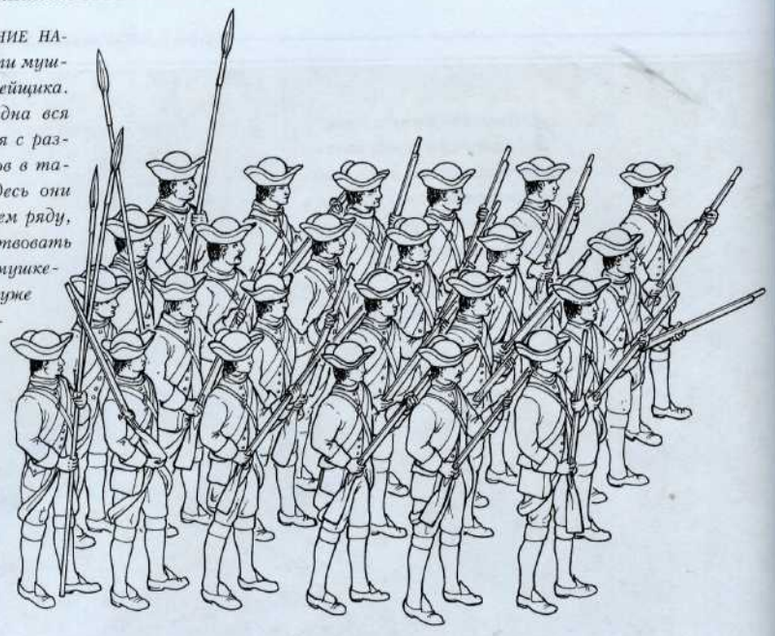
1631 г.

Выступая с войском против неприятельских сил, занявших Лейпциг, Густав Адольф столкнулся с имперской армией под командованием графа Тилли. Имперские войска дислоцировались вдоль холмистой гряды и имели сильные кавалерийские фланги. Густав Адольф построил шведские войска в две линии, каждая с небольшим резервом. По левому крылу шведского строя расположились саксонские союзники. Сражение началось с артиллерийской дуэли, в которой более скорострельные и многочисленные шведские пушки пользовались преимуществом. Затем вперед бросилась имперская кавалерия — сначала на левом фланге, потом и на правом. На левом фланге атаку конницы остановили шведские всадники при поддержке мушкетеров, но на правом ей удалось потеснить и опрокинуть саксонцев. К счастью для шведского короля, дисциплина и маневренность небольших шведских отрядов позволили им закрыть брешь на левом фланге и атаковать справа имперский центр, что привело к полному разгрому имперской армии.

Заключив союз с курфюрстом Саксонии, шведский король Густав Адольф повел войска Швеции и Саксонии к Лейпцигу, чтобы освободить город от занимавших его войск императора. Имперская армия под началом фон Тилли вышла из Лейпцига, чтобы встретить противника у Брайтенфельда.

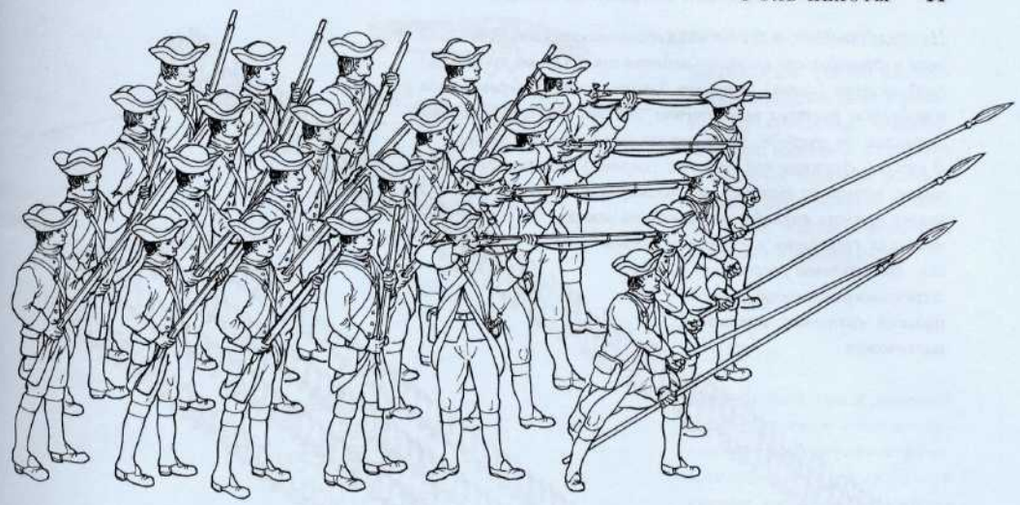
Пехотное построение начала 17-го века из пяти мушкетеров на одного копейщика. На рисунке ясно видна вся сложность, связанная с размещением копейщиков в таком построении. Здесь они находятся в последнем ряду, что позволяет задействовать максимальное число мушкетеров, но копейщики уже не способны обеспечить им адекватную защиту.

ли за возвращение пик. Так, довольно успешный полководец Раймондо Монтекукколи в 1674 г. продолжал называть пику «королевой пешего войска».

Одной из главных проблем, связанных с увеличением числа мушкетеров, становилась защита их от кавалерии противника во время перезаряжания оружия. Как же расположить небольшое число копейщиков, чтобы обеспечить прикрытие превосходящему количеству мушкетеров? Например, французский батальон конца семнадцатого века, состоявший из 650 чел., обычно выстраивался пятью шеренгами в глубину. Из этого числа 120 чел. приходилось на копейщиков, 480 — на мушкетеров и 50 — на гренадеров (бойцов элитной пехоты, вооруженной ручными гранатами и мушкетами, часто использовавшихся для взятия фортификационных сооружений). При стандартном построении копейщики формировали 24 колонны в центре, мушкетеры в 48 колоннах располагались на флангах, а 10 колонн гренадеров на самом правом крае. Очевидно, что мушкетеры наружных колонн и гренадеры оставались открытыми для атак кавалерии противника и находились слишком далеко, чтобы укрыться за пиками. При большем по сравнению с копейщиками количестве мушкетеров процесс отхода под укрытие за рядами копейщиков — что являлось обычной практикой с пятнадцатого века — для стрелков затруднялся.

Один из альтернативных вариантов, применявшийся французами, известен как «обнесение батальона рогатками». Обнесенный рогатками батальон строился в пять шеренг. Первые две состояли из мушкетеров, в третьей служили копейщики, в четвертой и пятой — снова мушкетеры. Такое построение позволяло первым двум шеренгам мушкетеров стрелять под прикрытием копейщиков. Однако при подобном развертывании наблюдалось два заметных недостатка. Во-первых, половина огневых средств батальона располагалась позади копейщиков и не могла быстро вступить в бой. Во-вторых, расположенные со своим неуклюжим оружием в середине строя копейщики не способствовали сохранению боевых порядков, если подразделение пыталось передвигаться.

Предлагался и альтернативный вариант: рассредоточение копейщиков вместо построения плотного ядра в центре: 60 чел. располагались в центре и по 30 на каждом фланге батальона. В их задачу входило обеспечение прикрытия со всех сторон, но результат получался прежним, поскольку копейщиков просто не хватало, чтобы защитить всех стрелков.

Здесь изображено то же построение, что и на рисунке с предыдущей страницы, но копейщики находятся впереди, что позволяет им защитить мушкетеров. Однако при этом более половины мушкетеров не могут стрелять. Такие построения отличались весьма заметной неповоротливостью, поскольку выдвижение копейщиков вперед сопровождалось нарушением строя.

Следующей проблемой становилось достижение эффективности применения пеших мушкетеров, построенных более чем в три шеренги. Стандартная глубина пехотного строя в конце семнадцатого века составляла пять шеренг. Происходило это опять же из соображений необходимости обеспечения защиты стрелковой группе перед лицом атакующей кавалерии противника. Но поскольку все пять шеренг не могли стрелять одновременно, разрабатывались различные альтернативные методы. Одним из них могла служить стрельба шеренгами. При этом первая шеренга делала три шага вперед, стреляла и возвращалась в строй для перезарядки. Тем временем свои три шага вперед делал второй ряд, стрелял и возвращался для перезарядки. За ним следовала третья, четвертая и пятая шеренги. Это означало, что в каждый конкретный момент одна шеренга стреляла, одна перезаряжалась, а три стояли с заряженными ружьями в готовности к стрельбе. Такая система во многом напоминала прежнюю попеременную стрельбу с контрмаршем. Еще одним методом представлялось ведение огня колоннами или отделениями. При стрельбе колоннами две из них, 10 чел., выдвигались вперед, выстраивались в линию, стреляли и сменялись двумя другими линиями. При стрельбе отделениями все происходило точно так же, за исключением того, что в линию выстраивались 4 или 6 колонн (20 или 30 чел.). Подобная система также не давала особого эффекта, и — что хуже — ни одна из них не годилась для наступательных действий.

Две технические инновации, осуществленные в последней четверти семнадцатого века, положили конец эпохе сотрудничества пики и пули, когда одни стреляли, а другие кололи, и возвестили приход эры линейной тактики. Первой следует назвать фузею, или мушкет с кремневым замком, а второй — штык. Кремневый замок появился в середине века или раньше, но долго считался слишком дорогим для массового производства. Он, однако, отличался заметным совершенством по сравнению со старшим родичем, фитильным замком. Главное преимущество состояло в том, что порох поджигался искрой, высекаемой кремнем при ударе по стальному огниву, а не тлеющим фитилем, подносимым к пороху на запальной полочке. Кремневый замок мог похвастаться куда большей надежностью и давал меньше осечек. К тому же при применении ему была свойственна большая безопасность, особенно в определенных обстоятельствах, например вблизи большого количества черного пороха. Неудивительно, что такие ружья первоначаль-

На представленном тут рисунке сравниваются англо-голландская и французская системы ведения огня. По англо-голландской системе (слева) батальон делился на три шеренги, производившие выстрел попеременно. Вторая и третья шеренги стреляли по очереди, пока первая оставалась в резерве. В старой французской системе (справа) огонь велся иначе; произведя выстрел, первая шеренга выдвигалась немного вперед и ложилась на землю, позволяя стрелять следующим шеренгам. Необходимое расстояние между шеренгами в голландской и французской системах сильно различалось.

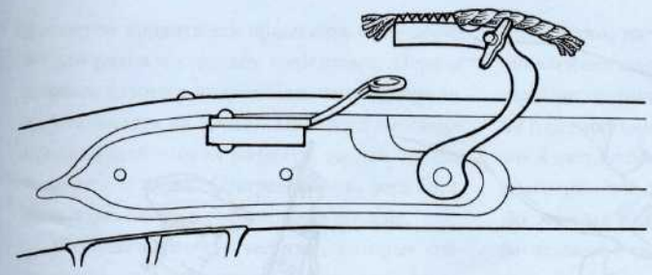
но предназначались для подразделений, охраняющих артиллерийские поезда со значительным скоплением пороха. Солдат с таким оружием часто называли фузилерами. Другими преимуществами кремневого замка являлись его малый вес и простота в обращении.

Внедрение кремневого замка несло с собой снижение количества движений, необходимых для заряжания мушкета, с 44 до 26, что позволило значительно увеличить скорострельность, которая с введением заготовленных патронов из бумаги возросла еще больше. К концу девяностых годов семнадцатого столетия оружие с кремневыми замками широко распространилось во многих армиях Европы и стало стандартным вооружением пехоты на следующие два десятилетия.

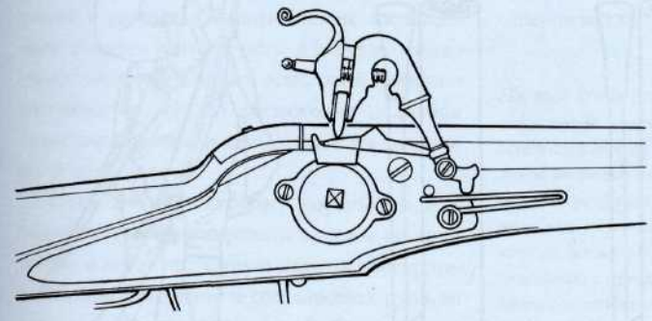
Впервые штык появился в 1647 г. как вынужденная импровизация лишенных поддержки мушкетеров и к семидесятым годам нашел применение в подразделениях фузилеров, а также в элитных и драгунских частях. К середине восьмидесятых штык сделался стандартной частью вооружения. Первые штыки были пробочного типа. Пробочный штык представлял собой обоюдоострый кинжал длиной около тридцати сантиметров и более, насаженный на рукоятку того же диаметра, что и канал ствола мушкета. Рукоятку штыка загоняли в ствол и таким образом закрепляли на мушкете, а точнее, в нем. Подобная техника имела как свои достоинства, так и недостатки. Достоинства очевидны — теперь мушкетер мог защищаться без помощи копейщиков.

К недостаткам относилось то обстоятельство, что присоединение штыка представляло собой непростое и нескорое дело, в этот период времени мушкетер оставался беззащитным, а присоединив штык, уже лишался способности стрелять, сравниваясь по эффективности с копейщиком.

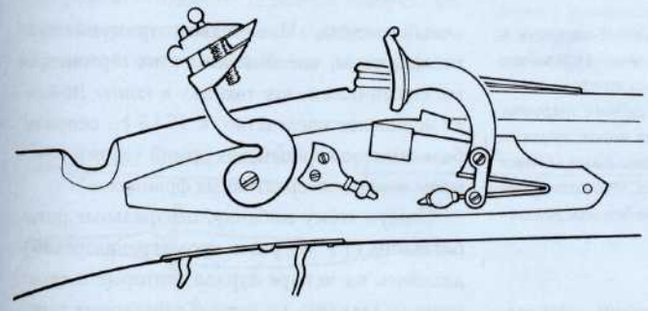
В руках плохо обученных и неопытных солдат штык превращался в обузу и источник неприятностей. Например, в сражении при Килликранки (27 июля 1689 г.) во время якобитского восстания неопытные правительственные солдаты дали залп по наступающим шотландским горцам, не остановили их и оказались не в состоянии вовремя присоединить штыки. Во время последовавшего беспорядочного отступления правительственные войска потеряли 1000 чел. убитыми и 500 пленными, тогда как урон у горцев составил всего 200 чел. 1697 г. стал свидетелем разработки более приемлемого варианта, втулочного штыка, принятого на вооружение британцами и некоторыми германскими армиями. Появление втулочного штыка служило серьезным прорывом

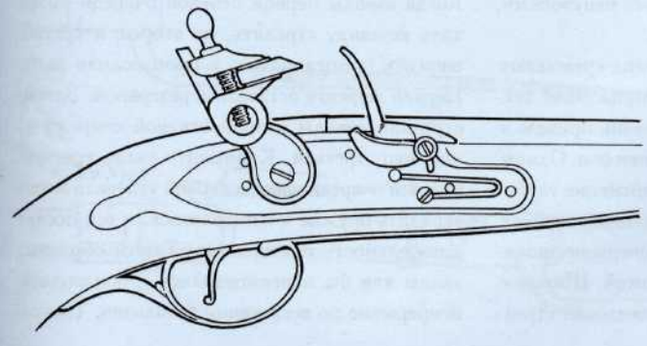
Фитильный замок являлся самым ранним и самым дешевым из запальных механизмов. При нажатии на спусковой крючок горящий фитиль касался затравочного пороха на полке, вызывая вспышку, которая поджигала заряд.

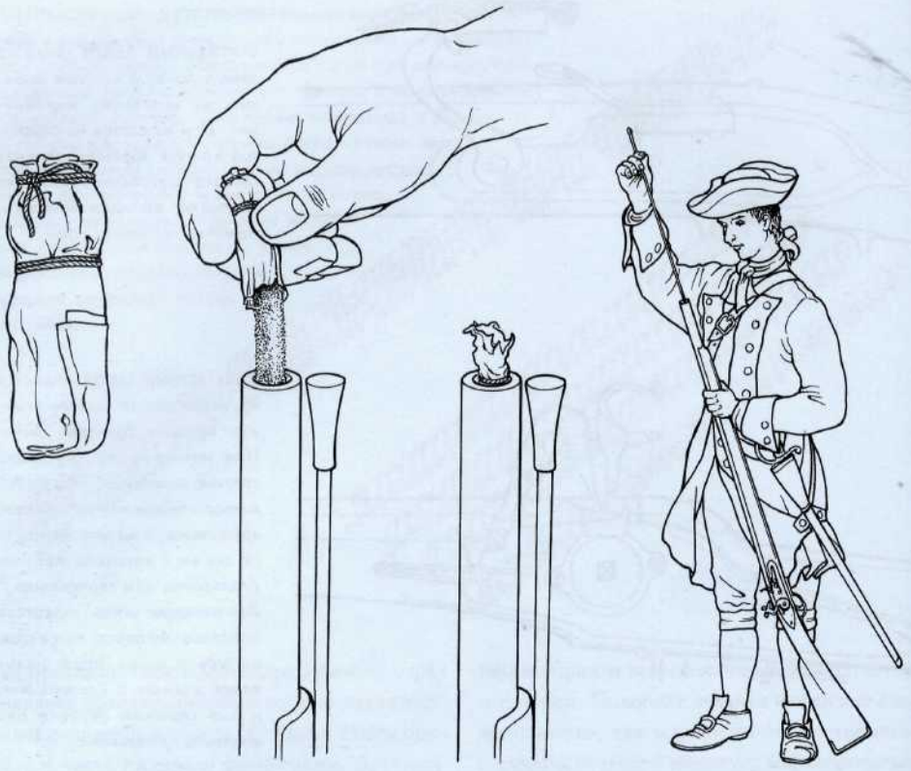
Колесцовый замок появился на европейском огнестрельном оружии довольно рано. При нажатии на спусковой крючок заведенное пружиной металлическое колесо начинало вращаться, а на него опускался зажим с кусочком пирита (колчедана или серпентина). Возникающие искры поджигали затравочный порох, а он в свою очередь — заряд. Замок отличался излишней сложностью и был слишком дорогим для широкого применения.

Простой ударный кремневый замок представлял собой самую раннюю разновидность кремневых замков. При нажатии на спусковой крючок кремень, зажатый в губках курка, ударял по стальной пластине — огниву над полкой, — высекая искру, которая поджигала заряд.

Наиболее удачная конструкция кремневого замка. При нажатии на спусковой крючок зажатый в губках курка кремень ударялся о подпружиненную пластину, закрывавшую полку. При этом пластинка сдвигалась, открывая полочку, одновременно с этим возникала искра, которая поджигала заряд.

Кремневые мушкеты и заготовленные патроны к ним получили широкое распространение в последние десятилетия 17-го века. В бумажном патроне находились порох и пуля. Мушкетер зубами отрывал краешек патрона, засыпал в ствол порох, опускал пулю и использовал бумагу в качестве пыжа. (Ранее порох находился в рожке и засыпался, что называется, на глазок, а пули хранились в отдельном мешочке. – Прим. ред.)

в тактико-техническом отношении, поскольку давало мушкетерам возможность защитить себя в рукопашной схватке и стрелять. К 1703 г. комбинация из кремневого замка и штыка сделала копейщиков более ненужными, и они исчезли из употребления.

Постепенное распространение кремневых замков и втулочных штыков, отражавшее технические достижения того времени, привело к коренной трансформации тактики боя. Одним из важных изменений стало снижение глубины строя до трех шеренг, сопровождавшееся и другими новшествами в совершенствовании приемов ведения огня пехотой. Широкое распространение получил голландский стрелковый подход. Изначально применяемую голландцами, англичанами и их германскими союзниками, эту технику к концу Войны за испанское наследство, к 1715 г., освоили большинство европейских армий (за исключением очень консервативных французов).

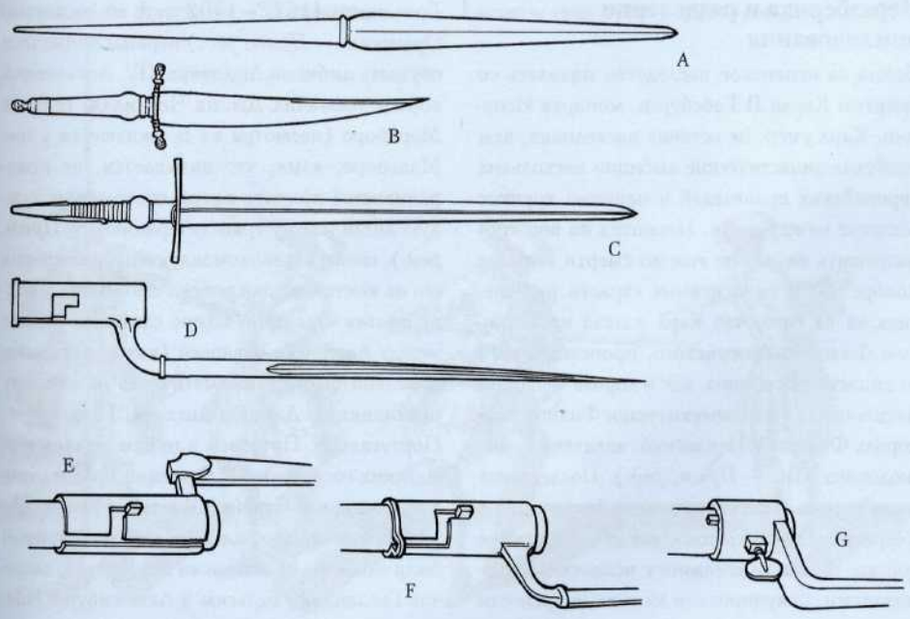
Следуя этому шаблону, центральные роты батальона (т.е. все роты, кроме гренадерской) делились на четыре отряда, которые в свою очередь делились на четыре стрелковых взвода каждый. За каждым взводом закреплялась «огневая очередь». Взводы строились в три шеренги, причем первая опускалась на колено. Когда взводы первой огневой очереди получали команду стрелять, их вторые и третьи шеренги прицеливались и производили залп. Первая шеренга оставалась резервной. Затем стреляли взводы второй огневой очереди и, наконец, третьей. К моменту залпа третьей огневой очереди взводы первой успевали перезарядить оружие и изготовиться, и вся последовательность повторялась. Таким образом, залпы как бы перекатывались, производясь непрерывно по всей линии батальона. Только

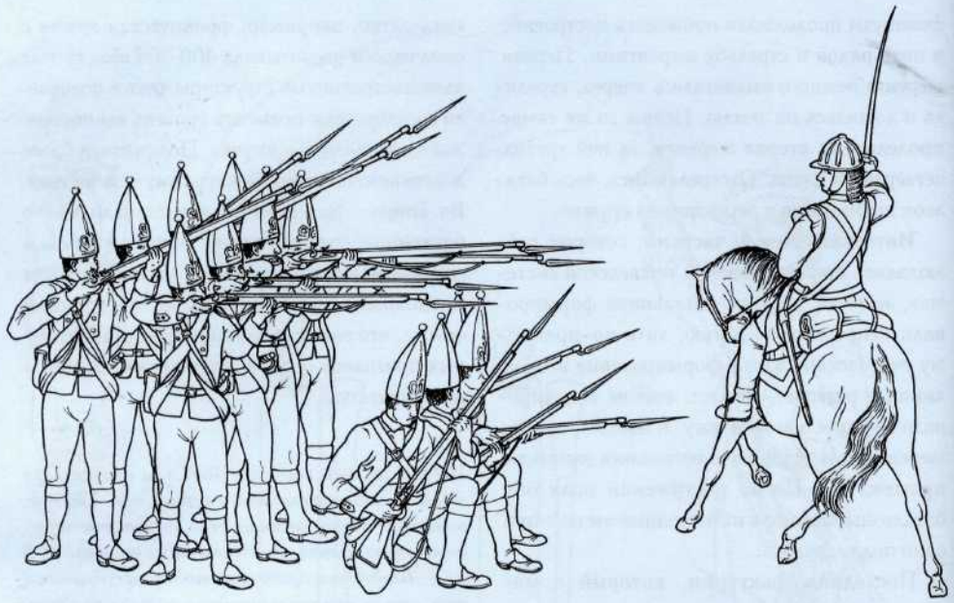
французы продолжали применять построение в пять рядов и стрельбу шеренгами. Первая шеренга немного выдвигалась вперед, стреляла и ложилась на землю. Потом то же самое проделывала вторая шеренга, за ней третья, четвертая и пятая. Отстрелявшись, весь батальон поднимался и перезаряжал оружие.

Интервалы между частями, которые соблюдались при голландской и шведской системах, исчезли, группы батальонов формировали непрерывную линию, хотя по-прежнему считалось важным формирование второй линии в резерве. Солдаты еще не маршировали мерным шагом в ногу, и поэтому между шеренгами и колоннами оставались заметные промежутки. Но по достижении поля боя батальоны занимали назначенные им позиции один подле другого.

Последним фактором, который помог заметно трансформировать приемы ведения войны в эту эпоху, следует назвать институциональные изменения в государствах раннего периода Нового времени. В большинстве европейских стран сложилась централизованная власть, как гражданская, так и военная, что привело к созданию на данном этапе самых крупных регулярных армий со времен Древнеримской империи. В Войне за испанское наследство, например, французская армия с ополчением насчитывала 400 000 чел. Новые административные структуры также позволили государствам повысить уровень единообразия в дисциплине и выучке. Полки стали более долговременными структурами, чем раньше. Во многих армиях они наращивали число батальонов в своем составе во время войны и сокращали их в мирное время, но часть в целом продолжала нести службу на постоянной основе, что вело к возникновению отличительных признаков полков, развитию традиций и соперничества.

Первый штык появился в 1647 г. и представлял собой просто вставлявшийся в ствол нож. Таким он оставался почти до конца века (некоторые варианты этого штыка представлены на рисунках A, B и C). Неудобство пробочного штыка заключалось в том, что он не позволял солдату вести огонь. Втулочный штык (D) стал большим шагом вперед по сравнению с предшествующей моделью. Он закреплялся с помощью хомута на стволе и фиксировался (различные способы фиксации показаны на рисунках E, F и G). Теперь мушкетер мог одновременно вести огонь и обороняться (лишь в теории, поскольку крепления отличались несовершенством, и – особенно у неопытных солдат – случалось так, что плохо зафиксированный штык улетал при выстреле или отваливался в рукопашной. – Прим. ред.).

Типичное для 18-го столетия построение однородной пехоты в три шеренги стало возможным благодаря появлению штыка. На рисунке пехотинцы готовятся отразить нападение кавалерии. Первая шеренга опустилась на колено, чтобы штыками держать кавалеристов на расстоянии, а вторая и третья ведут огонь.

К 1715 г. большинство европейских стран имели крупные регулярные армии как для защиты от внешней угрозы, так и в качестве инструмента поддержания власти внутри страны. Постоянно совершенствующиеся техника и технологии позволили перейти к тактике линейных построений, процесс этот протекал по всей Западной и Центральной Европе.

Ауденарде, 1708 г. Неразбериха и разделение командования

Война за испанское наследство началась со смертью Карла II Габсбурга, монарха Испании. Карл умер, не оставив наследника, чем возбудил династические амбиции нескольких европейских правителей и нарушил хрупкое согласие между ними. Несмотря на попытки разрешить ситуацию еще до смерти Карла в ноябре 1700 г., основные страсти разгорелись из-за того, что Карл назвал наследником Филиппа Анжуйского, происходившего из династии Бурбонов, как и король Франции Людовик XIV (фактически герцог Филипп, или король Филипп V Испанский, являлся внуком Людовика XIV. — *Прим. ред.*). Последствия подобного выбора сказались на балансе сил в феврале следующего года, когда французские войска, в полном согласии с испанскими гарнизонами, оккупировали ключевые крепости Испанских Нидерландов (примерно сегодняшней Бельгии. — *Прим. ред.*). Вильям III (король Англии [1689—1702 гг.], стадхаудер Голландии [1672—1702 гг.] из династии Оранских. — *Прим. ред.*) первым попытался обуздать амбиции Людовика XIV. Английский король назначил Джона Черчилля, герцога Марлборо (несмотря на прижившееся у нас Мальборо, язык, что называется, не поворачивается принять такую совершенно чуждую английскому транслитерацию. — *Прим. ред.*), своим главнокомандующим и отправил его на континент для поиска союзников в войне против Франции. Скоро сложился альянс между Австрией, Баварией (которая, однако, довольно быстро переметнулась на сторону противника), Данией, Англией, Голландией, Португалией, Пруссией и рядом мелких германских государств. К Франции присоединились Испания, Савойя, Мантуя и Кельн. На различных театрах военных действий войной была охвачена практически вся Европа, включая Голландию, Бельгию и Люксембург, Ибе-

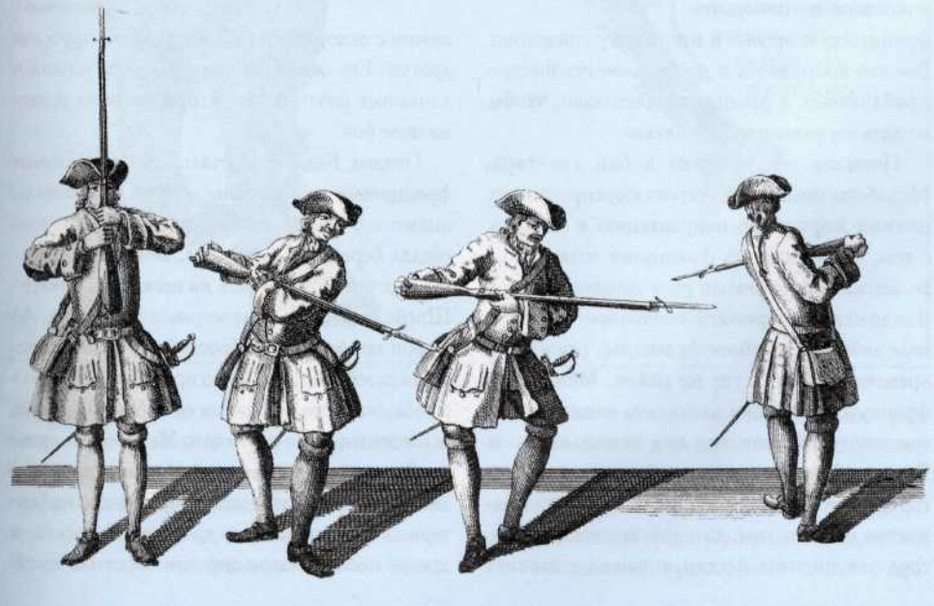
рийский полуостров, Италию и районы, прилегающие к Рейну и Дунаю.

Несмотря на многочисленные осады и немало сражений, включая важнейшие — у горы Шелленберг и при Бленхейме в 1704 г. и у Рамильи (встречается Рамийи. — *Прим. ред.*) в 1706 г., — война протекала вяло. К 1707 г. военные действия в Голландии, Бельгии и Люксембурге зашли в тупик, но к 1708 г. вновь оживились. Людовик XIV послал большую армию под совместным командованием старого закаленного солдата герцога Вандомского и своего внука и наследника герцога Бургундского. В намерения Людовика, несомненно, входило дать внуку шанс накопить боевой опыт в качестве военачальника французской армии. Однако результат совместного командования оказался плачевным. Старый солдат из Вандома и молодой герцог Бургундский не поладили. Во время кампании они редко общались и практически ни в чем не достигали согласия.

В конце мая французская армия, состоявшая из 197 эскадронов конницы и 124 батальонов пехоты, сосредоточилась около Монса, готовясь к вторжению во Фландрию. Марлборо не обладал численным превосходством, имея 90 000 чел. в 180 эскадронах кавалерии и 112 батальонах пеших солдат, но рассчитывал на принца Евгения Савойского (разумеется, правильнее называть его и прочих князей не принцами, а именно князьями, но... традиции диктуют свое. — *Прим. ред.*), который действовал на Среднем Рейне и должен был отвести имперскую армию из долины реки Мозель и соединиться с Марлборо около Брюсселя. К сожалению, разного рода затруднения задержали Евгения и заметно сократили (с 40 000 до 15 000 чел.) количество сил, которое он смог предоставить для поддержки Марлборо. Противник засек передвижения Евгения, и герцог Берик стал преследовать его с 27 000 войска.

Тем временем герцоги Вандомский и Бургундский предприняли предварительные маневры, но не бросили войска в битву, а остались в Жамблу. Однако 4 июля французская армия вступила в активные боевые действия, направив колонны на Гент и Брюгге в Северной Фландрии. Французы состояли в тайном сношении с этими городами, и их жители согласились перейти на сторону Фран-

На этом рисунке 1730 г., иллюстрирующем отработку навыков штыкового боя, солдат демонстрирует прием, по сути своей ничем не отличающийся от «толкания» пики. Мушкет, поддерживаемый левым предплечьем, находится в горизонтальном положении, правая рука давит на приклад. Здесь изображен штык пробочного типа, возможно попавший на страницы продвинутого устава 18-го века из более раннего наставления по штыковому бою. (Тип штыка в данном случае, естественно, совершенно не существенен. — Прим. ред.)

ции. Совершив подобный шаг, французская армия перерезала линии снабжения герцога Марлборо. Кроме того, французские силы вскоре оказались на позициях, угрожающих Брюсселю и союзническому гарнизону города Ауденарде на реке Шельда. 5 июля Марлборо узнал о передвижениях французской армии и повернул войска на запад, но тут же получил известие о падении Гента и Брюгге. Тем не менее ему удалось усилить гарнизон Ауденарде 700 солдатами.

К счастью для Марлборо, разногласия между герцогами Вандома и Бургундии продолжались и, вместо того чтобы предпринять решительные шаги, французы ожидали, пока их рассудят в Версале. 8 июля принц Савойский прибыл с небольшим эскортом в ставку Марлборо. Обоим командующим стало совершенно очевидно, что они не могут ожидать подхода остальных сил принца Евгения, и поэтому они решили атаковать только имевшимися в распоряжении войсками и принудить французскую армию к открытому сражению. Все это выливалось в необходимость быстро приблизиться к французам настолько, чтобы не дать им уклониться от битвы.

«Противник также предпринял несколько попыток вступить с нами врукопашную, но, поскольку ему приходилось разбивать строй, преодолевая собственные траншеи, он не мог развернуться в правильные боевые порядки... Наши взводы косили его, и косили так, что ему не оставалось ничего, кроме как отступить...»

Капитан Роберт Паркер о сражении при Бленхейме

Посылав тем вечером в бой авангард, Марлборо предпринял серию форсированных ночных маршей по направлению к Лессину с тем, чтобы лишить французов возможности держать оборону по реке Дандер. Герцог Вандомский, стремясь обезопасить себя в ходе действий в районе Ауденарде, решил тем временем выйти в тот же район. Между тем французские войска двигались медленнее, и союзнический авангард под командованием Вильяма Кадогана первым обеспечил за собой город. Герцог Вандомский от своих кавалеристов узнал о том, что союзнический авангард оккупировал Лессин, и решил атаковать противника, пока не подошли основные силы неприятеля, но герцог Бургундский отказался поддержать коллегу-командующего и настаивал на том, что им необходимо закрепиться на оборонительной линии вдоль реки Шельда. Герцог Вандомский пришел в ярость от подобных умозаключений, но все же нехотя отвел войска через Шельду в районе Гавре (просьба не путать этот населенный пункт, *Gavre*, с французским городом Гавр [*Havre*, а точнее, *Le Havre*]. — *Прим. ред.*), расположенном в пяти километрах к северу от Ауденарде.

В час ночи Кадоган вышел из Лессина с десятитысячным авангардом и после трудного марша достиг селения Энаме на Шельде. С высокого берега он увидел, что основная часть войск герцога Вандомского еще не закончила переправу у Гавре. Он отправил сообщение Марлборо и в соответствии с инструкциями командующего начал наводить понтонные переправы через Шельду. Марлборо двигался впереди основной армии с эскортом из 20 эскадронов прусских драгун. Его основные силы удвоили усилия и двигались почти бегом, чтобы вовремя успеть на поле боя.

Подход Кадогана остался не замеченным французами, и к середине дня он с 16 батальонами и 8 эскадронами драгун благополучно создал береговой плацдарм. В час дня драгуны Кадогана наткнулись на несколько пикетов Швейцарской бригады маркиза де Бирона. Де Бирон занимался переброской войск для поддержки своей бригады, но по приказу начальника штаба, маркиза де Пьюсегюра, был вынужден остановиться, что позволило Марлборо и принцу Евгению послать через понтоны дополнительные части британской и германской инфантерии в помощь пехоте и драгунам Кадогана, и вскоре после 3 часов дня они обратили швейцарцев де Бирона в беспорядочное бегство, уничтожив и захватив в плен почти половину его соединения. К 4 часам около 20 батальонов пехоты из Ганновера, Гессена и Британии переправились и двинулись к ручью Дипенбек. После дерзкой переправы инициатива оказалась в руках союзнических войск, и хотя французы пользовались численным превосходством на северном берегу Шельды, координация между герцогами Вандомским и Бургундским отсутствовала. Герцог Бургундский направил шесть батальонов французской пехоты к селу

Мушкетер пехотного полка лорда Робарта, 1643 г.

На иллюстрации мушкетер из пехотного полка лорда Робарта, сражавшегося на стороне Парламента в период Гражданской войны в Англии. Вышеупомянутый полк находился в числе двадцати подобного рода частей, набранных для действий под командованием графа Эссекского с 1642 по 1644 г., и хорошо показал себя в сражении при Эджхилле, удерживая вверенную ему позицию, в то время как другие подразделения бежали с поля. В полку насчитывалось до 800 солдат; скорее всего, две трети представляли копейщики и одну — мушкетеры. Они облачались в красные мундиры с желтой подбивкой. К концу 1644 г. в полку осталось только 333 чел. Солдат на рисунке вооружен более легкой и короткой версией традиционного мушкета, которая получила распространение ко времени войны. Он позволял вести огонь без применения сошки, неизбежной при использовании более длинных и тяжелых мушкетов. Кроме мушкета, солдат-ветеран вооружен пехотным эспадроном.

Битва при Ауденарде
1708 г.

Пока союзнические силы герцога Марлборо и принца Савойского оставались разделенными, французы вторглись во Фландрию. Союзники отреагировали быстро, и принц Евгений выступил на соединение с Марлборо. Войска Марлборо выдвинулись для оказания поддержки гарнизону Ауденарде и для защиты линий снабжения, связывавших их с Брюсселем. После соединения армии герцога Марлборо с авангардом Евгения Савойского, который значительно обогнал свои основные войска, союзники переправились через реку Шельду по наплавным мостам. Французские командиры, не ладившие между собой герцоги Бургундский и Вандомский, не смогли организовать скоординированную атаку против неприятеля. Напротив, посылая войска разрозненными отрядами, они позволили противнику сгруппироваться на другой стороне Шельды. Союзники получили так необходимые им подкрепления, которые отправили в обходной маневр, и те переправились через Шельду по мостам в Ауденарде. Превосходство союзнической пехоты в огневой мощи и лучшая координация дали им дополнительные преимущества перед лицом несогласованных действий французского командования, а после флангового удара привели к поражению французской армии.

Пока действия союзнических сил Марлборо и принца Евгения носили разобщенный характер, французы сумели захватить Гент и Брюгге, вследствие чего создали угрозу Ауденарде и коммуникациям войск герцога Марлборо.

4 Чтобы выиграть время для медленно развивавшегося обходного флангового маневра, союзническая кавалерия наносит удар на противнику справа, но несет большие потери.

5 После атаки с фланга французы отступают на вторую линию обороны, выходя из боевого соприкосновения с неприятелем примерно в 22.30, чем спасают свою армию от полного разгрома.

2 Разгорается пехотное сражение, в котором сказывается превосходство союзников в огневой мощи, а введение в бой французами отрядов по частям и без координации усилий показывает свою несостоятельность.

3 Датские и голландские войска под командованием Оверкирка не спеша переправляются через Шельду у Ауденарде в попытке обойти правый фланг французов.

1 Войска союзников под командованием Кадогана захватывают инициативу, когда по наплавным мостам переправляются через Шельду, бросая вперед пехоту.

Груневалд, но атака их быстро захлебнулась. Видя это, Вандом бросил еще шесть батальонов в поддержку наступающим силам, а затем во главе 12 батальонов сам ринулся в бой. К половине шестого вечера он ввел в дело 50 батальонов, но оказался не в состоянии обеспечить эффективное командование ими, так как сам увяз в пехотном сражении. К сожалению, герцог Бургундский, похоже, даже не знал, что происходит, и почти не обеспечивал поддержки атаке. Он послал 16 кавалерийских эскадронов, но их продвижение затрудняла болотистая местность. Сражение продолжалось, и превосходство союзнических взводов в огневой мощи позволило им, как говорится, собирать свою дань. Однако присутствие в передовых порядках герцога Вандомского и нескольких лучших французских полков не давало сражению утратить накала.

Координацию действий у союзников между Марлборо на левом фланге и Евгением на правом можно назвать образцовой. К шести вечера Марлборо выдвинул на передовые рубежи 18 свежих батальонов из Гессена, Саксонии и Ганновера, в то же время отведя назад 20 батальонов пруссаков под командованием Лоттума. Эти в высшей степени дисциплинированные войска, принимавшие участие в яростной пехотной схватке, быстро перестроились и, пополнив запас боеприпасов, выступили на правый фланг для поддержки Кадогана.

К 7 часам вечера Марлборо получил остро необходимую поддержку в лице графа Оверкирка и его 24 батальонов и 12 эскадронов голландцев и датчан, которые наконец достигли поля сражения из Лессина. Герцог Марлборо намеревался использовать эти силы для обхода французского правого фланга и приказал им перейти Шельду по мостам Ауденарде. Однако скученность войск при переправе привела к длительной задержке в ходе их переброски через реку. А тем временем пехотное сражение продолжалось. Марлборо послал к Оверкирку за немедленной помощью. Восемь батальонов отделились от колонны Оверкирка и направились непосредственно к находящимся в затруднительном положении гессенцам и ганноверцам на левом фланге союзнической армии. Чтобы выиграть время для маневра, Марлборо послал 16 эскадронов для поддержки Евгения. Тот, в свою очередь, бросил в бой 20 эскадронов прусской конницы, которые пробились через французскую кавалерию, опрокинули два вражеских батальона и смяли артиллерийскую батарею. К сожалению, они увлеклись преследованием и были с тяжелыми потерями вытеснены обратно верховыми французскими гвардейцами «Мезон дю Руа» (*Maison du Roi* — букв. «дом короля», а иными словами, «личная» армия короля. — *Прим. ред.*).

Несмотря на то что сражение окончательно угасло только в 22.30, появление датчан и голландцев под командованием Оверкирка убедило герцога Бургундского в бесполезности своего дальнейшего участия в боевом соприкосновении, и в 20.30 он и его окружение покинули поле боя. Герцог Вандомский продержался несколько дольше, но в конце концов и ему пришлось отойти, чтобы соединиться с бургундцами где-то в десять вечера на дороге в Гент. Если бы Оверкирк прибыл раньше, вся французская армия скорее всего подверглась бы полном разгрому. Однако случилось то, что случилось, урон у французов погибшими или ранеными составил 5500 чел., и еще 9000 попали в плен, включая 300 офицеров. Также союзники захватили более 100 штандартов и знамен, 4500 лошадей и мулов, потеряв сами менее 3000 убитыми и ранеными. Сражение продолжалось восемь часов и продемонстрировало всю важность стойкости пехоты в бою. Битва протекала в условиях сложного рельефа местности на очень близкой дистанции, каковые обстоятельства препятствовали построению ровных боевых порядков и идеальной линии фронта, диктовавшихся тактическими традициями того времени. Батальоны и эскадроны вступали в бой сообразно обстоятельствам, кто когда мог, а не в соответствии с каким бы то ни было четко очерченным и разработанным заранее планом.

К концу 17-го века во многих армиях Европы появились отряды гренадеров (т.е. буквально гранатометчиков. — Прим. ред.). На рисунках показаны правила обращения с гранатами. Данное оружие использовалось в основном при осадах и состояло на вооружении штурмовых отрядов, возглавлявших атаку. Гренадеры подбирались из особо сильных и храбрых солдат и скоро стали элитой пехоты.

Приграничные военные действия и «Дер кляйне криг»

Несмотря на то что в восемнадцатом веке армии становились все более дисциплинированными и сложными по устройству, оставалось место для развития тенденций, которые вели в совсем другом направлении. Особенно наглядный характер носили те, так сказать, побочные процессы, которые протекали или на периферии Европы, в частности на Балканах, или же в мире за пределами Старого Света, в основном в Северной Америке. В вышеупомянутых регионах линейная тактика зачастую не могла найти применения из-за особенностей рельефа местности или ввиду отсутствия «традиционного» противника, а нередко и по обеим причинам сразу. Линейная тактика требовала больших армий и крупных сражений, способных завершиться убедительными победами в поле. «Дер кляйне криг» (*der kleine Krieg* — малая война. — *Прим. ред.*) отражала аспекты военного дела, которые сопровождали человечество с его рождения, они продолжали существовать, порой латентно, но никуда не исчезая, и, как правило, просто не могли закончиться одним решительным столкновением. Речь идет о враждебных действиях в порубежных районах враждующих государств. В качестве примеров можно назвать границу сфер влияния Габсбургов (отсюда и немецкий термин. — *Прим. ред.*) и Османской империи или же почти незримые полосы, разделявшие британские колонии в Северной Америке и многочисленные племена коренных американцев, и даже границу между низинными и мятежными горными шотландцами (хайлендерами) в самой Британии. Способ ведения боевых действий в таких местах не менялся, и

даже если формально там царил мир, всегда оставалась возможность вылазок с целью грабежа или просто разрушения.

Приемы ведения боя в Дер кляйне криг заметно отличались от тех, которые прививались в Западной Европе. Подразделения батальонной численности, бьющиеся с врагом в сомкнутом строю и использующие жестко закрепленные правила управления огнем, не годились для малой войны. Напротив, для нерегулярных — или полупартизанских — военных действий подобного типа требовались войска, способные действовать самостоятельно, сражаться небольшими отрядами как застрельщики. На Балканах и в Венгрии потребности в таких солдатах привели к набору хорватских и венгерских бойцов нерегулярных отрядов, служивших под командованием местных вожаков, которые были как бы кооптированы для поддержки Габсбургов. Наиболее известны среди таких формирований хорватские пандуры, представлявшие собой непревзойденные отряды легкой пехоты. В Британии для охраны местности с государственных фортов организовались самостоятельные роты горцев, или хайлендеров. Позже они влились в Королевский шотландский полк «Блэк-Уоч» (что переводится обычно как «черная стража» в связи с цветовыми особенностями формы. — *Прим. ред.*). В Северной Америке британцы нанимали колониальных рейнджеров и местных солдат-ополченцев.

Как правило, нерегулярные части не принимали участия в больших войнах, происходивших в то время в Европе. Единственным исключением можно считать мобилизацию австрийцами всех наличных сил, имеющихся в том числе и на ее границах, для участия в Войне за австрийское наследство (1740—1748 гг.) и в Семилетней войне (1756—1763 гг.). Временами Австрия могла ввести в боевые действия в рамках кампании до 40 000 хорватов, что позволяет сделать неоспоримый вывод о значительном их количестве, доступном для

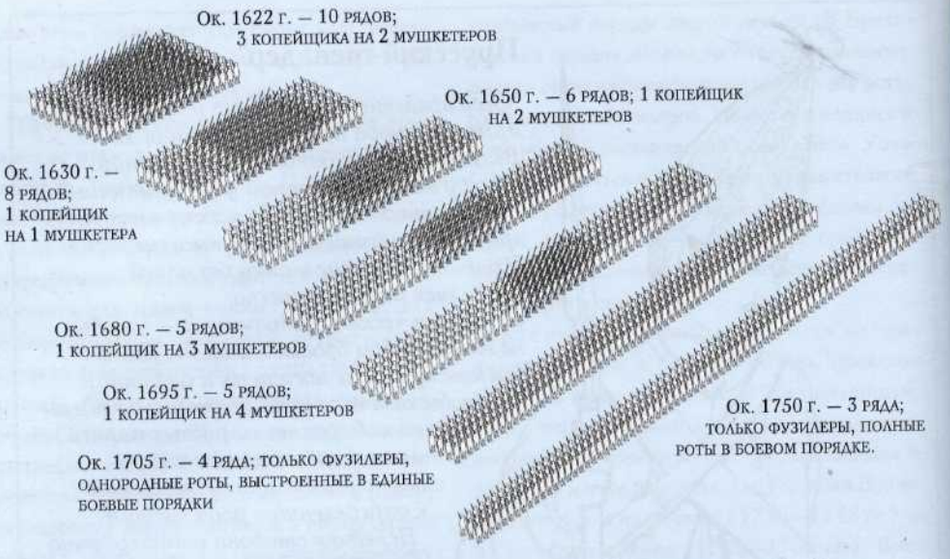
Турецкие янычары на протяжении многих веков являлись элитой турецкой армии, оставаясь таковой и к 1700 г., когда повсюду на полях сражений в Европе все увереннее занимали свое место профессиональные армии. Янычары не испытывали недостатка в качественном по меркам того времени огнестрельном оружии и на протяжении всего начального этапа так называемого раннего Нового времени считались самыми дисциплинированными стрелками в Европе и на Ближнем Востоке. К концу 17-го века слава их отчасти померкла на фоне успехов крупных и дисциплинированных регулярных армий западноевропейских держав.

Прусский гренадер

Здесь представлен гренадер прусской армии периода правления Фридриха Великого. На солдате напоминающий митру высокий головной убор, типичный для элитных частей. Во всех армиях мира гренадеры носили похожие высокие шапки. Изначально такие шапки без полей вводились исключительно из практических соображений — чтобы не мешать при броске гранаты. Позже военнослужащие носили их и для того, чтобы казаться выше ростом (гренадеры обычно набирались из рослых парней), а также и как отличительный символ — знак принадлежности к определенного рода частям. Передняя сторона шапки обычно делалась из меди, а задняя из цветной ткани. Представленный на иллюстрации гренадер вооружен саблей и мушкетом со штыком. В некоторых армиях гренадеры получали тесаки или небольшие топорики вместо сабли или в дополнение к таковой. Такое оружие считалось наиболее подходящим для гренадеров, идущих в первых рядах штурмовых отрядов — особенно при осаде.

австрийского военного руководства. Наличие у противника подобных частей отозвалось определенными проблемами для пруссаков. Хорваты формировались в пограничные полки с дальнейшим делением на батальоны и роты. Однако на этом их сходство с регулярной армией, пожалуй, и заканчивалось, поскольку по характеру ведения ими боевых действий хорваты более походили на «застрельщиков», нежели на привычные в поле «линейные» войска. Соответственно солдаты эти находили наибольшее применение как разведчики,

На диаграмме показана динамика усиления значения мушкетеров с начала 17-го и до середины 18-го века. По мере роста числа мушкетеров относительно копейщиков построения становились все менее глубокими. В период между 1675 и 1705 гг. копейщиков стало так мало, что они почти или полностью утратили боевое значение. Распространение в этот период штыка также повлияло на процесс скорейшего изживания копейщиков.

дозорные и использовались в составе летучих отрядов для прощупывания обороны неприятеля путем беспокойства небольших формирований вражеских войск (а зачастую и мирного местного населения на территории противника). Тем не менее, их манера ведения боевых действий иногда позволяла им достигать большей эффективности, чем даже регулярной армии. Например, 23—24 апреля 1757 г. два батальона прусских гренадеров оказались фактически окруженными превосходящими нерегулярными силами. Хорваты нанесли пруссакам серьезный урон, особенно среди офицерского состава.

Успех хорватов явился результатом того, что пруссаки поначалу почти не располагали отрядами солдат, способных сражаться в свободном строю и противостоять хорватам. Несмотря на то что у пруссаков имелись пригодные для противодействия вражеским легкопехотным отрядам роты егерей, они использовались как военная полиция и лишь позже как легкая пехота. Ответом пруссаков стало формирование «фрайкор», часто набираемых из дезертиров, не поладивших с собственными властями иностранцев и прочих лиц с сомнительной репутацией. Сам Фридрих придерживался невысокого мнения об этих частях и считал их не особенно эффективными при стычках с хорватами. В свете уроков Семилетней войны интерес к содержанию легких частей и концепции малой войны сохранился, но не в форме привлеченных и остающихся как бы извне армии вспомогательных отрядов, а в виде организованных в ее структурах регулярных частей под командованием наиболее способных офицеров. Так проявилось влияние Дер кляйне криг на военную интеллигенцию, которая усмотрела в организованных силах нерегулярных или полурегулярных формирований могучий потенциал, предоставляющий отличные возможности для нарушения неприятельских коммуникаций и сбора разведывательных данных и передачи их в распоряжение командования армий, ведущих в это же время крупные боевые действия.

Период «совершеннолетия» линейной тактики. 1715—1763 гг.

Десятилетия, последовавшие после Войны за испанское наследство, позволили линейной тактике, претерпев некоторые коррективы, что называется, войти в возраст, или достичь совершеннолетия. Так, например, изменения

касались тактики и приемов стрельбы, которые в дальнейшем повысили огневую мощь и дали возможность увеличить урон, наносимый вражеской пехоте на поле сражения. Также происходили подвижки технологического характера в сфере производства гладкоствольных мушкетов, что позволило им подняться почти на самую вершину собственной эффективности, достигнув, так сказать, потолка. Одновременно вышеназванные тактико-технические процессы сопровождались дальнейшим усилением концентрации власти в руках государства, что со своей стороны позволяло установить более высокий уровень единообразия в армиях того периода, включая и строгие стандарты выучки и дисциплины. Описываемая эпоха памятна множеством крупных вооруженных противостояний, начиная с Войны за польское наследство (1733—1735 гг.), Войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.) и кончая Семилетней войной (1756—1763 гг.), причем, надо сказать, последняя сделала уже первый шаг к тому, чтобы претендовать на звание мирового конфликта, так как проходила на трех континентах. Одним из результатов такой эскалации враждебных действий в то время стало бурное развитие научных исследований о войне и о «военной науке», да и просто батальной беллетристики. Множившиеся не по дням, а по часам произведения делились на такие, в которых авторы пытались разгадать и сформулировать универсальные принципы военного дела, и на такие, которые содержали конкретный дидактический материал для обучения офицеров.

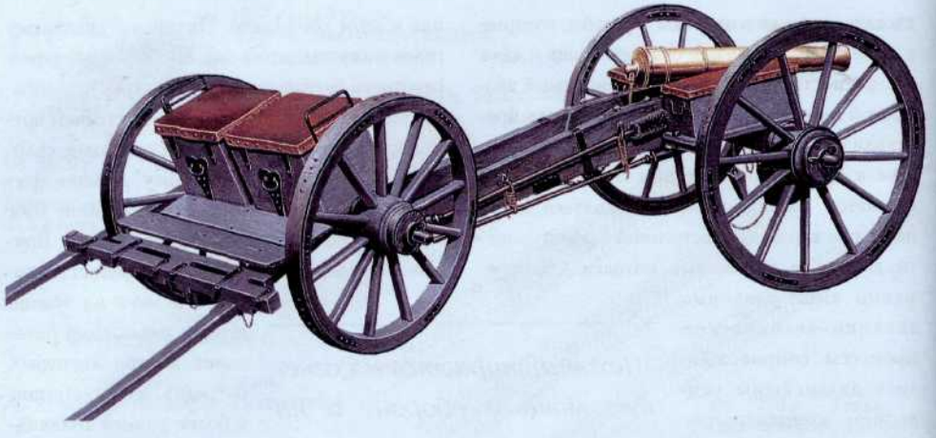
> *«Пехота опирается на огневую мощь в обороне и на штыки в наступлении... Вся сила наших войск заключается в их атакующем напоре, и было бы крайне неразумно с нашей стороны отказываться от такой тактики без особых причин».*
>
> *Фридрих Великий,*
> «Военные наставления»

Вскоре после начала Войны за испанское наследство многие армии восприняли некоторые формы стрельбы плутонгом (т.е. повзводно. — *Прим. ред.*), такие, как те, что предлагала голландская система, впервые примененная в этом конфликте. Начиная с двадцатых годов восемнадцатого столетия обычный строй пехотного батальона состоял из трех или четырех шеренг в глубину, причем, с течением времени, тенденция построения все более склонялась к трехрядному варианту. Деление части на три «огневых команды» к середине века стало обычным для большинства армий. Британцы придерживались приема ведения залповой стрельбы на основе метода разделения батальона на три «огневых очереди», в соответствии с более ранней голландской системой.

Прусская пехота, развивавшаяся под попечительством князя Леопольда фон Ангальт-Дессау, пользовалась системой, при которой каждый из восьми взводов батальона стрелял по отдельности один за другим. Начинал взвод на фланге (вероятно, самый правый), за ним сразу же следовал взвод на противоположном фланге батальона. Затем стрелял взвод, следующий за первым, а за ним следующий на соответствующем фланге. И так с обеих сторон поступательно к центру, пока все взводы на отстреляются. Весь процесс занимал 15—20 секунд. Так, по крайней мере, происходило на плацу. И к тому времени, как восьмой взвод заканчивал стрельбу, первый уже изготавливался к новому залпу. Из всех основных армий запада и центра Европы только французы продолжали стрелять шеренгами до середины века (хотя и у них количество рядов сократилось до четырех в глубину), но в конце концов также переняли повзводную стрельбу.

Новые технологии

Другим новшеством раннего периода стало изобретение и повсеместное распространение к середине века бумажных патронов для гладкоствольных мушкетов, патроны содержали порох, пулю и пыж в одной упаковке. К 1738 г. пехота всех стран использовала такие патроны,

Артиллерийское орудие 18-го века, поставленное на передок. В походе на передке могла частично размещаться орудийная прислуга. Некоторое количество боезапаса перевозилось под сиденьем возницы.

что не только повысило скорострельность, но и позволило пехотинцам брать с собой увеличенный боезапас. Большинство пехотинцев того времени перед боем имели при себе 60 зарядов.

Еще одним техническим шагом вперед в то время стало введение в 1718 г. Леопольдом фон Ангальт-Дессау металлического шомпола. До той поры шомпола оставались деревянными. Несмотря на простоту, малый вес и удобство в эксплуатации, такие шомпола имели тенденцию ломаться в разгар сражения. Однако и их металлический собрат, хоть и обладал несомненными преимуществами, все же не был вовсе лишен недостатков. Главной проблемой на самом первом этапе стал подбор подходящего металлического сплава. Если применялся слишком мягкий металл, шомпол мог погнуться и вызвать значительные затруднения при проталкивании его в ствол и извлечении оттуда. С другой стороны, если шомпол изготавливался слишком твердым, он приобретал излишнюю хрупкость и ломался так же, как и деревянный. Но с тех пор, как удалось нащупать необходимую пропорцию, мушкетеры смогли стрелять значительно быстрее. Кроме того, государства в описываемый период централизовались настолько, что смогли позволить себе роскошь повсеместно стандартизировать оружие и боеприпасы. Самым ярким примером развития процесса унификации может служить английское кремневое ружье «Браун Бесс». К 1730 г. установилась длина ствола в 1067 мм (42 дюйма) с калибром в 0,76 дюйма (или 0,75, т.е. 19 мм; по другим данным, официально с 1722 г. ствол был на 100 мм длиннее, 46 дюймов, а указанный здесь стандарт установился только к началу последней трети 18-го столетия. — *Прим. ред.*). Стреляло ружье боеприпасами калибра 0,71. Меньший диаметр пули вызывал определенный «люфт» во время ее движения по стволу и снижал точность стрельбы. Но считалось, что недостаток этот компенсируется облегчением заряжания и, вследствие этого, повышением скорострельности. «Браун Бесс» оказалось настолько удачным ружьем, что его производили почти 125 лет и изготовили в общей сложности примерно 7 800 000 единиц.

Новые приемы стрельбы и технологические достижения в области производства огнестрельного оружия позволили хорошо обученным мушкетерам производить до пяти выстрелов в минуту. Правда, только при идеальных условиях — на стрельбищах в мирное время. В реальном бою, где все выглядело несколько иначе, скорострельность снижалась примерно вдвое. Тут в качестве объяснения мы можем отметить влияние различных факторов. Во-первых, солдаты несли на себе гораздо больше амуниции, чем во время упражнений на плацу, где не требовались такие детали снаряжения, как ранцы, фляги и т.п. Во-вторых, сам процесс стрельбы плутонгом наполнял поля сражений семнадцатого столетия дымом и грохотом. И шум, и дым мешали точной передаче команд. Солдаты, предоставленные самим себе, продолжали стрелять и стреляли, что называется, по своему усмотрению. В сумятице боя они могли забыть о шомполе и просто засыпать содержимое патрона в ствол, а затем пристукнуть прикладом о землю, чтобы скорее завершить перезаряжание. Беспорядочный огонь считался настолько само собой разумеющимся явлением, что в 1756 г. французские наставления по стрельбе включали в себя понятие самостоятельного огня, наряду со стрельбой плутонгом или шеренгами, как допустимую форму ведения боя.

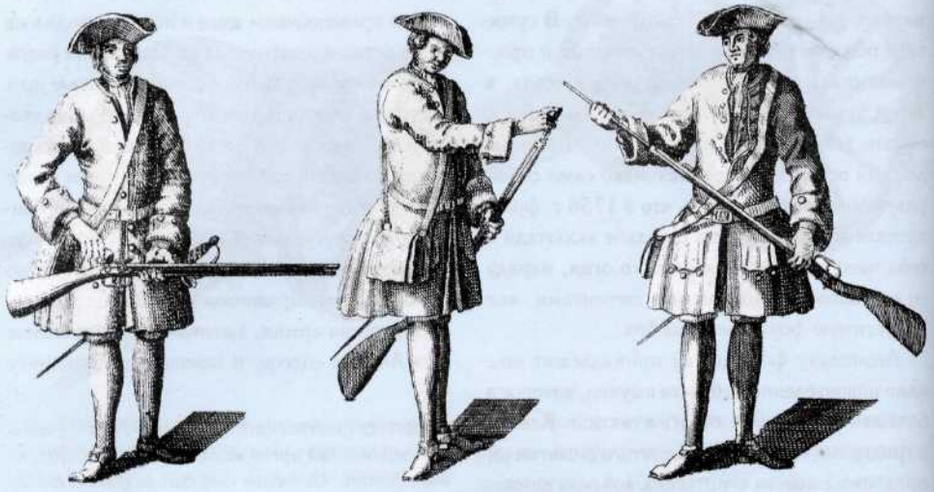
Леопольду фон Дессау принадлежит еще одно нововведение в области выучки, которое в большей степени относилось к тактике. Как-то в тридцатых годах восемнадцатого столетия он предложил ввести в прусских войсках движение в ногу. Прусские части стали продвигаться как бы в унисон — каждый солдат делал шаг одновременно со своими товарищами. Для поддержания единого ритма использовался барабанный бой. Способностью перемещаться подобным образом обладала только очень дисциплинированная армия, а из всех армий тогдашней Европы именно прусская славилась самыми высокими стандартами дисциплины. Порядок и послушание поддерживались жестокими телесными наказаниями.

Так или иначе, движение в ногу позволило пруссакам значительно повысить собственную маневренность на поле боя. Например, армии, не применявшие шаг в ногу, использовали в качестве основного построения для перемещения на поле боя открытые колонны. Такие колонны назывались открытыми по причине свойственных им довольно больших интервалов между шеренгами, достигавших порой трех метров, что являлось следствием необходимости, в противном случае формирования рисковали потерять единство, поскольку солдаты шагали не в ногу и в разном темпе. Все это означало, что, когда часть прибывала на поле боя, командирам предстоял не только непростой процесс формирования линий из колонн, но и смыкания рядов и шеренг. Пруссаки, двигавшиеся в ногу, могли формировать не только более плотные колонны, но и применять различные маневры для наиболее быстрого и эффективного построения линии. Другим преимуществом движения в ногу являлась быстрота, с которой колонны могли передвигаться по полю битвы. Армиям, не применявшим шага в ногу, приходилось часто останавливаться для выравнивания рядов усилиями офицеров и сержантов, которые шли впереди и позади солдат и часто буквально ставили каждого на его место. Солдаты в выстроенном в линию и марширующем в едином темпе прусском батальоне могли передвигаться ближе друг к другу, локоть к локтю, что позволяло лучше держать линию и сокращать количество остановок для выравнивания рядов.

Прусская армия, выкованная Леопольдом фон Ангальт-Дессау и завещанная Фридриху

Мушкетер стратбогийского полка, 1644 г., как и его вооруженный пикой товарищ (см. стр. 30), не имел доспеха. Из боевого снаряжения у этого солдата фитильное ружье с бандольером и шотландский кинжал. Несмотря на то что многие мушкетеры носили сабли или другое рубяще-колющее оружие, в рукопашной в качестве своего рода дубины успешно применялся и тяжелый мушкет.

Великому, представляла собой впечатляющую организацию: она отличалась не только отменной дисциплиной и выучкой, но располагала самым лучшим оружием и пользовалась передовыми тактическими приемами, что наделяло ее способностью обрушивать на врага доселе невиданный по сосредоточенности и темпу огонь и достигать невероятной степени подвижности на поле боя. Несмотря на все усилия в деле совершенствования техники стрельбы со стороны Леопольда фон Ангальт-Дессау, который утверждал, что огневой потенциал прусской пехоты позволяет ей строиться в два ряда, а не в три или четыре, Фридрих Великий изначально намеревался задействовать дисциплинированность и маневренность пехоты для использования ее в рукопашном бою с противником. Такая тенденция как бы вытекала из некоторых концепций военной мысли тех лет, отстаивавших достоинства штыка и рукопашного боя. Между тем довольно скоро стало ясно, что, ввиду развития огнестрельного оружия, вступление в боевое соприкосновение с противником без предварительного применения ружейного огня со своей стороны, по меньшей мере, неблагоразумно. Позже Фридрих позволил солдатам давать по нескольку залпов перед переходом в штыковую. Ко времени битвы при Лейтене в декабре 1757 г. прусские войска настолько интенсивно использовали свойственный им огневой потенциал, что в процессе боя формирования стали испытывать нужду в пополнении боезапаса, поскольку успевали расстрелять все 60 выстрелов, имевшихся у них при себе на поле сражения.

К концу Семилетней войны сделалось очевидным, что прусская армия являла собой наилучший пример того, чего можно достигнуть в области совершенствования построения и применения стрелкового оружия в век линейной тактики. Также представляется правильным заключить, что Фридрих Великий лучше других из практиков понял все достоинства и недостатки военной науки того времени.

Лейтен, 1757 г. Победа качеством

Лето и осень 1757 г. выдались неудачными для Фридриха. Ему пришлось отказаться от завоевания Богемии, после снятия осады Праги и перед вынужденным возвращением в Саксонию он потерпел жестокое поражение под Колином (в Богемии). Кроме того, прусский государь оказался в окружении целого сонма врагов, когда Франция, Швеция и Россия объявили против него войну; однако и без своего главного союзника — поскольку Британия вышла из войны, чтобы защитить собственные территориальные интересы в Ганновере, — Фридрих продемонстрировал способность стабилизировать ситуацию в Саксонии, одержав решительную победу над французскими и имперскими войсками 4 ноября при Россбахе. Успех его имел огромное международное значение и способствовал новому вступлению в войну на севере Германии Британии, поддержавшей союзника субсидиями и оказавшей ему военную помощь.

Иллюстрации из наставления 1730 г. по пользованию кремневым мушкетом. Распространение кремневого замка и бумажных патронов сильно облегчило процесс заряжания, прицеливания и стрельбы из мушкета, что заметно повысило его эффективность.

Однако у Фридриха оставалось немало трудностей на восточном фланге. Его войска в Силезии, послужившие поводом к войне еще в 1740 г. и находившиеся в описываемый период под командованием герцога Бевернского, беспорядочно отступали. Они потерпели поражение от австрийской армии под командованием Карла Лотарингского и ветерана-фельдмаршала Леопольда Дауна неподалеку от Бреслау 22 ноября — им пришлось убираться за Одер, а вскоре затем в плен попал и сам герцог Бевернский. Фридрих перебросил на усиление своих позиций в Силезии 18 батальонов пехоты и 23 эскадрона кавалерии. Он послал Ганса Иоахима фон Циттена, командующего отрядами прусских гусар, с приказом удержать формирования герцога Бевернского от полного развала накануне собственного прибытия в действующую армию. 2 декабря Фридрих присоединился к Циттену. Изначально он планировал потратить какое-то время на приведение в порядок и подготовку войск герцога Бевернского к бою и нападению на австрийцев у Бреслау, но весьма тревожная общая стратегическая обстановка вынудила Фридриха выступить почти немедленно.

Так сложились все предпосылки для битвы при Лейтене, которая разыгралась тремя днями позже. В столкновении этом Фридрих продемонстрировал всю эффективность прусской армии под руководством командующего, осознающего пределы ее возможностей и умеющего извлекать пользу из них. В ходе сражения Фридрих использовал высокую маневренность своей инфантерии, чтобы осуществить быстрый и сложный фланговый марш перед лицом численно превосходящих неприятельских войск и выйти в левый фланг противнику. При этом прусская пехота сполна продемонстрировала свойственный ей высокий огневой потенциал в атаке.

Первая задача Фридриха заключалась в необходимости поднять боевой дух солдат и офицеров частей герцога Бевернского. Король разгуливал по прусскому лагерю, воодушевляя военнослужащих и обещая награды за заслуги в предстоящем деле. Он также убеждал офицеров использовать шанс вернуть себе потерянное доброе имя в грядущей битве с врагом. Также Фридрих всячески поощрял общение между войсками, потерпевшими поражение в Силезии, и частями, вернувшимися из Саксонии и воодушевленными победой при Россбахе в прошлом месяце. Фридрих надеялся, что ветераны Россбаха смогут поднять боевой дух остальных. Кроме этого, он проявлял и материальную заботу о людях, раздавая дополнительные рационы питания и спиртные напитки для повышения энергии и отваги войск. Позже он собрал в своем шатре генералов и старших офицеров и произнес перед ними зажигательную речь, призвав их исполнить долг и отстоять честь, а заодно разъяснив основополагающие аспекты плана атаки австрийцев у Бреслау. Между тем Фридрих также пообещал наказать тех, кто не справится с задачами, отметив, что кавалерийские части, провалившие атаку, ожидает лишение лошадей и низведение до солдат гарнизонной службы, тогда как пехотные батальоны, которые не поддержат наступление должным натиском и порывом, будут публично преданы бесчестью, потеряют свои знамена, шпаги и отделку с мундиров.

Битва при Лейтене

1757 г.

Фридрих Великий и его прусская армия вошли в боевое соприкосновение с австрийцами под командованием Карла Лотарингского и фельдмаршала Леопольда Дауна у села Лейтен, когда те двигались к Бреслау. Фридрих воспользовался высокой выучкой и подвижностью своей армии, а также рельефом местности для осуществления дерзкого и сложного маневра. Под прикрытием невысоких холмов он провел войска наискосок к фронту австрийцев и появился на их левом фланге. Прусский король оставил небольшое количество пехоты и кавалерии на виду у австрийцев, чтобы отвлекать внимание врага и создавать видимость того, что там находится вся армия. Фридрих быстро атаковал открывшийся неприятельский фланг и смял имперскую армию на оконечности этого крыла. Австрийцы сделали попытку организовать новую линию обороны с опорой на селе Лейтен, но неповоротливость их армии не позволила им атаковать сосредоточенно всеми силами, дав неприятелю возможность оттеснить их. Фридрих поначалу преследовал бегущих, но наступление темноты заставило его остановиться.

После победы при Россбахе в Саксонии Фридрих Великий быстро переместился в Силезию, чтобы исправить положение там. Затем он двинулся на Бреслау. По пути туда он повстречал австрийцев у Лейтена.

1 Фридрих, используя способность прусских войск к быстрому передвижению, а также прикрытие в виде невысоких холмов, перебрасывает большую часть своей армии на левый фланг австрийцев.

2 Для отвода глаз Фридрих оставляет небольшой отряд пехоты и кавалерии на виду у противника.

3 Австрийские командиры замечают части противника и, поверив в уловку Фридриха, подтягивают резервы, полагая, что противостоят основным силам.

4 Прусские штурмовые отряды вступают в яростную огневую схватку с отдельными немецкими частями имперской армии и обращают их в бегство.

5 Основная часть пруссаков продолжает атаковать, продвигаясь к Лейтену, и громит австрийцев, пытающихся перегруппироваться и отразить вражеское нападение с фланга.

6 Разбитые австрийские войска отступают под покровом ночной темноты.

Фридрих позволил войскам отдохнуть 3 декабря, но на следующий день двинулся на Бреслау. На марше он узнал, что австрийцы оставили город и расположились вокруг села Лейтен. Фридрих, который стремился к решающему сражению, исполнился искренней благодарностью Карлу и Дауну за этот шаг. У австрийцев, располагавших почти двойным численным перевесом над пруссаками в пехоте и где-то 20-процентным в артиллерии, имелись как будто бы все основания чувствовать себя спокойно. Австрийские войска насчитывали почти 66 000 чел. при более 200 артиллерийских орудиях против 39 000 чел. и 170 пушек с прусской стороны. К тому же около двух третей прусской армии состояло из людей герцога Бевернского, которых австрийцы недавно разбили. Совершенно очевидно, Фридрих ошибался в оценках, считая австрийские силы сравнимыми со своими.

К 18-му столетию бандольер вышел из употребления, замененный специальной сумкой. Представленный здесь британский гвардеец Колдстримского полка (1742 г.) вооружен и штыком, и пехотной саблей. К исходу века во многих армиях посчитали саблю излишней для пехоты и отказались от этого вида оружия, оставив его на вооружении только элитных или специальных подразделений.

Австрийцы расположились лагерем на протяжении нескольких километров между небольшими селениями Нипперн и Загшютц, оставив Лейтен у себя в тылу. Карл и Даун изготовились дать Фридриху открытое сражение, надеясь, что численное превосходство принесет им победу. Пруссаки выдвинулись на поле боя около 4 часов дня и построились в две большие пехотные колонны, каждая из которых имела по колонне кавалерии на флангах. Имелся также значительный авангард, состоявший из вооруженных винтовками егерей и гусаров под командованием самого Фридриха.

Вступление в сражение

Битва началась с того, что прусский авангард легко разделался с небольшим отрядом саксонских драгун и австрийской легкой кавалерии, взяв 200 пленных. Фридрих приказал этим людям построиться перед колоннами своей армии по мере их продвижения, для поднятия боевого духа в прусских частях. Как только Фридрих увидел длинные белые линии австрийских войск, расположившихся на боевых позициях перед Лейтеном, ему стали понятны размеры вражеской армии и тот очевидный факт, что она располагает серьезным численным преимуществом. Однако, не теряя присутствия духа, прусский король — известный мастерской способностью точно оценивать обстановку — осмотрелся «орлиным взглядом» (*coup d'oeil*) и заметил две главные особенности топографии поля боя. Во-первых, австрийский левый фланг не воспользовался болотистым участком как надежным прикрытием и вследствие этого остался открытым, хотя перед ним и виднелось несколько наспех возведенных брустверов и редутов для артиллерии. К тому же перед австрийским левым флангом проходила небольшая складка местности, которая могла скрыть передвижения войск Фридриха на данном участке. Фридрих

сразу же оценил уязвимость этого неприятельского крыла и удобство кряжевой возвышенности для маскировки передвижений своих войск. Чтобы связать противника боем и отвлечь его внимание, прусская кавалерия левого крыла при поддержке некоторого количества пехотинцев имитировала атаку в центре и на правом фланге. Идея разделить силы и направить большую их часть вдоль фронта противника, подставляя фланги колонн под огонь мушкетов и артиллерии, может показаться самоубийственной, но, принимая во внимание рельеф местности, скорость передвижения и маневренность прусской пехоты, Фридрих решил рискнуть.

«Важно внушить личному составу не открывать огонь без команды... Полковые командиры должны следить, чтобы взводы стреляли только по команде».

Фридрих Великий,
«Военные наставления»

К 11 часам дня Фридрих развернул войска, при этом кавалерия его левого фланга при поддержке небольшого отряда пехоты начала медленно продвигаться в направлении правого фланга австрийской линии. Предполагая, что его фланг подвергнется основной атаке, австрийский командир там немедленно послал за подкреплением. Карл и Даун перебросили резервы на поддержку правого крыла, и оба направились туда же, чтобы лично наблюдать за боем. В это время основные массы прусской пехоты и кавалерия правого крыла начали движение по фронту австрийской линии. Пехота, сформированная в две колонны, благодаря отработанному движению в ногу, продвигалась с необычайной быстротой и менее чем через два часа начала выстраиваться в боевые порядки под прямым углом к австрийскому левому флангу, причем самые правые отряды оказались даже несколько позади австрийской линии. Атакующие войска состояли из трех отличных линейных батальонов, при поддержке колонны из четырех дополнительных батальонов: трех гренадерских и одного из штурмового полка. Также поддержку оказывали 20 тяжелых двенадцатифунтовых орудий. Большая часть оставшейся прусской пехоты располагалась эшелоном позади атакующих сил и рассредоточивалась к их левому краю. 53 эскадрона и 6 батальонов Фридрих оставил в резерве. Осуществить такой маневр позволила небольшая складка местности, скрывавшая передвижения пруссаков. Положение их подкреплялось еще тем, что оба австрийских командующих находились на своем правом фланге и не имели возможности разгадать намерения Фридриха. На самом деле, даже заметив передвижения пруссаков за холмами, они не смогли правильно определить направление их движения и сочли маневр отступлением. Между тем, к часу дня силы Фридриха вышли на исходные позиции и изготовились к атаке.

На участке, где атакующие пруссаки соприкоснулись с австрийским левым флангом, стояли части входивших в империю малых германских и не только германских государств, контингенты которых пополняли имперскую армию (*Reichsarmee*), но отличались большим разбросом в плане их боевых качеств. Командовал ими Ференц Надешти — отважный венгерский гусарский генерал. Пруссаки приблизились к войскам имперской армии и вовлекли их в яростную перестрелку, повергнув вюртембергцев в беспорядочное бегство и оттеснив их на баварцев, которые также присоединились к бегущим. Атакующие поддерживали настолько быстрый темп огня, что к подходу вспомогательных подразделений у мушкетеров закончились патроны. К счастью, Фридрих привел с собой фургоны с боеприпасами. Части пополнили боезапас и продолжали действовать в боевых порядках. Надешти попытался исправить ситуацию, ударив на прусскую пехоту силами драгун и гусар, но столкнулся с противодействием 53 эскадронов пруссаков из резерва под командованием Циттена. Прусская кавалерия опрокинула австрийцев, но вместо того, чтобы преследовать их конницу, приступила к довершению разгрома рассеянной пехоты Надешти, взяв в плен более 2000 вюртембергцев и баварцев.

Осознав, что наступление на правый фланг представляло собой отвлекающий маневр, герцог Карл и Даун попытались развернуть центр на 90 градусов, чтобы тот оказался лицом к наступающим пруссакам. Австрийцам предстояло закрепиться и вокруг селения Лейтен. Но поскольку на детальную проработку плана передислокации времени не осталось, части перебрасывались поэтапно и не могли построиться в правильные линии для ведения огня. Для австрийцев — не имевших, как пруссаки, опыта маневрирования в плотных колоннах — такой маневр оказался почти невозможным, что и продемонстрировала ситуация, в которой австрийские части очутились под интенсивным огнем прусских мушкетеров и 40 двенадцатифунтовых орудий, которые к этому времени заняли высоту, господствующую над Лейтеном. Примерно в 15.30 прусская пехота начала атаку новой австрийской позиции. После ожесточенной схватки наступающие очистили Лейтен, который на удивление стойко защищали несколько австрийских частей и полк имперской армии из Вюрцбурга. Австрийская кавалерия попыталась контратаковать, но снова была отброшена прусской конницей. В итоге австрийские войска постиг настоящий разгром. Фридрих пытался организовать преследование, но погода, время суток — а зимой темнеет рано — и утомление войск помешали выполнить эту задачу с должной эффективностью.

Боевое противостояние под Лейтеном закончилось крупной победой Фридриха, которая, однако, обошлась ему довольно дорого. Фридрих потерял 6000 чел. — почти 20 процентов армии. В свою очередь, он вывел из строя 7000 австрийцев, более 12 000 взял в плен и захватил свыше 100 пушек. Еще 17 000 австрийцев сдались в плен, когда позже месяцем пал Бреслау. Сражение при Лейтене продемонстрировало, чего можно достичь в эпоху линейной тактики с армией, дисциплинированной и выученной, как прусская, особенно под командованием одного из великих полководцев того периода.

Выводы — интеграция и боевые порядки

К 1763 г. пехота превратилась в доминирующую силу на полях сражений Европы как с точки зрения численности, так и способности влиять на исход сражения. Битвы велись и выигрывались пехотой, маневрирующей в линейном строю. Кавалерия и артиллерия, играя важные роли, обычно оставались лишь силами поддержки инфантерии и не обладали способностью выигрывать сражения самостоятельно.

Кроме того, пестрая палитра различавшихся между собой вооружением и способами ведения боя отрядов пехотинцев, существовавших в начале шестнадцатого века — таких, как копейщики, аркебузиры, алебардщики, мечники и латники, сражавшиеся как застрельщики или полками, терсиос и батальонами, — уступила место единому типу пешего солдата и единому типу построения. И хотя в состав инфантерии входили части, различавшиеся по наименованиям — такие, как мушкетеры, фузилеры или гренадеры, — определения эти служили скорее данью традиции или статусу, чем имели отношение к действительным функциональным особенностям тех или иных формирований.

К концу Семилетней войны практически все армии приняли одинаковую форму действий: построение батальонов в три шеренги и повзводное ведение огня. Также на полях сражений появилась легкая пехота, хотя пока еще не во всех армиях Европы. В основном, за исключением Австрии, она задействовалась в так называемых малых войнах вдоль границ. Моделью армии нового типа послужила жестко дисциплинированная и замечательно обученная прусская армия Фридриха Великого. Приемы его войска представляли собой квинтэссенцию техники пехотного боя на протяжении следующей четверти века. К концу этого отрезка времени произойдут очередные великие трансформации в военном деле, но они станут результатом невиданных доселе политических и социальных перемен, которые еще более увеличат размеры армий, создадут концепцию нации под ружьем и пробудят к жизни новые мотивационные факторы, требующие новой тактики и новых же командных структур.

Прусские гвардейцы-гренадеры штурмуют кладбище села Лейтен. Фридрих Великий верил в силу штыка и необходимость применения его в атаке, и здесь штурмовой отряд прусских гвардейцев пробил брешь «остриями своих штыков».

Глава вторая

Конница

История кавалерии раннего периода Нового времени есть в сути своей продолжение истории борьбы за верховенство на полях сражений между ударными частями, вооруженными для рукопашного боя, и частями с метательным или же стрелковым оружием. В борьбе этой каждая сторона применяла различные приемы и уловки в попытках перехитрить и переиграть одна другую.

Развитие военной мысли в средневековой Европе в определенной степени ограничивалось наличием тяжеловооруженной кавалерии, от которой обычно зависел исход рукопашной схватки, где закованным в броню всадникам предоставлялась возможность наилучшим образом проявить отвагу, способность к быстроте передвижения и неукротимый натиск. Социальная структура строилась вокруг конных рыцарей, успешность в жизни и положение в обществе которых зависели от их доблести на поле боя. Образ конного воина, атакующего врага с копьем наперевес, являлся доминирующим в общественном сознании, а сражения представляли собой общую атаку на начальном этапе с последующим затем распадом ее на бесчисленное количество индивидуальных схваток, в которых командование, управление действиями участников и тактические маневры играли небольшую роль. Технологические достижения в области вооружений большей частью касались рукопашного

На представленной здесь картине 17-го века изображено кавалерийское сражение периода Тридцатилетней войны. Хорошо показан беспорядочный характер жестокой кавалерийской схватки, где все — независимо от рода применяемого оружия и боевых приемов — преследуют одну-единственную цель — уничтожить или искалечить как можно больше врагов.

боя, несмотря на то что зловещая тень лучника уже маячила на заднем плане. Лучники, метатели копий и дротиков и пращники принадлежали к воинам низшего класса, и оружие их не входило в арсеналы воинской элиты, которая доминировала в развитии военной мысли.

Почти тысячу лет военное искусство строилось на одном и том же образце, где верховенствовал тяжеловооруженный конный воин с его простой и жесткой техникой ведения боя, успех которого во многом зависел от искусства оружейников. Мастера эти сперва облачали всадника и — позднее — коня в кольчужное плетение, а затем в кованые доспехи, чтобы сделать их неуязвимыми для примитивных стрел, способных поразить более легко защищенного воина.

Позже, когда атака тяжелой конницы бесславно завязла в грязи под Креси (а затем и под Азенкуром), когда вызов ее верховенству бросили валлийские лучники, пускавшие стрелы с острыми и длинными шиловидными наконечниками, рыцари стали заказывать более легкие, но прочные и ударостойкие доспехи из специальным образом изогнутых пластин, способные защитить от смертоносных ударов.

«Боже, пусть бы сей проклятый механизм никогда не был изобретен... Сколько доблестных воинов пали от рук этих презренных трусов, которые не посмели взглянуть в лицо противнику и схватиться с ним честно, которые несли смерть издалека своими бесстыдными пулями».

Блэз де Монлюк,
Маршал Франции

Шестнадцатый век — пика и мушкет

Появление ручного огнестрельного оружия положило конец средневековым приемам ведения войны. Несмотря на то что оружейники располагали более качественным металлом, а конные рыцари изъявляли готовность пожертвовать скоростью и стремительностью ради более толстых доспехов в надежде защититься от пуль, битва при Павии в 1525 г. обозначила конец доминирования аристократической тяжелой кавалерии, поскольку цвет французской аристократии пал там, выбитый ружейными залпами. Большой валлийский лук, а затем аркебуза сделали поле боя сферой господства пеших воинов, поскольку сомкнутые ряды непоколебимых, вооруженных стрелковым оружием солдат доказали, что плотный ружейный огонь способен остановить атаку всадников. Ко всему прочему простолюдины получили возможность убивать аристократов (разумеется, автор несколько увлекается, такая возможность имелась у пехоты и раньше, так как уже с начала четырнадцатого века кавалерия в Европе все чаще проигрывала стойкой и мотивированной пехоте. — *Прим. ред.*). Несмотря на то что по-прежнему оставалась нужда в копейщиках для защиты стрелков от прорвавшейся кавалерии, заметное повышение поражающей способности пехоты влекло за собой революцию и в технологии, и в менталитете, давая импульс отходу от рукопашного боя и отданию предпочтения перестрелке.

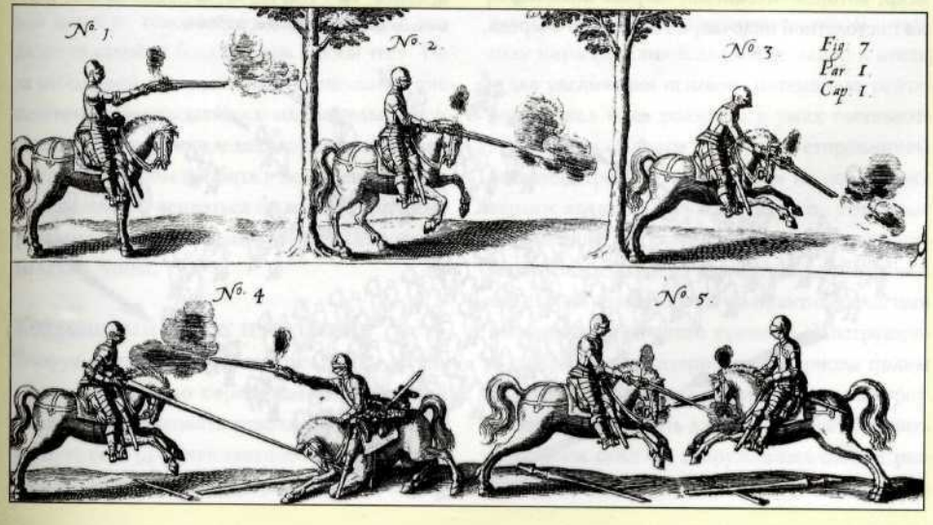
Однако подобные изменения происходили медленно. И зависело это вовсе не от консерватизма конной элиты, а от появления на полях сражений феномена швейцарских копейщиков. Швейцарцы уже использовали некоторое количество копейщиков еще в 1339 г. в сражении при Лаупене (и даже ранее, в 1315 г. у Моргартена. — *Прим. ред.*), но настоящий толчок к развитию этого «рода войск», который некогда помог Александру завоевать полмира и создать гигантскую империю, произошел позже, в пятнадцатом веке, когда швейцарцы разбили Карла Смелого Бургундского подряд в трех сражениях (1476—1477 гг.), эхо которых прокатилось по всей Европе. Крупный блок швейцарских копейщиков под защитой арбалетчиков и стрелков, позже аркебузиров, стал главным инструментом ведения войны и широко копировался. Построение представляло собой оружие наступления, накатывавшееся на противника, сметавшее в

сторону всадников и способное защититься от кавалерии с любого направления.

Противостоять швейцарцам удавалось только за счет заранее подготовленных полевых укреплений, как происходило это в сражениях при Мариньяно в 1515 г. и при Бикокке в 1522 г., когда их сокрушительное продвижение споткнулось и атака захлебнулась перед лицом противодействия артиллерии и плотного огня пехоты со стрелковым оружием. Швейцарцы понесли большие потери и осознали, как и их конные противники, что не смогли приспособиться к быстрому распространению огнестрельного оружия и выработать достойный способ дать ответ на этот вызов. В совмещении пики и мушкета преуспели испанцы, создав знаменитые терсиос, которые в дальнейшем довольно долго и доминировали на полях сражений. Применение мушкетов усилило обороноспособность терсиос, благодаря возможности уничтожать противника на большем расстоянии, но в целом формация оставалась тихоходной, неповоротливой и уязвимой для кавалерии. Кавалеристы могли сковать действия терсио, окружив его, но для уничтожения формирования требовался прорыв внутрь строя большого отряда. Если вражеской кавалерии удавалось пробиться туда, она завязывала рукопашную схватку, в которой проявляла себя особенно эффективно; но прорвать ряды воинов в терсио удавалось далеко не всегда.

Пробить брешь в терсиос представлялось возможным только за счет массированной атаки с применением пик, особенно если строй кавалерийского отряда обладал значительной плотностью, чтобы не позволить лошадям уклониться от направленных на них вражеских копий, и мог к моменту соприкосновения развить достаточно большую скорость, чтобы проломить вражеское построение и проложить себе путь внутрь его, невзирая на потери. Однако кавалерийские командиры не проявляли склонности к таким прямолинейным подходам, решив со своей стороны также попробовать применить порох и пули. Первые попытки вооружить всадников огнестрельным оружием, по сути дела, провалились из-за непрактичности и неэффективности материальной части. Ружья или петринали (нечто вроде крупнокалиберного карабина. — *Прим. ред.*), упиравшиеся прикладами в грудь всадника, а иногда уложенные стволами в специальные углубления в доспехах на шее лошади, не позволяли всаднику как следует прицелиться и поразить мишень, да и лошади в момент выстрела плохо поддавались управлению. Проводилось множество экспериментов с аркебузами, пищалями и карабинами, но необходимость держать тлеющий запальный фитиль и трудоемкие процессы стрельбы

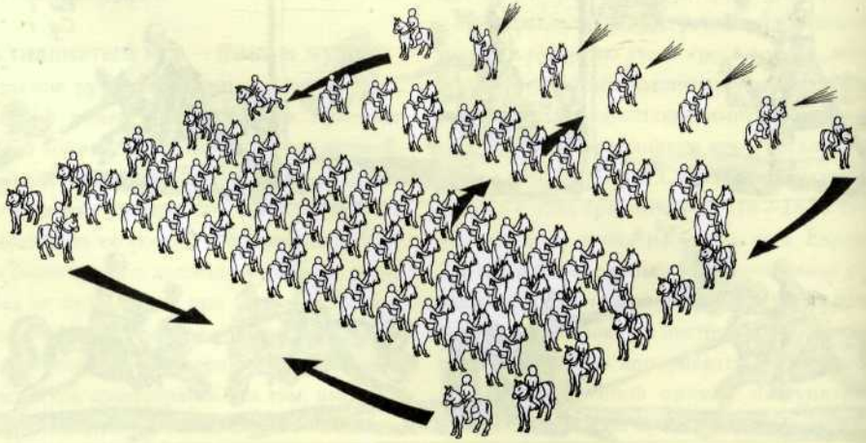
На приведенных ниже иллюстрациях показаны приемы стрельбы из пистоли на раннем этапе применения этого оружия. Вверху конник стреляет по вражескому всаднику и его лошади. Внизу два тяжеловооруженных всадника продолжают схватку на пистолях, после того как их копья оказались сломаны.

и перезаряжания требовали освобождения обеих рук, вынуждая конников быть одновременно умелыми мушкетерами и искусными наездниками, способными управлять лошадью только шенкелями и шпорами (хорошему всаднику во все времена полагалось уметь править конем без уздечки, только шенкелями, что требовалось как при стрельбе из лука, так и в рукопашной, когда приходилось орудовать мечом и прикрываться щитом. — *Прим. ред.*). Становилась очевидной необходимость поиска иного способа ведения огневой работы.

Решение пришло с изобретением колесцового замка, который сделал запальный фитиль ненужным в качестве средства воспламенения. Принципом работы замок напоминал заводной часовой механизм (надо сказать, что изобретение его приписывается еще Леонардо да Винчи и датируется концом пятнадцатого или началом шестнадцатого столетия. — *Прим. ред.*). Короткий отрезок цепи связывал шпиндель колеса с мощной пружиной — когда вал поворачивался с помощью специального ключа, цепь наматывалась вокруг него. Положение затем фиксировалось обычным спусковым механизмом. Собираясь выстрелить, всадник нажимал на собачку, вследствие чего находившийся в винтовом зажиме кусочек пирита опускался на колесо. Одновременно при нажатии на курок освобождалась пружина, цепь начинала разматываться и вращала ось. Быстро вращающееся зубчатое колесо прижималось к пириту и производило фонтан искр, которые поджигали затравочный порох на пистолетной полочке, а тот, в свою очередь, воспламенял основной заряд через запальное отверстие в каморе ствола. Колесцовые замки отличались изрядной степенью надежности (по понятиям тех времен, конечно), но все же страдали и от ряда недостатков. Если они ломались, то для ремонта приходилось обращаться к оружейнику со специальными инструментами. Пирит, будучи мягким минералом, быстро крошился или изнашивался и требовал частой замены, к тому же мелкие крошки имели обыкновение попадать в механизм. Тем не менее, колесцовые замки зарекомендовали себя с хорошей стороны, и на них можно было положиться при производстве первого выстрела. Однако перезаряжание в боевой обстановке оборачивалось непростой задачей, поэтому кавалеристы предпочитали иметь карабин на ремне и пару пистолей в кобурах на луке седла, а иногда и еще один в сапоге. Конник мог подготовить — зарядить и взвести — все оружие, ожидая своей очереди выступать, и шел в бой с карабином и пистолями, готовыми к стрельбе. Ему оставалось только достать оружие, направить его на врага и нажать на спусковой крючок.

Схема кавалерийской караколи. Очередная шеренга всадников выдвигается на передний край, производит выстрел в противника и затем возвращается в задние ряды формации для перезаряжания, желательно не на ходу. Этот довольно сложный прием огневою боя требовал от всадника и лошади принятия неподвижного положения в момент выстрела. В военных наставлениях содержалась масса противоречивых указаний по осуществлению подобных маневров, что, конечно же, не способствовало улучшению качества боевой работы.

Рейтары — вперед!

Современные эпохе испытания оружия с колесцовыми замками давали результат в 85 процентов попадания в ростовую мишень с расстояния в 25—30 метров и *приемлемый* уровень пробиваемости двухмиллиметровой стальной пластины, правда, мы не знаем, что такое «приемлемый уровень» и какое оружие тестировалось, пистоли или петринали. Опыты, проведенные автором с тщательно реконструированной петриналью, снабженной колесцовым замком, показали, что действительно эффективная прицельная стрельба возможна на расстояние до 9—10 м, до 18—20 м результат получался удовлетворительным, около 80 процентов, при увеличении дистанции, и то благодаря случайным попаданиям, поражаемость падала до 10 процентов.

«Основным приемом пистолетной конницы служил "караколь"... что приводило к неимоверному беспорядку и неразберихе, кроме тех случаев, когда подход этот применяли превосходно обученные и обладавшие весьма и весьма высоким боевым духом солдаты».

Сэр Чарльз Оман

При применении пистоли с кремневым замком удавалось достигнуть несколько более высоких результатов, но и осечки случались чаще. Возможно, очень многое зависело от искусства стрелков, но расхожая поговорка того времени, гласившая, что сначала нужно уткнуть ствол во врага, а потом нажимать на спусковой крючок, говорит об эффективности тогдашнего оружия больше, чем любой тест. Из-за небольшой дальности огня конникам с пистолетами предписывалось максимально приближаться к терсио и делать как можно больше выстрелов, чтобы пробить в ней брешь, в которую смогли бы ворваться их коллеги с пиками, развалить строй противника и расколоть его на мелкие группы.

Колесцовый замок и караколь

Вооруженные пистолями всадники стали модной и активно перенимаемой новинкой. Стремление атаковать совпадало с желанием вернуть себе прежнее тактическое верховенство и — в результате распространения новых видов оружия на легкую и даже на тяжелую кавалерию — дало ей возможность не только стрелять, но и участвовать в рукопашных схватках. Полностью защищенные доспехами кони и всадники с пистолями, выстрелами пробивающие себе путь и вступающие в схватку на мечах, стали обычной картиной на полях сражений. Такие вооруженные пистолями всадники, или рейтары (*Reiter* — от немецкого глагола *reiten*, что означает «скакать, ехать на коне», слово вполне родственное нашему «рыцарь», которое происходит из корня причастия 2-го вида того же немецкого глагола, а именно *geritten*, отсюда *Ritter*. — *Прим. ред.*), стали вскоре наводить ужас на всю Европу.

Однако появление новой техники конного боя повлекло за собой серьезные последствия для дальнейшего развития тактики и приемов кавалерии. При Сен-Кантене (у нас часто Сен-Квентин. — *Прим. ред.*) отмечалось применение конницей глубокого строя вместо обычного построения в линию. В отличие от швейцарских копейщиков и пехоты более позднего периода, делалось это не для сосредоточения наступающей кавалерии в кулак и не для того, чтобы максимально использовать силу натиска конной лавы и ее напор в атаке, а для увеличения огневого потенциала рейтаров. Такая идея родилась в умах составителей уставов. Самым известным сторонником ведения стрельбы всадниками из положения верхом являлся, вероятно, Крюсо, «Военные наставления для кавалерии» которого многажды переиздавались на разных языках Европы и чьи теории применялись на практике многими военачальниками того времени. Инструкции и уставы для кавалерии того периода полны описаний различных тактических маневров, призванных служить для того, чтобы обрушить максимум огня на вооруженных самым разнообразным оружием и выстроенных в те или

Польская тяжелая кавалерия 17-го века продолжала носить доспехи из элементов кольчужного плетения и кованых пластин даже и тогда, когда подобное ратное облачение вышло из моды в Западной Европе. На фотографии слева показаны такие типичные для конницы доспехи. Налокотники заменены кольчужными рукавами с целью обеспечить руке большую степень подвижности и гибкости при обращении с пикой.

иные порядки солдат противника. Наиболее популярный прием назывался караколью.

Караколь представлял собой следующее: сначала кавалерия строилась в колонну глубиной не менее шести рядов, имея при этом от шести до двадцати всадников по фронту. Затем эта неповоротливая формация медленно двигалась в сторону противника. Приблизившись на 25—30 метров, кавалеристы давали залп. Правда, в том, как именно это делать, наставления расходились. Одни рекомендовали стрелять шеренгами, другие — всей массой, что создавало опасность ранения или гибели некоторых из атакующих, находившихся впереди. Кто-то предлагал стрелять прямо по ходу движения по очереди из одной, а затем второй пистоли или же из двух сразу, другие

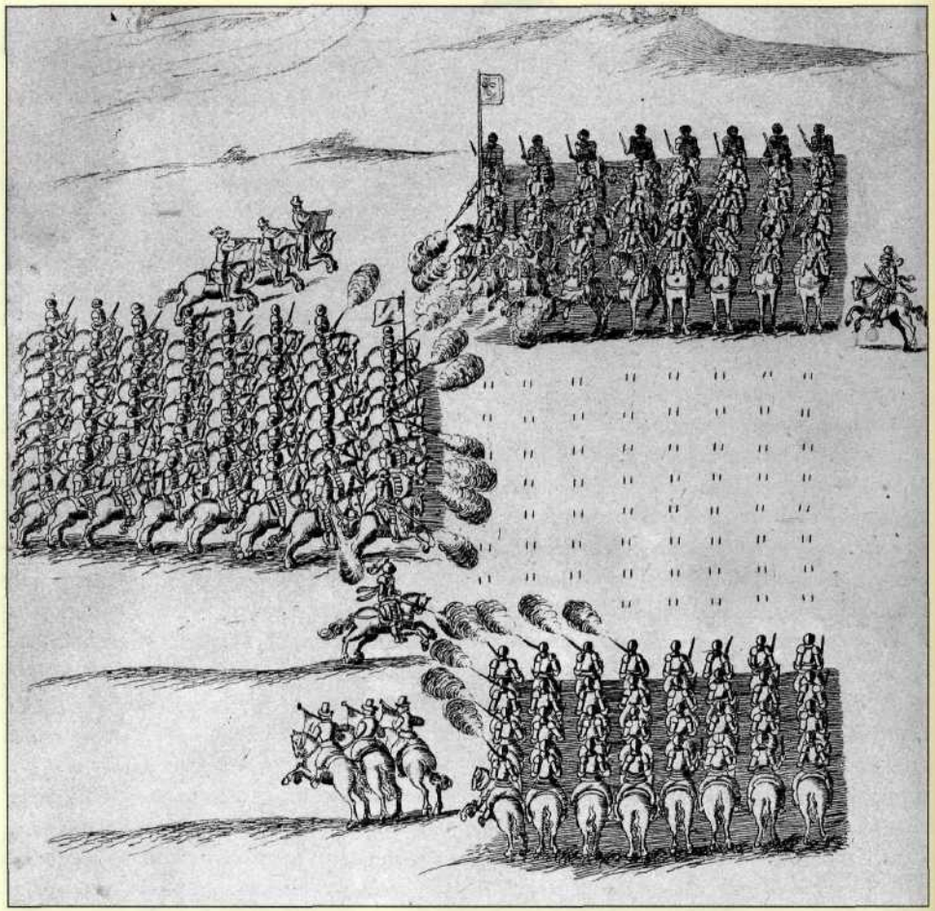
Кавалеристы, которым приходилось действовать в гуще сражения, предпочитали пистолеты с более надежным колесцовым замком. Такие пистолеты не только отличались большей простотой заряжания, но и давали стрелку уверенность, что он сможет выстрелить в любой желаемый момент, не прибегая к сложному процессу поджигания пороха с помощью фитиля.

советовали сначала развернуть коня направо и выстрелить из левой пистоли, затем, развернув коня налево, выстрелить из правой. Произведя выстрелы, кавалеристы отходили для перезаряжания оружия — процесс, как мы легко можем представить себе, довольно непростой. Конечно же, существовало несколько мнений и концепций относительно того, как выполнить маневр наилучшим образом. Одни настаивали на необходимости осуществления поворота целой шеренгой, другие советовали повернуть и двигаться друг за другом поперек фронта и далее в конец колонны, третьи утверждали, что наиболее оптимальным способом является контрмарш по колоннам. Мы не располагаем достаточными сведениями, чтобы с уверенностью утверждать, какой именно из подходов применялся чаще, однако есть свидетельства, что при стрельбе *en masse*, или массой, задние ряды частенько просто палили в воздух!

При выполнении маневров караколи движения кавалерии отличались неповоротливостью. Она редко двигалась быстрее, чем рысью, при этом главной проблемой становилось то, что, даже производя выстрелы, всадники не наносили противнику существенного ущерба. Кавалерийские столкновения стали протекать медленно и с изрядным грохотом. И хотя теоретически конница обладала способностью рассеять формации противника, на самом деле достигнуть цели удавалось, только если кавалерия действовала численно превосходящими силами.

Однако даже при наличии численного преимущества коннице бывало трудно одолеть пеших. Аркебузы и мушкеты обладали большей дальнобойностью, чем пистоли, стреляли более тяжелыми пулями и мощными зарядами, к тому же пешие солдаты могли обеспечить большую плотность огня. В таких условиях кавалеристы не имели особенно верных шансов на победу, несмотря на то что они перезаряжали оружие в сравнительно безопасном месте. Попытки превратить кавалерию в средство ведения огневого боя привели ее в состояние тактической бесполезности. Несмотря на выдающиеся успехи тяжеловооруженных всадников с пиками при Моке в 1574 г. и Жамблу в 1578 г., позднее большинство кавалеристов вооружались пистолями, а копья начали постепенно выходить из употребления. Голландцы официально отказались от них в 1587 г. Длинные колющие кавалерийские мечи — средневековый «эсток» и его варианты — также исчезли из обихода, и кавалеристы в рукопашных схватках стали использовать более короткие клинки и даже рукояти пистолей. В стремлении повысить эффективность огня навыкам рукопашного боя уделялось все меньше внимания как со стороны командиров, так и отдельных кавалеристов. Даже если в формации противника удавалось пробить брешь огнем, далеко не все атакующие части демонстрировали способность развить успех, продолжив бой врукопашную, а тяжеловооруженные всадники с пиками вообще больше годились для парадов, чем для кровавой работы на поле битвы. Искусство верховой езды пришло в упадок. Применительно к кавалерии — неспособной или не желающей вступать в рукопашную схватку и стремящейся «свести все дело к бестолковому хлопанью маленьких пистолетиков» — сей великий эксперимент иногда называют «ослаблением конницы».

Вооруженная пистолями кавалерия получила такое широкое распространение, что заняла даже довольно заметное место в польской армии, заслуженно гордившейся традициями лихих ударных кавалерийских атак. Однако в отличие от того, что происходило во многих

Одна из самых причудливых идей отражения атаки противника изображена на представленной здесь гравюре 17-го века. Вдохновленный тактикой фаланг Александра Македонского, расступавшихся, чтобы пропустить мчавшиеся на полном скаку колесницы противника, автор наставления забывает о том, что лошади не обладают такой же способностью легко подаваться вбок, как могут люди, а будучи развернутыми, невольно подставляют незащищенные бока под удар любых неприятельских сил поддержки.

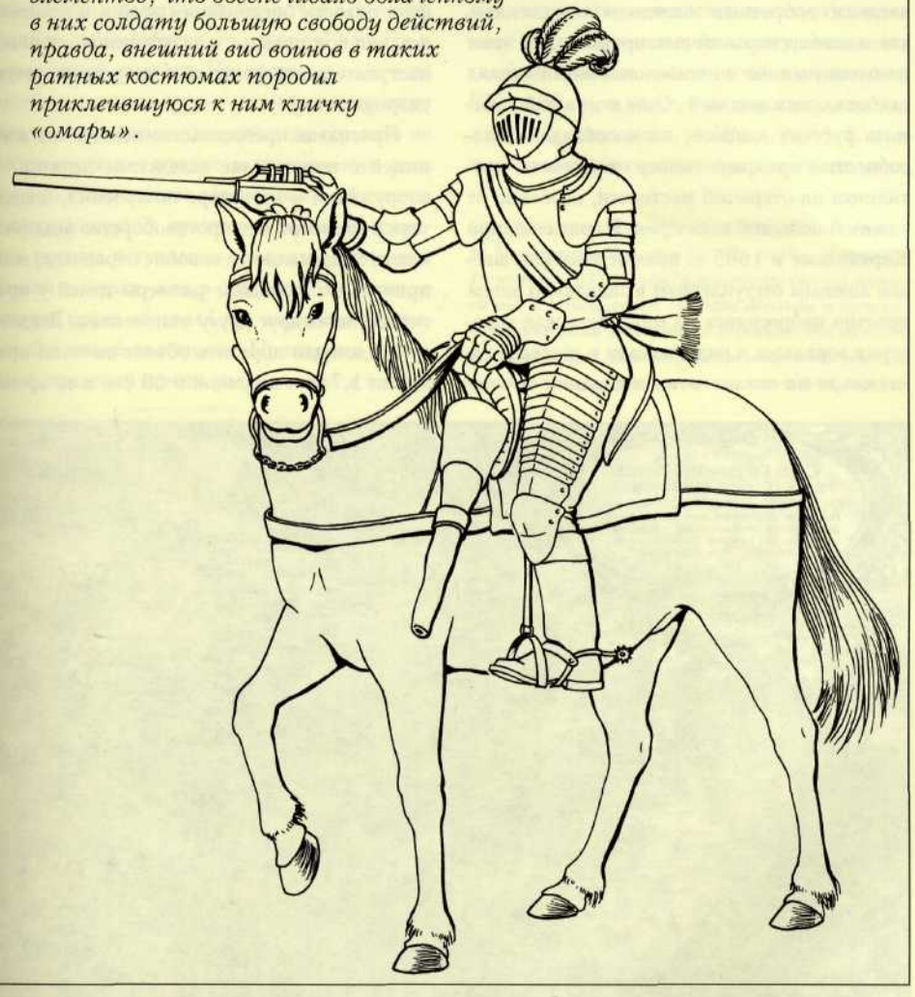
других европейских армиях, польские конники не искоренили полностью пики и сохранили способность и готовность к рукопашным схваткам. Сражение при Клушине в 1610 г. может служить довольно показательным примером высокой боеспособности польской конницы: когда шведские и русские рейтары попробовали отойти после массированного применения караколи, поляки с клинками наголо галопом нагнали их. Они накатились на крупное скопление вражеской кавалерии и раскололи его на части, затем рассеяв врага и вынудив большую часть его всадников к бегству с поля боя. По крайней мере, в одном уголке Европы кавалерия не деградировала полностью, но в целом конец шестнадцатого века отличается меньшим количеством крупных сражений, видевших лихие сшибки конницы и яростные атаки пехоты. Небольшая скорость передвижения как терсиос, так и рейтаров, упор на огневую мощь совпали с ростом популярности артиллерии и полевых укреплений, что способствовало смещению акцента в битвах в пользу оборонительных действий. Рукопашная схватка стала последним средством полководцев.

Лютцен, 1632 г. – шведские реформы

Вклад кавалерии в победы в сражениях сократился настолько, что Морис фон Нассау, выдающийся военный новатор того времени, вообще почти не удостоил ее вниманием, сосредоточив все усилия на создании боеспособной пехоты. Он лишь сократил глубину кавалерийского построения до четырех-пяти рядов, но все же остался верен классической римской практике использования кавалерии как войск скорее стрелкового характера, чем ударной атаки и ближнего боя. (Трудно сказать, что же, собственно, имел в виду автор под последним заявлением. В Античности у римлян всадники бросали дротики или рубились с противником на мечах, находили при-

Имперский кирасир (ок. 1630 г.)

Кирасиры времен Тридцатилетней войны продолжали носить латы для обеспечения максимальной защищенности, но отказались от копий в пользу пистолей. Страдая часто от недостатка выучки, они были вынуждены применять сложный караколь, чтобы нанести противнику наибольший возможный урон с помощью огнестрельного оружия, и только затем вступали в схватку на мечах. Кирасирские доспехи обычно отличались хорошим качеством и позволяли уберечь всадника как от удара мечом, так и – нередко – от пистолетной пули. Латы состояли из множества перекрывающих друг друга небольших по площади элементов, что обеспечивало облаченному в них солдату большую свободу действий, правда, внешний вид воинов в таких ратных костюмах породил приклеившуюся к ним кличку «омары».

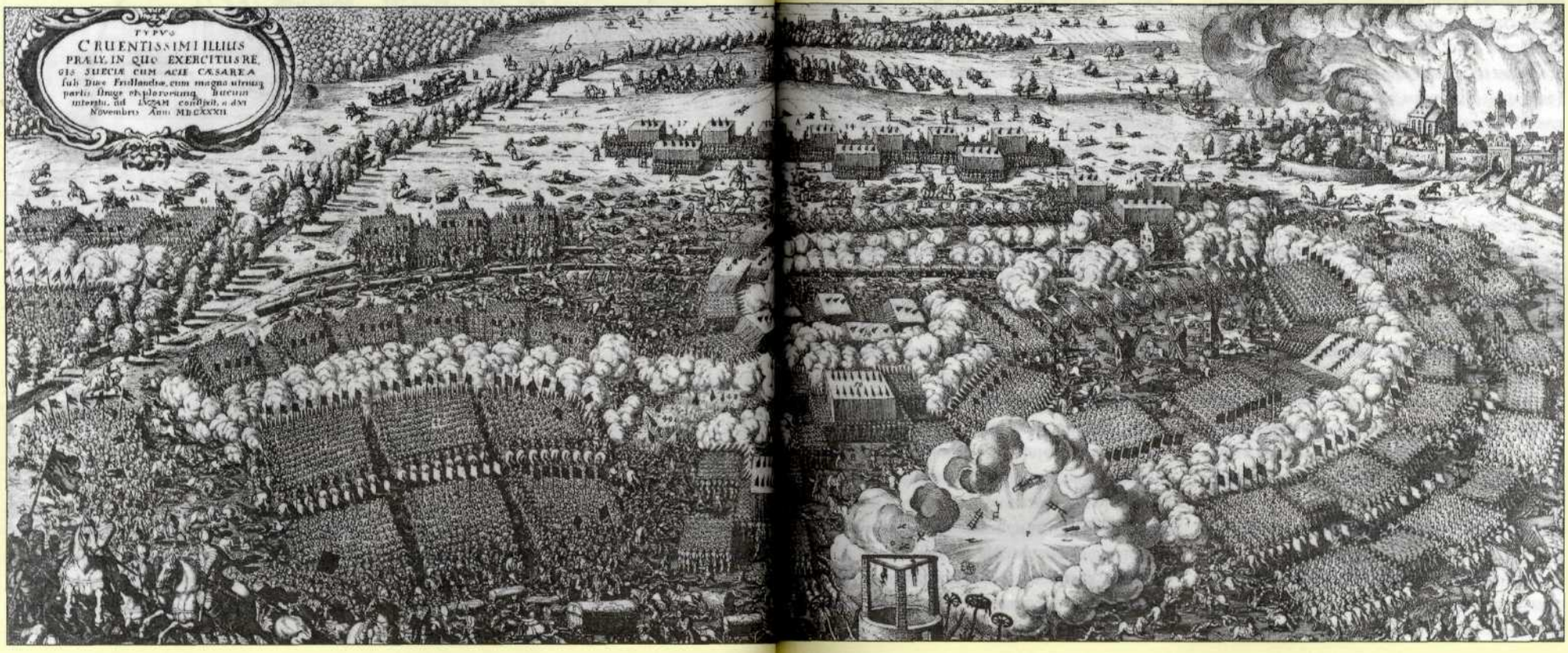
менение конные лучники, ударная атака в средневековом *рыцарском духе* не практиковалась, видимо, из-за отсутствия стремян и седел, хотя у других народов, особенно в Азии, а потом и у германцев, существовала и тяжелая кавалерия. — *Прим. ред.*)

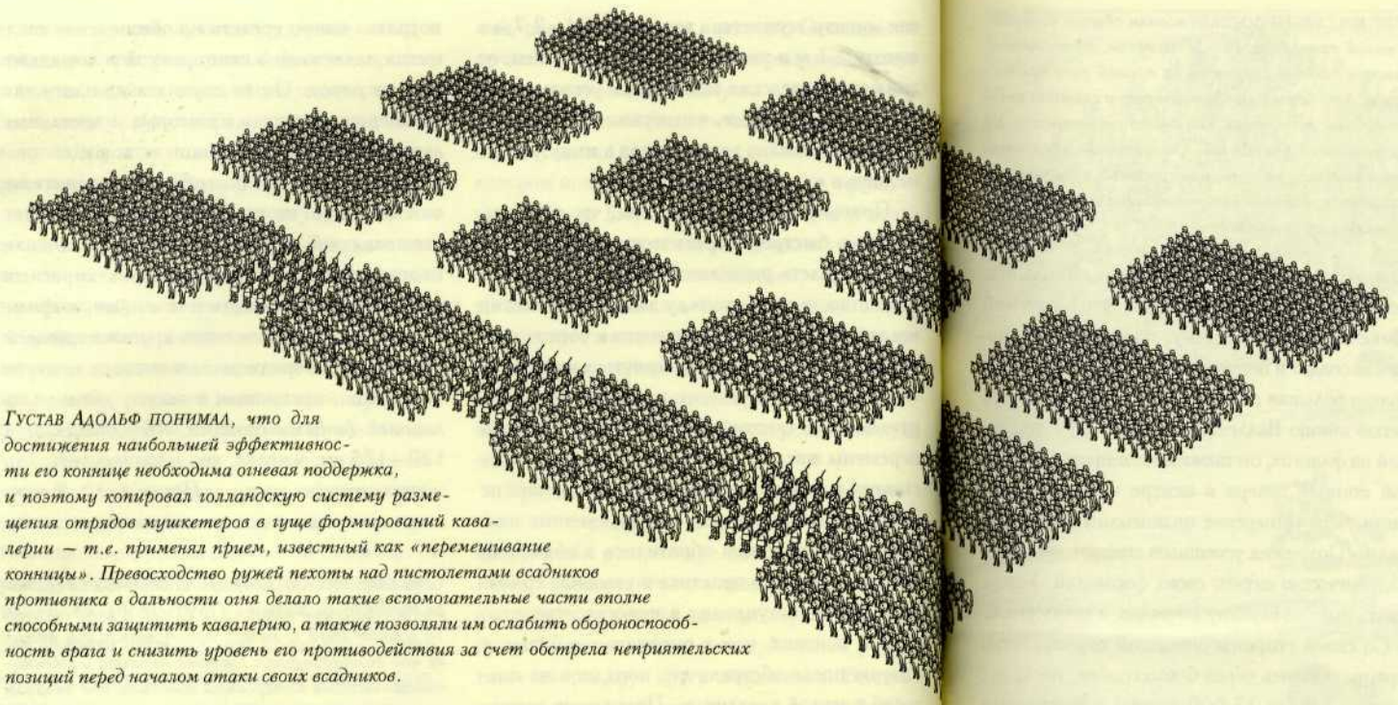
Сигнал к переменам прозвучал с неожиданной стороны — из Швеции. В начале семнадцатого столетия Карл IX унаследовал кавалерийские части, почти полностью состоявшие из вооруженных пистолями солдат, не располагавших добротным защитным вооружением, как и вообще хорошей экипировкой, при этом плохо выученных и посаженных на маленьких слабосильных лошадей. Они могли еще отогнать русских казаков, но не обладали способностью прикрыть пехоту от конницы противника на открытой местности, особенно от тяжелой польской кавалерии. В сражении при Киркхольме в 1605 г. поляки завлекли шведов ложным отступлением в западню и затем яростно набросились на них. Польская кавалерия ворвалась в ряды шведов и рассеяла их, несмотря на все попытки последних остановить поляков огнем из пистолей. Оставшаяся почти без кавалерийского прикрытия шведская пехота, не имевшая к тому же в своем составе должного количества копейщиков, пала жертвой нападения соединенных сил неприятеля, в котором польская кавалерия сыграла ведущую роль. После Киркхольма отношение к всадникам в виде этаких малоподвижных огневых точек стало довольно негативным, и результаты этого проявились в Тридцатилетней войне. Инновации шведского короля Густава Адольфа в области организации армии и приемов ведения боя привели к возвращению коннице наступательных функций с упором на лихую ударную атаку.

Признавая превосходство пехоты над конницей в перестрелке вследствие разницы в вооружении и характере построения, шведы также осознали, что противоборство всадника и пехотинца является вдвойне неравным, если принять во внимание размеры целей у противостоящих друг другу оппонентов. Всаднику предстояло поразить объект высотой примерно 1,7 м и шириной в 60 см, в то время как мишень мушкетера достигала 2,4—2,7 м в высоту и 1 м в ширину. С другой стороны, от внимания шведских тактиков не ускользнул и тот очевидный факт, что мушкетер способен произвести только два выстрела в минуту, да и то лишь в «удачный день».

Поэтому они предположили, что конница, двигаясь быстро, теоретически вполне могла бы преодолеть разделяющее ее и пехоту пространство за время между залпами. Отметив все эти факторы, шведы пришли к убеждению, что у кавалерии есть шанс вернуться к прежней тактике сосредоточенного ударного натиска и рукопашной схватки. Несмотря на то что на перемены шведов подвиг, судя по всему, опыт схваток с поляками, они никогда серьезно не рассматривали вопрос о применении пик. Вместо этого шведы обратились к обучению и применению на практике в условиях сражения приема вступления в непосредственный боевой контакт, или в рукопашную битву, с врагом после обстрела его порядков из пистолей с малой дистанции. Пропорция конницы в шведской армии увеличилась, а король потратил много средств на обеспечение всадников надлежащей экипировкой и лошадьми лучших пород. Он не скупился на плату для кавалерии и раздачу налоговых и земельных льгот. Качество всадников и лошадей резко повысилось, но, по тогдашним понятиям, они все равно не походили под определение «тяжелая кавалерия». Конники не носили полных доспехов, ограничиваясь кирасами или даже нагрудниками и шлемами, а кроме того, не использовали очень крупных лошадей. Несмотря на породистость и высокую цену, их кони редко превышали в высоту двенадцать ладоней (иными словами, 48 дюймов, или 120—125 см, в холке, как можно судить, что и вправду очень мало. — *Прим. ред.*). К середине двадцатых годов семнадцатого столетия,

Сражение при Лютцене, изображенное на гравюре Маттхауса Мериана (1593—1650), произошло 16 ноября 1632 г. между протестантской армией под командованием Густава Адольфа и римско-католическими имперскими войсками под началом Валленштейна. За победу шведы заплатили немалой ценой — жизнью своего замечательного монарха.

Густав Адольф понимал, что для достижения наибольшей эффективности его коннице необходима огневая поддержка, и поэтому копировал голландскую систему размещения отрядов мушкетеров в гуще формирований кавалерии — т.е. применял прием, известный как «перемешивание конницы». Превосходство ружей пехоты над пистолетами всадников противника в дальности огня делало такие вспомогательные части вполне способными защитить кавалерию, а также позволяли им ослабить обороноспособность врага и снизить уровень его противодействия за счет обстрела неприятельских позиций перед началом атаки своих всадников.

вследствие реформ Густава Адольфа, кавалерия была реорганизована в эскадроны, а к тридцатым годам того же века — в полки. Теоретически полк состоял из двух эскадронов, а эскадрон из четырех рот по 125 чел. в каждой (эскадрон в данном случае есть не что иное, как батальон, или, применительно к коннице, дивизион, тогда как роты можно считать эскадронами в нашем понимании этого слова. — *Прим. ред.*). То есть полк состоял из тысячи чел. — на бумаге.

Нет никаких источников, подтверждающих, что эти кавалеристы имели единую военную форму, несмотря на то что шведская пехота постепенно приходила к единообразию через централизованное распределение обмундирования. Недостаточное количество доспехов также вело к тому, что многим всадникам приходилось носить в качестве защитного вооружения толстые кожаные камзолы. Возможно, некоторые использовали металлические поручи на руке, удерживавшей повод, но большинство обходилось кавалерийскими перчатками с большими крагами.

До создания шведской системы в европейских баталиях преобладали две тактические методологии: голландская и испанская. В основе как той, так и другой лежало применение пехоты и артиллерии. Конница засылалась на фланги, чтобы исполнять замысловатые и бесполезные караколи до тех пор, пока не поступит команда приступить к преследованию разбитого противника. Обе системы опирались на огневые возможности войск. Опыт столкновения с поляками преподал шведам несколько уроков, и Густав Адольф сделал из них практические выводы. Он понял, что его армия нуждается в трех существенных усовершенствованиях: в наращивании огневой мощи, в использовании конницы, пехоты и огнестрельного оружия во взаимодействии друг с другом и в возвращении кавалерии к тактике контактных действий. Густав Адольф считал, что коннице вполне под силу вновь стать оружием победы в сражениях, если она станет наносить удары на высокой скорости силами хорошо обученных всадников на хороших лошадях. Постепенно он начал выстраивать свою систему, используя в середине двадцатых годов семнадцатого века в качестве экспериментальных полигонов сражения при Вальхофе, Меве и Диршау.

При Диршау в 1627 г. шведская конница при поддержке мушкетеров сумела поквитаться с польскими противниками. При Бургшталле шведские всадники заставили отступить пытавшуюся одолеть их с помощью караколи конницу Тилли. При Брайтенфельде, позднее, Густав Адольф дислоцировал отряды мушкетеров среди порядков кавалерии и оставил в строю пехоты коридоры для прохода резервной конницы. Таким образом огнестрельное оружие применялось по всему фронту, а три рода войск действовали в тесном взаимодействии. Также Густав Адольф позаботился о том, чтобы каждая его линия располагала кавалерийским резервом. Такой характер развертывания войск и тактические новации удивили как дружественных саксонцев, так и противников из лагеря империи, особенно огневая поддержка для конницы и ее наступательный потенциал — готовность к переходу в стремительную атаку, как только противник дрогнет. Даже великий Паппенхайм со своими знаменитыми кирасирами не смог одолеть шведов. Влияние нового подхода оказалось столь велико, что практические командиры и военные теоретики углубились в серьезный анализ происходящего, чтобы разразиться множеством наставлений и инструкций по применению шведской системы. Испанский метод вместе с караколью мгновенно перекочевали в разряд устаревших. Несмотря на то что шведские конники продолжали носить пару пистолетов, согласно инструкциям, только первый ряд мог применить огнестрельное оружие в атаке, но лишь один ствол и не иначе как с близкого расстояния. Остальным разрешалось браться за пистолеты исключительно в случаях крайней необходимости.

Шведская тактическая система прижилась и применялась многими выдающимися полководцами Тридцатилетней войны. Даже знаменитый имперский военачальник Валленштейн частично принял ее, разместив отряды мушкетеров по флангам кавалерии. В сражении при Лютцене Густав Адольф наблюдал за развертыванием всей протестантской шведско-саксонской армии, которую он привел померяться силами с имперскими войсками Валленштейна. Протестанты хотели использовать отсутствие Паппенхайма с его формированиями, которые засекли на марше к Галле. Валленштейн же до этого принял решение уйти на зимние квартиры и, выбрав в качестве ставки Лютцен, рассредоточил полки по окрестностям. Узнав о приближении шведов, он приказал своим немедленно вернуться и вновь занять позиции.

Данная глава посвящена главным образом кавалерии, и поэтому в описаниях сражений, приведенных на этих страницах, почти не присутствует пехота, за исключением случаев ее тесного взаимодействия с конницей. Поэтому описания не являются — и не могут являться — полными, в противостоянии же при Лютцене, как и в других затрагиваемых в книге сражениях, значительные по численности силы сторон действовали на довольно обширной территории, что просто не дает нам возможности рассказать обо всех из них.

Валленштейн

Лютцен представлял собой небольшой купеческий городок, вокруг которого Валленштейн приказал солдатам подготовить полевые укрепления. Утром 6 ноября 1632 г., когда его рассредоточенная армия начала собираться, он вывел ее на окружающие город поля. Зная, что до подхода Паппенхайма ему придется столкнуться со сложностями, Валленштейн создал оборонительную линию, в которой правый

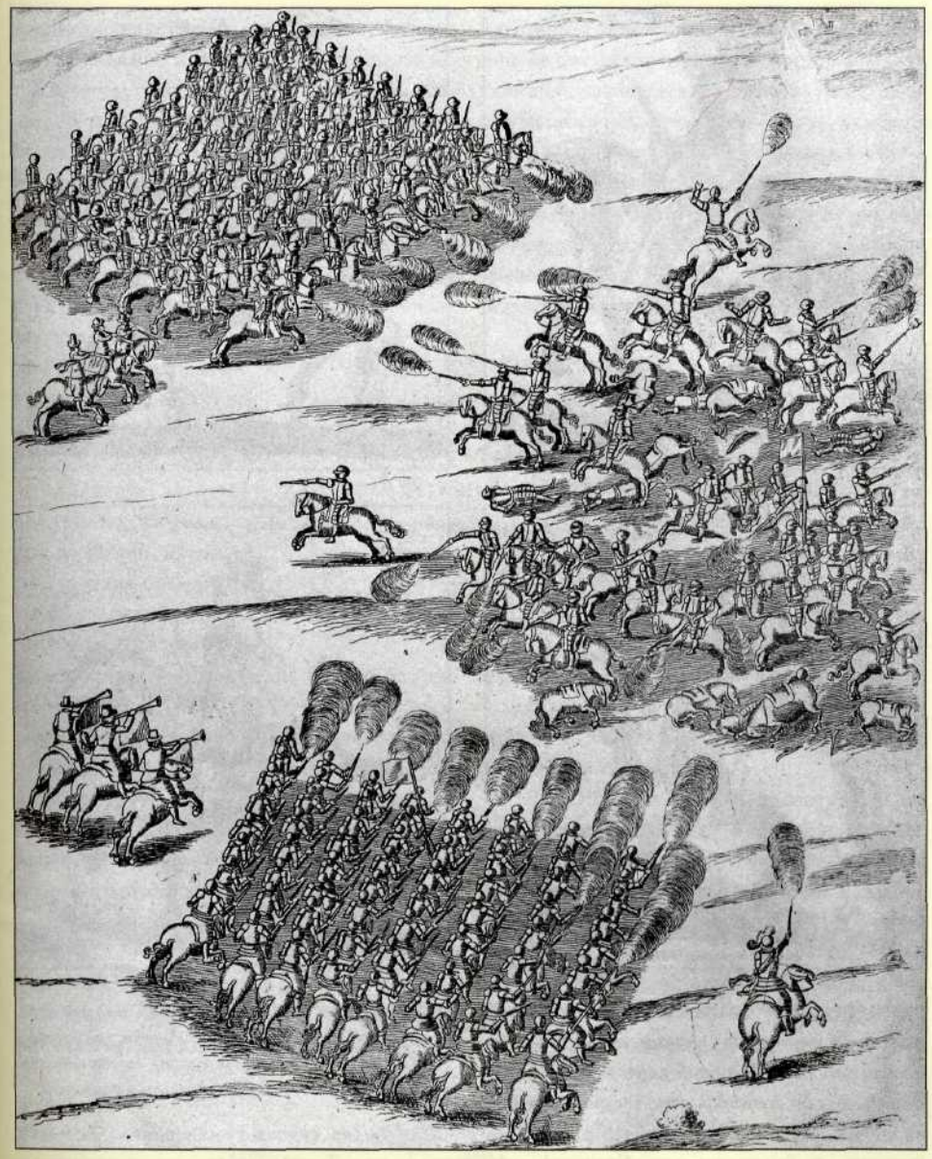
Такие массивные доспехи носили обычно всадники тяжелой кавалерии 16–17-го веков. Неподвижное запястье латной рукавицы на правой руке предполагает, что основным оружием воину служило копье и подобная жесткость защищала от повреждений при нанесении ударов им. Отсутствие элементов защитного вооружения, прикрывавших бы пальцы, позволяет предположить, что такие элементы располагались на древке копья.

фланг прикрывался городом с замком. Здесь среди мельниц и отдельно стоящих зданий на окраине он установил батарею из 14 тяжелых пушек, распределив оставшиеся 10 орудий по фронту. Основные боевые линии Валленштейн построил позади внушительной канавы, или овражка, который тянулся с востока на запад вдоль дороги Лютцен–Лейпциг. Если не считать этого единственного препятствия, остальная часть поля предстоящей битвы — будучи плоской и открытой — представлялась весьма удобной для кавалерии. Валленштейн мог бы прикрыть свой левый фланг небольшим ручьем Флоссграбен, но, к сожалению, не располагал достаточным количеством солдат, чтобы дотянуть фронт так далеко.

Силы Валленштейна насчитывали 8000 чел. пехоты и 8000 конницы при условии, конечно, что успели собраться все его полки. Командующий выстроил их привычным и проверенным способом: пехота в центре, кавалерия на флангах. Он также выставил вперед отряды мушкетеров с приказом закрепиться в канаве и стрелять лошадям в брюхо, если шведская кавалерия попытается преодолеть препятствие. Историки до сих пор спорят о количестве линий в построении Валленштейна, сколько их было, две или три. На самом деле, следуя своей традиции, он собрал всех оставшихся в лагере нонкомбатантов и, выдав им несколько пехотных штандартов, поставил позади войск в надежде, что в утренней дымке протестанты примут обозных «попутчиков» за солдат и подумают, что им противостоит гораздо большая сила. Вот они-то и составляли третью линию Валленштейна. Наряду с кавалерией на флангах, он также дислоцировал небольшой конный резерв в центре позади первой линии, чего имперские полководцы раньше не делали. Подражая успешным шведам, он сократил количество шеренг своих формаций. Теперь пехота имела в глубину 10 рядов, а кавалерия 6.

Со своей стороны шведский король, легко переправившись через Флоссграбен, построил войска — около 13 000 пехоты и всего около 6000 чел. кавалерии — так же, как и при Брайтенфельде, менее крупными, чем у противника, подвижными отрядами и неглубоко, чтобы увеличить протяженность фронта и задействовать большее количество солдат, поскольку иначе многие из них, находясь ранее в задних рядах, почти не участвовали в сражении. Густав Адольф также «зацепил» правый фланг за небольшую рощицу и сформировал две линии с 20 полевыми орудиями, распределенными вдоль фронта по его крыльям, в центре которого дислоцировалось шесть бригад пехоты и плюс по шесть конных эскадронов с флангов в каждом из эшелонов. Пять отрядов по 200 мушкетеров разместились в интервалах между частями кавалерии на обоих крыльях первой линии. Тысяча мушкетов на флангах — ничего похожего на такое количество Валленштейн позволить себе не мог. Можно сказать, шведский король не напрасно тратился, инвестируя средства в личный состав.

Шведская система чередования стремительных конных атак и оружейных залпов пехоты лучше всего изложена очевидцем, Робертом Монро: «...На близкой дистанции наши мушкетеры встречали их залпом, затем наши кавалеристы стреляли из пистолетов и атаковали их

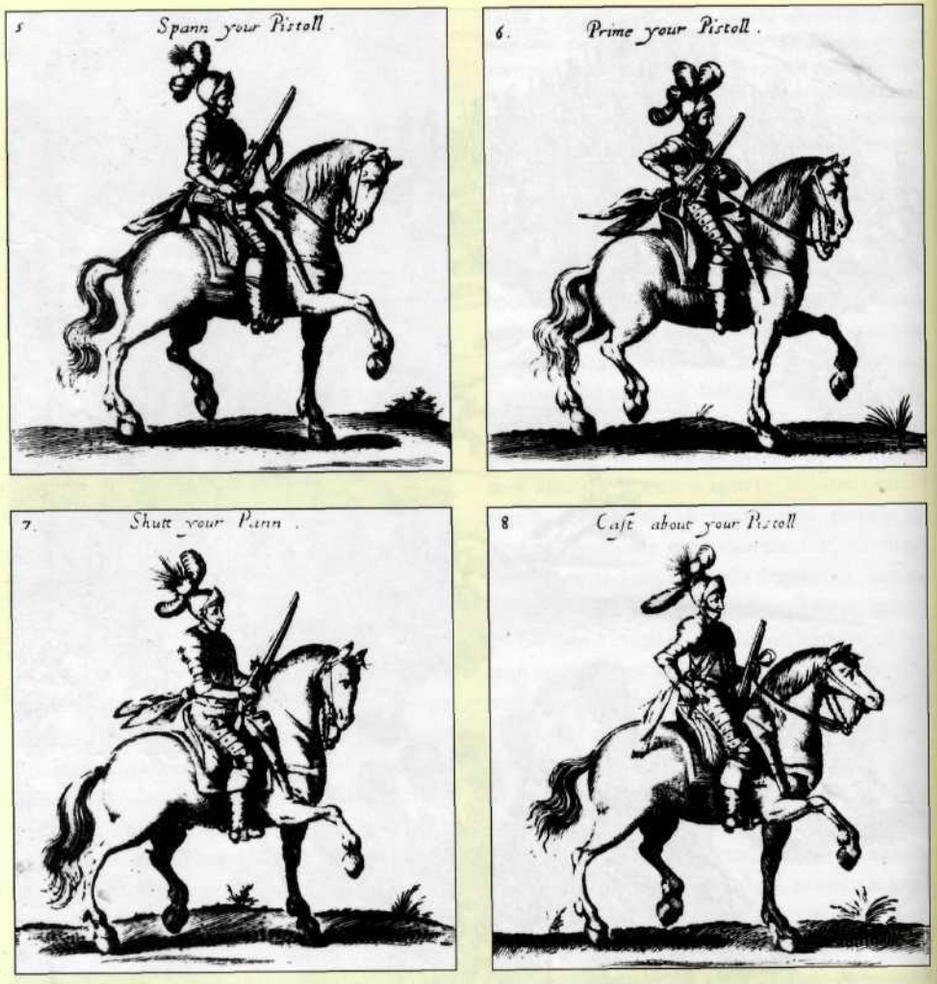

Несмотря на то что конные формации 16-го века производили много шума и дыма, единственным средством для вооруженных пистолетами рейтаров победить друг друга являлось численное преимущество.

с мечами наголо, когда кавалеристы отходили, мушкетеры были снова готовы к залпу...»

Вдобавок каждый отряд мушкетеров имел в распоряжении два небольших артиллерийских орудия — полковые пушки, иногда называемые шведскими солдатами «кожаными пушками». Все это означало, что на каждом фланге имелось по тысяче мушкетов и по десять орудий, обеспечивающих шведской армии довольно высокий огневой потенциал.

Густав Адольф также уменьшил глубину кавалерийских формаций с шести рядов до трех. У него не хватало людей, а за зимнюю кампанию погибло много лошадей, но, с другой стороны, такое построение позволяло сильнее растянуть фронт и занять большее пространство, перекрыть фланги и повысить скорость наступления, поскольку отпала нужда ожидать, пока присоединятся к атаке задние

Демонстрация различных положений рейтара. Вооруженному пистолетом всаднику приходилось совершать целый ряд манипуляций, чтобы подготовить пистолет к стрельбе, находясь в движении.

ряды. Он оставил два резерва: один пехотный позади первой линии и один кавалерийский позади второй. Шведский король также предпочел рассредоточить артиллерию, создав вдоль линии своего фронта пять батарей по пять орудий. Так же, как и при Брайтенфельде, Густав Адольф принял командование над правым флангом, — правда, на сей раз ему противостоял Хольк. Левым флангом командовал герцог Бернард Заксен-Веймарский, противостоявший, таким образом, Валленштейну.

Развертывание боевых порядков

После молебна поднялся густой туман, он задержал атаку протестантов и дал время Паппенхайму, который, оставив свою пехоту, спешил к Лютцену с одной лишь кавалерией. Двухчасовая спорадическая артиллерийская перестрелка сквозь туман заняла большую часть утра. Затем шведы предприняли неудачную попытку ложного отступления, чтобы выманить имперские силы с их позиций, но Валленштейн не поддался на вражескую уловку. У Холька же на левом фланге возникли трудности с тем, чтобы удержать солдат и конницу, ринувшихся к краю канавы. Подобное притворное отступление, как то, что разыгрывали шведы, должно, по идее, выполняться более мелкими подвижными формированиями кавалерии, привычной к таким маневрам, но даже в таком случае оно представляет собой довольно сложное передвижение, которое

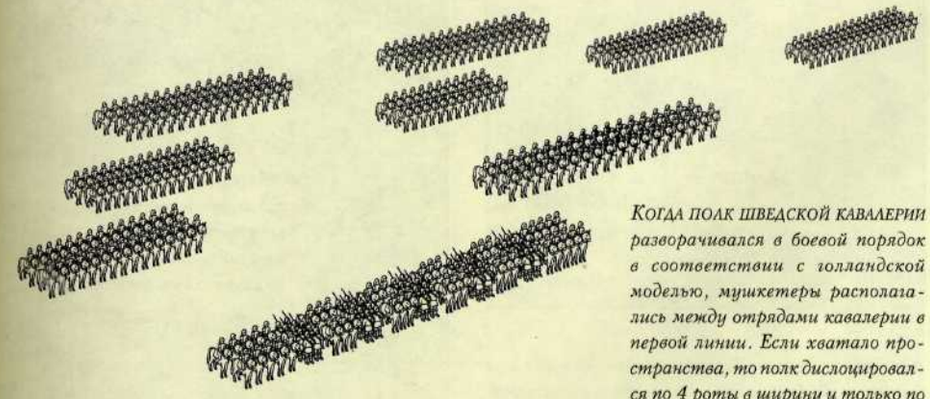
трудно координировать, особенно в условиях плохой видимости. Только к 11 часам, когда туман начал рассеиваться, дело началось всерьез. Узнав, что войска Холька продвинулись к канаве и тем сократили дистанцию, на которой могли бы набрать скорость, Густав Адольф приказал кавалерии правого фланга перейти в наступательные действия. В таких ситуациях шведская система демонстрировала важное преимущество. Кавалерийские части на флангах отличала подвижность плюс к тому выучка и умение атаковать, но их продвижение вперед к тому же предварялось залпами приданных мушкетеров и легкой артиллерии, огневая поддержка давала всадникам, кроме того, возможность собраться под защитой стрелков. Все это есть не что иное, как отличный пример действия всех родов войск в тесном взаимодействии между собой на поле сражения. Однако на начальной стадии скорость продвижения наступающих частей конницы ограничивалась медленной рысью — т.е. скоростью передвижения мушкетеров и артиллерии. Когда атакующие приблизились к цели на расстояние выстрела из мушкета, они дали залп из стрелкового оружия и из пушек, пробив бреши в строе противника.

«Сейчас многие воюют как лисы, а не как львы, и война состоит больше из осад, чем из сражений».

Анри де Роган

Ведомые королем, шведы продолжили наступление. Они скакали вперед, имея приказ не открывать огонь из пистолей, пока противник не выстрелит первым, затем пришпорили лошадей, чтобы перейти в галоп. Атакующие врубились в ряды кавалерии Холька, и ожесточенная рукопашная схватка закипела в канаве и вокруг нее. Имперские мушкетеры стреляли в животы шведских лошадей, но скоро оказались втянутыми в общую свалку, в которой многие пали порубленные. Первоначальный натиск и способность к взаимодействию дали шведам преимущество в первой стадии сражения, но, по мере того как им удалось отбросить имперские части ко второму рубежу, наступательный порыв истаял и энергия его словно бы растворилась в массах противника, с которым им пришлось сражаться. Введя в схватку второй эшелон, шведское командование обеспечило свежий импульс атаке, что позволило продолжить наступление с новой силой.

Шведы пробились через канаву, вытеснив мушкетеров и рассеяв имперскую кавалерию, которой пришлось откатиться назад для перестроения. Несмотря на то что Валленштейн тоже расположил стрелков среди своей конницы, их оказалось слишком мало, чтобы остановить отступление. И снова действуя под предводительством короля, шведы погнали смешавшуюся кавалерию Холька, разбив ее

Когда полк шведской кавалерии разворачивался в боевой порядок в соответствии с голландской моделью, мушкетеры располагались между отрядами кавалерии в первой линии. Если хватало пространства, то полк дислоцировался по 4 роты в ширину и только по 2 в глубину, действуя с одинаковой эффективностью как тем, так и другим строем.

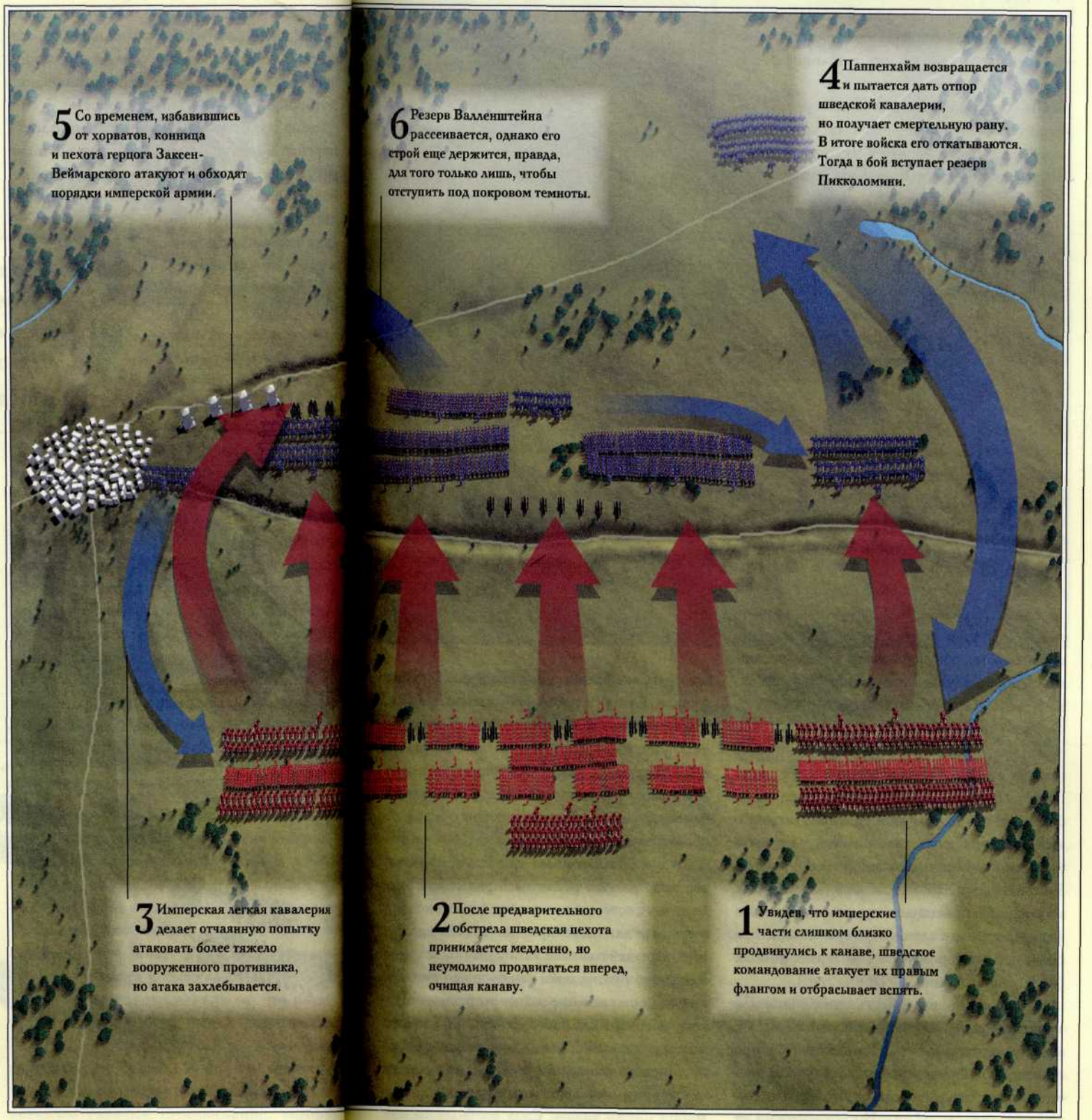
Битва при Лютцене

1632 г.

Имперская армия под командованием Валленштейна направлялась на зимние квартиры в Лютцене и в его окрестностях, в том числе и в Галле, куда двинулся Паппенхайм. Воспользовавшись удобной ситуацией, Густав Адольф с протестантскими войсками решил атаковать противника. Валленштейн выстроил оборонительные порядки позади глубокой канавы, пролегавшей вдоль дороги Лютцен—Лейпциг. На правом фланге шведская кавалерия добилась некоторого успеха, но на левом хорватская конница империи сумела отбросить противника. В центре инфантерия сомкнула ряды и держалась стойко, но сказалось превосходство огневого потенциала протестантов, сумевших вынудить имперские части отойти от канавы. Тем временем прибыли формирования Паппенхайма, которые оттеснили шведов на правом фланге, однако даже при поддержке кавалерийского резерва Пикколомини имперская армия не смогла поколебать боевые порядки шведов. Сражение бушевало до тех пор, пока правый фланг Валленштейна не начал отступать. Протестанты попытались развить успех и смять строй имперских частей, однако не сумели обратить их в бегство. В итоге спустившаяся ночь позволила Валленштейну, бросив пушки, увести войска в Лейпциг. Между тем, с гибелью Адольфа шведы остались без решительного и талантливого вожака и потеряли «сердце» армии.

Лютцен находится в Германии примерно в 25 км на юго-запад от Лейпцига по направлению к Эрфурту. Сражение произошло к востоку от городка на плоской равнине по обе стороны дороги.

мушкетерскую поддержку. Мощным натиском кавалерия правого фланга шведов смяла имперский левый фланг, осуществила прорыв, чтобы нанести удар по уже связанной боем пехоте.

Шведская инфантерия в центре также начала постепенно одерживать верх. Она перебралась через канаву и на правом краю захватила семь пушек, которые атакующие тут же развернули и применили против прежних хозяев.

Между тем на другом конце поля положение для протестантов складывалось не так удачно. Валленштейн приказал поджечь Лютцен, и вскоре весь город запылал. Подхваченный ветром дым понесло в лицо войскам Бернарда Заксен-Веймарского, к тому же они подвергались артиллерийскому обстрелу от мельниц. На близкой дистанции он наносил заметный урон. Вдобавок ко всему туман снова сгустился и вместе с дымом послужил прикрытием для броска хорватской конницы Валленштейна, которая налетела на наполовину ослепшую саксонскую кавалерию.

Люди эти коренным образом отличались от тех, что бежали при Брайтенфельде. Хорваты представляли собой легкую кавалерию, обычно не вступавшую в бой с неприятельской конницей, предпочитая воевать против рассеянной пехоты, обозной охраны и гражданских лиц. Упорно держась за свою позицию, солдаты герцога старались выдавить с нее хорватов, но численное превосходство грозило вот-вот сказаться, поскольку в дело вступила пехота с обеих сторон. Оценив ситуацию, Бернард Заксен-Веймарский воодушевил солдат и бросил в бой вторую линию, чтобы под прикрытием огня мушкетов привести в порядок первую. Саксонцы устояли. А тем временем Густав Адольф, пытаясь разглядеть сквозь дым и туман, что происходит, прискакал с правого фланга, чем еще более воодушевил солдат, тем более что привел с собой Смоландский полк (из Южной Швеции. — *Прим. ред.*).

Сегодня все еще продолжаются споры о времени сражения, поскольку одни источники утверждают, что Паппехайм, быстро повернув от Галле, прибыл на поле боя около полудня, другие настаивают, что это случилось ближе к вечеру. Но, независимо от времени, появление Паппенхайма на левом фланге Валленштейна ошеломило шведов. Паппенхайм отдал приказ действовать на двух направлениях. Легкую кавалерию он для отвлечения внимания неприятеля послал разгромить шведский обоз, а сам во главе кирасиров предпринял энергичную атаку на обнаженный фланг шведов.

Атака Паппенхайма носила необычный характер для его рейтаров, привыкших стрелять из пистолетов с дальней дистанции и отходить для перезаряжания. Имперские всадники действовали по образу и подобию шведского противника: неизменное движение вперед, постепенный набор скорости, пистолетный огонь с близкой дистанции и, наконец, заключительный бросок в рукопашную схватку. Предприятие имело успех: можно сказать, что от мощного удара по всей шведской формации пошли волны. Сидя на более мелких лошадях и не располагая такой роскошью, как полные кирасирские доспехи, шведы начали с боем отступать. Натиск врага оказался настолько силен, что позволил ему отбросить их за канаву, которой они только что и с таким трудом овладели.

Две вещи не дали отступлению превратиться в беспорядочное бегство. Во-первых, огонь шведской пехоты и ее «кожаных» пушек и, во-вторых, подошедший из-за второй линии небольшой кавалерийский резерв, который смог заткнуть бреши. На данном участке шведская кавалерия особенно успешно продемонстрировала как имевшиеся у нее наступательные, так и оборонительные качества. Между тем успех в атаке достался имперской стороне дорогой ценой. Шведские полковые пушки и мушкетеры производили по наступавшим имперским отрядам опустошительные залпы с короткой дистанции. Сам Паппенхайм получил ранение. Ядро поразило его в грудь, и, захлебываясь собственной кровью, храбрый командир на повозке был вывезен с поля битвы к своей карете, где вскоре и скончался. Однако под Лютценом судьба решила взять жизнь еще одного великого полководца, который погиб в ходе кавалерийской атаки.

В стремлении поддержать солдат шведский король очутился в гуще схватки, где раненая лошадь понесла его в расположение противника. Там он, оторванный от эскорта, оказался окружен врагами и, несмотря на попытки захватить его в плен, был убит кем-то выстрелами в спину и в голову.

Дым, огонь и туман

Когда Густав Адольф примчался для исправления ситуации на левый фланг, он увидел сквозь окутывавший все туман, что одна из его пехотных бригад с трудом выдерживает натиск противника. Вместе со смоланд-

цами он немедленно бросился на помощь. С небольшим эскортом король очутился в гуще рукопашной схватки. Оказавшись в какой-то момент на виду, он стал идеальной мишенью, и вскоре ружейная пуля попала ему в левую руку, раздробив ее. Другая пуля угодила в лошадь, которая взбесилась и понесла Густава Адольфа прочь от свиты через поле сражения. Он получил колотую рану в бок, а какой-то имперский кавалерист выстрелил из пистолета ему в спину. Король выпал из седла, но запутался ногой в стремени, и лошадь тащила его до тех пор, пока ему не удалось освободиться. Когда он лежал лицом вниз, раненый и обессиленный, второй пистолетный выстрел пришелся ему в голову между правым глазом и ухом.

Солдаты Смоландского полка наткнулись на резервные части и некоторое количество бежавшей с поля шведской кавалерии. В условиях плохой видимости тем показалось, что их преследует противник. Вдобавок ко всему из клубов дыма и свалки выскочила лошадь Густава Адольфа, мечущаяся туда-сюда от боли, причиняемой раной в шее. Пустое седло покрывали пятна крови. В имперском лагере с ликованием передавали из уст в уста новость о гибели предводителя противника, в то время как шведские офицеры пытались скрыть известие, но без успеха. Весть о смерти Густава Адольфа разнеслась по обеим армиям. Случившееся стало тяжелым ударом, но, вместо того чтобы вызвать панику, наполнило сердца шведов жаждой мести. Воодушевленные звуками псалма, который запел личный капеллан Густава Адольфа, Фабрициус, они с удвоенной силой бросились вперед.

Ситуация на правом фланге опять переменилась. Обе стороны были уже измотаны, но шведская кавалерия продвинулась вперед, снова заняла канаву и отбросила солдат Паппенхайма, которые уже знали, что их командир умирает. Отчаяние распространилось среди воинов Паппенхайма, боевой дух их резко упал, и они начали отступать. Один полковник даже отказался атаковать и увел своих людей с поля.

Валленштейн послал Оттавио Пикколомини, чтобы остановить распад армии, но солдаты разбегались с поля боя, преследуемые шведскими кавалеристами. Основная часть шведов продолжала сражаться, угрожая центру Валленштейна. Большой кирасирский резерв Пикколомини подошел и усилил левый фланг имперского войска. Им досталась наиболее тяжелая работа. Пикколомини предпринял семь полновесных атак на правый край шведского центра. Кирасирам в конце концов удалось отбить захваченные пушки и снова потеснить шведскую кавалерию. О накале боя позволяет судить тот факт, что сам Пикколомини был задет шестью или семью пулями и под ним пало несколько лошадей. Однако ему удалось выправить ситуацию в сражении, развернув положение в бою в пользу империи. Время приближалось к двум часам дня.

«...Всадники на обоих флангах яростно атаковали, не разряжая пистолетов в противника, пока тот не выстрелил первым... На близкой дистанции наши мушкетеры встречали их залпом, затем наши кавалеристы стреляли из пистолетов и атаковали их с мечами наголо, когда кавалеристы отходили, мушкетеры были снова готовы к залпу...»

Роберт Монро

По всей протяженности фронта пехота сражалась не на жизнь, а на смерть, тесня друг друга то назад, то вперед через дорогу и канаву. Однако на левом фланге шведов, напротив Лютцена, оказавшийся главнокомандующим Бернард Саксен-Веймарский, игнорируя советы отойти назад, распорядился передвинуть пушки на левый край своего центра, а также приказал кавалерии второй линии, в тот момент отошедшей за спины мушкетеров для перегруппирования, подготовиться к новой атаке. Между тремя и четырьмя часами шведская конница снова двинулась вперед и потеснила перемешанную с пехотой кавалерию Валленштейна. Наступил час пылающей преисподней сражения под Лютценом. Имперские войска на самой дальней оконечности правого крыла дрогнули и побежали. Шведская кавалерия не преследовала их, перегруппировываясь для новой атаки. На сей раз она повернула внутрь и зашла во фланг слившимся между собой первой и второй линиям пехоты. Одновременно с всадниками атаковала шведская пехота, связав боем фронт Валленштейна. Под ударами с нескольких сторон центр

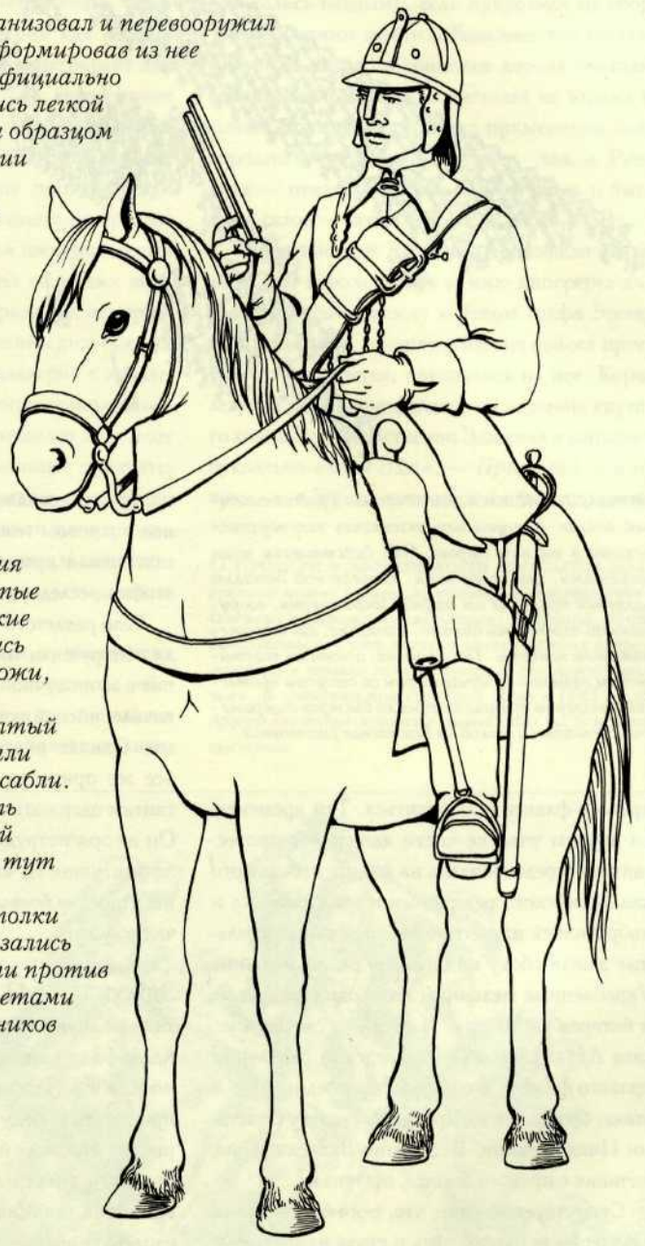
Шведский кавалерист (ок. 1650 г.)

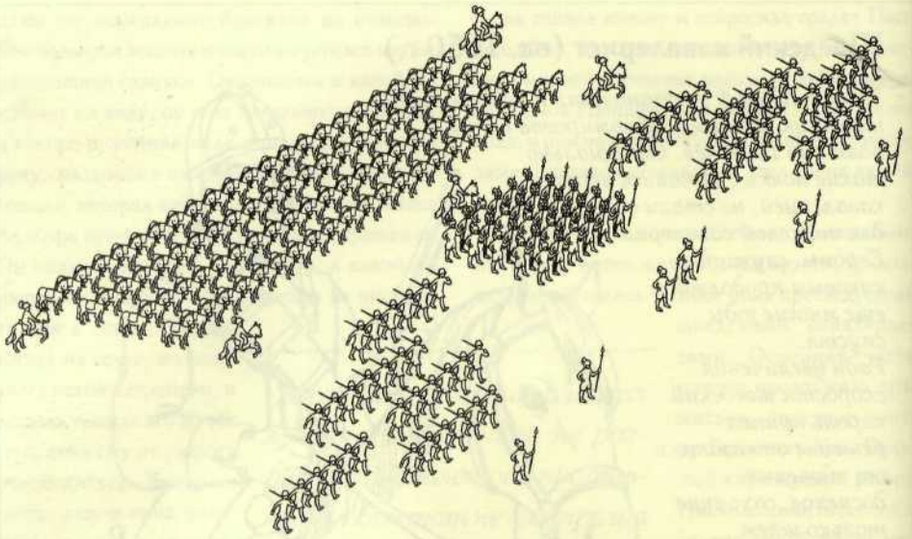
Густав Адольф реорганизовал и перевооружил шведскую конницу, сформировав из нее полки по 1000 чел. Официально такие полки считались легкой кавалерией, но стали образцом для тяжелой кавалерии Европы, служить каковым продолжали еще многие годы спустя.

Ради увеличения скорости шведский король принял решение отказаться от тяжелых доспехов, сохранив только шлем и кирасу.

В качестве дополнения защитного вооружения использовались толстые кожаные куртки. Такие куртки часто делались из нескольких слоев кожи, сшитых вместе, и окрашивались в желтый цвет. Они вполне могли защитить от удара сабли.

Обученные применять пистолет в последний момент сближения и тут же затем вступать в схватку на мечах, полки Густава Адольфа оказались весьма эффективными против вооруженных пистолетами неповоротливых конников противника.

Отряд спешившихся драгун времен Тридцатилетней войны. Драгуны использовались как верховая пехота в тесном строю. Они действовали чаще шеренгами, чем колоннами. Интересной деталью является придание им отряда инфантерии, вооруженного короткими пиками, возможно, для отражения атак конницы. Тем не менее, основным тактическим приемом в случае угрозы со стороны вражеской кавалерии драгунам служили быстрое возвращение к лошадям и отход на безопасное расстояние.

правого фланга стал пятиться. Тем временем на другом участке части кавалерии протестантов сосредоточились на фланге небольшого кавалерийского резерва имперского войска и набросились на него, в то время как остальные зашли сбоку на батарею около мельниц. Укрепленные мельницы пали одна за другой, и батарея замолчала. Известие о смерти Густава Адольфа дошло до шведской кавалерии правого фланга, и она тоже присоединилась к атаке, бросившись в кровавую схватку с частями Пикколомини. Вся армия Валленштейна, начиная с правого фланга, отступала.

Существует мнение, что, если бы шведская кавалерия не находилась в столь измотанном состоянии, она смогла бы взять в клещи и полностью уничтожить армию Валленштейна. Но фланг Пикколомини оставался слишком сильным, имперская пехота — слишком стойкой, а к тому же, наконец, прибыла пехота и артиллерия Паппенхайма. Когда спустилась ночь, разбитые имперские части Валленштейна, бросив артиллерию и обозы, смогли отойти под покровом темноты к Лейпцигу. Шведско-саксонская армия была слишком измучена, чтобы преследовать врага.

Тело раздетого до рубашки шведского короля обнаружили той же ночью под грудой трупов в злополучной канаве. Горячий сторонник кавалерийской схватки на мечах пал под пулями. Однако нововведения Густава Адольфа все же принесли плоды, позволили протестантам одержать пусть и кровавую, но победу. Он не зря потрудился, добиваясь повышения эффективности кавалерии и совершенствуя новаторские боевые приемы, не напрасно обучал войска.

Эджхилл, 1642 г. На всем скаку

Боевые приемы шведской кавалерии Густава Адольфа показали, как конница может снова послужить ударным оружием, способным приносить победу в сражении. Приближаясь рысью, стреляя с близкого расстояния, а затем бросаясь вперед и уповая на напор и меч, шведские всадники доказали, что способны одолевать врагов.

Такая практика стала применяться по всей Европе, и один из ее адептов, князь Рупрехт Рейнский (или Пфальцский — германский вельможа, приходившийся племянником английскому королю Карлу, или Чарльзу I. — *Прим. ред.*), принес ее в Англию в самом начале Гражданской войны. Сражение при Эджхилле в 1642 г. представляет интерес с точки зрения развития конницы, поскольку не только иллюстрирует ненужность огнестрельного оружия в кавалерии как главного вооружения, но также демонстрирует два нехарактерных прежде фактора: намеренное избегание вступления в боевое соприкосновение с целью обеспечить себе возможность обойти и опрокинуть фланг противника и необходимость создания мощного резерва не только для обороны, но и для наступательных действий. Эджхилл преподал еще один важный урок: от проигрыша в сражении не гарантирует даже применение шведских боевых приемов в столкновениях кавалерии с кавалерией. Чтобы понять это, нужно приглядеться именно к Рупрехту. Он восхищался Густавом Адольфом, жадно читал военные трактаты и, похоже, разделял скептицизм поляков по поводу кавалерии, вооруженной одним лишь огнестрельным оружием. Однако и шведскую систему поляки называли лишь «стыдливым компромиссом».

Парламент контролировал производство оружия, что позволяло ему вооружать действовавшую на его стороне конницу двумя пистолетами. Некоторые располагали карабинами, а драгуны — мушкетами. Что касается роялистских солдат, то известно, что они «считались годными, если приходили на сбор только с одним мечом». Большинство кавалеристов из числа сторонников короля считали себя джентльменами, а пистолет не входил в список оружия, достойного применения благородным господином. Они — как и Рупрехт — предпочитали холодную сталь и быстрый галоп — такой же, как на охоте.

Сражение при Эджхилле произошло из-за того, что король вывел армию наперерез линии сообщения между войском графа Эссекса и Лондоном, и парламентские войска просто, что называется, наткнулись на нее. Королевская армия построилась на вершине крутого холма Эдж (собственно Эджхилл и означает буквально «холм Эдж». — *Прим. ред.*), в то время как Эссекс изготовился к битве, развер-

О точности и эффективности пистолетов того времени можно судить по призыву из наставления, гласившему примерно следующее: «стреляй, когда дотронешься», что значило «уткни ствол в противника и только потом нажимай спусковой крючок». В сражении при Раундуэй-Даун в 1643 г. сэр Артур Хэйзелриг остался в живых даже после такого выстрела.

Роялистский кавалерист (сороковые годы семнадцатого века)

Кавалерия, сражавшаяся за короля на ранних этапах войны, набиралась в основном из землевладельцев и их слуг. Они пользовались собственными лошадьми и экипировкой. Потомки благородных рыцарей, такие конники использовали латы, хранившиеся в семьях с прежних времен. Кавалерист на рисунке облачен в старомодные кирасирские доспехи, в кожаную куртку и имеет новую латную рукавицу на левой руке. В отличие от королевской гвардии, у таких формирований отсутствовало централизованное снабжение и единая военная форма. Лишь немногие располагали огнестрельным оружием. Разномастные пистолеты всадники носили за голенищем сапога. Основным оружием им служили либо короткие прямые мечи, или более дорогие рапиры Папенхайма, названные так в честь прусского полководца, или же боевые секиры. Такие солдаты являлись одиночками, временно собранными в наспех сколоченные отряды. Их можно назвать умелыми и отважными воинами, но слишком независимыми по духу.

нув свои силы частично на «небольшом холме в Долине Рыжей лошади» между Эджем и деревней Кайнтон. Роялисты спустились с холма и заняли позицию ниже под склоном, построившись по шведскому образцу: пять пехотных бригад, расставленных в шахматном порядке, с мощными формированиями кавалерии на крыльях — как у шведов, двумя линиями. Драгунские полки заняли места на флангах; из шести тяжелых пушек командование сформировало батарею, установив ее справа и позади холма Буллет, а двенадцать легких орудий были рассредоточены по фронту. Рупрехт пошел дальше «стыдливого компромисса» Густава Адольфа — его конница вообще не располагала огнестрельным оружием и не имела пехотной огневой поддержки (как видно из цитат, да и из выводов самого автора ниже, пистолеты все же наличествовали, хотя ставка делалась явно не на них. — *Прим. ред.*).

«Князь Рупрехт отдал кавалерии строгий приказ: скорее приблизиться к противнику с мечами наголо, дождаться от него оружейного залпа, самой не стреляя ни из карабинов, ни из пистолетов, ворваться во вражеские ряды и уже потом использовать огнестрельное оружие по ситуации».

Сэр Ричард Балстрод

Граф Эссекс предпочел голландскую систему с тремя бригадами, авангардом, основными силами и арьергардом, дислоцированными справа налево через поле. Бригады и авангард расположились на «небольшом холме», а основные силы развернулись так, что оказались слегка оттянутыми назад и влево, чтобы использовать преимущества в виде другой возвышенности. Девять полевых орудий командование предпочло распределить по переднему краю в центре. Конница заняла позиции на флангах. Левым кавалерийским крылом командовал сэр Джеймс Рэмзи, который располагал также засевшими за кустарником мушкетерами, образовывавшими линии впереди и слева, и еще тремя пушками. На другом фланге сэр Вильям Балфур (могут встречаться также варианты: Болфор и даже Бальфур. — *Прим. ред.*) имел два полка драгун, укрывшихся в кустах справа, и четыре пушки для усиления огневого потенциала.

Хотя атака проводилась общими силами, Рупрехт, находившийся под влиянием высказываний Густава Адольфа о важности нанесения удара силами кавалерии на начальном этапе сражения, двинул кавалерийское крыло первым. Во главе шел крупный полк драгун, который выбил из кустов мушкетеров противника. Это фланговое формирование состояло из 21 конной полусотни в первой линии и семи — во второй. Задача второй линии состояла в усилении первой.

Атака

К несчастью для короля, люди, служившие в роялистской кавалерии, обладали не только несомненными достоинствами, но и существенными недостатками. Самоуверенность можно назвать положительной чертой, но она мешала трезвой оценке ситуации и четкому исполнению приказов. Конечно, князю Рупрехту повезло в том, что в самом начале войны он уже располагал людьми, способными применить шведские боевые приемы, атакуя на поле битвы, но управление ими представлялось довольно непростой задачей.

Сэр Ричард Балстрод, участвовавший в атаке, рассказывает, что Рупрехт велел всадникам «скорее приблизиться к противнику с мечами наголо, дождаться от него оружейного залпа, самим не стреляя ни из карабинов, ни из пистолетов, ворваться во вражеские ряды и уже потом использовать огнестрельное оружие». Подобный прием не являлся копией шведской модели, поскольку стрелять полагалось не ранее, чем завяжется рукопашная схватка. Построившись в колонны в шеренгу по трое, весь правый фланг перешел в наступление: «Роялисты двинулись вперед со всей возможной отвагой и решительностью... Пока они шли (на сближение с неприятелем), вражеская артиллерия, не переставая, поливала их огнем, то же делали небольшие отряды пе-

хоты... но не смогли поколебать их настолько, чтобы те прибавили шаг». Происходившее представляло собой размеренное наступление дисциплинированного войска под огнем, солдаты твердо держали строй, сразу же заполняя бреши в рядах, пробитых пушечными ядрами или ружейными залпами. Рэмзи выбрал удачную позицию для огневого боя, расположив солдат на вершине пологого холма с протекавшим перед ним небольшим ручьем и с кустами слева и впереди. Такие препятствия позволяли расстроить порядки роялистов и задержать продвижение, что давало пехоте более верную возможность расстреливать вражеских конников. Рэмзи использовал прием «перемешивания мушкетеров» с кавалерией. Как кавалерия, так и пехота построились в шесть рядов, поэтому попеременная стрельба шеренгами с последующим отходом назад для перезарядки оружия обеспечивала стабильную плотность огня. В начале войны людей не хватало и формирования получались небольшими, узкими по фронту: каждая «часть» насчитывала в ширину примерно девять пехотинцев или шесть мушкетеров. Однако глубокое построение Рэмзи доставило ему немало хлопот. Рупрехт применил шведскую (более протяженную) линию глубиной в три ряда и принялся охватывать фланг Рэмзи. Тому пришлось растянуть левый край «на большую ширину», — правда, как он проделал это, не говорится. Он мог «сдвоить шеренги» по фронту и тем расширить его у каждого отряда или увеличить интервалы между ними, а то и просто рассредоточить строй.

Рэмзи располагал временем, чтобы воспользоваться каждым из вышеназванных способов, но при любом варианте ему пришлось бы пойти на уменьшение плотности огня или допустить появление брешей в линии и ослабление взаимной поддержки. Независимо от того, какой вариант выбрал Рэмзи, растягивание левого края ослабило его способность противостоять атаке Рупрехта.

Роялисты «с готовностью бросились на них вверх по склону холма, преодолев пять или шесть живых изгородей и канав». Подобная местность вносит беспорядок в строй кавалерии и, несмотря на опыт и навыки наездников, наработанные во время охот, завязывание схватки на подобной местности скоро приводит к утрате единства сосредоточения и ослаблению напора атакующих. Люди Рупрехта, хотя и заслуженно считались хорошо обученными кавалеристами, не смогли удержать строй и напоминали, скорее, быстро двигающуюся «толпу», то сбивавшуюся в кучу, то рассыпавшуюся по мере попыток уклониться от огня в процессе наступления.

«Небольшой отряд кавалерии, действуя быстро, может произвести опустошение в крупных пехотных порядках на поле битвы».

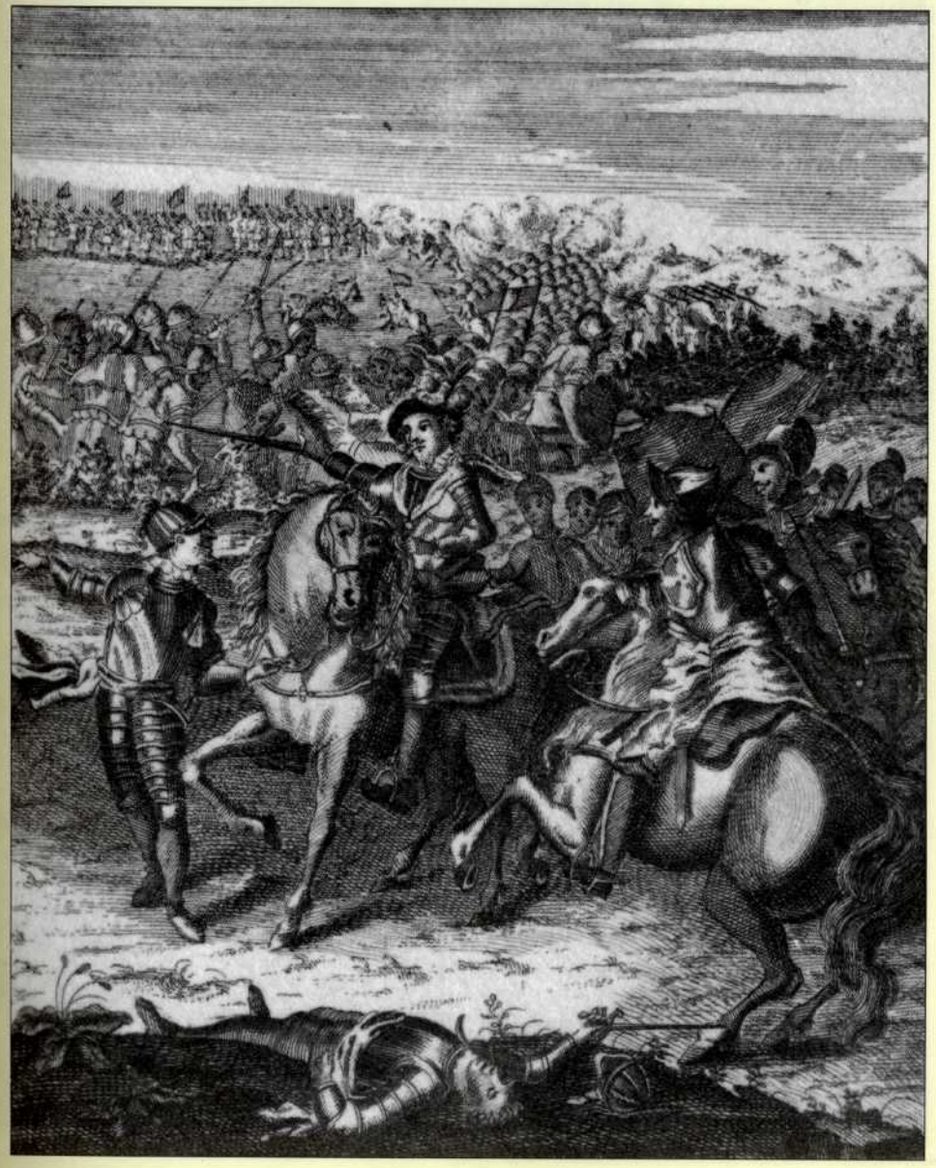
Раймондо Монтекукколи

Как только всадники Рупрехта приблизились, парламентская кавалерия дала немедленный отпор. В соответствии с печатными наставлениями, она стояла на позиции, приготовив оружие, и «открыла огонь из пушек, выстроенных в линию среди отрядов всадников, карабинов и пистолетов, но обнаружила, что ей не удается остудить желания королевской конницы драться и что та приближается еще более решительно». Приближаться «еще более решительно», очевидно, означало, что трубы подали сигнал к завершающему броску, после чего «атака» вошла в заключительную стадию.

Несмотря на то что люди Рупрехта не сдержали строй, их атака все же строилась по шведскому образцу. Сначала шаг, затем медленная рысь и «добрая быстрая рысь», при которой отдельные конники или группы срывались на легкий галоп. Несомненно, ружейный огонь сразил одних всадников, но некоторые, возможно, лишь вылетели из седла. Грохот пушек и крики людей «пугали» неподготовленных лошадей, если не сказать больше. На пути атаки протекал небольшой ручей, известный как Рэдуэй-Брук, преодоление которого также добавило — не могло не добавить — атакующим неразберихи. Тем не менее, вся кавалерия переправилась и устремилась вверх по склону к ожидающим ее рядам мушкетеров и всадников с карабинами. Старая тактическая установка на стрельбу с коней подтвердила свою бесполезность, поскольку люди Рэмзи разрядили «длинные ружья издали и без учета расстояния», то есть выстрелили слишком рано и вне радиуса эффективного поражения их карабинов. В обороне огонь надлежит вести на дистанции, при которой большинство пуль не просто долетят до цели, но поразят ее — кого-нибудь ранят или убьют. Люди Рэмзи не имели достаточного опыта или хладнокровия, чтобы подпустить противника поближе. А возможно, чей-то неосторожный выстрел послужил сигналом для остальных.

Итак, обороняющиеся разрядили ружья на дистанции, с которой огонь не мог послу-

Князь Рупрехт победитель? Довольно романтизированная иллюстрация современника изображает князя Рупрехта и его кавалерию атакующими сторонников парламента при Нэйзби 14 июня 1645 г. Тактика Рупрехта отличалась безрассудностью и опрометчивостью. Парламентские войска под командованием Фэрфакса нанесли роялистам сокрушительное поражение, от которого те уже не оправились.

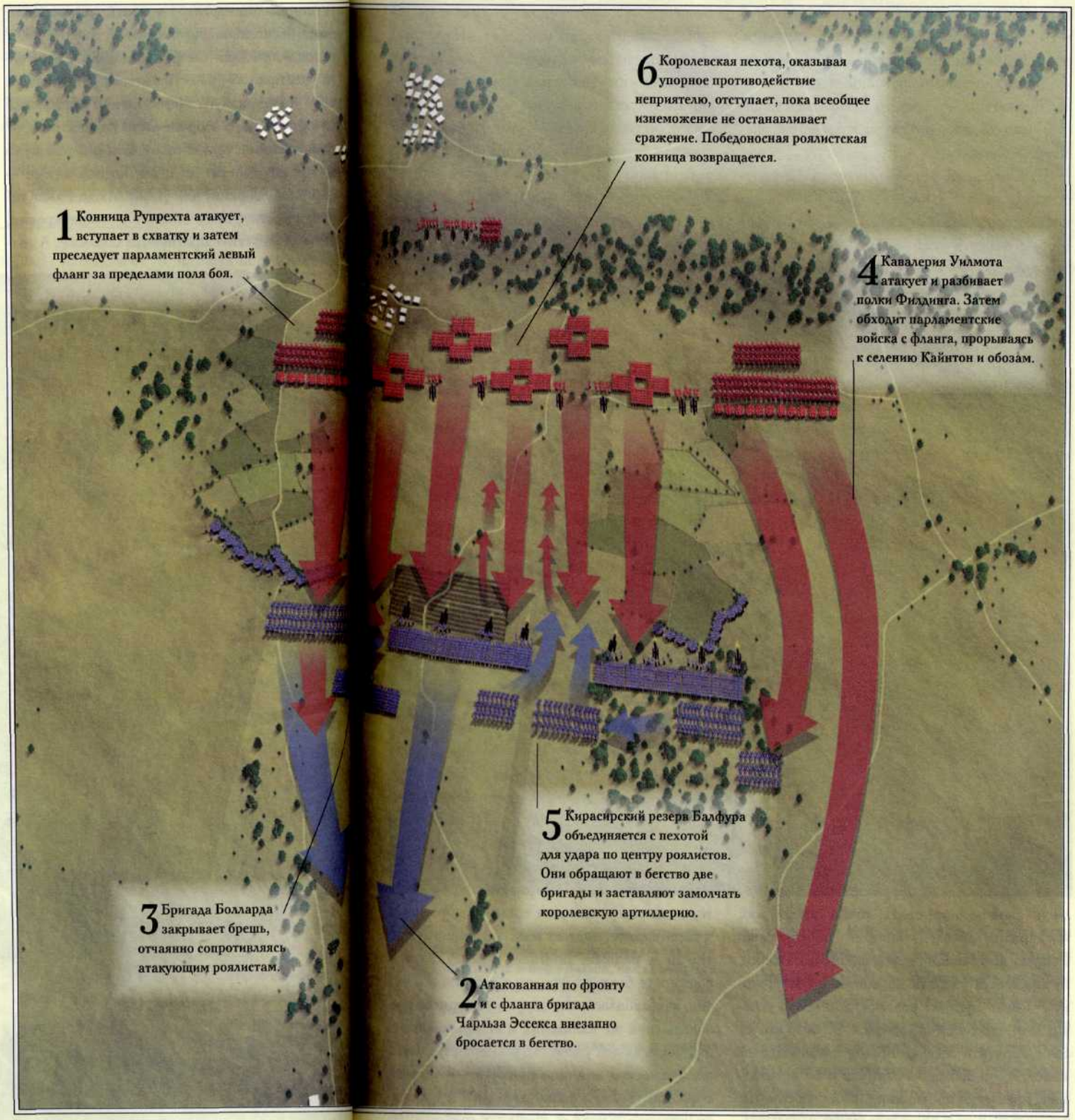
Битва при Эджхилле

1642 г.

Король Карл I вывел армию в район между войсками графа Эссекса и Лондоном, вынуждая их к сражению у подножия холма Эдж.
Как только силы сторон развернулись в боевые порядки, роялисты устремились в атаку.
Их драгуны на обоих флангах очистили заросли от врага и продолжили наступление.
На правом фланге конница Рупрехта опрокинула кавалерию и мушкетеров Рэмзи и помогла обратить в бегство пеший центр армии парламента. На левом фланге кавалеристы Уилмота разбили полки Филдинга и обошли слева строй парламентской армии.
Опьяненные успехом, всадники с обоих флангов продолжали преследовать противника за пределами поля битвы.
Тем временем оставшаяся на поле парламентская пехота смогла закрыть брешь и остановить пехоту роялистов. Затем при поддержке кавалерийского резерва она прорвала линию роялистской пехоты, разбила две ее бригады и оттеснила королевскую армию на исходные позиции. Победоносная роялистская конница возвратилась слишком поздно, чтобы что-либо изменить и попытаться вырвать из рук графа Эссекса тактическую победу.

Эджхилл находится недалеко от Кайнтона в районе центральных графств Великобритании, в 30 км на юг от Ковентри, на полпути между Стратфорд-дом-на-Эйвоне и Бэнбери. Сражение происходило на открытой, поросшей вереском болотистой местности. В настоящее время большую часть тогдашнего поля битвы занимает военная база.

жить причиной заметного урона у противника. Выстрелив из карабинов, они достали пистолеты, но и из них также дали залп слишком рано, без заметного эффекта. Примерно того же достигли и дислоцированные среди конницы мушкетеры, в шеренгах находилось слишком мало солдат, а потому их воздействие оказалось минимальным.

Преподобный Маршалл записал следующее: «Наше левое крыло позорно побежало после второго залпа». Это значит, что только вторые шеренги успели выстрелить, прежде чем роялистская конница обрушилась на их строй. Здесь проявилась еще одна черта того, что станут называть английским подходом, или системой (просьба не путать со средневековой «английской системой», представлявшей собой применение спешенной конницы и валлийских лучников против атакующей кавалерии и пехоты. — *Прим. ред.*). С отказом от огневой поддержки скорость атаки увеличилась и соответственно сократилось время, необходимое для достижения контакта. Не было нужды поджидать отстающую пехоту и осаживать лошадей для выстрелов из пистолетов.

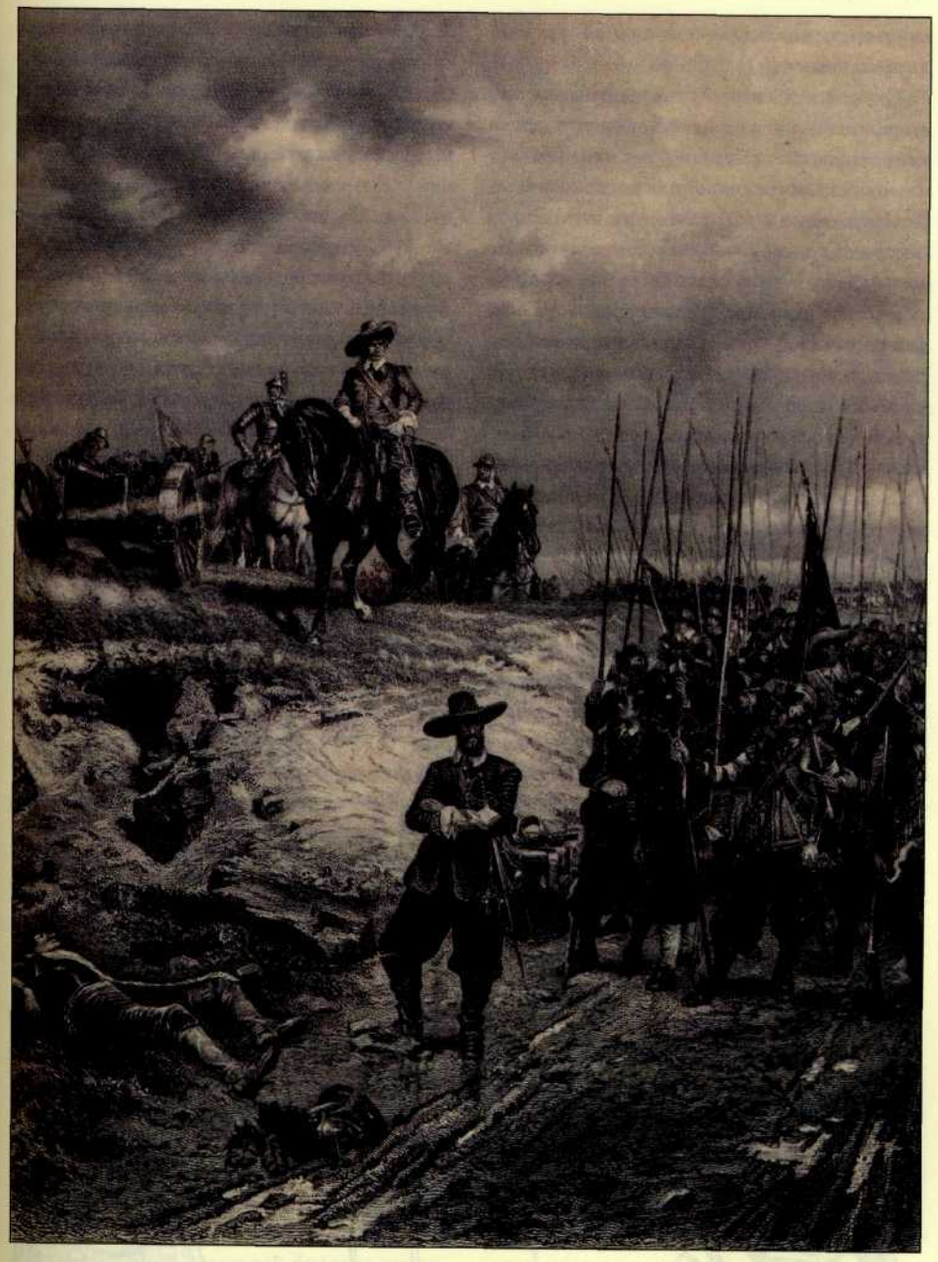
Несвоевременно произведенный залп лишил парламентские войска возможности целесообразно применить огневой потенциал, и людям Рэмзи пришлось продолжать сражение холодным оружием. Однако скорость вражеской атаки, неспособность обороняющихся отпугнуть или нанести с помощью огня заметный урон противнику плюс ярость и натиск неприятеля поколебали дух этих отважных, но неопытных солдат.

Излишняя горячность

Сначала солдаты Рэмзи попятились под напором противника, а затем обратились в бегство. После того как войско бросается бежать, его очень сложно остановить, точно так же, как и удержать преследующих его победителей. Рупрехт возглавил преследование, и Балстрод не преминул указать на допущенную ошибку: «Князь Рупрехт увлекся, достигнув успеха, которого он смог добиться, но который не смог обратить себе на пользу с наибольшей выгодой, он забыл о позициях и об артиллерии, преследуя противника, который откатывался за Кайнтон по направлению к Уорику». Несмотря на критическое отношение, высказываемое тут Балстродом, его полк так же присоединился к преследованию. Не устояла перед искушением и вторая линия, «видя, что неприятельская кавалерия исчезла, они решили, что не остается ничего иного, как преследовать бегущего врага». Всадники «больше не слушали командиров, стремясь вперед и вперед, пришпоривая коней и отпуская удила». Характер преследования, в котором приняли участие все кавалерийские крылья, вскоре привел к ситуации, когда управление и взаимодействие оказались принесенными в жертву скорости, натиску и напору.

Правда, в то время от кавалерии именно этого и ожидали. Вытеснив противника с поля боя, конница лишила его возможности принимать дальнейшее участие в сражении, а когда его удавалось рассеять, то и во всей кампании. Если бы, закрепив успех, всадники собрались вместе, то выполнили бы задачу и смогли бы перейти к разрешению менее героических проблем вроде перехвата подкреплений противника или его обозов, захвата поездов из повозок и коновязей.

Военные наставления того периода гласили, что армия, лишившаяся конницы, остается без средств связи, снабжения и даже финансов, а потому должна неминуемо сдаться. То, что вторая линия Рупрехта так же устремилась в погоню, лишило королевскую армию половины ее кавалерийского резерва. Однако не в обычаях кавалерии было, разбив конницу противника, отвлекать внимание на какие-то другие цели на поле сражения, только уроки, полученные в ходе Гражданской войны в Англии, помогли сделать соответствующие выводы о важности перестроения и возвращения на позицию. Преследование в конечном итоге принесло кое-какую пользу роялистам. Некоторые из разгромленных всадников бросились к своей пехоте, надеясь найти надежное укрытие за ее рядами. Бригада Чарльза Эссекса, связанная боем по фронту с пехотой роялистов, заколебалась, как вдруг в ее порядки врезалась своя же кавалерия и ее преследователи. Часть людей уже и так улепетывала, когда же вражеская конница появилась и ударила с фланга, четыре полка дрогнули и побежали, оставив в боевых порядках графа Эссекса огромную брешь и поставив его в крайне сложное положение.

Солдаты смешанного формирования из кавалерии и артиллерии смотрят сверху на роту копейщиков времен Гражданской войны в Англии, пики которых с их стальными наконечниками служили для защиты мушкетеров.

Значительная часть отступающей парламентской конницы и ее преследователи достигли села Кайнтон, где роялисты напали на обозы противника, разграбив и поломав повозки и телеги, что не являлось захватом или уничтожением материальных ценностей противника, как рекомендовали и за что ратовали в своих работах военные теоретики, а стало на деле простым разбоем и грабежом.

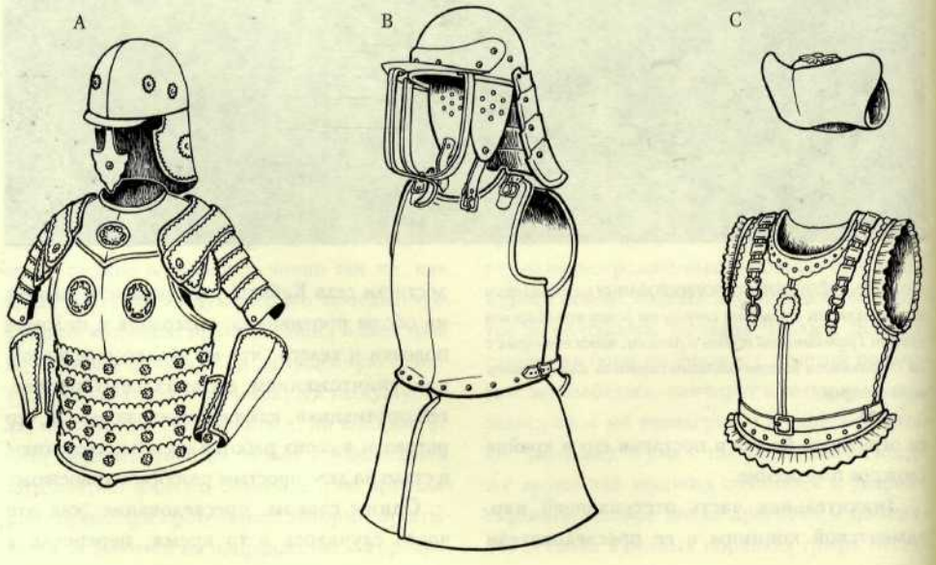
Одним словом, преследование, как это часто случалось в то время, переросло в

неистовую вакханалию с полной утратой дисциплины.

Схожая судьба ожидала и правое крыло сторонников парламента. Конница на этом конце поля так же стояла, построенная для ведения огневого боя по голландской системе. Командовавший на правом фланге Балфур располагал в теории тремя конными полками, однако Эссекс ослабил их численность вследствие решения сформировать из них резерв тяжелой кавалерии. Эссекс компенсировал Балфуру утрату части всадников за счет усиления огневой мощи путем отправки двух драгунских полков для обстрела противника из зарослей вереска и утесника впереди на правом фланге. Он также позаботился о том, чтобы «поместить на правом фланге наши лучшие полевые орудия». К тому же Балфуру благоприятствовал рельеф местности. Правый фланг, как и левый, располагался на небольшом ручье, но чуть более глубоком, чем Рэдуэй-Брук, с кустами и кочками по болотистым берегам. В 1642 г. участок этот представлял собой довольно ровную болотистую пустошь, однако правый фланг парламента располагался на небольшом холме, где кустарник рос гуще, а лесной участок перед ним испещряли всевозможные канавки и ручейки. Такая местность мало подходила для кавалерии или каких-то других войск, действующих в тесном строю, но драгуны чувствовали себя там привольно.

Драгуны передвигались верхом, но не считались частью кавалерии. Данная разновидность или род войск в узком смысле еще только зарождалась, драгуны служили скорее верховой пехотой, чем *полноценной* конницей. (Это высказывание справедливо не для всех армий, скажем, польскую латную конницу того времени часто называют драгунами, хотя они представляли собой в контексте настоящей книги [где их почему-то именуют гусарами], скорее, кирасирские части; вообще же «драгун», очевидно, происходит от слова *dragon*, т.е. дракон, причина в ярко украшенных [иногда конскими хвостами] головных уборах. — *Прим. ред.*) Они выдвигались на позиции верхом, спешивались, привязывали лошадей и сражались как пехотинцы, часто

Изменения доспехов в течение столетия.
A). В восточноевропейских латах начала 17-го века заметны турецкое и монгольское влияние. Доспех закрывал почти всю верхнюю часть туловища.
B). К середине века кавалеристы все чаще ограничивались простыми кирасами, защищавшими грудь и спину, а англичане разработали своеобразный шлем с забралом из трех металлических прутьев и с гибкими пластинами сзади для защиты шеи.
C). К 18-му столетию шлем «ужался» до стальной каски, носимой под треуголкой, а весь латный костюм принял форму богато украшенной короткой кирасы в прусском стиле. В некоторых армиях отказались от ношения элементов доспехов, защищавших спину.

в свободном строю, используя рельеф местности. Такая тактика соответствовала их боевой задаче по защите флангов и отражению кавалерийских атак рассредоточенным огнем из укрытий. Рассыпанные цепью, они также могли действовать впереди основной линии, как это происходило при Эджхилле, где оба крыла роялистской конницы имели перед собой отряды драгун, препятствовавшие застрельщикам Эссекса развалить ее строй. Один из драгунских полков Балфура пострадал меньше другого, вероятно, потому, что его люди успели сесть на лошадей и уйти от удара роялистской конницы. Похоже, драгуны парламента оказались в проигрышной позиции в пешем строю, неприятель быстро одолел их, и они поспешно покинули поле боя.

Охват фланга

На левом фланге роялистов командовавший конницей лорд Уилмот попытался применить другую технику конного боя, а именно: охват фланга. Согласно одной из версий того, как строились части противоборствующих сторон, бригада Уилмота спустилась на поле боя с холма Восходящего Солнца, откуда командир, получив прекрасный обзор позиций графа Эссекса, и усмотрел возможность обойти его южный фланг. Будучи превосходным кавалерийским командиром, отлично разбирающимся в тактике конного боя, он решил воспользоваться такой соблазнительной возможностью и начал выдвигаться против правого крыла Эссекса, будучи совершенно уверенным, что ему удастся обойти фланг противника широким маневром и обрушиться на него с тыла.

Естественной целью роялистов на данном участке могли бы послужить передовые полки Балфура, но тот, по-видимому, отвел свою первую линию с целевого участка атаки Уилмота за спины пехотной бригады правого края. Предполагается, что таким способом он попытался закрыть брешь, образовавшуюся после бегства бригады Чарльза Эссекса. Произошло это как раз в тот момент, когда всадники Уилмота развернулись на юг, намереваясь обойти линию слева, возможно, также из-за стремления обогнуть заросли кустарника, избежать артиллерийского обстрела и не наскочить на своих же спешенных драгун. Помимо всего прочего, при движении вниз по склону лошади склонны принимать в сторону. Сохраняя общее направление, движение утрачивает строгую прямолинейность. Неизвестно, происходили ли все вышеупомянутые перестроения в соответствии с замыслом или же все получилось в какой-то мере случайно, но значительная часть отряда Уилмота двинулась налево в широкий обход фланга противника, не вступая в схватку с ним.

Очевидец событий Натаниэл Финнс писал: «Никто из наших военных никогда не видел такого множества конницы и не мог бы объяснить, что они замышляли, пока мы не увидели, как они проследовали прямо на Кайнтон, чтобы грабить обозы, даже и не пытаясь атаковать нас». Тем не менее, часть отряда Уилмота, двигаясь под углом, все же наскочила на полк Филдинга, который стоял на прежней второй линии Балфура. Парламентские всадники прежде чем обнажить сабли, попытались остановить неприятеля огнем из карабинов и пистолетов, но были смяты вдвое превосходящим их противником. Ошеломленные, они смешались и стали откатываться, а кавалеристы Уилмота бросились их преследовать. Процесс отхода, а точнее бегства, захватил и часть драгун, пытавшихся добраться до лошадей.

Для необученных и не готовых к рукопашной схватке верхом войск неорганизованное отступление мгновенно превратилось и вовсе в беспорядочное бегство. Как происходило и на фланге Рупрехта, мы имеем возможность наблюдать на данном участке картину этакого водоворота из всадников, в котором смешались и кружились в смертельном вихре победители и побежденные, уносимые прочь с поля битвы. На другом крыле торжествующая конница громила пехоту. Полк Фэрфакса успел выстрелить только один раз, прежде чем его смяли и раздавили роялистские всадники.

Вторая линия Уилмота под командованием лорда Дигби присоединилась к преследованию. Они представляли собой вторую половину кавалерийского резерва роялистов, которую те — так же, как и первую — ввели в бой совершенно напрасно. Правый фланг парламентской армии рассеялся, но то же фактически случилось и с левым флангом роялистов. Соединение Уилмота развалилось

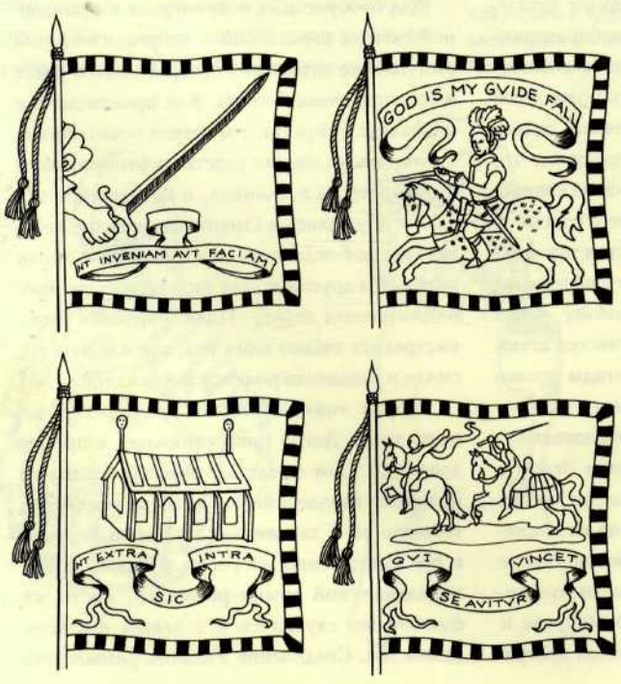
на отдельные самостоятельные импровизированные группы и отряды. Уилмот ввязался в схватку вокруг ограды Малого Кайнтона, а Дигби занялся мародерством.

Сэр Чарльз Лукас сумел сделать то, что рекомендовали ведущие военные теоретики той эпохи. Предваряя тактические реформы Кромвеля, он объединил около 200 солдат из трех разных полков в боеспособный отряд и вернул их на поле битвы. Правда, поставил наиболее незатейливую задачу, и все, что они сделали, это врубились в ряды уже бегущей пехоты. Один из его подчиненных, Джон Смит, сумел отбить королевское знамя, но даже Лукас не мыслил дальше обыкновенного преследования удирающего противника. Ключевое обстоятельство всего сражения заключалось в том, что после того, как победоносная конница роялистов умчалась прочь из района боя, а королевские лейб-гвардейцы по приказу государя тоже покинули его, чтобы сопровождать в безопасное место сыновей короля, единственной кавалерией, оставшейся на поле сражения, стала парламентская.

Привлечение резервов

Эссекс сформировал кавалерийский резерв. Собрав кирасир из всех полков, он сколотил из них тяжеловооруженный отряд, способный пробивать бреши в линиях противника или наносить решающие удары. Такая концентрация кирасиров в единый кулак говорит о понимании разницы между кирасиром и просто кавалеристом. Многие из этих солдат являлись ветеранами Тридцатилетней войны и, как и Рупрехт, осознавали, что значат скорость и напор в атаке без применения огнестрельного оружия.

В критический момент сражения, когда парламентская пехота испытывала мощный натиск, Балфур ввел в дело часть сбереженного им тяжелого резерва. Сформировав конников в отряды, он бросил их в самую гущу сражения против королевской пехоты. Всадники представляли собой конную элиту, людей благородного происхождения, восседавших на сильных и породистых конях из собственных конюшен и располагавших полным боевым кирасирским облачением. Грозное формирование, «не видя достойного себя конного противника, ударило на врага, потрепав его и нанеся ему урон главным образом за счет копий, нежели пистолей». Несмотря на лишь незначительные потери, их напор не позволил им врубиться в порядки роялистских пехотинцев, а потому они (тяжелая конница) отступили на исходные позиции.

Флаги, использовавшиеся конными частями во время Гражданской войны в Англии, обычно изготавливались из куска шелка или тафты с цветной бахромой и могли нести самые разные лозунги, отражавшие политические или религиозные пристрастия владельца. Все изображенные здесь вымпелы, или корнеты, стали добычей победителя Эссекса после разгрома им в 1643 г. под Сиренстером войск сэра Николаса Криспа.

Вверху слева: Флаг неустановленного формирования.

Вверху справа: Флаг отряда капитана П. Купера.

Внизу слева: Флаг отряда сэра Джона Калпеппера, захваченный в 1643 г. под Сиренстером.

Внизу справа: Флаг отряда лорда Генри Спенсера, захваченный в 1643 г. под Сиренстером.

Затем Балфур бросил в бой остальную часть резерва, используя тактический просчет неприятельской бригады, которая рассредоточилась излишне свободно, открыв при этом фланги одной из частей в своем составе. Наступая с угла во фланг и по фронту того самого обособившегося формирования, тяжелая кирасирская конница Балфура «с великой решимостью обрушилась на вражеские порядки». Пехотный полк оказался отрезанным от своих, чем и воспользовался Балфур, сосредоточив на нем основные усилия. Он атаковал и, «врубившись в него, отрезал значительную его часть; а затем при содействии наших пехотинцев разгромил другой полк».

Располагая кавалерийским резервом, войска партии парламента уничтожили два пехотных формирования. Скоро вражеские бригады рассеялись, и воины Балфура смели их с передового рубежа битвы. Спасаясь бегством, роялисты увлекли прислугу легкой артиллерии, пушки которой солдаты парламента вывели из строя за счет самого эффективного из известных кавалеристам приемов: они спешились и заклепали подковными гвоздями запальные отверстия пушек, сделав их, таким образом, негодными для дальнейшего применения. Некоторые тем временем занимались тем, что догоняли и рубили бегущего врага, не давая ему опомниться, однако же в отличие от «джентльменов» Рупрехта и Уилмота, они не опустились до привычного в подобных случаях произвольного грабежа обозного имущества. Большая часть кавалеристов вновь сосредоточилась, собрав вместе наиболее важных пленников, брошенные знамена и личные боевые «сувениры». Они вернулись на исходные позиции в тылу у второй — уже перегруппировавшейся — половины резерва.

Среди меньшинства — тех, кто не возвратился на исходные — находился сам Балфур. Он с отрядом товарищей перешел в тактическое наступление, устремившись к расположенным на склоне Эджхилл шести орудиям главной батареи роялистов. Атакующие ударили во фланг батарее, рассеяли отряд прикрытия с мушкетами и орудийную прислугу. Поскольку гвоздей, чтобы заклепать пушки, у них не нашлось, они перерезали постромки и весь веревочный такелаж, с помощью которого артиллеристы после выстрела выводили на огневую позицию тяжелые пушки. Несмотря на желание продолжать приключения, отсутствие какого бы то ни было вражеского кавалерийского резерва позволяло успешно завершившим атаку конникам своевременно вернуться в тыл для перегруппирования и отдыха.

«Когда кавалерия атакует в стремительном броске, невозможно внушить всадникам необходимость держаться ближе один к другому и не рассеиваться при преследовании неприятеля... Начинать атаку на первых ста шагах надлежит на медленной рыси, затем прибавлять скорости по мере того, как расстояние (между атакующими и их противником) сокращается...»

Морис Саксонский
(Маршал Сакс)

Оказавшись в поле, где отсутствовала противодействующая конница неприятеля, формирование кирасир резерва сумело принять участие в другого рода остром событии боевого противостояния. Взаимодействуя с пехотинцами, кавалерия врубилась во фланг ослабленным роялистским копейщикам, включая и два лучших полка из всех присутствовавших на поле. При поддержке пехотинцев кирасиры отбросили их, обратили в бегство и рассеяли. Затем позднее — уже перед самым финалом — они атаковали разрозненные отряды роялистских всадников, возвращавшихся на поле битвы. Имея пространство для разворота и разгона, что позволяло командиру обрушить натиск кирасир на любые неприятельские отряды, тяжелая конница сыграла

Джон Черчилль, герцог Мальборо (1650–1722), изображен на портрете в полных кавалерийских доспехах. Один из величайших полководцев своего времени, он приносил победы союзникам под Бленхеймом (1704 г.), Рамильи (1706 г.) и Ауденарде (1708 г.). Картина написана голландским художником Адрианом ван дер Верффом (1659–1722).

в связи также и с поздним временем. Пусть они и выиграли бои на флангах, однако не дали себе труда затем собраться и в результате лишили свою сторону победы в битве у Эджхилла. Они успешно доказали действенность ударной атаки английской конницы, способной стать оружием победы в битве, однако, не сумев развить успех, несмотря на явное превосходство в конной сшибке, в итоге превратились в нечто явно противоположное.

Уроки сражения под Эджхиллом, однако, не прошли даром как для тех, кто участвовал в сражении, так и для тех, кто являлся лишь сторонним наблюдателем. В июле 1643 г. у Раундуэй-Даун и Байрон, и Уилмот успешно обратили в бегство противоборствовавшие им парламентские силы, собрали солдат и вернулись в гущу битвы, чтобы связать боем и уничтожить армию Уоллера (сэра Вильяма, одного из ведущих командиров парламентских войск на начальном этапе противостояния, действовавшего до упомянутого случая успешно и даже получившего прозвище Вильяма Завоевателя. — *Прим. ред.*).

Способность кавалерии собраться, сосредоточиться и вновь вступить в боевые действия вошла в разряд необходимых составляющих тактического мастерства у Оливера Кромвеля и его «железнобоких», став оружием победы в позднейших сражениях Гражданской войны в Англии, а особенно под Мартсон-Мур. Практика успешного развертывания ударной кавалерийской атаки без применения средств огневого боя не привела в середине семнадцатого столетия к повсеместному отказу от огнестрельного оружия у конницы, однако она укрепила веру в способность всадников преодолеть огневое противодействие ударным броском, в случае если они атакуют с воодушевлением, должным натиском, напором и дисциплиной.

важную роль в сражении, превратив нерешительный успех парламентской инфантерии в решительную победу. Обе стороны сражались до тех пор, пока битва сама по себе не прекратилась с приближением ночи, однако Эссекс одолел врага — его резерв тяжелой конницы помог парламентской армии выйти из боя в тот день победительницей.

Ближе к ночи уже праздновавшие триумф роялистские кавалеристы стали возвращаться на поле, рассчитывая встретить там королевскую армию победительницей, однако нашли ее потрепанной и потесненной — закрепившейся по Рэдуэй-Брук. Конница обоих командиров — Рупрехта и Уилмота — была на тот момент слишком рассеянной, утомленной и неспособной что-либо предпринять

Рамильи, 1706 г. Массированная кавалерийская атака

В семнадцатом веке дух и боевой напор служили «визитной карточкой» французских кавалеристов, считавшихся одними из лучших — если не самыми лучшими — в Европе. Беспримерная храбрость и стойкость перед лицом врага у «Мезон дю Руа» (*Maison du Roi* — «дворовой» армии», «армии королевского дома», или просто гвардии. — *Прим. ред.*) Людовика XIV, эффективно сочетавшей огонь и ударную мощь и служившей примером для всей прочей французской кавалерии, вывели спаянные дисциплиной конные части на новый уровень профессионализма. Их приемы, проверенные и отточенные в продолжительных войнах с голландцами, имперскими полками и англичанами, как бы отдавали дань прежним временам, но отличались от тогдашней практики лучшей подготовкой и более надежным оружием.

> *«Мой Бог! Я никогда не видывал лучших коней, лучшей формы, портупеи и прочей ратной справы, но за деньги... можно приобрести камзолы и прекрасных лошадей, однако ни за какое золото не купить той живости, что блистала в глазах каждого из этих солдат».*
>
> *Евгений, принц Савойский*

Возвращение французов к применению огнестрельного оружия повлияло на кавалерийских командиров в Западной Европе. Большинство конников на заре восемнадцатого столетия вооружались двумя пистолями и мечом (иначе шпагой, хотя оба слова сути в полной мере не отражают. — *Прим. ред.*), тогда как некоторые — и в том числе драгунские полки — имели также и карабины. Хотя и уступая пехотным полкам в дальности огня — что позволяло последним отстреливать всадников в процессе их приближения в поле, — французские конники применяли огневые средства против вражеской кавалерии до вступления с ней в рукопашную. Они строились колоннами из сотен и полусотен, а если позволяло место — из эскадронов, и сближались с неприятелем на сдержанной рыси. На дистанции примерно в 50 метров французы извлекали огнестрельное оружие и стреляли.

Вернув оружие в седельную кобуру и достав из нее вторую пистоль, атакующие на рыси всадники производили второй выстрел с 25 метров. Затем они разворачивались, обычно строго держа строй, и отходили на безопасное расстояние для перегруппировки и перезаряжания с тем, чтобы повторить приступ. Затем следующая полусотня или сотня повторяла тот же маневр. Несмотря на все старания оружейников, даже усовершенствованные пистоли продолжали страдать от недостаточной меткости огня и были действенны только на коротких расстояниях. Когда приходил момент перейти к ударной атаке, всадники в первых рядах разряжали в неприятеля одни за другим два пистолета, но не разворачивались, а продолжали сближаться с врагом, чтобы — преодолев примерно 20-метровую отметку в дистанции — убрать второй пистолет и взяться за меч, продолжая путь на сдержанной рыси. Координированная атака продолжалась, напор нарастал и поддерживался в ровном строю — лошади голова к голове — так, что всадники представляли собой подобие движущейся стены. Вступив в близкое боевое соприкосновение с неприятелем, французы палашами и эспадронами прорубали себе путь через массы живой силы противника. Дисциплина и четкое взаимодействие вкупе с отвагой и напором французов превращало их в чрезвычайно грозного врага.

Союзнический ответ на данный подход состоял в том, чтобы воодушевлять личный состав частей на рукопашную схватку с неприятелем и его уничтожение. Они отказывались от обмена огнем на дистанциях неуверенного поражения, предпочитая дожидаться момента сближения, чтобы каждый солдат применял пистолеты в случае крайней необходимости в рукопашной. Союзники действовали в соответствии с английскими наработками и

правилами: главным оружием выступал меч, темп по мере продвижения возрастал от шага к сдержанной и затем к «быстрой рыси». При таком темпе суммарное воздействие атакующей массы повышалось по сравнению с атакой на сдержанной рыси, а второй эшелон нападающих, следовавших вскоре за первым, усиливал общий натиск. Хотя то был еще не легкий галоп английских войск времен Гражданской войны и не стремительная скачка польской кавалерии, все же при таком раскладе атакующие часто соприкасались с неприятелем на большой скорости, преодолевая вражеское противодействие. Одной из инноваций у союзников послужило продвинутое коневодство — выращивание крупных и выносливых боевых коней, которых хорошо питали, чистили и держали в оптимальной кондиции для боевого применения. Принц Евгением, крупнейший воинский предводитель в имперском стане, был не единственным из высших командиров, высказывавшихся по поводу прекрасного положения дел с боевыми лошадьми у англичан, датчан и голландцев. Воздействие такого организованного строя — подвижной живой стены крупных воинов на крупных конях — выражалось в нарушении монолитного единства во вражеских формированиях и в замешательстве у противника. Сомкнутый порядок поддерживался за счет подготовки и опыта, что в действительном боевом соприкосновении означало часто локальное численное преобладание, когда два человека оказывались перед одним. Когда же плотное формирование рушилось и приходил момент мериться силой один на один, атакующие сохраняли возможность применить не использованные прежде пистолеты.

«Герцог Марлборо велел выдавать конным по три заряда пороха и пуль на кампанию, да и то только для охраны коней, когда те пасутся на лугах, а не для применения в бою».

Генерал Кэйн

Прижатые близко друг к другу, они не испытывали нужды прибегать к поводьям и могли держать в одной руке меч, а в другой — пистоль, таким образом пользуясь преимуществом двойного вооружения. Принимая во внимание предельно краткую дистанцию в рукопашной, легко представить себе то, насколько возрастала эффективность огня в подобных условиях. Перед тем, как убрать или отбросить разряженную пистоль, представлялось возможным применять ее как холодное оружие для нанесения ударов как дубинкой или палкой или же для угрозы применения в своей главной функции. В одном английском наставлении рекомендуется наставлять пистоль на противника на вытянутой руке, целя ему в лицо, поскольку неприятель в подобном случае не может знать, заряжено оружие или нет. Подобный прием может привести, по меньшей мере, к замешательству врага, тогда как нападающий получает шанс воспользоваться секундной паузой и ослаблением внимания соперника для того, чтобы пустить в дело меч. Можно также хлестнуть плашмя лезвием или ударить эфесом меча по голове коня противника, чтобы ошеломить животное и вывести его из равновесия.

«Джентльмены» из *королевской челяди* (или «дворовых королевских» войск — Мезон дю Руа/*Maison du Roi*; см. выше. — *Прим. ред.*) умели расправляться с оппонентами по-рыцарски. Кто-то может рискнет утверждать, что они чурались резни в духе той, которой не брезговали мясники из союзнического лагеря (союзниками тут будут называться в основном солдаты антифранцузской коалиции. — *Прим. ред.*), однако мы не станем биться об заклад, что так оно и было. В середине семнадцатого века техничные боевые приемы пользовались особым почетом в рукопашной схватке: так, не считалось зазорным ударить по голове лошади противника с намерением перерубить поводья, чтобы вызвать выпадение мундштука изо рта коня и, как следствие, осложнить управление им всадником. На заре восемнадцатого столетия в ближнем бою кавалеристы обычно бывали так стиснуты со всех сторон, что искусство наездника как бы оттеснялось тут на второй план. Союзники стремились нанести удар в голову или лицо седока скорее, чем коня, поскольку такие раны — хотя и редко смертельные — приводили к значительному подавляющему психологическому воздействию не только на саму жертву, но и на ее боевых товарищей, тогда как кровь, текущая из раны в голове, заливала глаза и действенным образом выводила пострадавшего из боевого соприкосновения.

Отметим и еще один важный фактор, оказывавший влияние на приемы конного боя. Современные уставы и наставления учили кавалерийских командиров внедрять в частях не только практику совместного применения пистолетов и мечей, но и упирали на необходимость достижения четкого взаимодействия конных и пеших формирований.

Рупрехт, а затем Кромвель у англичан использовали кавалерию отдельно от пехотинцев, однако, несмотря на обычную высокую эффективность всадников в атаке, они мало что могли предложить в обороне. Военные отметили также, что, если обе стороны располагали примерно равными по численности и по боеспособности войсками, применение формирований отдельно друг от друга часто вело к патовой ситуации, поскольку ни одной из противоборствующих армий не удавалось добиться тактического преимущества и достигнуть прорыва; и вот в таких случаях упорство и боевой дух французов помогал им взять верх над врагом.

Упор на взаимодействие родов войск не представлял собой отказ от английского подхода в пользу шведской модели, но являлся неким гибридом из двух этих подходов. Кавалерия начинала применять меч в наступлении, а мушкет в обороне, то есть действовать в английском духе в атаке и в шведском — когда приходилось защищаться. Боевой стилистике французов и союзников предстояло пройти проверку делом в ходе Войны за испанское наследство (1701—1714 гг.), и лучшим примером должно, видимо, служить противоборство между Марлборо и Вильруа под Рамильи в 1706 г. Разведка в полевых условиях не являлась чем-то, что хорошо удавалось регулярной кавалерии в ту пору, а в данном конкретном случае обе армии узнали о местонахождении друг друга, когда встретились у поля боя. Они оказались в опасной близости между собой,

Любопытно, что ближе к исходу 17-го столетия знамя и офицер, который нес его, назывались корнетами. Изображенный тут корнет склоняет флаг, т.е. салютует, причем делает это по особому случаю, о чем говорят розетки из лент, вплетенные в гриву коня. Подобные украшения применялись ограниченно и больше на парадах.

чтобы кому-нибудь представилась возможность безбоязненно отступить, а потому оба полководца — как Марлборо, так и Вильруа — изготовились к битве. На левом фланге у Марлборо простиралась довольно обширная равнина, справа находилась речная долина. Он развернул Оверкирка с большинством голландских и датских конных отрядов на левом крыле, а голландскую и английскую кавалерию Ламли на дальней оконечности правого. Центр, находившийся на восточной возвышенности в долине Малой Геты, формировался из двух эшелонов пехотных бригад, представляемых солдатами разных национальностей, однако английские красные кафтаны (или красные камзолы/мундиры. — *Прим. ред.*) под началом эрла Оркни дислоцировались на самом правом крае. Генерал-квартирмейстер Кадоган поведал Марлборо о поперечной складке на местности с правой стороны холма, на котором позиционировались союзники и где протекала речка Кивлетт. Данной особенности рельефа предстояло сыграть важную роль в развернувшихся позднее столкновениях кавалерии.

Также значительной в плане применения конницы была топография южного участка поля, где правый фланг французской армии

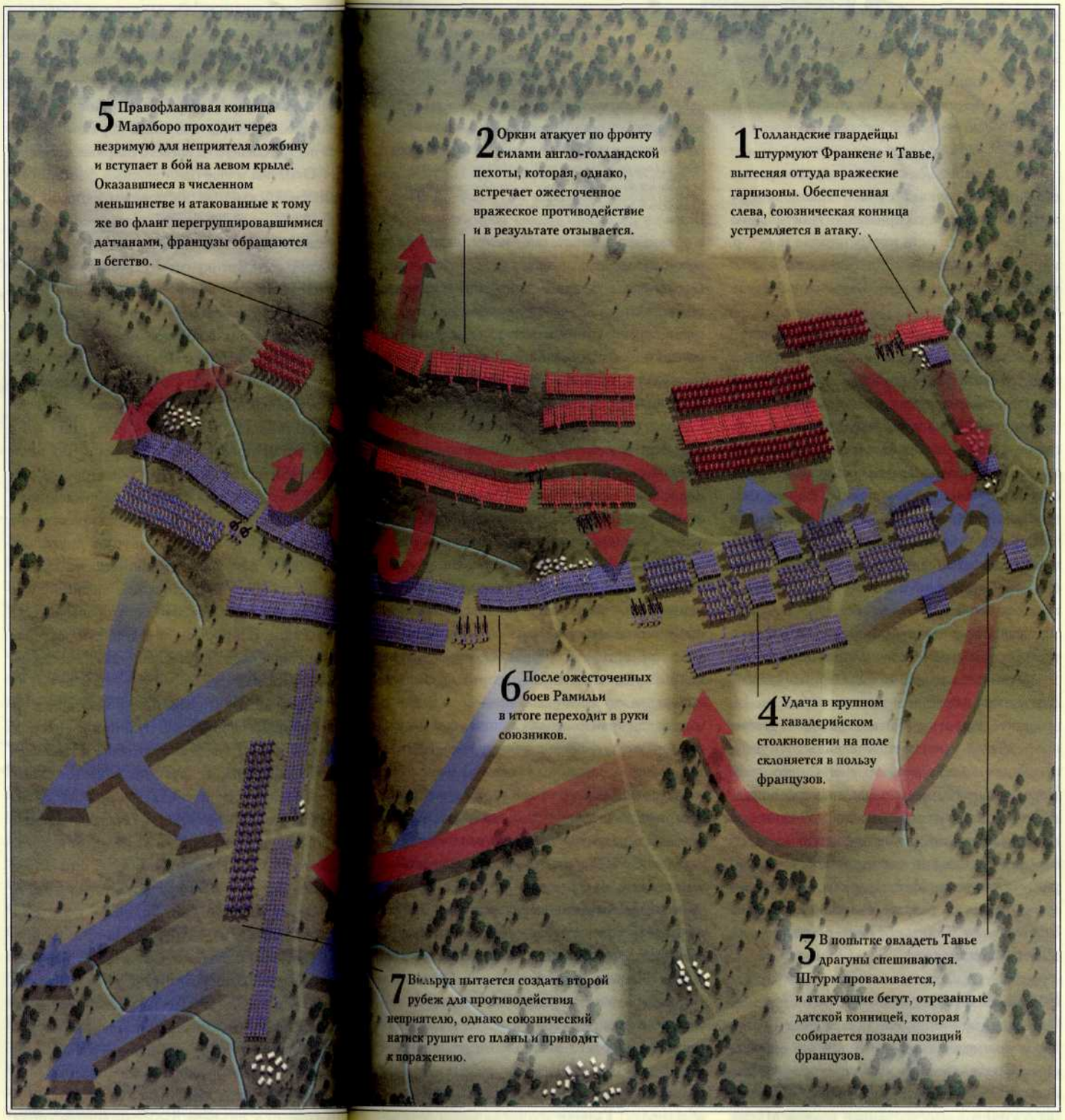
Битва под Рамильи

1706 г.

Как Вильруа, так и Марлборо намеревались встать лагерем у села Рамильи, но французы подошли туда первыми и заняли оборонительные позиции. Сражение открыли голландские гвардейцы, овладевшие Тавье, которое прикрывало правый фланг Вильруа. Тогда французская инфантерия и драгуны, задача которых заключалась в обеспечении поддержки кавалерии, попытались — однако неудачно — отбить село у противника. Союзнические войска перешли в наступление, осуществляя сильный натиск на центр и левое крыло французов, вовлекая в бой оставшуюся там инфантерию, предназначавшуюся для взаимодействия и подкрепления кавалерии. Когда же разгорелись рукопашные конные схватки, датская кавалерия атаковала в левый фланг дерущимся и смяла французов, а Марлборо по невидимой для неприятеля долине перебросил свою правофланговую кавалерию на левый фланг для противодействия наседавшему врагу. После долгих боев союзники штурмом взяли Рамильи, а когда датчане ударили в обнаженный фланг лишенной поддержки неприятельской кавалерии, правое крыло французов рухнуло. Несмотря на попытки Вильруа создать вторую линию обороны и закрепиться на ней, союзники неумолимо шли вперед, что превратило отступление французов в бегство и привело к их разгрому.

Рамильи расположен в сегодняшней Бельгии, примерно в 25 км к юго-востоку от Вавра и в 20 км к северу от Намюра. Битва протекала на ровной и немного холмистой местности. Усеянная ныне фермерскими хозяйствами и крупными селами, она, как и прежде, легкодоступна и, в общем, мало изменилась.

Кремневые кавалерийские пистоли, производившиеся ближе к концу 17-го столетия, представляли собой высокохудожественные произведения искусства оружейных дел мастеров, о чем позволяет судить данный экземпляр. Ствол его выполнен в дамасском стиле (покрыт золоченой узорчатой чеканкой по черненому металлу), ложе — из орехового дерева, а кремневый замок украшен резьбой.

прикрывала речка Меэнь и заболоченная земля по берегам ее притоков. В остальном же гладкая местность предоставляла простор, напоминая огромную естественного происхождения арену с селами Рамильи на севере и Тавье на юге.

Диспозицию как французов, так и союзников можно назвать классической, по меркам того времени. С французской стороны арену эту поручили генералу Гискару с 82 эскадронами конницы, в том числе драгун и всей французской «дворовой» кавалерии, включая знаменитых «жандармов». На правом крыле сосредоточились массированные формирования конницы, которые, однако, имели пять частей инфантерии в качестве поддержки. 68 конных эскадронов построились в три линии. На первых двух, в целях повышения огневой мощи кавалерии, вместе с всадниками занимали позиции пехотинцы, тогда как в третьей — призванной служить в качестве резерва — стояла только кавалерия. Правый фланг этим формированиям прикрывали 14 эскадронов драгун и некоторое количество швейцарской пехоты, поставленных уступом и немного дальше к тылу от переднего края. Перед ними занимали позиции построенные в два ряда 48 эскадронов голландской конницы с расположенными непосредственно позади у них двумя линиями союзнической инфантерии. В качестве резерва левее в тылу Оверкирк сосредоточил 21 эскадрон датской кавалерии Вюртемберга. Таким образом, он располагал 69 эскадронами против 82 у Гискара.

Большой французский план

Французские источники утверждают, что у Вильруа имелся *Большой план* для кавалерии. Предполагалось ослабить боеспособность находившихся в численном меньшинстве союзников массированной конной атакой с применением пистолей. Затем, взявшись за мечи, всадникам предстояло обратить людей Оверкирка в бегство, применяя в качестве поддержки приданные формирования инфантерии, задача которых состояла в обеспечении огневого прикрытия во время атаки и в случае ее неудачи, когда бы пехота могла послужить заслоном для перегруппировки кавалерии. Рассеяв союзническую конницу, французам следовало разделиться: одни должны были преследовать отступающих всадников противника, а другие — выполнить разворот влево и смять союзнические порядки натиском с юга. У кавалерии Ламли на союзническом правом крыле не осталось бы ни пространства, ни времени, чтобы противодействовать охватному маневру неприятеля, тогда как генеральное наступление французской инфантерии связало бы боем английских пехотинцев по фронту до тех пор, пока тем не пришлось бы отступать. А затем предстояло сказать свое решающее слово коннице, задача которой состояла в том, чтобы отрезать вражескую пехоту и превратить ее отход в громкое поражение. Имевший целью покватиться за Бленхейм, план не предусматривал разгрома кавалерии. Для пехоты Марлборо боевое соприкосновение с противником представлялось чреватым многими сложностями, так, скажем, из-за мокрой земли и вражеских траншей. Шансы в плане применения конницы выглядели более обнадеживающими, правда, если предпринять что-нибудь такое, что позволило бы выровнять баланс сил. Оставалось только одно — перебросить кавалерию Ламли с правого фланга на левый, где возросшая численность и эффект внезапности, связанный с неожиданным появлением дополнительных сил, предоставили бы возможность переменить обстановку. Главное, однако, чтобы французы не знали о предстоящей переброске частей Ламли. Овладение Тавье с опрокидыванием французского правого фланга тоже давало шанс поменять расклад сил в пользу союзников.

Незадолго перед 15.00, выполняя задачи, обозначенные первым пунктом плана Марлборо, голландские гвардейцы взяли Тавье после ожесточенного боя. Достигнутое позволяло подтянуть пушки и бить по сосредоточениям французской кавалерии продольным огнем, выкашивая солдат прямо на их позициях. Данное обстоятельство вызвало приступ паники во французском штабе, который тут же отдал приказ о широкомасштабной контратаке. Наиболее близко дислоцированные от села части были брошены на то, чтобы выбить оттуда противника. Выполнять задание отправились восемь батальонов пехоты и 14 эскадронов драгун, приданных в качестве огневой поддержки и резерва кавалерийскому крылу.

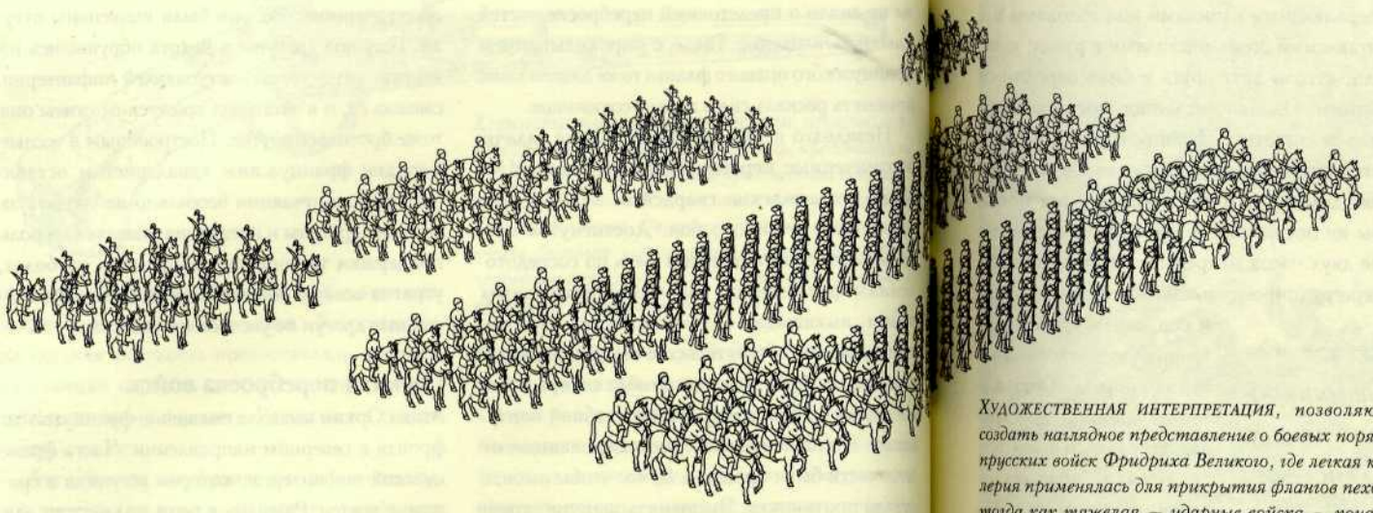
В глазах военного руководства драгуны продолжали оставаться верховой пехотой и получали соответственную плату. Несмотря на данный факт и на то, что они проходили строевую подготовку как пехотинцы, многие считали себя кавалеристами и носили соответствующие этому роду войск высокие ездовые сапоги. Посылать такие части атаковать окопавшихся в селе голландских пеших гвардейцев означало демонстрировать неоправданный оптимизм. Они спешились, отослали лошадей на довольно заметное расстояние в тыл и с карабинами принялись прокладывать себе путь вперед через заболоченную местность по реке Меэнь, выполняя *правый хук* и контратакуя Тавье. Земля раскисла, и обутые в высокие и жесткие кавалерийские сапоги, а не в драгунские гамаши, как обстояло дело всего несколько лет назад, солдаты увязали в грунте. Атаковали они, как мы с большим на то основанием можем судить, двумя эшелонами, копируя кавалерийскую тактику, однако когда те, кто действовал в первой волне, достигли села, противник расстрелял их из мушкетов с дальней дистанции. Драгуны побежали.

Инфантерия действовала успешнее, и к ней присоединились драгуны из второго эшелона, возглавляемые храбрым командиром, д'Обиньи, но скоро его убили. Несмотря на то, что атакующим удалось вступить в Тавье, после ожесточенного боя они были вытеснены оттуда. Бегущие драгуны и пехота обрушились на вторую волну своей наступающей инфантерии, смешав ее, и в итоге под вражеским огнем она тоже бросилась наутек. Построенным в тесные порядки французским кавалеристам оставалось лишь в отчаянии бессильно наблюдать за тем, как драгуны и предназначавшаяся на роль поддержки им пехота выбираются из болот, утратив всякую боеспособность. Действия спешенных драгун не увенчались успехом.

Скрытая переброска войск

Атака Оркни вызвала смещение французского фронта в северном направлении. Часть французской инфантерии, которая вступила в сражение вокруг Рамильи в роли поддержки для конницы, была переброшена на север в качестве замены батальонам, введенным в действие против наседающего Оркни. Однако сколько бы эскадронов ни имел Ламли, они не предназначались для перехода Малой Геты для подкрепления Оркни, а оставлять конницу стоять там в бездействии представлялось не чем иным, как пустой тратой драгоценных ресурсов. Герцог Марлборо велел Ламли развернуть большинство имевшейся у него кавалерии резко влево и двинуть ее невидимо для врага по долине мелководной Кивлетт в направлении центра. Командующей шел на риск, но риск осознанный, на время удаляя конницу с поля боя, однако расчет оправдался, и все прошло хорошо. После переброски войск в поддержку Оркни оставались лишь четыре эскадрона, однако передислокация осуществлялась втайне от французов, у которых отсутствовали причины для подозрения, что фактически вся конница противника покинула позиции. По прибытии 18 эскадронов Ламли в распоряжении Марлборо оказалось достаточно конницы, чтобы осмелиться ввязаться в массовую драку с лучшей кавалерией Европы.

Несмотря на неуспех французских драгун и инфантерии в деле овладения Тавье, французское командование решило, что настал момент дать отмашку всадникам. Уменьшившаяся количественно с 82 до 68 эскадронов после разгрома драгун, вся французская кавалерия обрушилась на 69 эскадронов Оверкирка. Подобного размаха конные атаки случа-

Художественная интерпретация, позволяющая создать наглядное представление о боевых порядках прусских войск Фридриха Великого, где легкая кавалерия применялась для прикрытия флангов пехоты, тогда как тяжелая — ударные войска — поначалу оставалась в резерве и задействовалась потом, когда передовым частям удастся достигнуть успеха, для его развития.

лись прежде весьма редко. Сотни всадников, переходя с шага на медленную рысь, устремлялись вперед сапог к сапогу. Наступление их не походило на стремительную атаку, которые так любят в Голливуде, а напоминало собой медленную мерную поступь парового катка. Казалось, они способны опрокинуть все на своем пути — казалось до тех пор, пока атакующие не встретились с голландской кавалерией, следовавшей в противоположном направлении навстречу им.

Последние, ведомые Оверкирком, наступали строем по четыре шеренги в глубину, и вот формирования столкнулись на рекомендованной уставами быстрой рыси, сминая друг друга, выбивая из седел всадников и заставляя вздыбливаться коней. Разыгралась отчаянная схватка, в ходе которой с обеих сторон в бой вводились свежие подкрепления, действовавшие с новым напором и натиском и прокладывавшие себе путь вперед через плотные массы конницы. Постепенно голландцы стали брать верх, но у Гискара в распоряжении имелась и пехота, переданная ему Вильруа и поставленная вперемежку с конными эскадронами, которая получила возможность стрелять, когда своя конница стала откатываться через «коридоры» на флангах пехоты. Под прикрытием ружейного огня французская «дворовая» кавалерия отошла, перегруппировалась и вновь устремилась в бой. Голландцы тоже перегруппировались и поскакали навстречу противнику. И снова конные массы сошлись в рукопашной, колышась туда и сюда, точно спелые колосья на ветру.

Поскольку Тавье остался в руках союзников, датская кавалерия получила возможность сделать охватное движение в сторону слева от дерущихся. Тогда перед собой датчане увидели отходившие отраженные и потрепанные части противника, пытавшиеся взять Тавье, и вот ведомый герцогом фон Вюртембергом 21 эскадрон датской конницы ударил вскачь, атакуя противника. Действия их не подчинялись правилам, рекомендованным для применения во время сближения с шеренгами неприятеля, а представляли собой самый настоящий лихой бросок с целью преследовать и гнать — гнать и преследовать врага. Атака вполне удалась, участники ее рассеяли и без того потрепанные формирования противника и даже смяли оставшийся пехотный батальон резерва. Они отлично поработали и обошли французский фланг. Фактически они выполнили «хук с левой», подобный тому, который продемонстрировал под Эджхиллом Уилмот, однако в отличие от его кавалеристов 64 года назад датчане отличались достаточной дисциплинированностью, чтобы развить тактический успех. Они сосредоточились вокруг местной достопримечательности, могилы Оттомона, и перегруппировались так, что фронт их обратился к северу. Они полностью смяли французский правый фланг и нацеливались на тылы всего строя Вильруа.

Последние 48 эскадронов голландской кавалерии держали центр и не поддавались под ударами 68 эскадронов французской, испанской и валлонской конницы. В крупной сече седла коней быстро пустели, а рядом падали наземь принимавшие участие в бою с обеих сторон пехотинцы. Удача балансировала на тонкой грани, не зная еще, к кому склониться, и все дело едва не решилось в пользу французов, когда *Maison du Roi* — несмотря на неадекватность поддержки — прорвались через два ряда голландцев чуть южнее Рамильи и были, казалось, вот-вот готовы хлынуть далее через союзнические порядки. Но «дворовая конница» наскочила на четыре полка пехотинцев, ловко подставленных туда самим Марлборо, который затем переместил штаб на склон напротив Рамильи, чтобы иметь возможность обозревать как северный, так и южный участок поля. Сливки французской кавалерии были остановлены искусным и классическим приемом — грамотным взаимодействием конницы и пехоты. Всякий раз, когда французы начинали брать верх и отбрасывали голландского оппонента, тот отходил через коридоры среди порядков инфантерии, позволяя ей останавливать французов огнем из мушкетов. «Пехотинцы с обеих сторон часто обращали вспять скачущие эскадроны», однако у французов не хватало пехоты, чтобы остановить врага повсеместно.

Лихая кавалерийская атака и контратака

Французское командование перебросило на север с целью подать помощь своим частям в отражении натиска Оркни слишком много пехотных формирований, предназначенных на роль поддержки конницы. Швейцарские и баварские части из резерва понапрасну включились в бои с врагом за Тавье. Отсутствие или нехватка пехотной поддержки начали сказываться и другим образом. Конница и пехота дислоцировались у французов вперемежку, но не шеренгами, как у союзников. Когда же инфантерия покинула позиции, фронт перестал быть цельным — в нем образовались огромные просветы, в которые и хлынула голландская кавалерия.

Один на один французская элита пользовалась преимуществом перед голландским противником, а численное превосходство позволяло посылать подкрепления и сменять потрепанные или смешавшиеся эскадроны. Однако голландцы получили возможность нападать на некоторые вражеские эскадроны с флангов и даже с тыла, что смещало баланс сил в их пользу. Эскадроны устремлялись в бой, откатывались, перегруппировывались и вновь и вновь бросались в сечу. И снова храбрость и отвага *Maison du Roi* создавали трудности союзнической коннице, поскольку они «отразили, обратили вспять и привели в великое замешательство» десять голландских эскадронов. С уходом датского резерва союзническая конница испытывала нехватку численности и начала постепенно сдавать позиции у себя на правом фланге. Она попятилась, и стало казаться, что фронт на этом участке вот-вот рухнет. Сложилась острая ситуация, которая усугублялась тем, что, откатываясь, голландская конница обнажала левый фланг всего союзнического войска. Если бы французам удалось потеснить неприятеля еще дальше, поддерживающие части получили бы простор для того, чтобы ударить во фланг пехоте и смять ее. У Марлборо не осталось иного выхода, как бросить в бой силы Ламли, когда те подошли.

Долина Кивлетт выходила на широкую равнину справа в тылу у схлестнувшихся между собой кавалеристов. Лично возглавив 18 вновь прибывших эскадронов, Марлборо

повел их в битву. Неожиданное вмешательство привело к остановке утесняемых противником частей. Командующий возвратился на наблюдательный пункт как раз вовремя, чтобы увидеть прибытие от Ламли второго эшелона из 21 эскадрона, собрать их и ввести в гущу боя, где уже рубились между собой примерно 25 000 всадников. Они атаковали и контратаковали друг друга и — опьяненные кровью — без устали орудовали клинками. Марлборо оставался вовлеченным в боевые действия не менее 20 минут, пока не осознал, что кризис миновал. Теперь все дело заключалось во времени и в том, насколько быстро удастся измотать неприятеля и подорвать его силы.

На этом этапе союзники — достигнувшие численного преимущества с 87 эскадронами против 68 плюс с еще 21, готовым нанести удар с фланга, — начали выигрывать в столкновении кавалерии. Союзническая конница отбросила французов. Их позиции отклонились под примерно 45-градусным углом по отношению к изначальному положению, при этом Рамильи превратился в своего рода ось, на которой держалось их построение, одним словом, они пока гнулись, но не ломались. Усталые и близкие к истощению сил, обе стороны изо всей мочи старались перегруппировывать и приводить в порядок свои формирования. Проворные связные сновали туда-сюда, доставляя приказы командиров, которые бросали в бой резервы отовсюду, где только могли найти их, и вот Оверкирк стал разворачивать массы своих частей вправо, в направлении перегруппировывавшихся французов.

Сразу после 18.00, в рамках приказа Марлборо о генеральном наступлении, некоторые из пушек, обстреливавших Рамильи, открыли огонь по французской кавалерии, заставляя ее шевелиться. Она продвинулась вперед и вновь столкнулась с массами людей со сверкающими клинками над головами и с изрыгающими огонь пистолями в руках; кони ржали, кусали друг друга и били передними копытами. Однако численное превосходство начало сказываться, французы стали медленно отступать. Французская «дворовая» кавалерия сделала все и даже больше, чем могла, чтобы не посрамить своей чести и славы, но после двух часов непрерывных атак, отходов на перегруппировку и новых атак она гнулась и поддавалась, сражаясь теперь уже отдельными эскадронами. Союзническая конница, действовавшая единым фронтом, связывала вражеских всадников боем на переднем крае, устремлялась в пространства между вражескими частями, чтобы окружать и уничтожать их.

«Вражеские конные откровенно бросили своих пеших, и наши драгуны... посекли врага безмерно. Французский собственный Его Величества пеший полк, называемый Regiment du Roy (Королевский полк), взмолился о пощаде, сложил перед нами оружие и отдал нам свое знамя...»

Джон Маршал Дин

Крушение и бегство

Передохнувшие и приведенные в порядок датчане в рядах 21 эскадрона к юго-западу ударили во фланг сражающимся французам, которым пришлось перегруппировываться, чтобы лицом к лицу встретить новую угрозу. Приказ о развороте на девяносто градусов по отношению к их первой позиции на склоне позади Рамильи французам так и не удалось выполнить до конца. Датчане устремились в яростный бросок, и союзники, чувствуя запах близкой победы, поднажали, прорубившись в центр и захватив барабаны *Maison du Roi*. Оставшейся для отражения натиска пехоты конницы оказалось очень мало — совершенно недостаточно для противодействия массам наступающего неприятеля; пешие воины пришли в замешательство, смятые своими же отступающими, побежали, но скоро союзники их настигли.

Тут еще датские резервные эскадроны устремились вперед и обрушились на французский фланг. Наступил конец. Великая французская конница — а точнее, то, что от нее осталось — не выдержала и бросилась в бегство, преследуемая по пятам относительно свежей датской кавалерией и теми из союзнических всадников, которые не загнали еще коней. Массы дрогнувшей и оборотившей тыл врагу кавалерии перемешались с пехотой, бегущей из Рамильи, и вот южный район плато Мон-Сент-Андре покрыли толпы беспорядочно удирающих людей, изо всех сил стремящихся оторваться от преследователей и найти где-нибудь маломальски безопасное место.

Тем временем на северном фланге Оркни вновь устремился на штурм вражеских позиций, и отважные французы, целый день удерживавшие Отр-Эглиз, отступили. Одна остававшаяся в резерве английская кавалерийская бригада, которую Марлборо не перебросил в центр, появилась позади французов, ухитрившись как-то перебраться через более северный участок болотистой речушки. Не дав себе труда перегруппироваться, они бросились вперед «этак по-гусарски на галопе с мечами в руке» и врезались в отступающую инфантерию. Те, кого не зарубили или не раздавили конями, побросали оружие и подняли руки, однако, когда драгуны проскакали дальше, многие из обозленных французов подняли мушкеты и открыли огонь. Конники развернулись и вновь помчались на них, на сей раз уже безжалостно рубя всех и каждого, у кого видели в руках оружие.

Прусские драгуны Фридриха рассеяли французскую инфантерию в битве при Миндене 1 августа 1759 г. в период Семилетней войны. Данная иллюстрация сделана с рисунка 19-го столетия, выполненного Карлом Дойкером.

Затем последовало классическое кавалерийское преследование. Позади Рамильи и фронтом к северо-западу вперед катились огромные сосредоточения союзнической кавалерии. Никто даже не пытался сохранить порядок в построении, они просто скакали в погоню, размахивая клинками и разя ими несчастных пехотинцев направо и налево. Путь лежал через оставленный французами лагерь, что еще больше расстроило ряды преследователей и осложнило задачу руководства действиями войск. Отсутствие рычагов контроля, конечно, заставляло поставить крест на рекомендованной сдержанной рыси — преследователи быстро перешли в галоп. Позади строились в батальонные колонны союзнические пехотинцы, отправлявшиеся вдогонку за врагом.

Вильруа попытался было образовать второй ряд обороны по линии кряжа между Оффю и Сент-Андре. Командиры охваченных паникой французских и союзных им частей старались изо всех сил привести войска в порядок, выстроить в линию, чтобы сдержать генеральное наступление торжествующего Марлборо.

С пехотой на фланге и мешающимся на пути обозом, при толпах бегущих через их позиции, французы должны были найти возможность встать и отразить натиск воодушевленной успехом союзнической конницы.

Первыми ударили датчане. Они обрушились на баварцев и оттеснили их прочь, преследуя бегущих в направлении Торамбе. Остальным же солдатам противника, похоже, как-то не улыбалась перспектива встречаться с голландскими и английскими конниками, и все 50 эскадронов с левого крыла, «которые не скрестили оружия с противником, охваченные паникой в страхе и ужасе помчались прочь, обгоняя бегущих пехотинцев, которых им полагалось прикрывать». Генерал Вуд возглавлял атаку своих горячих всадников. Их натиск привел к крушению вновь образованного французского центра в считаные минуты и к рассеиванию французского штаба, так что «...сам курфюрст и маршал Вильруа виднелись среди толпы и не более чем в десяти ярдах от меня... Они едва сумели спастись».

Бой выдался продолжительным и упорным, в нем пришлось показать себя и пехоте, и коннице, однако к победе в нем привели все же в первую очередь действия кавалерии. Удаль ее стала темой памфлетов и не сходила со страниц газет, прославлявших отвагу верховых воинов и воздававших хвалу мудрости Марлборо, приказавшего сократить количество пистолетных патронов из расчета на каждого кавалериста. Успех командующего и полный драматического накала прорыв на фланге вернул веру в торжество холодной стали. Однако в блеске эйфории померкли и стали невидны истинные причины успеха под Рамильи, заключавшиеся в успешном применении взаимодействующих родов войск — огневой мощи артиллерии и пехотинцев и ударной кавалерийской атаки.

Если все эти войска применялись грамотно и дополняли друг друга, устоять перед ними не могли никакие, даже самые лучшие и самые наихрабрейшие, конники. Союзники выиграли потому, что французы лишили себя адекватной огневой поддержки и позволили голландцам и англичанам прорваться через бреши в своем фронте, оставленные после отвода оттуда пехотинцев. Датская конница лишь нанесла завершающий смертельный удар, однако не прежде, чем «меч и мушкет» уже одержали верх над «мечом и пистолетом».

Минден, 1757 г. — славное безрассудство

Мы уже обсуждали тему необходимости поддержания должного уровня ухода за боевыми конями для того, чтобы обеспечить им возможность оправдывать возложенные на них задачи. Для улучшения понимания разного рода вопросов разрабатывались соответствующие письменные циркуляры, которые доводились до сведения всех и были обязательны для исполнения. В середине восемнадцатого столетия наблюдался настоящий бум подобного рода активности, который не обошел, разумеется, стороной и кавалерию.

Поддерживанию репутации кавалерии как славной воинской элиты весьма способствовали средства массовой информации той эпохи, разнообразные памфлеты, зачастую не лишенные тенденции излишне приукрашивать действительность. Однако печатным органам случалось разражаться порой целыми шквалами детализированной и иллюстративной информации в отношении кавалерии. Имя справочникам и наставлениям, доступным вниманию молодых кавалерийских офицеров, в восемнадцатом столетии было легион. Следовательно, и мы можем почерпнуть исчерпывающие сведения о жизни тогдашних кавалеристов и самостоятельно оценить приемы, использовавшиеся для поддержания в боеспособном состоянии людей и лошадей.

Жизнь кавалериста отличалась изрядной интенсивностью даже в тех случаях, когда он не находился в походе или на войне, а несповседневную службу. Наиболее поглощающей время деятельностью являлась та, которая обозначалась простым и емким словом «конюшни», что включало в себя все, что касалось ухода за лошадьми. В сороковые годы восемнадцатого века мероприятия в конюшнях проводились дважды — в 8 утра и в 4 пополудни. Лошадей поили и кормили в соответствии с установлениями каждого полка, при этом в большинстве случаев летом поили дважды (лошадей и так поят дважды, автор, видимо, немножко напутал. — *Прим. ред.*). Затем кавалеристы занимались уходом за конями по заведенным и свято соблюдавшимся правилам. Так, всегда расчесывались гривы и хвосты, а унтер-офицеры занимались тем, что проверяли состояние подков и копыт животных. Дважды в день коней выводили для прогулок, а дважды в неделю седлали и занимались совершенствованием ездового мастерства. Уклоняться от служебных обязанностей в конюшнях не дозволялось никому. Ожидалось присутствие офицеров, и к тем из военнослужащих, кто манкировал своими обязанностями в конюшнях, применялись телесные наказания.

Точно так же существовали инструкции, предписывавшие заботы о физической кондиции личного состава. Коль скоро кавалерию считали военной элитой, стало быть, служащим в ней надлежало выглядеть и вести себя как подобает представителям лучшей части общества, причем как на поле брани, так и в быту. По питейными заведениям и публичным домам валом прокатывались патрули, задача которых состояла в том, чтобы отлавливать пьяных и дебоширов из числа кавалеристов и отправлять их обратно в места проживания. Стали активно строиться казармы, офицеры следили за тем, чтобы в помещениях, где спали солдаты, и в конюшнях своевременно гасились свечи. Устаивались постоянные проверки состояния постельных принадлежностей, белья и формы — шла борьба за гигиену, чистоту и порядок. Беда элитарности, однако, заключается в том, что она способна порождать отчуждение и нетерпимость во взаимоотношениях с другими сообществами, что и имело место, причем весьма и весьма прочное. На заре столетия, во времена Рамильи, словно бы сама жизнь доказывала роль кавалерии как оружия победы, однако добиться ее коннице в значительной мере помогла пехота, что в середине восемнадцатого века обычно как-то забывалось.

Решительные победы герцога Марлборо в битвах, особенно вклад в дело союзнической кавалерии в боях под Бленхеймом, Рамильи и Ауденарде, занимали умы и будоражили воображение как публики, так и самих военных. Заговорили о том, что главное — сделать упор на ударные атаки и схватки крупных формирований конницы, одним словом, применять кавалерию *en masse*, т.е. массированно. Чтобы собрать и вывести в поле такие кавалерийские армады, драгун перевели в конницу и отказались от их задач как верховой пехоты. Драгуны превратились в собственно кавалерию, тогда как лихая кавалерийская атака с последующей отчаянной рукопашной сделались превалирующими боевыми приемами. Повсюду в Европе создавались крупные конные формирования, а король Пруссии Фридрих Великий насаждал философию напористого кавалерийского наступления в своих наставлениях:

Что же до атаки кавалерии, я считал и считаю необходимым проводить ее быстро и в тесном строю — и более чем по одной причине: поскольку широкое продвижение приведет к тому, что наряду с храбрецами вперед будут увлечены также и трусы, поскольку у кавалеристов не останется времени на сомнения, поскольку наши могучие кони на быстром скаку позволят смести все препятствия на их пути, прорвать любые заслоны и поскольку простой кавалерист будет лишен малейшей возможности влиять на решения в таком большом деле. Пока строй тесен и эскадроны действуют в сомкнутых порядках... враг — построенный более свободно и имеющий больше пространств между частями — будет оставаться неспособным сдержать сосредоточенного натиска и напора. Сила нашего натиска умножается, ибо неприятель имеет много флангов, тогда как у нас только два, защитить которые полководец имеет все возможности, а также и потому, что ярость нашей атаки приводит противника в замешательство. Пусть они стреляют — они побегут; пусть они нападают на медленной рыси — они будут опрокинуты; пусть же они идут на нас в таком же (как и наша конница) темпе... — мы приведем их в смятение и разгромим по частям.

Фридрих очень внимательно следил за переменами, происходившими в Восточной Европе, которые также влияли на кавалерийскую тактику и роль конницы в кампаниях. Те, кто живет на западной окраине континента, как-то склонны забывать, что Россия,

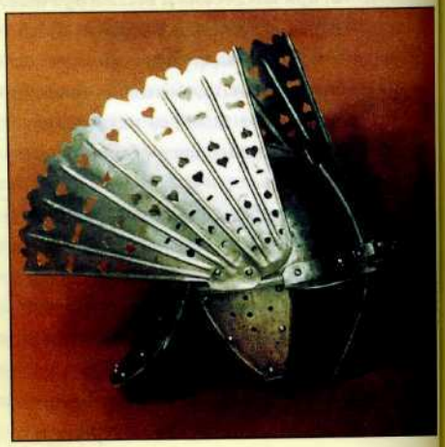
Австрия, Польша и Балканские страны жили, если можно так сказать, в значительной мере развернутыми на восток, а значит, их боевые технологии претерпевали заметное влияние могучего соседа и постоянного противника — Османской империи. Несмотря на то что турки широко использовали тяжелую кавалерию, они применяли ее обычно не в массированных ударных атаках. Их можно назвать пионерами революционных инноваций, предпочитавшими скорость, способность рассеиваться и собираться для наскоков на противника, т.е. они тяготели к приемам, которые вызрели у них со временем под влиянием особых условий, в которых они сражались. Подобные войска стали носить имя легкой кавалерии.

Возвращение легкой кавалерии

Появление гусар таило в себе немалый потенциал как оружия победы, однако поначалу возможности их на полях сражений казались ограниченными, особенно на Западе, где все военные умы занимала ударная атака тяжелой конницы. Тем временем на Востоке тучи конных отрядов, как бы обтекая врага по флангам, проникали в его тыл и принимались грабить его обозы, сея панику и подрывая боевой дух неприятеля. В кампаниях их вклад в дело был просто неоценимым. В Восточной Европе легкая татарская конница или, скажем, казаки, действуя стремительно, используя подвижность и проворство лошадей и огневые средства — луки или пистолеты, — представляли собой серьезную угрозу для противника. Однако народы, превосходно владевшие подобными приемами, не очень-то поддавались контролю и управлению. И тут вновь поляки оказались, похоже, первопроходцами, сумев найти компромисс и создать значительные по численности части легкой конницы в своих армиях, несмотря на то что они по-прежнему высоко ценили тяжелую кавалерию и ударную атаку.

Западноевропейские армии постепенно тоже открыли доступ в свои ряды легкой кавалерии. Всадники обходились дешево, и нередко с ними обращались как с наемниками, воюющими на собственный страх и риск. Не считавшиеся полноценной кавалерией, они часто низводились до роли дозорных и держались в стороне от переднего края битвы, отправлялись в набеги на гражданское население противника или же использовались при преследовании. Легкая кавалерия — гусары и иностранные драгуны особенно — скоро завоевали себе репутацию, достойную бандитов с большой дороги, готовых рвать плоть с костей как врагов, так и друзей. Понадобился гений вроде Фридриха, чтобы в полном смысле слова интегрировать их в армию.

После первых катастрофических опытов его отвратительно действовавшей кавалерии в битве при Мольвице в 1741 г., Фридрих потратил немало времени, денег и энергии для реструктуризации, переподготовки данного рода войск. На протяжении всей истории своих кампаний — во множестве битв и сражений — он всегда отдавал большое предпочтение оружию победы — ударной атаке. Два его знаменитых кавалерийских генерала — командующий тяжелой конницей Вильгельм фон Зейдлиц и легкой — Ганс фон Цитен — продемонстрировали успешность проведенных королем реформ и преобразований. Фридрих запретил применение кавалерией огнестрельного оружия, и солдаты его достигли совершенства в атаке галопом. Вне зависимости от того, какой была конница — тяжелой или легкой, — главная задача ее в сражении состояла в том, чтобы обрушиваться на противника на лихом галопе. Конные формирования всецело полагались на скорость, дисциплину, напор и ударное воздействие. В ходе Войны за австрийское наследство, в 1740—1748 гг., подобные приемы раз за разом впечатывались в умы кавалерийских командиров по всей Европе. Наверное, поляки и предупреждали — «а ведь мы вам говорили», — однако Семилетняя война 1756—1763 гг. преподала уроки в том, что касается огневой мощи, которую оказались способными предоставить хорошо вышколенные мушкетеры.

Поляки упорно не желали отказываться от самобытных костюмов и воинской справы, особенно в том, что касалось шлемов, как мы имеем возможность наблюдать на примере этого польского «крылатого» шлема 18-го столетия. Декоративные крылья делали всадника более грозным.

Турецкий воин (ок. 1690 г.)

В османскую армию входили значительные формирования легкой кавалерии. Носившие свою собственную традиционную одежду, не обремененные доспехами и часто располагавшие хорошими лошадьми, такие всадники эффективно действовали в ходе кампаний. Однако отряды их не были качественно однородными и не всегда имели должные мотивировки для того, чтобы идти в бой. Некоторые конные формирования действовали на регулярной основе, другие приходилось силком загонять под султанские знамена. Третьи присоединялись к войску просто в поисках наживы — в надежде на военную добычу. Они предпочитали воевать в свободных порядках, нежели в сомкнутом строю, окружая и обкладывая врага со всех сторон, прорываясь на фланги и в тыл, применяя кто лук, кто пистоль, кто пику. Смертоносные кривые сабли шли в ход обычно, когда неприятель бежал с поля — во время преследования, где победители секли ими как пеших, так и конных. Ввиду численности и быстроты их действий в атаках таких всадников нередко называли «турецкой бурей» — конные воины всех мастей служили султанам веками.

Прелиминарии

В ходе подготовки к битве при Миндене союзническая армия князя Фердинанда Брауншвейгского маневрировала по линии реки Везер с намерением преградить французам путь в Ганновер. Французы сумели, однако, форсировать водную преграду, овладеть Минденом и сосредоточить там свои силы. Фердинанду требовалось принудить французского маршала де Контада к столкновению в поле, прежде чем тот сумеет прорваться и использовать чис-

ленное преимущество. Фердинанд решительно выдвинулся навстречу французам и развернулся в боевые порядки на равнине у Миндена, приглашая оппонента на битву. На начальном этапе сражения кавалерия применялась для захвата сел и разного рода выгодных с тактической точки зрения позиций, в том числе высот и гатей, особенно важных в условиях весьма и весьма заболоченной местности.

Авторы описаний разгоревшейся битвы, как и в подавляющем большинстве случаев прежде, одаривают особо щедрым вниманием кавалерию и ее тактику. Приспосабливаясь к условиям местности, обе стороны развернули войска, построив их в форме гигантского прямого угла между болотом Бастау и рекой Везер. Французский фронт пролегал на северо-восток от Галена к Маульберкампу и резко поворачивал на восток через Кутенхаузен, чтобы упереться правым флангом в Везер. Войсками, развернутыми на запад, командовал де Контад, а смотревшими на север — де Брольи. Расположившийся перед ними Фердинанд занимал линию от Гартума до Штеммера, тогда как фон Вангенгейм — позиции лицом к лицу с Брольи. Насколько известно, на западном участке поля дислоцировалась кавалерия лорда Сэквилла, образовывавшая правый фланг Фердинанда, а конница герцога Фиц-Джеймса стояла в центре соединения де Контада.

Битва началась около 17.00 со столкновения между корпусами Вангенгейма и де Брольи, которые продолжали перестрелку и обмен атаками кавалерии до исхода дня. Обе стороны, по всей видимости, сражались равно и очень упорно.

На западном участке поля бои стартовали артиллерийской дуэлью вокруг Галена, так продолжалось примерно до 7 утра, когда из-за неправильного понятого приказа в атаку перешла союзническая колонна, возглавляемая фон Шпоркеном и состоявшая из шести батальонов британских пехотинцев и двух — ганноверских гвардейцев. Пока они выступали маршем, утренний туман рассеялся и стало ясно, что наступающие идут прямо на центр построения французов, где дислоцировалась элита французской кавалерии. Вину за отдание подобной команды следует возложить на непонимание, возникшее между немецко- и англоговорящими офицерами, однако действие повлекло совершенно неожиданные последствия, особенно если учесть, что кавалерия Сэквилла не оказывала наступающим поддержки. Фердинанд попытался остановить продвижение.

«Их обычная манера биться состоит в охвате вражеского эскадрона, в том, чтобы нагнать страху на его воинов криками и постоянными передвижениями... У них очень короткие шпоры, которые они держат всегда у боков лошадей, заставляя тех мчаться быстрее, чем у тяжелой кавалерии... Они страшны для бегущих, но неспособны выстоять перед натиском эскадрона в полных боевых порядках».

«Пер» Р.П. Даниэль

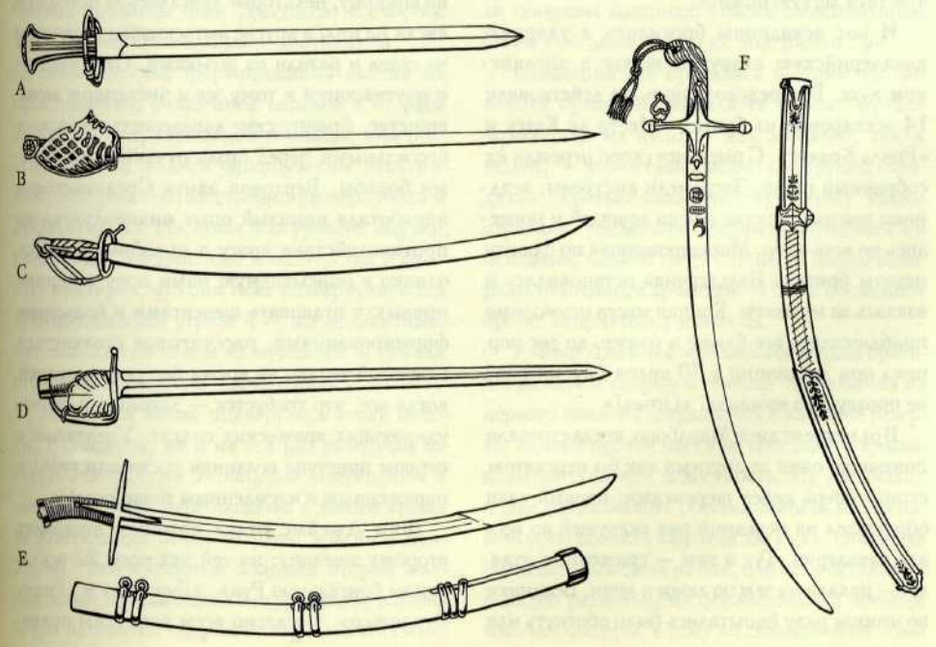
Находившиеся прямо перед ними французские конники, должно быть, смотрели на противника с изумлением, наблюдая, как он остановился в пролегавшей через поле низине и прикидывая, что неприятель, возможно, собирается закрепиться там на оборонительных позициях, так как сделали это имперские войска под Лютценом. Однако фон Шпоркен ожидал лишь подхода и построения своего второго эшелона, проходившего через заросли хвойных деревьев. Но вот строй красных мундиров вновь пришел в движение и стал приближаться, хотя и не прямо на врага. Он следовал по косой: так, что южное крыло, т.е. левый фланг, находилось ближе к противнику, чем правое, которое все удлинялось, по мере того, как к линии фронта подтягивались два батальона ганноверских гвардейцев.

Несмотря ни на что

Фердинанд приказал поддержать наступающих, чтобы предотвратить назревающую катастрофу, и отправил вперед соседей по строю, бригаду Шеле. По мере того, как первое изумление рассеялось, ситуация для Фиц-Джеймса стала проясняться: лишенная поддержки пехота наступает на свежие порядки его кавалерии. При всем этом красные мундиры очутились под огнем. Времена, когда конница применяла пистолеты, давно прошли, а потому огневое прикрытие своим обеспечивали батареи французских артиллеристов, одна из которых дислоцировалась около Маульберкампа, а другая — около ветряной мельницы у Галена. Пусть они стреляли на предельной дистанции огня, но их количество исчислялось 60 единицами, и хотя союзнические артиллеристы попробовали подавить пушки противника контрбатарейным огнем, заставить их замолчать они не смогли. Тем временем кавалеристы наблюдали за тем, как объект предстоящего приложения сил проходит «процесс обработки». Участвовавший в том марше через Минденгайде офицер писал: «Канонада вела к тому, что полки делались не в состоянии эффективно действовать против свежих сил, построенных к тому же на заранее выбранных и подготовленных позициях. — И добавлял: — Но твердая решимость и воля способны преодолеть любые трудности».

Кавалерия Фиц-Джеймса стояла, построенная в три эшелона: первый представляли 23 эскадрона в составе трех бригад под командованием маркиза де Кастри, второй — 22 в трех бригадах под началом генерал-лейтенанта де Вога, третий же — 18 частей в двух бригадах маркиза де Пуана. Итак, всего насчитывалось 63 эскадрона, при этом в каждый входило по 120 чел., итого кавалерийское формирование численностью более чем в 7500 сабель, входившие в него конники успели отдохнуть и находились в отличной боевой форме. Перед ними менее чем в 450 метрах находились восемь батальонов инфантерии: около 5000 чел., которые подверглись обстрелу из

На протяжении раннего периода Нового времени конница применяла самые различные кавалерийские клинки — мечи и сабли. Одни служили скорее для парадов, другие имели чисто практическую функцию. Некоторые предназначались для колющих ударов, другие для рубящих, некоторые как для того, так и для другого.
A. Немецкий «кацбальгер», ок. 1520 г.
B. Обоюдоострая венецианская «шиавона», ок. 1570 г.
C. Французская кавалерийская сабля, 17-й век.
D. Немецкий палаш, ок. 1585 г.
E. Прусская кавалерийская сабля 18-го столетия.
F. Турецкая кривая сабля, ок. 1600 г.

Битва под Кунерсдорфом, 1759 г., изображена на цветной гравюре с работы Бернгарда Роде (1725–1797). Под Кунерсдорфом Фридрих Великий едва не попал в руки отряду казаков. Леденящие душу воспоминания об этом эпизоде сражения научили его больше уважать легкую конницу, особенно в том, что касалось ее подвижности, скорости и способности появляться там, где ее не ждут, став одной из важных причин, побудивших его увеличивать количество гусарских полков в прусской армии.

пушек и не имели поддержки. Французские всадники стали вытягивать из ножен мечи, чувствуя легкую поживу.

И вот эскадроны бросились в ударную кавалерийскую атаку *en masse* в английском духе. В передовом эшелоне действовали 14 эскадронов из бригад «Местр де Кам» и «Рояль Крават». С рыси они скоро перешли на собранный галоп. Загремели выстрелы, всадники вонзили шпоры в бока лошадей и понеслись во весь опор. Маршировавшая по фронту пехоты бригада Вальдгрейва остановилась и взялась за мушкеты. Конная масса неумолимо приближалась все ближе и ближе, до тех пор, пока при дистанции в 30 ярдов (27 метров) не прозвучала команда: «Огонь!»

В отличие от дней Марлборо, когда стреляли повзводно один за другими как бы перекатом, огонь теперь велся шеренгами; первый залп обрушился на передний ряд скачущей во весь дух кавалерии. Тут и там — сраженные пулями — падали на землю люди и кони. Всадники во втором ряду попытались было обогнуть или перескочить тех, кто оказался внизу, однако раненые лошади метались туда и сюда непредсказуемо, мешая людям воплотить свои намерения в реальность. Затем выпалила вторая шеренга, которая почти остановила конницу – многих, но не всех. Столь сильной отвагой и натиском обладали всадники, что иные обрушились на британский строй и прорубились через него. Две правофланговые роты 12-го пехотного рассеялись под ударами кавалерии. Однако они перегруппировались и бросились на конницу, некоторые хватались за поводья и висли на них, а другие вытаскивали всадников из седел и разили их штыками. Окруженные и очутившиеся к тому же в численном меньшинстве, французские кавалеристы оказались бессильными перед столь отчаянными мерами борьбы. Верховая элита Средневековья наработала немалый опыт индивидуального противодействия врагу в подобных случаях, однако в описываемую нами пору всадники привыкли атаковать шеренгами и большими формированиями, рассчитывая столкнуться с пехотой только во время бегства последней, когда все, что требуется — догонять и рубить удирающих вражеских солдат. Уцелевшие в первом приступе всадники поскакали назад к пораженным и изумленным товарищам.

Фиц-Джеймс отдал команду атаковать второму эшелону: на сей раз всем 22 эскадронам бригад «дю Руа», «Бургонь» и «Рояль Этранжер». Согласно всем воинским правилам, уставам и наставлениям уж теперь-то инфантерия должна была дрогнуть перед элитой полей сражений. Вторая волна нападающих тоже довольно быстро набрала темп, приближаясь к линии красных мундиров, однако солдаты не побежали, а встретили атакующих губительным огнем с малой дистанции. Как отмечал один английский солдат, «почти каждая пуля нашла свою цель», и замечание это — хотя и не лишенное преувеличения — позволяет получить представление об эффективности огня. Второй эшелон атакующих, несмотря на потери, прорвался через порядки пехоты из дыма и хаоса сражения лишь за тем, чтобы встретиться со второй бригадой, Кингсли, штыки которой преградили путь врагу, а огонь с близкого расстояния разметал его строй. Вся храбрость и решимость кавалерии не позволили ей выиграть в схватке с выдержкой и огневой мощью неприятеля.

«Кавалерийский полк, который не бросается на врага в тот же миг, как получит приказ, я велю лишить лошадей и отправлю на гарнизонную службу».

Фридрих, король Пруссии

Солдаты фон Шпоркена сомкнули ряды, выровнялись и продолжили марш, чтобы смертоносным огнем из мушкетов развеять третий эшелон конницы Фиц-Джеймса. К счастью для уцелевших всадников противника, когда союзнические формирования вышли на пространство, очищенное первым и вторым эшелоном неприятельской конницы, они подставили свои фланги французским пехотинцам, которые соответственно развернулись и открыли огонь. Но таков был уровень выучки, подготовки, дисциплины и мастерства у красных мундиров, что они тоже развернулись для противодействия угрозе и — после десятиминутного обмена огнем из мушкетов — сумели отбросить вражескую инфантерию.

Затем они вновь подверглись атаке пехоты, гренадеров, но и на сей раз вынудили их отступить. Восемь батальонов швейцарцев и саксонцев были переброшены с левого крыла де Контада для атаки во фланг красным мундирам. Тем временем подошел второй эшелон Кингсли, выполнил полуразворот вправо, и три батальона одержали верх над восемью, вновь демонстрируя поразительную стойкость под вражеским огнем. На этом этапе пехотного противостояния Фиц-Джеймс и командир третьего эшелона кавалерии, де Пуан, ввели в бой 18 эскадронов «Жандармери» и «Карабинье де Франс». 2000 всадников из их состава представляли собой сливки сливок.

На их долю не выпала та же фронтальная атака, которую неудачно развернули их товарищи из предыдущих двух волн. Вмешательство в боевые действия инфантерии вынудило красные мундиры развернуть строй и встать под углом к линии кавалерии противника, однако де Пуану и этого показалось мало и он велел своей коннице выполнить маневр вправо так, чтобы эскадроны обрушили натиск на левый фланг и тыл фон Шпоркена. Наибольшая тяжесть удара пришлась на ганноверские батальоны и 23-й пехотный. Несмотря на огонь, они не смогли вовсе сдержать атакующую конную лаву. Кавалерия собралась и атаковала вновь, однако пехотинцы в задних шеренгах развернулись и встретили скачущих конников «таким ожесточенным огнем, что даже и львы не выдержали бы».

Кавалерия всё бросалась на приступ, но пехота буквально косила ее огнем: «Такое количество их пало — как лошадей, так и людей, — что оставшимся стало трудно отходить». Третью кавалерийскую атаку также отразили, уцелевшие всадники вернулись на исходные, однако потрепанные и поредевшие ряды пехотинцев дрогнули. И вот в последнем броске неприятель рассеял их.

У Фиц-Джеймса осталась всего одна бригада. Девять эскадронов генерал-полковника из первого эшелона сохранялись в качестве резерва, однако прочие части из состава его командования утратили целостность. Из уцелевших и еще сохранивших боеспособность наименьший урон понесла «Бригад дю Руа». Она была поспешно выведена из боя, однако у остальных изрядно разметанных формирований погибли многие офицеры, к тому же скакавшие по полю

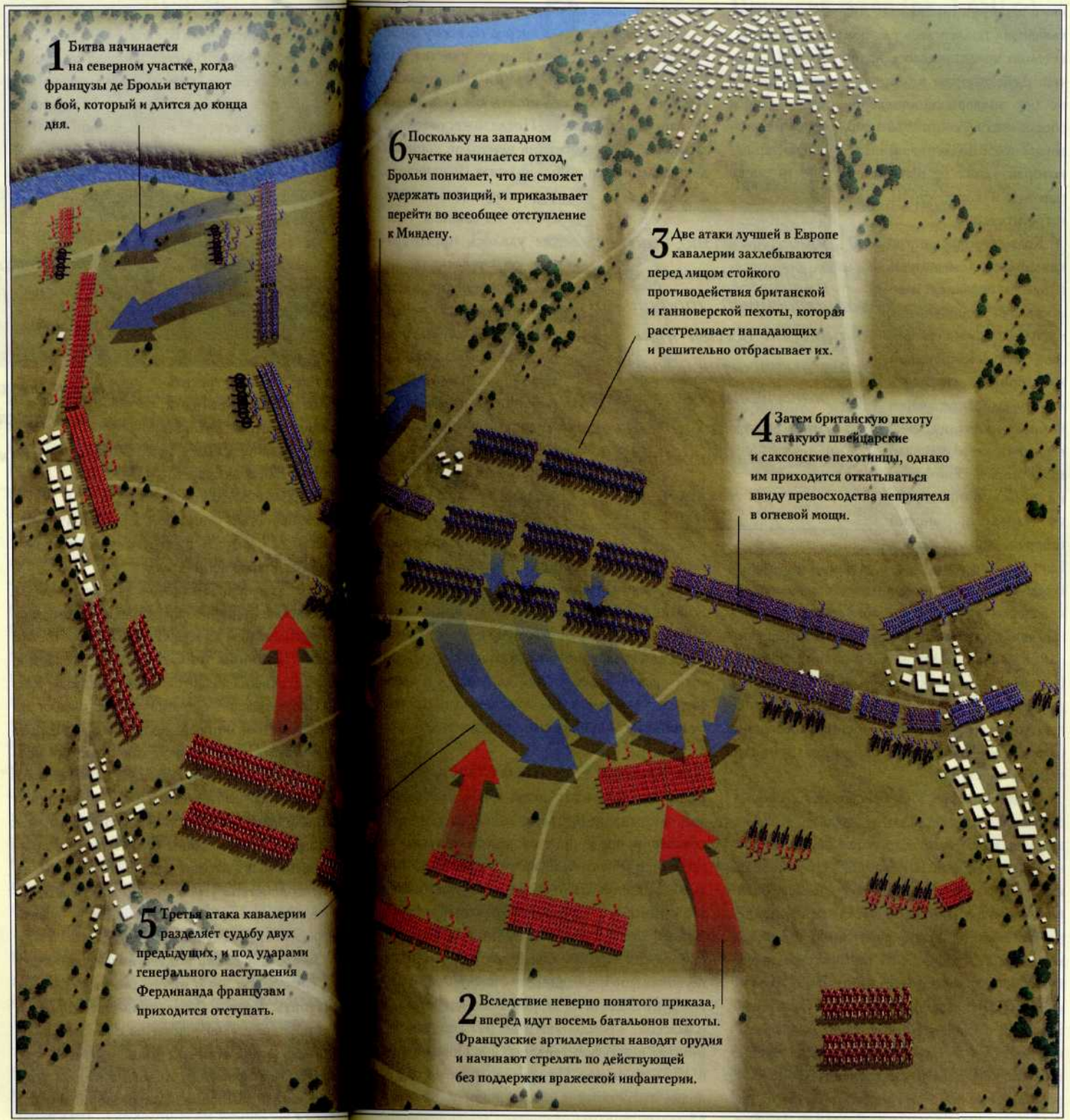
Битва под Минденом

1757 г.

Союзнический полководец, князь Фердинанд фон Брауншвейг, искал способа не допустить прорыва маршала де Контада в Ганновер и решил дать ему битву на равнине вблизи Миндена. Боевые действия разделились на два участка, и несмотря на то, что на северном шло ожесточенное боевое соприкосновение, решающий бой разгорелся на западом, когда в центре в незапланированную атаку без поддержки перешли восемь батальонов британской и ганноверской инфантерии. Против всех ожиданий, части на данном участке сумели одолеть контратакующую французскую кавалерию. Фердинанд воспользовался провалом попыток всадников неприятеля и возглавил контрудар, несмотря на постыдную бездеятельность британской кавалерии. Боевое противостояние на севере представляло собой обмен сильными ударами, как у боксеров на ринге, где ни одни из участников схватки не уступал другому. Однако когда фронт французов на западе стал рушиться, им вынужденно пришлось отходить. Потрепанные остатки французской конницы сумели обеспечить прикрытие отступлению армии к Миндену; неприятельский прорыв удалось предотвратить.

Минден расположен в северо-западной части Германии, в 56 км восточнее Оснабрюка в сторону Ганновера. Поле сражения с тех пор мало изменилось, оставшись до известной степени таким же, каким и было, — оно и сегодня все тот же торфяник на западном берегу реки Везер к северо-западу от самого Миндена.

потерявшие седоков лошади делали невозможным перегруппирование. Лучшая в Европе кавалерия подверглась разгрому, и собрать ее воедино представлялось недостижимой задачей. Действующая в ударной атаке *en masse*, но без поддержки кавалерия разбилась об оборонительную огневую мощь также не пользовавшихся поддержкой шеренг инфантерии, которая «даже не оказала врагу чести построиться в каре, чтобы встретить его».

Коль скоро французская кавалерия смешалась, а центр оказался полностью незащищенным, наступило время сказать свое слово союзнической кавалерии — атаковать и потоком хлынуть через порядки Контада, развернуться влево и вправо и смять вражеский фронт на обоих направлениях. Однако британский генерал, лорд Джордж Сэквилл, не двинулся с места. Поведение командира и действия британской и немецкой кавалерии повлекли за собой скверные последствия, разгорелся самый настоящий скандал, а военно-полевой суд над виновниками бездействия привлек к себе широкое внимание. Действия их ярко контрастировали с храбростью и отвагой французской конницы, особенно солдат Фиц-Джеймса, которые предприняли еще два приступа.

«Я воочию видел то, что всегда считал невозможным: единственный фронт инфантерии одолел три эшелона выстроенной шеренгами кавалерии и не только отразил, но и рассеял ее — уничтожил».

Де Контаж

Первый из двух этих бросков ясно говорил о том, что кавалеристы не сделали никаких выводов из постигшей их ранее неудачи. Они не атаковали фон Шпоркена, устремившись вместо того на крупную союзническую батарею в центре. Изо всех сил стремясь поддержать пострадавшую репутацию конницы, командир ее, граф Кельна, бросил своих людей в бешеном галопе прямо на пушки. Прямой наводкой артиллеристы могли бить удвоенным зарядом, а инфантерия из Гессена и Брауншвейга помогала пушкарям огнем из мушкетов, а потому девять эскадронов графа Кельна растаяли как дым, причем как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Их буквально перемололи в мясорубке, а уцелевшие поскакали назад к французским позициям.

Союзники ринулись вперед по всему фронту, за исключением западного участка, где Сэквилл — вскоре окрещенный «Минденским трусом» — продолжал стоять как вкопанный со своей кавалерией. После ожесточенной штыковой и продвижения немецкой конницы день завершился в пользу князя Фердинанда. Поражение французской армии на южном участке удалось предотвратить за счет нападения на ганноверские части тяжелой кавалерии Фиц-Джеймса — перегруппировавшейся «Бригад дю Руа», — однако формирования Контада устремились обратно в Минден. На северном участке ожесточенное противостояние между фон Вангенгеймом и корпусом де Брольи прекратилось ввиду того, что французам пришлось откатываться и прикрывать отступающих товарищей.

Минден с полным правом можно назвать сражением, выигранным мушкетом и штыком. Урок для кавалерии заключался в следующем: если пехота будет стойко держаться и вести сосредоточенный огонь по атакующей на галопе коннице, она одна сможет остановить ее.

Заключение – мечты о славе

Какие бы уроки и кто бы ни преподавал в середине восемнадцатого века западноевропейской кавалерии, она упорно не желала отставать от привычки бросаться на врага в массированной лихой ударной атаке сосредоточенными формированиями. Даже такой опытный и талантливый полководец, как Фридрих Великий, продолжал строить кавалерию в огромные и глубокие формирования, где мастерство и боевой дух отходили на второй план перед числом и массой. Грандиозные по размаху кавалерийские атаки фон Зейдлица под Цорндорфом в 1758 г. затмил Наполеон, который благоволил отважному и романтичному Жоакиму Мюрату, предпочитавшему массированные кавалерийские броски, такие, например, как под Эйлау в 1807 г. и под Ваграмом в 1809 г. Однако примером — пусть и не столь масштабным — торжества кавалерийской сабли над вооруженной мушкетами пехотой может служить столкновение в Испании в 1812 г., когда кавалерия Ле-Марша*н*а опрокинула противника под Саламанкой.

Данный эпизод возымел продолжительное действие на умы британских конников и их высшего офицерства. Чтобы убедиться в стойкости их энтузиазма, достаточно почитать то, что писал молодой Уинстон Черчилль, который чуть от восторга не захлебывался по поводу лихой конной атаки. Даже и на рассвете двадцатого столетия со страниц кавалерийских журналов не переставали звучать дебаты по поводу того, что же важнее и что эффективнее — острие или лезвие сабли, более того, в Первую мировую кавалерийские генералы всерьез обсуждали тактические преимущества ударного броска в надежде, что кавалерия пробьется, несмотря на проволоку и пулеметы, ждавшие ее на пути.

Прусский гусар (ок. 1750 г.)

Фридрих Великий увеличил количество гусарских полков в прусской армии с двух до десяти, а следовательно, они стали составлять приблизительно десять процентов от всех его вооруженных сил. Гусары выполняли обычную для легкой кавалерии работу, в том числе и задачи полицейского свойства, однако постепенно стали основными из задействовавшихся в битвах частей, заслужив репутацию отважных и безмерно храбрых солдат; восхищение ими только усиливалось из-за их ярких иноземного вида мундиров. Несмотря на дополнявшее кривые сабли огнестрельное оружие в виде карабинов, гусары редко применяли их в сражениях. Они принимали участие в массированных кавалерийских атаках Фридриха, часто мчась на галопе и опережая тяжелую конницу. Гусарам сопутствовал большой успех, так что популярность их выросла до такой степени, что многие дворяне — выходцы из лучших прусских семей — служили в этих частях. Выражение «биться по-гусарски» служило синонимом неимоверной отваги тех, кто либо погибает, либо возвращается из сражения с победой.

Глава третья

Командование и контроль

Свойственная воинскому искусству способность к совершенствованию, технологические подвижки, укрупнение государственных доходов и рост численности населения — все это привело к ощутимым переменам в характере руководства боевыми действиями на заре периода, называемого Новым временем. Учреждение военных институтов дало толчок возникновению целой бюрократии, необходимой для ведения войны, а эволюция в полководческом деле послужила условием для создания военных структур, с помощью которых приводились в движение рычаги любой военной машины.

Ближе к исходу 1624 г. Альбрехт фон Вальдштайн, более известный как Валленштейн, граф Фридланда, вошел в доверие к императору и королю Фердинанду II, предложив тому набрать армию в 50 000 чел. для применения в Германии. Валленштейн возлагал на себя обязанности по укомплектованию войска личным составом, по его экипировке и снабжению, в то время как от императора требовалось лишь одно — питать предприятие финансовыми ресурсами. Валленштейн уже не впервые делал такие впечатляющие предложения. Этот состоятельный вельможа предлагал свои услуги императору Габсбургу с начала мятежа в Богемии в 1618 г. Валленштейн даже одолжил деньги монарху, находившемуся в скверном положении как с материальной, так и с военной точки зрения. На сей раз

Гренадерский гвардейский батальон Фридриха Великого представлял собой в миниатюре высочайше дисциплинированную профессиональную армию, которая ширилась и совершенствовалась на протяжении двух столетий. Возглавляемые полковником — на картине он изображен верхом на коне, — 4 июня 1745 г. солдаты Фридриха вступили в бой с австрийцами под Гогенфридбергом в ходе Войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.).

Валленштейн намеревался не только создать армию много лучшую, чем та, которую оплатил ранее бывший союзник Фердинанда герцог Баварии Максимилиан, но и возглавить ее.

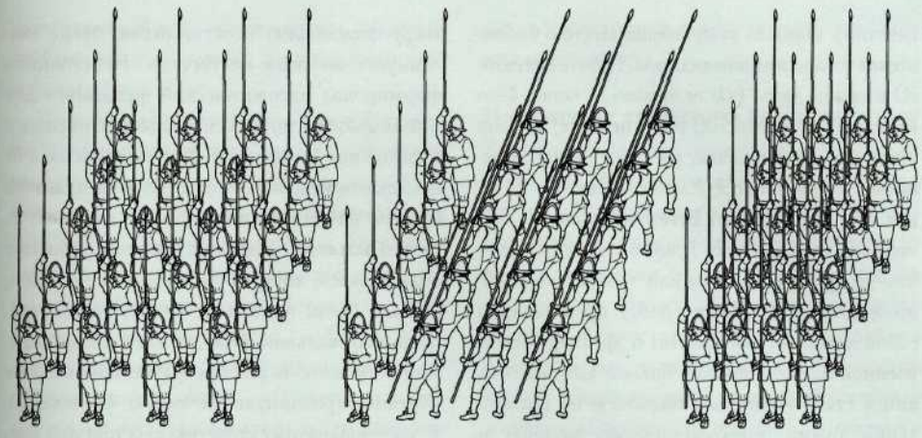
Валленштейн являлся воплощением этакого «военного антрепренера» — феномена, возникшего в Европе уже в эпоху Ренессанса. Будучи наемником по духу, Валленштейн в действительности все же не являлся таковым в полной мере, применительно к ситуации. Он искренне поддерживал дело Габсбургов, хотя и использовал собственные средства и положение для укрепления личной власти и усиления влияния в Богемии, а позднее и во всей Священной Римской империи. Многие военные предводители раннего этапа Нового времени были вылеплены из той же глины. Период этот отмечается революцией в военном деле Европы, где технологические новшества и постоянный приток звонкой монеты в государственные копилки способствовали разрастанию армий и перераспределению сфер влияния в военном нобилитете. Наряду с профессионалами-наемниками история рассматриваемого нами периода знала и королей-воинов, но так или иначе к концу семнадцатого столетия полководец перестал быть любителем, но принадлежал к числу пропахших порохом профессионалов, которые отдавали военному ремеслу всю свою жизнь.

«Капитаны (не воинское звание, а синоним слово Вожак, предводитель, лидер». — Прим. ред.) наемников — прекрасные солдаты или же нет: если они таковы, вам не должно доверять им, ибо они станут неизменно домогаться собственного величия, либо оказывая давление на вас, своего патрона, либо на других, вразрез с вашими намерениями; однако если капитан не добродетелен, он приведет вас к краху самым простым путем».

Никколо Макиавелли, «Государь»

Со времен падения Рима военное дело в Европе стало монополией нобилитета. Предводители войск происходили исключительно из среды знати. Сама же война представляла собой не искусство или профессию, но являлась образом жизни и основополагающей составляющей самой культуры. Монархи и военные предводители сталкивались с массой всякого рода вопросов, которые надлежало решить, прежде чем начать боевые действия. Первым делом предстояло собрать армию, но перед тем заглянуть в сундуки с казной — хватит ли, а если хватит, то как надолго. Ни одно войско не могло выступить в поход или дать битву без адекватного финансирования. Генералу на заре Нового времени, возможно, более, чем когда-либо раньше, приходилось перед тем, как вести войну, считать, во что она может обойтись. В Средние века вассальные отношения требовали от нобиля обеспечения оговоренного количества рыцарей — или тяжеловооруженных всадников вообще — сеньору, что являлось частью обязанностей вассала перед сюзереном. Когда же армии сделались более крупными, нобилитет уже не служил их главной опорой, а потому финансирование войск и кампаний перешло в сферу забот монархов или же тех, кто действовал от их имени. Когда Фердинанд II очутился в гуще событий мятежа в Богемии, когда чешская армия рвалась к Вене, печальная правда для императора состояла в том, что он не имел ни войска, ни средств для противодействия. Он обратился к герцогу Максимилиану Баварскому и Филиппу III, богатому испанскому кузену, чтобы заручиться необходимой поддержкой.

Одна из дилемм, всегда вставшая перед монархами, заключалась в отсутствии регулярных армий. Вплоть до пятнадцатого века государи не делали серьезных попыток создания постоянно действующего войска. Ближе к началу шестнадцатого столетия испанская монархия представила миру первые действующие на постоянной основе воинские формирования, которыми стали уже скоро

Упадок латной кавалерии и возвращение к пехоте как к центральной силе на поле боя сопровождались возрождением регулярной военной подготовки. Здесь рота копейщиков показана в трех различных построениях, выполняющая действия, продиктованные военным учебником 17-го столетия.

прославившиеся пехотные полки — терсиос. Изначально состоявшие из ветеранов кампаний против мавров, терсиос служили ядром испанской военной машины на протяжении всего существования широко раскинувшейся на континентах империи. Каждым из терсио командовал полковник, тогда как меньшими по численности частями в составе полка, соответственно, подчиненные ему офицеры. Учреждение терсиос в Испании, Италии и в Нидерландах обеспечило испанской монархии постоянный ресурс опытных боевых кадров. Эпоха эта стала свидетельницей торжества великих капитанов вроде Гонсало де Кордоба и Эрнандо Кортеса. С появлением регулярных войск монарх мог использовать нобилитет в качестве офицеров, которыми руководил сам. Подобный вариант позволял мелким дворянам выделиться на службе у своего (или чужого) государя, достигнуть почестей и богатства.

Латное рыцарство — становой хребет средневековых воинств — постепенно перерождалось в офицерский корпус регулярной армии. Переходный процесс длился двести лет, однако в ходе этой трансформации высшее дворянство превратилось в слуг монарха, перестав быть военными предводителями независимых вооруженных формирований. Генерал или полководец раннего периода Нового времени служил двум господам — государю и себе. Статус в структуре приближенных монарха был неизбежно связан с воинской репутацией. Победа приносила славу и награды, а поражение покрывало имя воина позором.

Постижение воинского искусства

По мере того, как изменение характера войн приводило к переменам в военных системах Европы, предводители все больше искали наставлений в древних текстах. Классические традиции нигде не пользовались таким почетом, как в Италии, особенно во времена вторжений французов и династических споров с испанцами. Никколо Макиавелли писал свои труды во времена побед Кордоба над французами в Неаполитанском королевстве и в Центральной Италии. Философ усмотрел в увиденном им знак заката кондотьеров — наемников, долгое время господствовавших в военной жизни Италии, — и подъем профессиональных армий. Наблюдения вдохновили Макиавелли на ряд работ, таких как «Искусство войны» (*Dell'arte della guerra*), «Государь» (*Il principe*) и «Рассуждения» (*Discorso*). Философ восхищался военными традициями древних римлян и рекомендовал итальянским государям полагаться на подобные римским армии из свободных граждан.

Макиавелли, однако, солдатом не являлся, а потому его рассуждения в «Искусстве войны» представляли собой научные — скорее теоретические, нежели практические — изыскания. Творчество Макиавелли пользовалось значительным влиянием в семнадцатом веке, однако, несмотря на уважение, испытываемое читателями к его комментариям, Вегеций (или

Вегетий) занимал куда больше место в библиотеках тогдашних командиров. Работа Вегеция «О военном деле» (*De re militari* — конец 4-го начало 5-го века от РХ; вовсе не факт, что она называлась именно так, работа с таким заглавием приписывается Юлию Фронтину [1-й век от РХ], а работа Вегеция назвалась *Rei militaris instituta*, или *Epitoma rei militaris* — что-то вроде «Учебник или трактат по военному делу». — *Прим. ред.*) представляла собой классический трактат о древнеримской военной науке. Пережив больше тысячелетия, книга стала типичным пособием по организации армий, полководческому ремеслу и руководству военными кампаниями в поздней Древнеримской империи (в действительности современники не проявляли реального интереса к его трудам, а вот в Средние века он и в самом деле был популярен. — *Прим. ред.*). Мысли Вегеция имели большое значение, поскольку представляли собой источник ценных советов для полководцев. Не обладая большим военным опытом, Вегеций был римлянином, и его наблюдения очевидца имели большой вес на раннем этапе Нового времени (он как раз ратовал за возрождение уже пришедших тогда в упадок легионов, которые как главенствующую силу на поле боя вытесняла *варварская* кавалерия; описываемое же здесь время являлось свидетелем обратного процесса — ренессанс пехоты. — *Прим. ред.*). «Книга III», в частности, касалась технологии ведения войны и руководства действиями армии в ходе кампании. Вегеций рекомендовал избегать сражения в случае неблагоприятной расстановки сил, советуя переигрывать врага на маневре или даже менять стратегический подход в соответствии с необходимостью, чтобы одолеть врага. Он подчеркивал важность строгой военной дисциплины и говорил о том, что полководец должен очень хорошо сознавать возможности и способности каждой из частей в своей армии. Его труды, равно как и *второе пришествие* «Тактики» базилевса Льва, принесли благоприятные плоды во времена подъема испанских терсиос и особенно оказали влияние на целое поколение голландских военных предводителей.

Примерно в те же времена (в 16-м веке) творчество мыслителя Юста Липса подарило миру философию неостоицизма, тесно связанную с военным искусством. Неостоицизм формировал идеологический фундамент для выковывания профессионального военного нового типа — офицера. Учение требовало от последнего исполнения собственного долга без оглядки на условия и возможные лишения; от такого человека ожидалось покорное принятие воли Божьей, которая определяет все на свете, а стало быть, и посылает воину испытания. Липс был кальвинистом, а идея предопределенности всего и вся прекрасно вписывалась в реанимированную греческую философию. К восемнадцатому столетию неостоицизм впитал в себя рыцарство как основополагающий идеал профессионального военного и офицера.

Раймондо Монтекукколи был одним из тех, кто как полководец и автор книг оказал наибольшее влияние на военные умы в семнадцатом столетии. Он отличился на службе у Габсбургов в ходе Тридцатилетней, Северной (речь идет о войне со шведами в 1658–60 гг. — *Прим. ред.*), Турецкой (1661–64 гг. — *Прим. ред.*) и Голландской войн (условно с 1568 по 1648 гг. с перерывами. — *Прим. ред.*). Став председателем Хофкригсрата Австрии (*Hofkriegsrat* – высший государственный имперский военный совет) в 1675 г., он пользовался высоким почетом при австрийском императорском дворе Габсбургов. Среди побед Монтекукколи сражение у Готарда в 1664 г., которое примерно на 20 лет избавило Центральную Европу от турецкой угрозы (речь идет о Северо-Западной Венгрии, место находится на реке Раба, примерно там, где город Дьёр. — *Прим. ред.*). В 1673 г. (а точнее, несколько раз за период с 1672 по 1675 гг.. — *Прим. ред.*) он победил маршала Анри де Тюренна, одного из наиболее успешных военных командиров Европы. На протяжении поразительно блестящей военной карьеры Монтекукколи стал автором четырех крупных книг: «О сражении», «Трактат о войне», «Об искусстве войны» и «О войне в Венгрии против турков» (наиболее важной и популярной считается, как надо понимать, вторая, *Dell'arte militare*. — *Прим. ред.*). В своих работах Монтекукколи касался широкого спектра тем от непосредственно руководства боем до проблем снабжения, и хотя его книги читали в Вене, понадобилось время — наступил уже

восемнадцатый век, — прежде чем они стали публиковаться и вызвали интерес читающей публики в Европе.

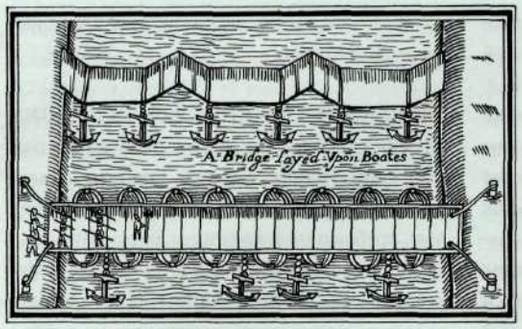
Призванные обеспечить славу и бессмертие автора, а также послужить наставлением будущим поколениям полководцев, подобные книги на законных правах вошли в жизнь как привычное явление литературы восемнадцатого столетия. «Рассуждения о искусстве ведения войны» маршала Мориса де Сакса (иначе Мориса Саксонского. — *Прим. ред.*) и принадлежавшие перу Фридриха Великого «Военные наставления», «О военном искусстве» и «Военное завещание» стали наиболее заметными работами, отразившими вопросы ведения боевых действий, и сделались настольными книгами и учебниками для молодых формирующихся офицеров и будущих военных предводителей после того, как во все том же восемнадцатом веке появились учебные заведения для них.

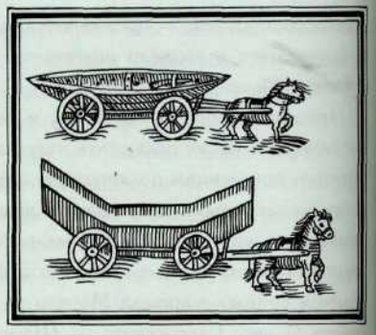
Изменение характера командования

Эволюция полководческого ремесла на раннем этапе Нового времени зависела от двух факторов — географии и технологии. Во-первых, требования к военному лидерству диктовались условиями королевства или спецификой региона. Второе обстоятельство определялось особенностями развертывания войск в кампании, равно как составом и стоимостью армий. В шестнадцатом столетии европейские конфликты проходили под знаком отстаивания династических интересов, что подразумевало распространение их далеко за пределы того или иного государства. Хотя, если можно так выразиться, *локальные* противостояния продолжали отмечаться на протяжении еще 200 лет, война стала «развлечением королей», стремившихся расширить собственные территории и увеличить владения. Когда Шарль (Карл) VIII вторгся в Италию в 1494 г., французским военачальникам пришлось не только сражаться с кондотьерами, но и нанимать их, равно как и швейцарских копейщиков. В следующие 30 лет Франциск, или Франсуа I, на том же поле битвы проти-

В армии 16-го века встречался целый сонм самых разных профессионалов, наемников и «военных подрядчиков». Помимо компетентности в военных вопросах от полководца ожидали проявления искусства дипломата и оборотистости делового человека. На гравюре показано, как враги осаждают итальянский город в 16-м столетии; артиллерию и продовольствие обеспечивали частные подрядчики, что являлось обычным делом в те времена.

Важность инженерно-саперного дела в 17-м столетии заметно выросла. Когда артиллерийские орудия стали обычным явлением в войсках, а численность армий значительно увеличилась, особое значение приобрела проблема преодоления естественных преград, способных замедлить темпы продвижения колонн, таких как реки, овраги и тому подобные препятствия. Понтоны и прочее мостовое имущество стало стандартным набором любого уважающего себя войска в 18-м веке.

воборствовал с грозными испанскими терсиос под началом Карла V (Карлоса I Испанского). По мере течения шестнадцатого столетия, военная мощь Габсбургов распространилась на Италию и Нидерланды. Характер устройства армий и природа военного лидерства постепенно эволюционировали, отражая династические интересы, глубоко вплетенные в канву этих конфликтов. На исходе пятнадцатого века кондотьеры почти совсем исчезли, вытесненные генералами и армиями крупных королевских домов — Валуа и Габсбургов.

Когда в 1516 г. император Карл V унаследовал испанский престол, он уже являлся наследником владений Габсбургов в Центральной Европе, в Германии и приобретенных бургундских территорий. Не прошло и трех лет, как он сделался хозяином огромного куска европейского пирога с титулом кайзера Священной Римской империи, короля Богемии, эрцгерцога Австрии и императора Америк. Когда Франциск I попытался отстоять притязания французской короны в Северной Италии, он оказался вынужден иметь дело с государем Священной Римской империи и королем Испании в одном лице; Карл использовал испанскую армию для защиты собственных итальянских владений.

В испанской армии начала шестнадцатого столетия наличествовало традиционное ядро из дворянской кавалерии с «оболочкой» из многочисленных отрядов наемной пехоты. Составляющие эти претерпевали заметные перемены на протяжении шестнадцатого века по мере того, как все больше и больше солдат короли черпали среди собственного населения стран, в которых правили. Верность и преданность наемников капитанам были ненадежными авуарами, поскольку ранение, а особенно смерть такого капитана часто вела к тому, что весь отряд тут же переставал представлять собой сплоченную боевую единицу и распадался. Дружины, собранные дворянами и приводимые ими на службу сюзеренам, отличались большей сплоченностью в кампаниях и на полях сражений. Хотя дезертирство было в ту пору проклятием любого войска, такие отряды обычно меньше других страдали от него. Однако все солдаты сохраняли лояльность прежде всего капитану, собравшему роту, а не полководцу или же делу, за которое приходили сражаться. Обо всем этом надлежало помнить предводителю, собирающемуся на войну.

Успехи Гонсало Фернандеса де Кордоба в Италии на протяжении его военной карьеры демонстрируют способность этого военачальника приспосабливаться к переменчивой природе войны, текучести в составе армий и способности военных технологий к варьированию. Когда де Кордоба впервые появился в Неаполе, прибыв туда из Испании, армия его состояла преимущественно из пехоты, тогда как на кавалерию приходилось не более трети общей численности контингента. Тут нет ничего особенно удивительного, так как монархи вступали в войну, если можно так выразиться, с кадровыми войсками, снаряженными в поход на средства из королевской казны, но при этом ожидалось, что полководец сможет увеличить силы за счет привлечения наемников по дороге к цели или уже на месте. Карл VIII Французский вторгся в Италию с «компании д'ордонанс», или приказными ротами (*compagnies d'ordonannce*), которые все вместе и составляли его постоянную армию, представленную преимущественно кавалерийскими отрядами; однако во времена кампании процент собственно французских солдат в войске французского короля был невелик. Армия Кордоба включала в себя несколько сотен легкой кавалерии, сотню тяжелой конницы и более 1000 разношерстной инфантерии. Подобная чересполосица в армии из частей разного уровня боеспособности и дисциплины затрудняла эффективное ведение войны.

Всерьез представлялось возможным полагаться только на кавалерию — только она помнила о суверене на поле сражения. Открытой битве обычно предпочитали осаду, так как исход столкновения в поле часто не представлялось возможным прогнозировать. Кордоба стал одним из первых полководцев в Европе, ставших широко применять огнестрельное оружие в полевых условиях. Его победа над французами под Черинъолой в 1503 г. стала возможна во многом за счет полевых фортификаций и огнестрельного оружия. В 1525 г. испанцам под Павией удалось одолеть Франциска I прежде всего из-за применения аркебузиров, поддерживаемых артиллерией и большим количеством вооруженной копьями пехоты.

Фердинанд Арагонский — дед Карла V — ввел в обиход постоянные формирования инфантерии, состоявшие из копейщиков, аркебузиров и воинов с мечами и небольшими круглыми щитами. Они разделялись на части, или *колонны*, численностью примерно по 1000 чел., возглавляемых «капо де колунела» (*capo de colunela*), что со временем и привело к появлению воинского звания полковник (по-английски и по-французски — *colonel*). В 1505 г. насчитывалось 20 таких полков, или *колонн*, под началом, соответственно, 20 полковников, и они немало послужили в Италии на протяжении первых двух десятилетий шестнадцатого столетия. Полковников выбирали из числа представителей наиболее знатных и опытных нобилей Испании. Полки послужили базой для создания терсиос, сформированных 20 лет спустя. Последние включали в свой состав куда большее количество аркебузиров и копейщиков — до 3000 чел. всего и тех, и других, вместе взятых. В терсио входили примерно от 10 до 12 рот, в равной степени представленных тем и другим «родом войск». Для обеспечения действенного руководства столь крупными формированиями и координации взаимодействия между огневой и ударной составляющей в терсио имелся центральный штаб, а также офицеры и унтер-офицеры в каждой роте. В терсио обязательно имелся свой военный священник, задача которого состояла в воодушевлении личного состава и наставлении его на путь истинный, особенно в войнах религиозного характера. Создание таких вот постоянно действующих подразделений дало Карлу V (Карлосу I Испанскому) одну из первых подлинно регулярных армий (регулярная армия — довольно широкое понятие, если брать за эталон римские легионы Цезаря, то термин будет означать: действующая на постоянной основе армия из платных солдат [каким бы порой малым ни было жалованье], подданных единого для всех них правительства. — *Прим. ред.*). Поначалу они создавались для применения в Италии, однако позднее сражались уже и в Германии, и в Нидерландах. Наличие формирований ветеранов устраняло непростую проблему набора тысяч солдат в преддверии кампании. Карл, а позднее и его сын, Филипп II, могли положиться на такие части в деле обороны их огромной империи. Терсиос стали ядром испанских армий, в которых действовали, кроме того, кавалерийские формирования и отряды, вспомогательные и союзнические войска. Только в семнадцатом столетии терсиос изжили себя окончательно и были заменены другими частями.

Фердинанд Арагонский, а позднее и Карл V (Карлос I) с большей легкостью могли позволить себе задействовать испанский нобилитет в качестве офицерства в королевской армии, поскольку традиции испанских военных в пятнадцатом веке отличались от тех, которые выработали коллеги во Франции и в Центральной Европе. Служба монарху в период Реконкисты против мавров создала динамичные связи между сувереном и воен-

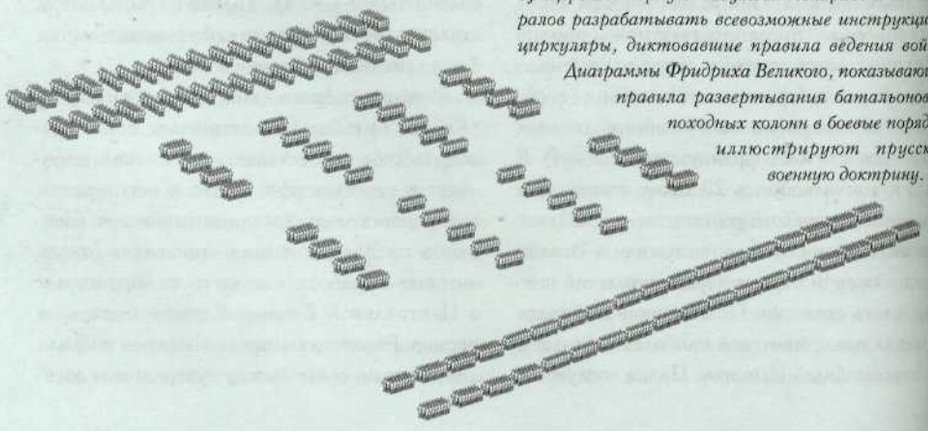
ным классом, что в шестнадцатом столетии упростило процесс перехода от средневековой к профессиональной армии.

Французский же и немецкий опыт значительно отличался от испанского, поскольку представители более независимого нобилитета этих стран не всегда с готовностью шли офицерами в королевскую армию. Анри (Генрих) IV постоянно полагался на дворян-гугенотов, дававших средства и людей на поддержку его дела. Анри (Генрих) IV являлся одним из немногих монархов шестнадцатого века, которые считали своим государевым долгом вести армию в сражение. Его современник Филипп II Испанский редко даже бывал в расположениях войск и никогда не командовал частями в Нидерландах. Он находил себе для этой цели опытных офицеров — таких, как герцоги Альба и Парма, — задействованных им для ведения боевых действий против непокорных голландцев. Таким образом, Филипп использовал бывалых генералов в качестве исполнителей его воли и в роли советников.

Голландская школа

В результате мятежа голландцев (1565—1609 гг.) возникло явление, которое традиционно считается у историков первой военной системой раннего периода Нового времени. Борьба между голландскими подданными и их испанскими сеньорами продолжалась половину столетия и завершилась официально — в том, что касается испанской стороны — не ранее 1648 г. (сроки довольно растяжимые и условные, поскольку период с 1618 и по 1648 г. называют обычно Тридцатилетней войной, к которой можно отнести и события, протекавшие в эти сроки во Фландрии и Голландии. — *Прим. ред.*). Богатые и сильные в военном отношении Габсбурги Испании нашли достойного противника в лице голландских солдат, но лишь в последнее десятилетие шестнадцатого века, когда Морис фон Нассау, сын убитого управителя, или стадхаудера (*stadhouder*) Вилема (или Вильгельма) Молчаливого стал во главе военных сил голландцев. Граф Морис изрядно потрудился над реформированием войск, стремясь к тому, чтобы максимально использовать становящееся все более и более доступным и эффективным огнестрельное оружие. Его оппоненты — Альба и Парма, — бывшие вассалами короля Испании, часто по приказу сюзерена отправлялись воевать с Францией, а потому нет ничего удивительного в том, что голландцам удавалось одерживать победы в отсутствие во Фландрии основной испанской армии и ее опытных и умелых полководцев. После возвращения Альбы и Пармы в Нидерланды голландцы, однако, теряли многое из завоеванного.

Юст Липс оказал глубочайшее влияние на Мориса Нассау. Протестантизм и теория неостоицизма Липса дали графу Нассау своего рода шаблон для кройки голландской армии. После возникновения «морисианская» система командования быстро распространилась и была усвоена в Нидерландах, а потом и за их пределами, поскольку многие солдаты и офицеры в голландских войсках являлись англичанами, немцами, шотландцами и гугенотами (французскими протестантами), происходившими из разных европейских — в основном протестантских — стран. Королева Елизавета даже пожертвовала немалые денежные средства на голландское дело и помогла собратьям по вере солдатами. Вот так голландская военная система и стала кузницей протестантских армий в семнадцатом столетии.

Регулярные армии и процесс профессионализации офицерского корпуса побуждал монархов и их генералов разрабатывать всевозможные инструкции и циркуляры, диктовавшие правила ведения войны. Диаграммы Фридриха Великого, показывающие правила развертывания батальонов из походных колонн в боевые порядки, иллюстрируют прусскую военную доктрину.

Граф Морис особенно подчеркивал важность дисциплины у военнослужащих и уверенно шел к цели — созданию профессионального офицерского корпуса, — опираясь при этом на почерпнутое в произведениях Липса и на уроки Вегеция и Льва. Высшие командиры происходили из числа голландской знати или назначались управителями, т.е. стадхаудерами, а младшие — из выходцев среднего класса, располагавших личными средствами для того, чтобы субсидировать и содержать роту; задача офицеров заключалась в том, чтобы выучить солдат и вселить в них высокий боевой дух. Разноплеменные части спаивала жесткая военная дисциплина и подготовка. В каждой голландской роте имелись капитан, лейтенант и прапорщик, а также пять унтер-офицеров. Большая пропорция офицеров по отношению к рядовым в таких формированиях позволяла лучше поддерживать дисциплину и управлять действиями людей в бою. Граф Морис применял подобный подход не только к собственно голландским полкам, но и требовал подчинения ему от союзников. Иностранные роты и их капитаны обучались вместе с голландцами и по возвращении домой привозили с собой навыки и приемы, полученные и освоенные на военной службе в Нидерландах.

Голландская военная система нашла воплощение в шведской и английской армиях на заре семнадцатого столетия. Густав II Адольф, король Швеции, привлекал послуживших у голландцев офицеров для обучения и командования своими полками, а также позаимствовал у голландцев идеи для разработки собственной военной технологии, в частности, применяя неглубокое построение и делая особый упор на усиление огневой мощи за счет применения легких полевых пушек. В ротах короля Густава служило такое же количество офицеров, как и у голландцев, однако насчитывалось несколько больше унтер-офицеров, к тому же он совершенно иначе применял кавалерию, как объясняется в предыдущей главе данной книги. Система короля Густава доказала собственную эффективность, особенно в битве под Брайтенфельдом, где шведы сокрушили не столь новаторски устроенную имперскую армию.

Голландские военные подходы оказали влияние и на армию нового образца Оливера Кромвеля. Ввиду того, что большое количество солдат и офицеров графа Мориса приходилось на англичан, нажитый ими опыт оказал огромное влияние на эволюционное развитие английской армии, а что особенно объединяло и роднило пуританских капитанов с голландскими протестантами, так это ненависть к католикам.

Ньюпорт, 1600 г. Кровь и песок

Ньюпорт (обычно принято так, хотя правильно Ньивпорт. — *Прим. ред.*), важный эпизод в истории борьбы голландцев за независимость от Испании, поскольку он стал местом одного из двух наиболее крупных сражений, данных Морисом фон Нассау. Несмотря на интенсивную реформу голландской военной машины, управитель и командующий голландскими войсками предпочитал захватывать укрепленные города и городки, удерживаемые испанскими гарнизонами, вместо того, чтобы искать возможности дать врагу битву в открытом поле. Когда в 1600 г. по решению «статен генерал», или Генеральных штатов (*Staten-generaal* по-нидерландски — название тогдашнего голландского парламента, или сената. — *Прим. ред.*), ему пришлось во главе полевой армии отправляться на фламандское побережье для захвата города Ньюпорт, граф оспаривал логику плана, тем не менее взял на себя труд выполнить задание и личного возглавил непродолжительную кампанию. Вся операция продолжалась не более месяца, и в ходе нее голландской системе пришлось проверить себя перед лицом крупной испанской армии.

К 1599 г. голландцы фактически добились независимости. После смерти Филиппа II в 1598 г. испанская империя отошла к его сыну, Филиппу III, за исключением Нидерландов. Великий монарх возжелал отдать эти владения дочери Изабелле и ее будущему мужу, эрцгерцогу Альбрехту. С 1595 г. эрцгерцог служил

Военная униформа все еще оставалась скорее исключением, чем правилом в 17-м столетии, несмотря даже на появление регулярных войск. Офицеры и солдаты одевались в соответствии с толщиной кошелька. Точно так же, как вот этот ирландский офицер и участник Гражданской войны в Англии, мог выглядеть любой его французский, немецкий или итальянский коллега.

в качестве генерал-губернатора Нидерландов. Хотя новый король ожидал от зятя напористой и бескомпромиссной политики в отношении голландцев, Альбрехт имел на сей счет иные взгляды. Испания обанкротилась и почти не имела средств, чтобы оплачивать содержание армии во Фландрии, не говоря уже о том, чтобы переходить в наступление и завоевывать голландские провинции. Вскоре после возвращения в Брюссель Альбрехт вступил в переговоры с Генеральными штатами. Генеральные штаты пошли на это, однако втайне надеялись расширить свое влияние и присутствие во Фландрии, поскольку распространились слухи о мятежах среди некоторых терсиос во Фландрии, к тому же граф Морис одержал победу над небольшим испанским войском под Тюрнхаутом в 1597 г., а более всего из-за необходимости обуздать бесчинства испанских каперов, действующих из Дюнкерка и Ньюпорта.

Морису план штурма Ньюпорта не нравился, особенно вследствие того, что по замыслу Генеральных штатов предусматривалась амфибийная операция. Однако приходилось подчиняться. 20 июня 1600 г. голландская армия, включавшая в себя 12 000 пехотинцев, 2000 кавалеристов при 38 стволах артиллерии, сосредоточилась в Флиссингене. По меньшей мере на треть и даже больше голландское войско состояло из англичан и шотландцев, еще на треть — из французских гугенотов, валлонцев (Валлония — южная часть сегодняшней Бельгии, тогда как Фландрия — северная. — *Прим. ред.*) и швейцарцев, плюс еще германцы и прочие, самих же голландцев набралось бы едва ли больше одной пятой. Хотя ожидалось, что флот поднимет паруса 21 июня, погодные условия не позволяли оставаться в море долго. Граф Морис решил произвести высадку в Остенде, поскольку там представлялось возможным без труда переправиться через Шельду и маршем выступить вдоль побережья, что вполне вписывалось в его стратегические замыслы. 22 июня голландская армия закончила переправу и проследовала от Сан-ван-Гента к Остенде, обходя контролируемый испанцами Брюгге. Граф Морис подступил к Остенде 27 июня и тут же рассеял крошечный испанский контингент, препятствовавший голландцам на пути к порту. Главнокомандующий усилил гарнизон и 30 июня продолжил продвижение на юг к Ньюпорту.

Граф Морис надеялся на то, что скверное состояние, в котором пребывала испанская армия во Фландрии, не позволит противнику вмешаться в его планы и сорвать наступление. Авангард его армии достиг Ньюпорта 1 июля. Ограниченная численность находившихся в распоряжении графа войск и довольно большая скорость продвижения не позволили командующему отправить отряды для сбора разведывательных сведений в отношении положения дел у испанцев в Брабанте и во Фландрии. Подобное упущение — отказ от попытки выяснить обстановку в Брабанте — представляется большой ошибкой в ходе кампании. В результате нее возникло ложное чувство операционной безопасности. Довольно быстро граф Морис обнаружил, что надежды на успех путем выхода быстрым маршем к Ньюпорту и овладения им, а также упования на плачевное состояние испанской армии оказались безнадежно иллюзорными.

Несмотря на всю славу, которую стяжал себе граф Морис как генерал и создатель наиболее передовой в современную ему эпоху армии, эрцгерцог Альбрехт вполне заслуживает похвалы за его динамичную и своевременную реакцию на наступление голландцев. Узнав о том, что граф Морис переправился через Шельду, эрцгерцог собрал все имевшиеся силы и, прибыв в Брабант, обратился с призывом к мятежным гарнизонам. Уповая на их религиозный пыл и былые воинские заслуги, он пообещал солдатам всего, чего им только пожелается, лишь бы они вновь взялись за оружие. За считаные часы погасив пожар бунта, испанский командующий очутился во главе армии из 8000 пехотинцев и 1000 всадников. Когда Морис достиг Ньюпорта, противник находился всего в одном дневном переходе оттуда. Эрцгерцог ударил по линиям коммуникаций графа Мориса, перерезав их от самого Остенде. В результате этого голландцы очутились в западне между Ньюпортом и армией Альбрехта.

Набрать армию и вооружить ее было делом непростым, поскольку требовалось обеспечить всем солдатам одинаковое оружие. Копья и особенно огнестрельное оружие приходилось по возможности стандартизировать, чтобы повысить отдачу боевых формирований в сражении. Заключение 12-летнего перемирия в 1621 г. позволило правительству Нидерландов вооружить ополчение голландских провинций в ожидании возобновления конфликта с Испанией.

Морис послал кузена, Эрнста фон Нассау, с 3000 чел. к Леффингему в надежде задержать приближение испанцев, но отряд был разгромлен. Если принять во внимание эти потери плюс подразделение, оставленное ранее в Остенде, получалось, что силы графа Мориса и эрцгерцога Альбрехта практически уравнялись. Однако действия кузена Эрнста дали Морису время, которого хватило для передислокации и развертывания армии к утру 2 июля.

Фиаско на берегу

Граф Морис построил свои силы на узком фронте, шириной не более 150 м — больше не позволял берег, окаймленный с востока песчаными дюнами. Эрцгерцога Альбрехта место вполне устраивало, поскольку грунт там был довольно плотный и способный выдержать как его терсиос, так и кавалерию. Графу Морису импонировало построение узким фронтом, потому что оно вынуждало испанцев атаковать его пехоту с пушками в лоб. Голландская армия построилась в три эшелона. Кавалерия прикрывала обращенный к морю фланг, английские и шотландские полки, усиленные голландскими гвардейцами, занимали место в авангарде. Гугенотские отряды Мориса, поддерживаемые кавалерией, дислоцировались во втором эшелоне, тогда как голландские и швейцарские формирования — в третьем. Сам граф Морис устроил командный пункт позади первой линии, действиями которой руководил английский капитан сэр Фрэнсис Вир. Брат графа Мориса, Людвиг, командовал расположенной у воды конницей. Боевые голландские корабли из Остенде находились в виду места предстоящей битвы и приближались к берегу, чтобы поддержать сухопутные силы огнем.

Эрцгерцог Альбрехт также выстроил армию в три эшелона: авангард, основное ударное ядро и арьергард. Битва началась с небольших стычек между войсками сторон около 1 часа пополудни. Испанская кавалерия отбросила голландских «застрельщиков», но столкнулась с огневым противодействием со стороны неприятельской артиллерии и отступила. Примерно в то же самое время голландские боевые корабли, капитаны которых пристально наблюдали за происходившим на суше, начали стрелять по флангу испанского войска. Альбрехт, конечно же, не пришел в восторг от подобного вмешательства, поскольку тут же осознал, что огонь с моря ставит его армию в проигрышную позицию. Что еще хуже для испанцев, вода прибывала и дистанция огня для палубной артиллерии сокращалась. К 14.30 эрцгерцог приказал армии передислоцироваться к дюнам. На берегу остался лишь небольшой отряд пехоты, поддерживаемый несколькими пушками. Морис проделал то же самое, передвинув войско в дюны.

Сражение возобновилось в 3 пополудни. Испанский строй тянулся на восток, при этом авангард размещался ближе всего к берегу, затем следовал основной корпус и далее за ним арьергард. Главные силы испанской кавалерии Альбрехт сосредоточил на самом правом краю. Армия Мориса располагалась почти по косой к испанскому строю, при этом англичане Вира дислоцировались ближе всех к воде. Ветеран голландских войн Вир высмотрел среди дюн две возвышенности, на одну из которых поместил отборную роту из англичан и голландских гвардейцев, а на другой расположил две пушки при поддержке голландской инфантерии. Англичане и голландцы стояли впереди основного строя, и задача их состояла в том, чтобы сорвать наступление испанцев. Другая высота, расположенная в 100 м к тылу, сделалась центром нового голландского построения. Людвиг, брат графа Мориса, расположил свою кавалерию вокруг позиций Вира и напротив конницы Альбрехта. Морис разместил главный корпус из рот гугенотов, валлонцев и швейцарцев чуть восточнее пушек Вира, тогда как английская и голландская кавалерия остались у берега. Арьергард, состоявший из остальных голландских формирований и еще английской кавалерии, сосредоточился на большой дюне позади основного корпуса. Морис устроил командный пункт в расположении главного формирования, откуда наблюдал, как испанцы атакуют передовые позиции Вира. Испанские мятежные полки, потребовавшие права занять места в авангарде, штурмовали высоту Вира силами 500 аркебузиров, но перед лицом вдвое превосходившего их численно противника отборные англо-голландские бойцы сдержали натиск. В бой вступили испанские копейщики и стрелки, однако и они не смогли выбить с позиций небольшой отряд Вира. Вскоре затем эрцгерцог Альбрехт отправил четыре недоукомплектованные терсиос против уцелевших защитников высоты. Наступление второго эшелона эрцгерцога прикрывала испанская кавалерия, которую немедленно атаковала конница графа Людвига, рассеявшая испанских всадников. Людвиг преследовал бегущих, но вынужден был прекратить погоню, натолкнувшись на сосредоточенный огонь инфантерии Альбрехта.

Виктория в дюнах

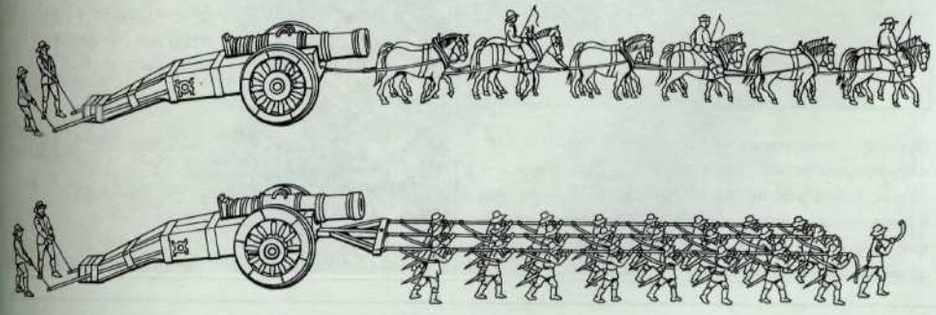
Морис заметил, как два терсиос атакуют правый фланг Вира. До сих пор командующий не вводил в бой ни одной части из своего основного корпуса и арьергарда. Опасаясь, что голландские роты перед ним падут жертвами натиска терсиос, Морис приказал гугенотам и валлонцам поддержать правый фланг. Место наблюдательного пункта графа не позволяло ему заметить, что другие терсиос угрожают Виру слева, а потому он не отправил подкреплений на этот участок. Разгорелся ожесточенный бой, однако Вир пока еще держался.

Мятежные отряды мало преуспели в своем предприятии и понесли серьезный урон, так что их пришлось отводить. С тем, чтобы помочь двум терсиос, выдвинувшимся для того, чтобы смять левое крыло Вира, и чувствуя, что англичане на сей раз долго не продержатся, Альбрехт бросил в бой последний резерв. В итоге он сломил сопротивление бойцов Вира, которые принялись откатываться к берегу. Упавший с коня Вир чуть было не угодил в руки противника.

Когда второй эшелон Мориса вступил в боевое соприкосновение с двумя терсиос Альбрехта, а арьергард остался в тылу правого фланга порядков графа, сложилась ситуация, в которой, по-видимому, остановить продвижение испанцев было все-таки едва ли возможно. Однако при виде крушения обороны на позициях Вира испанские терсиос и резервные части решили, что дело сделано, и позволили себе забыть обо всем, увлекшись преследованием. Тем временем английская и голландская кавалерия, остававшаяся в резерве на берегу, видела бегство рот Вира и контратаковала испанцев. Когда те вышли на берег, конница как раз и обрушилась на них, вызвав хаос и панику. В считаные мгновения испанские преследователи превратились в преследуемых. Видя крушение правого крыла войска Альбрехта, Морис отдал приказ о генеральном наступлении и наконец-то бросил на стол сбереженный козырь — свой арьергард, а также приказал брату снова ударить на испанскую конницу. Контратака голландцев на левом фланге оказалась чем-то уже совершенно излишним для измотанных тел и душ испанских солдат. Альбрехт утратил способность управлять полками, которые, уже не слушаясь никаких приказов, в панике бежали прочь с поля. Кавалерия Людвига фон Нассау преследовала бегущих, не слезая с хвоста разгромленной и деморализованной вражеской армии до самого моста под Леффингемом.

Граф и стадхаудер Морис достиг полной победы. Половина испанского войска погибла, получила тяжелые ранения и/или попала

Когда артиллерия только начинала занимать свое место на полях сражений Европы, пушки отличались чрезвычайной громоздкостью, что требовало множество волов, лошадей и/или людей, чтобы обеспечивать тягу каждому орудию. Монархи и генералы постоянно искали средства обзавестись более надежными и легкими пушками, которые было бы проще передислоцировать с места на место как в поле, так и во время осад.

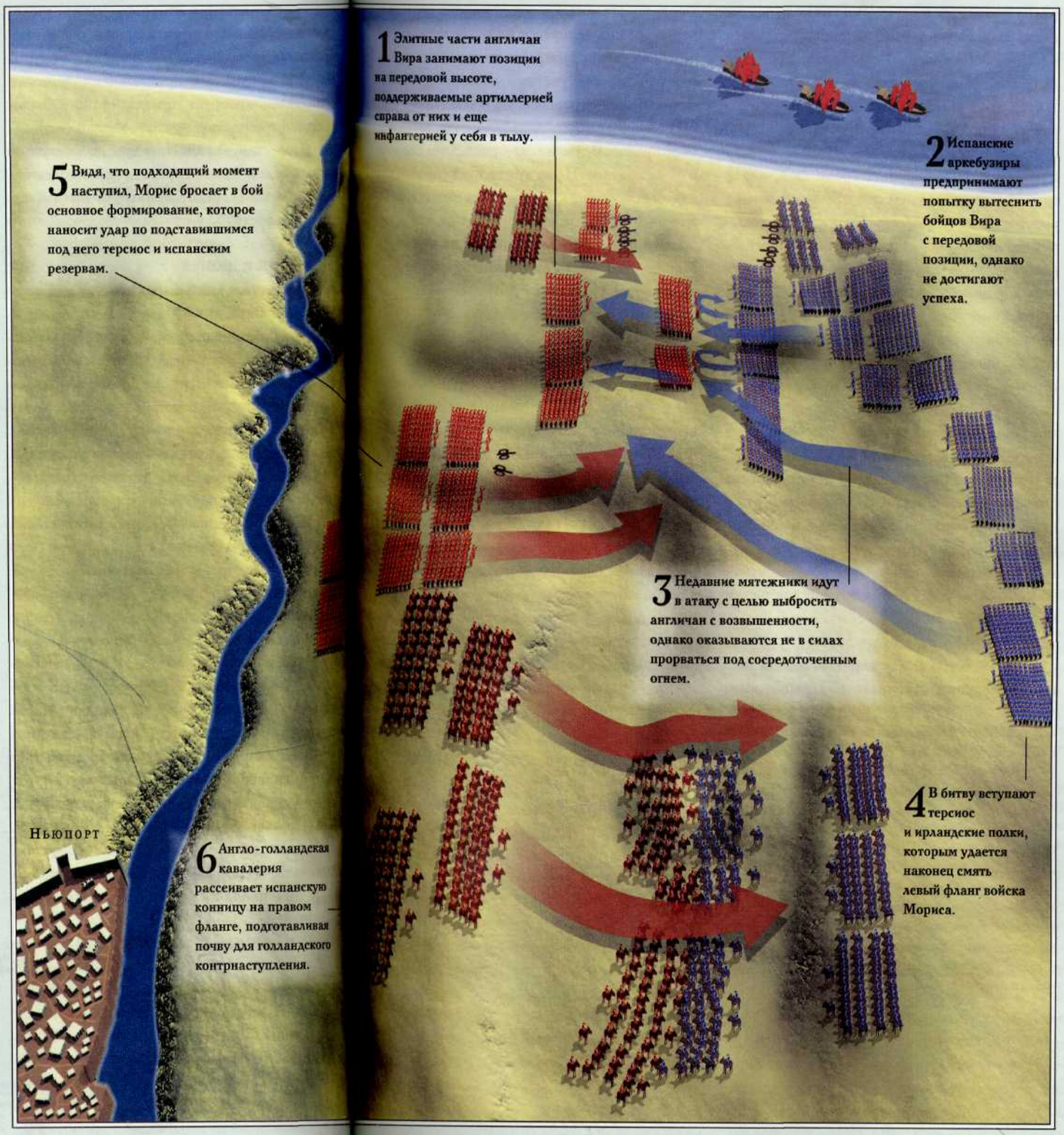
Битва под Ньюпортом

1600 г.

2 июля 1600 г. Морис фон Нассау оказался зажатым между городом Ньюпорт и испанской армией, занявшей позиции с противоположной стороны и препятствовавшей поступлению снабжения, а также перекрывавшей возможные пути отхода голландцев. Поначалу армии построились на берегу, но затем передислоцировались на позиции в дюнах. Эрцгерцог Альбрехт открыл битву сосредоточенной атакой с целью выбить английские части с передовых оборонительных рубежей на возвышенности, в итоге ему пришлось ввести в бой половину своей армии для того, чтобы вытеснить упорного неприятеля с его позиций. Когда Альбрехт приказал прейти в генеральное наступление своим терсиос, Морис бросил в бой центральный корпус. Англо-голландские роты столкнулись с испанскими ветеранами и нанесли им ощутимый урон. Альбрехт в конце концов отправил на помощь своим последние резервы. Их усилий оказалось достаточно, чтобы смять левый фланг Мориса, однако косой строй испанцев открылся для атаки голландского резерва, тогда как у Альбрехта не осталось больше войск, чтобы продолжать сражение. Утратив натиск поступательного движения, неповоротливые испанские формирования дрогнули и обратились в бегство, когда противник обрушился на них как с фронта, так и с фланга.

Ньюпорт расположен на побережье Фландрии. Он имел мощные укрепления и находился в глубине контролируемой испанцами территории. К тому же каперы получили разрешение задействовать город как базу для грабительских вылазок против голландских и английских судов.

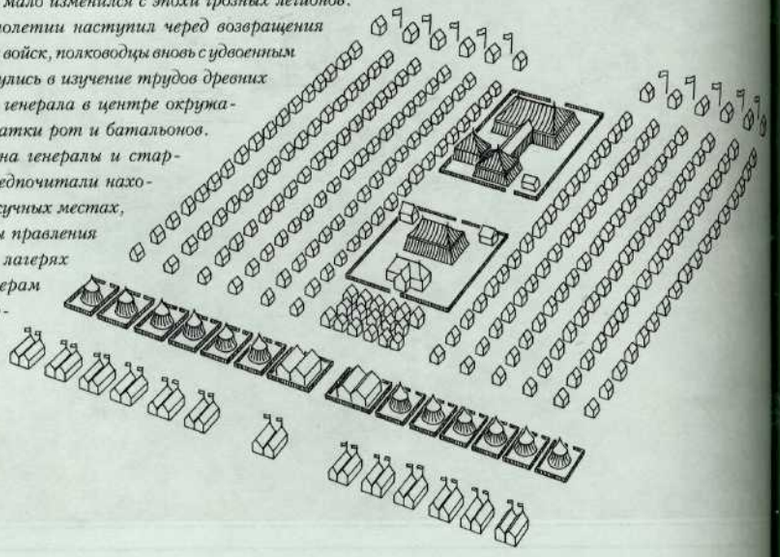

в плен по итогам дня. Эрцгерцог Альбрехт был ранен в процессе бегства. Все его полковники также либо сложили головы, либо находились в плену, как и более 50 капитанов. Урон голландской армии составлял до 2000 чел., при этом большинство среди английских и голландских рот Вира первого эшелона. Морис нашел управу на терсиос. Неспособность последних маневрировать среди дюн, вкупе со стойкостью голландской армии, сумевшей выдержать натиск противника, противопоставив его напору эффективное огневое противодействие, позволили нарушить когерентность этих крупных формирований. Измотанные и атакованные как с фронта, так и с фланга, они не выстояли. Этот случай стал вторым, когда терсиос понесли поражение на поле битвы, но первым — от инфантерии стадхаудера Мориса. Терсиос правили бал на полях сражений на протяжении всего шестнадцатого века. Испанскую модель копировали прочие государи. Однако теперь голландцы показали, что грамотное огневое противодействие способно измотать и привести к поражению хваленые испанские полки. Сражение это можно, наверное, сравнить со столкновением римлян с македонской фалангой под Пидной — классическая параллель, которую, можно не сомневаться, заметил и сам граф и стадхаудер Морис.

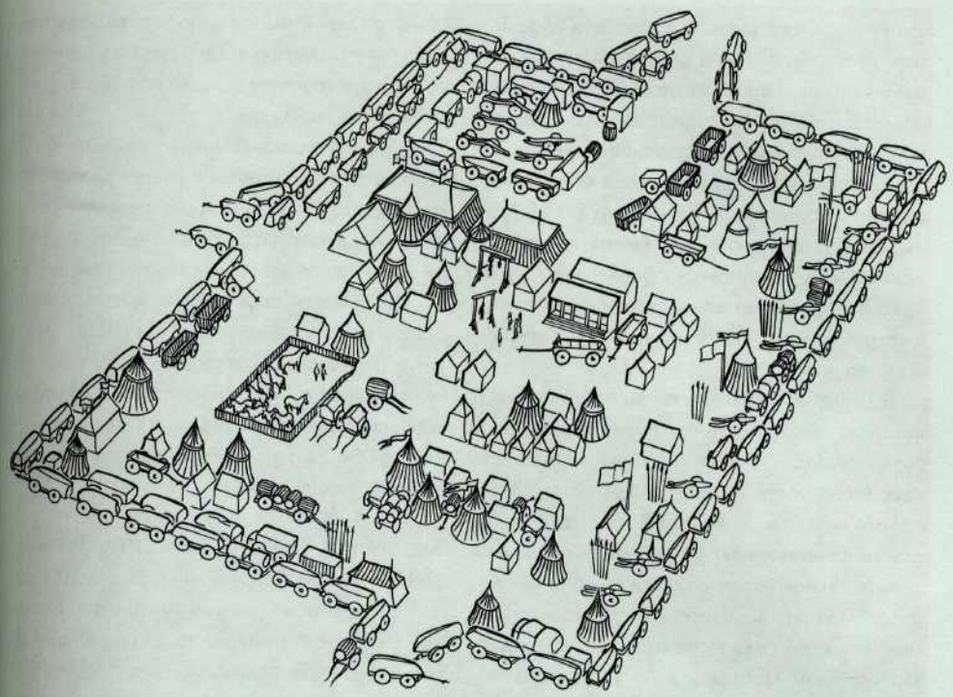
Победа, однако, не стала решающей, поскольку испанцы стягивали подкрепления и искали реванша, тогда как граф Морис, сердце которого никогда не лежало к этой операции, решил вернуться в Голландию. Битва под Ньюпортом интересна не только тем, как «морисианская» система восторжествовала над испанскими терсиос, но и тем, какие проблемы возникли у полководца с его собственным правительством и как последнее одержало верх над ним. Несмотря на пост управителя, или стадхаудера, а также на авторитет победителя в прошлых сражениях, политические противники в Генеральных штатах вынудили Мориса возглавить экспедицию, которую он не одобрял, и вступить в битву, вести которую он не хотел и которой не искал.

Регулярные армии

Вероятно, наиболее впечатляющие перемены в руководстве войсками в семнадцатом веке познала с появлением регулярных войск Франция. В эпоху позднего Средневековья тысячи дворянских семей потеряли земли и титулы, и многие во время Столетней войны и после нее искали славы и вознаграждения на поле битв во славу французских королей. На протяжении шестнадцатого столетия военная служба по-прежнему оставалась средством выдвинуться, а потому дворяне продолжали действовать в том же духе во время итальянских войн, а позднее и в ходе религиозного противостояния; феномен не исчерпал себя

Военный лагерь мало изменился с эпохи грозных легионов. Когда в 17-м столетии наступил черед возвращения эпохи регулярных войск, полководцы вновь с удвоенным вниманием уткнулись в изучение трудов древних римлян. Шатер генерала в центре окружали шатры и палатки рот и батальонов. В мирные времена генералы и старшие офицеры предпочитали находиться в менее скучных местах, передавая бразды правления в такого рода лагерях младшим офицерам и унтер-офицерскому составу.

В ходе кампании походный лагерь отличался своим устройством от постоянной военной базы. Поскольку на марше требовалось дать отдых как можно большему числу солдат, приходилось обеспечивать оборону минимальными средствами. Обычно лагерь устраивался внутри периметра, охрана каждого из участков которого поручалась тому или иному полку. Однако, как и всегда, шатер генерала, или полководца, и палатки старших офицеров размещались в центре. Поскольку и на войне офицеры не желали забывать о радостях жизни и лишать себя удобств, к которым они привыкли, легко представить себе, что тащившиеся за войском обозы имели впечатляющие размеры. Учитывая тягу каждого офицера к прекрасному и его стремление выделиться на фоне остальных, лагеря военных выглядели, как следует предположить, нередко, по меньшей мере, пестро.

и в семнадцатом веке. Семейство дю Плесси представляло как раз одну из сотен фамилий, подвизавшихся на этой ниве и пытавшихся снискать милость государя ратными подвигами. В правление Анри (Генриха) IV третий сын дворянина Франсуа дю Плесси — Арман Жан — записался на королевскую военную службу. Хотя карьера его как военного не имела развития и перешла на религиозные рельсы, которые привели его на вершину как могущественного магната католической церкви, служба в королевской армии не прошла для него даром. Когда Арман Жан сделался кардиналом де Ришелье, он превратил французский нобилитет в королевских слуг. Самым подходящим полем для дворянства найти применение воинственному складу ума и характера являлась, по его мнению, военная служба в постоянной армии своего монарха.

В немецких государствах император почти не пользовался авторитетом в военной области до тех пор, пока в империи в период между 1500 и 1512 гг. не произошли организационные перемены и структурные преобразования. Империю разделили на крайзе, или округа (*Kreise*), и князья в этих образованиях были обязаны предоставлять живую силу и военные материалы для нужд обороны империи в случае возникновения райхскриг, т.е. имперской войны (*Reichskrieg*). Военные вклады того или иного округа могли быть увеличены вдвое, втрое или вчетверо декретом императорского совета. Принимая во внимание конфедеративную структуру и политически сложное устройство империи, объявление подобной *имперской войны* случалось нечасто. Когда

императорам не хватало войск, они обращались непосредственно к князьям и требовали помощи даже и вне режима объявления райхскриг. Данный способ представлялся относительно эффективно действующим средством сбора армии в Германии и удобной лазейкой для тех государей, которые хотели обойти имперскую конституцию. Таким способом удалось набрать армию католической лиги в 1618 г. Не располагая нужными средствами, император обратился к баварскому и швабскому округам.

В империю входило еще множество независимых государственных образований, свободных городов и проч., которые — опасаясь неуемного роста аппетитов соседствующих с ними вельмож — видели в императорской власти единственную действенную гарантию защиты. Императоры со своей стороны могли потребовать от нобилитета этих государств и городов службы в качестве офицеров в отрядах ландскнехтов. Немецкие войска шестнадцатого и семнадцатого столетий продолжали оставаться сложным конгломератом из наемников и окружных контингентов. Создание регулярной армии в таких условиях не представлялось возможным.

Перемены пришли в военную систему Германии после Тридцатилетней войны и стали отчасти реакцией на нее. Ряд князей — особенно в Северной Германии — создали у себя небольшие регулярные армии. Князья эти рассуждали таким образом: раз на территории страны нет сколь-либо серьезных естественных препятствий на пути вражеского вторжения, значит, ответом может стать создание для защиты земель соединений, скованных крепкой дисциплиной. Широко известный пример — Бранденбург-Пруссия, однако ландграфы Гессен-Дармштадт и Гессен-Кассель, а также герцоги Ганновера действовали аналогичным путем. В Бранденбурге-Пруссии опустошение, произведенное Тридцатилетней войной, отсутствие финансовых авуаров и нехватка людских ресурсов подорвали богатство юнкеров — дворян. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм, а позднее король Пруссии Фридрих I заключил сделку с нобилями, добившись от них принятия обязательства несения военной службы в обмен на гарантию суверенитета их владений. Поскольку немецкие дворяне были довольно бедны в то время, они не могли сопротивляться воле государей.

Профессиональные воины показали себя с положительной стороны в конце семнадцатого столетия, и князья нередко нанимали такие полки и часто полагались на них больше, чем на собственные наскоро сколоченные корпуса. О ценности этих формирований можно судить по тому факту, что в 1701 г. император Леопольд I согласился повысить статус курфюрста Бранденбургского, сделав его королем Пруссии, в обмен на предоставление 15 000 солдат, необходимых кайзеру для войны с Людовиком XIV.

Каленберг, 1683 г. — спасение Вены

1683 г. — «год турок» — стал своего рода водоразделом в истории экспансии турецкой Османской империи на запад. С тех пор турецкие армии больше всерьез уже не угрожали Центральной Европе. Турки приступали к Вене в 1529 г., но успеха тогда не добились. В 1683 г. осада началась в середине лета, и быстро развивающиеся события поставили судьбу столицы Габсбургов в неопределенное и крайне опасное положение. Отчаянная попытка императора Леопольда I снять осаду с города может служить наглядным примером сложностей в ведении военных действий коалиционном путем в ранний период Нового времени. Деблокировочная армия включала в себя императорские немецкие контингенты, предоставленные князьями Священной Римской империи, а также польское войско короля Яна III Собеского.

Победа Раймондо Монтекукколи над турками у св. Готтарда в 1664 г. привела к урегулированию отношений между Габсбургами и османами, и на протяжении следующих почти 20 лет турецкая экспансия протекала в направлении Польши и Украины. Туркам удалось сделать крупные территориальные приобретения в южных областях Польши, однако в семидесятые годы семнадцатого века Ян Собеский, главнокомандующий войсками Польши, провел несколько успешных кампаний против турок и разгромил их в сражении при Хотине в 1673 г. После смерти короля Польши Михала польский нобилитет по своему обычаю выбрал нового государя, так в 1674 г. им стал Собеский.

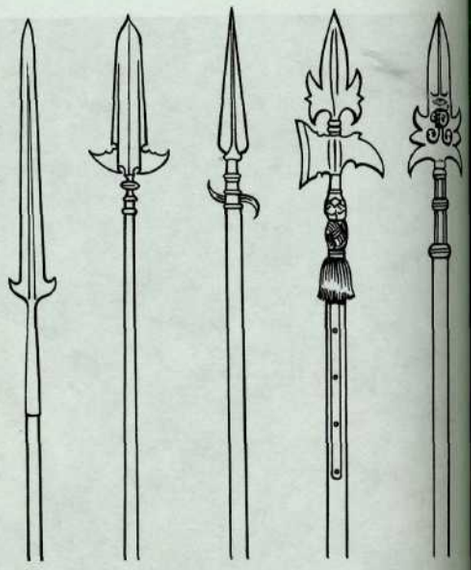
Кара Мустафа — великий визирь Османской империи — обложил Вену. Его шатер выделялся среди тысяч шатров и палаток в турецком стане под стенами австрийской столицы. Шатер достался победителям после того, как хозяин бежал оттуда с остатками разгромленной армии.

Пока на востоке Собеский стяжал себе лавры победителя и восходил на трон, на западе император Габсбург вел всепоглощающую войну с Людовиком XIV Французским. Людовик XIV подогревал тлеющий огонек турецкой экспансии, видя в ней эффективное средство отвлечь внимание и подорвать силы австрийского императора.

С 1526 г. в границы Османской империи входила и Венгрия. Столица одной из провинций, Буда, располагалась совсем неподалеку от Вены. Хотя по состоянию на 1683 г. стороны уже почти 20 лет хранили мир, спокойствие нарушил Имре Токоли, князь Трансильвании, в техническом смысле слова являвшийся вассалом Габсбургов. Токоли искал способа развязаться с Леопольдом и надеялся на поддержку Кары Мустафы, великого визиря Османской империи, рассчитывая получить королевский титул в обмен на признание сюзереном султана.

Кара Мустафа сделался великим визирем в 1676 г. До 1681 г. он вел военные действия на Украине, после чего обратил внимание на Вену. В 1682 г. турецкая армия вступила в северные районы Венгрии, нарушив мирный договор с Австрией. Основой войска служил корпус янычар — профессиональных солдат, обучавшихся своему ремеслу с детства. Янычары давно уже наводили страх на Европу, а внедрение в их частях огнестрельного оружия и извечная решимость, с которой они шли на приступ городов, делала воинов-рабов еще более грозными. Численность корпуса составляла где-то 20 000 чел. Все солдаты являлись рабами султана — детьми из христианских семей, вскормленными в казармах при дворе султана Османской империи. Обращенные в ислам, они воспитывались как мусульманские фанатики и представляли собой элитные части пехоты на службе у султана. Янычары служили ядром османских армий с пятнадцатого по

Копья различных профилей и конфигураций, как и алебарды, служили в качестве привычного оружия пехоты в 15-м столетии, однако в 17-м и 18-м веках ими обычно пользовались сержанты и младшие офицеры, благоразумно размещавшиеся и впереди, и сзади пехотных батальонов. Держась сбоку, они контролировали строй. Если бы какому-нибудь солдату вздумалось задать деру в сражении, офицеры и унтер-офицеры имели возможность тут же на месте выполнить функцию военной юстиции.

семнадцатое столетие, однако в 1683 г. они уже уступали по выучке и уровню дисциплины солдатам европейских армий.

В большинстве своем османская армия состояла из конных провинциальных милиций, сипахов («ленной дворянской» кавалерии), и также регионального пехотного ополчения. Вспомогательными силами в войске служила татарская конница из Крыма и степей к северу от Кавказа, а также контингенты христианских князей, подданных империи. Не говоря уже об огромных размерах османских армий, наличие в них современной артиллерии и искусных канониров вкупе с умением и решимостью личного состава вести осады делало войска султана грозной силой, с которой невозможно было не считаться. Войско, вступившее в Венгрию в 1683 г., превышало 120 000 чел.

Леопольд I мог противопоставить туркам не более 35 000 чел. Будучи кайзером Священной Римской империи, он обратился к немецким князьям и имперскому совету. Папа Иннокентий XI тоже приложил руку к тому, чтобы помочь делу христиан и устроить альянс между Леопольдом и Яном Собеским, тогдашним королем Польши. Папа не только призывал, он и помогал деньгами, необходимыми для сбора войска. Польский монарх согласился участвовать в союзе и выставить в поле 40 000 солдат.

Татары венского леса

В июне Кара Мустафа уже находился в Венгрии, готовый к броску, а 7 июля император и королевская семья покинули Вену, отбыв в безопасный Линц и оставив город на попечение графа Эрнста фон Штаргемберга с 16 000 солдат. Менее чем через неделю после отъезда Леопольда из Вены пригороды ее уже кишели татарской конницей. К 14 июля город был полностью обложен и турецкие пушки открыли огонь по передовым оборонительным укреплениям. Кара Мустафа не тратил времени напрасно. Не прошло и двух недель после начала осады, а уже были вырыты траншеи, прокопаны туннели и заложены мины, взорвавшиеся под двумя южными бастионами. Турецкие артиллеристы поливали город ядрами, а граф Штаргемберг из последних сил пытался удержать оборону на передовых фортификациях. Великий визирь отправил татар в набег на венские леса.

На сбор армий против турков в империи и в Польше ушло вполне осязаемое время. Леопольд обратился к имперскому совету в Регенсберге и к округам империи, призывая их оказать военную помощь. Совет одобрил утроение воинской помощи из округов империи, однако французы пошаливали за Рейном, что мешало некоторым западным округам послать контингенты на выручку столице. К августу в распоряжении герцога Лотарингии Карла находилось приблизительно 30 000 имперских солдат. Иоганн Георг III Саксонский собрал еще 10 000, примерно столько же поставил в строй Максимилиан Эммануил Баварский.

В Польше у Собеского, однако, возникли трудности с быстрым сбором армии. Король прибыл в Краков в конце июля и оставался там до середины августа. Каждый день кто-нибудь приходил и приводил с собой отряд или дружину, однако казаков и литовцев приходилось ждать еще несколько недель, а потому Собеский решил выступать без них, оставил Краков и маршем двинулся к Вене.

Различные армии стекались к сборному пункту, чтобы оттуда выступить в поход для снятия осады со столицы Габсбургов, и вот 31 августа поляки вышли в условленное место к северу от Дуная, где соединились с имперскими силами герцога Лотарингии Карла и саксонского курфюрста Иоганна Георга. Собеский привел с собой всего лишь 24 000 из обещанных 40 000 чел., но соединенное войско достигало 75 000 чел.

Переправившись через Дунай в 30 км выше по течению от столицы, герцог Лотарингии и Собеский решили наступать на венские леса — поросшие зарослями деревьев и кустарника холмы к северу и западу от Вены — с целью овладения высотами, с которых затем предполагали атаковать турецкую армию. Кара Мустафа уже знал о подходе противника, однако не придал значения сведениям о его численности. Он испытывал уверенность в том, что татары и скромный турецкий контингент в венских лесах сумеют сдержать натиск неприятеля. Падение Вены ожидалось со дня на день, и потому турецкому командующему не хотелось бросать осаду, так, казалось, близкую к завершению. Ибрагим-бей, губернатор Буды, повел 23 000 пехотинцев и 5000 всадников в холмистый район для противодействия имперским войскам и полякам.

На военном совете Собеский и герцог Лотарингский сошлись в намерении разделить армию на три корпуса и решили, что герцог и Иоганн Георг Саксонский возглавят левое крыло, которое пойдет к осажденному городу вдоль берега вниз по течению Дуная. Свыше 31 000 имперских солдат и саксонцы заняли высоты Каленберга (буквально это означает Лысая гора. — *Прим. ред.*), господствующие над позициями Ибрагим-бея у Нуссдорфа. Максимилиану Эммануилу Баварскому и князю Вальдеку с баварскими и окружными полками — более 21 000 чел. — предстояло продвигаться на Зифринг и Веринг, чтобы в итоге выйти к Вене. Правее пролегало направление наступления герцога фон Лауэнберга с 4500 пехотинцев, а на самом правом крае действовал Собеский с его польской армией из 14 000 латной кавалерии — включая знаменитых «крылатых» гусар — и 10 000 чел. инфантерии. В ранние часы утра 12 сентября Ибрагим-бей двинул свои войска вперед, чтобы попробовать на прочность строй отрядов герцога Лотарингии. Тот приказал князю Людвигу фон Бадену (прозванному позднее Тюркенлюдвиг — что-то вроде турецкий Людвиг. — *Прим. ред.*), возглавлявшему австрийские полки, разогнать неприятеля. Находившиеся справа от Людвига саксонцы выдвинулись для оказания поддержки. В ожесточенной поначалу схватке между австрийцами и саксонцами, с одной стороны, и турками — с другой последние стали уступать — сказывался численный перевес все прибывавших на поле боя войск Лотарингии и Иоганна Георга, а также вклад имперской артиллерии. Наступающие овладели городом Нуссдорф, а вскоре за тем Хайлигештадтом (*Heiligestadt* — букв. «святой город». — *Прим. ред.*). В центре у Максимилиана Эммануила продвижение, однако, не задалось. На его и князя Вальдека направлении войска Ибрагим-бея сумели сдержать натиск атакующих между Зифрингом и Гринцигом. У турок появилась возможность смять фланг

Битва у Каленберга

1683 г.

Осада Вены шла уже восьмую неделю, когда центральноевропейская деблокировочная армия прибыла на северный берег Дуная. Герцог Лотарингии Карл IV (иначе V) собрал войско на немецких территориях, которое получило усиление за счет своевременного прибытия польской армии под началом короля Яна Собеского. На военном совете союзники пришли к решению переправиться через Дунай в 30 км выше по течению и наступать на город с запада через венские леса. Кара Мустафа пребывал в уверенности, что успеет взять Вену до похода европейцев, а потому оставил большую часть армии, включая и янычар, в траншеях под стенами города, отрядив только треть войска для противодействия приближавшимся немцам и полякам. Герцог Лотарингии и его союзники перешли в атаку на турецкие позиции вниз по склону Каленберга. Ожесточенные бои в венских лесах замедлили продвижение европейских войск, однако германцы прорвались на направлении вдоль Дуная, тогда как поляки проложили себе путь вперед на правом фланге. Кавалерия Собеского устремилась в турецкий лагерь. Герцог Лотарингии вышел в пригороды Вены, где уничтожил расположившихся в траншеях турок, включая и янычар.

Стратегическое положение Вены сулило туркам с ее захватом создание прочного плацдарма в Центральной Европе, откуда они получили бы возможность угрожать вторжением Богемии и южным районам Германии.

Максимилиана Эммануила. К счастью, в тот день татары ушли в набег в районы к югу от Вены и в распоряжении Ибрагим-бея осталось лишь небольшое количество кавалерии. Немецкие отряды сомкнули строй для противодействия вражеской контратаке.

Крылатые гусары

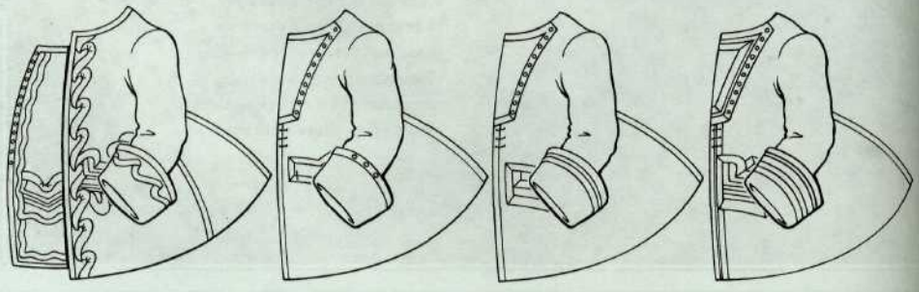
Сложная местность замедляла наступление Собеского и Лауэнберга. Ближе к позиции Максимилиана Эммануила находились германцы Лауэнберга, и польский король отправил его опрокинуть турецкий центр. Тем временем кавалерия Собеского проложила себе путь через холмы и появилась на правой оконечности фронта, как и планировалось. Турецкая конница решительно бросилась на поляков, когда те продирались через лес. Но крылатые гусары в итоге расчистили себе путь между Герстхофом и Дорнбахом, что дало Собескому возможность развернуть все 14 000 латной конницы, построив их в два эшелона. Солнце уже переваливало за полдень, когда порядки корпуса Ибрагимбея стали рушиться. Вскоре после полудня польский король лично возглавил атаку и решительно сломил сопротивление противодействовавших ему турецких войск, которые он преследовал до самого их лагеря. Вскоре после этого лотарингское крыло, возглавляемое князем Людвигом, смяло правый фланг турок и двинулось к Верингу.

Янычары по приказу Кары Мустафы продолжали оставаться на позициях и заниматься осадой города. Когда появились имперские войска, турки сначала держались, но вот натиск усилился — подошли саксонцы и баварцы, которые также включились в атаку на вражеские траншеи. Кара Мустафа совершил серьезную ошибку, недооценив силы неприятеля. Нападение застало турецкого командующего врасплох, так что он сам едва не угодил в руки поляков. На своем направлении поляки преследовали бегущих до самого турецкого лагеря и затем принялись грабить его. К 5 часам пополудни османское сопротивление прекратилось, город был спасен. Потери турок достигали 10 000—20 000 чел. Урон у имперской стороны и ее союзников не превышал 4000 чел.

Спасение Вены достигалось усилиями центральноевропейских стран. Сложности со сбором войск, порожденные военными действиями французов против Германии на западе, не повлекли за собой роковых последствий, так как недобор живой силы в империи компенсировался своевременным прибытием польской армии. Значительность расстояний порождала сомнения в том, сумеет ли Собеский выполнить возложенные на себя обязательства, а если сможет, каких размеров армию успеет собрать.

Размеры Польского королевства только удлиняли период времени, необходимый польским вельможам для того, чтобы явиться на зов короля. Собеский оставил Варшаву, так и не дождавшись многих тысяч воинов из Литвы. Он предполагал, что солдаты, возможно, находятся в пути, однако в действительности литовские князья так и не собрали войска. Карл Лотарингский столкнулся с

Ближе к концу 17-го и в начале 18-го столетия растущие профессиональные армии стали переодеваться в единую для всех форму. У простых солдат камзолы не отличались изяществом, тогда как унтер-офицеры и тем более офицеры могли позволить себе что-нибудь немного более изысканное. Таким образом они выделялись на поле боя. Отделочный кант уже тогда служил для определения звания и положения офицера.

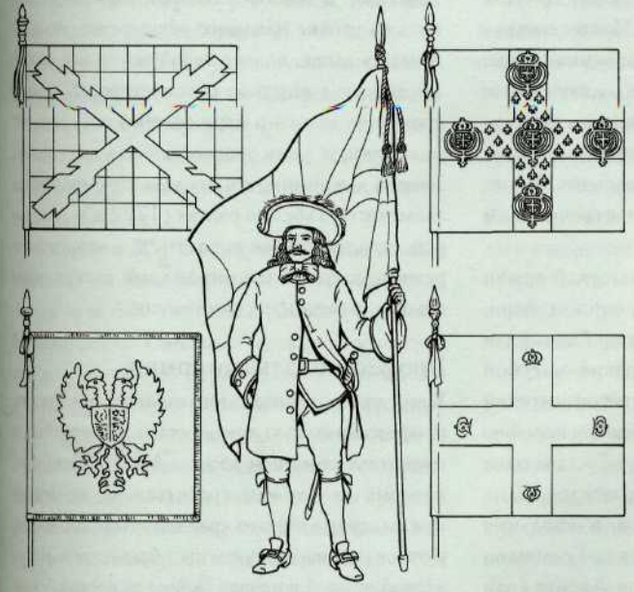

большими трудностями при планировании деблокировочной экспедиции, потому что не знал, придет или не придет Собеский. Даже если забыть о проблемах координации усилий с находящимся на большом расстоянии союзником, перед герцогом Лотарингии возникала серьезная необходимость увязывать планы имперской армии с действиями Иоганна Георга Саксонского, который следовал маршем через Богемию. Связные и курьеры с донесениями скакали туда и сюда, чтобы позволить герцогу Лотарингии установить, где же и когда смогут соединиться три армии.

Кара Мустафа очень дорого поплатился за допущенные просчеты и сокрушительное поражение. В день Рождества 1683 г. великого визиря казнили в Белграде по приказу султана. Незадачливый командующий располагал весьма крупными военными ресурсами, однако всецело сфокусировал усилия на Вене и недооценил значительности выступившей на выручку столице армии. Кроме того, несмотря на осведомленность в отношении стекающихся к Вене христианских войск, Кара Мустафа не попытался задержать продвижение герцога Лотарингии или польского короля. Было непростительной ошибкой отправлять крупные отряды татар в районы к югу от города в день сражения, тогда как их следовало бы послать на запад против деблокировочной армии, чтобы они изматывали христиан наскоками и вели разведку. Явно недостаточные силы, посланные в венские леса, позволили несколько замедлить темпы продвижения наступающих, однако в отсутствие превосходящих сил кавалерии, которыми располагал и которые не ввел в бой Кара Мустафа, турки не смогли сдержать флангового маневра Собеского. Поражение османов стало прежде всего следствием отвратительного руководства их войсками.

Верховное командование и регулярные армии

В тридцатые-сороковые годы Ришелье и преемник его при французском дворе, кардинал Мазарини, нанимали армии, которыми командовали французские генералы. Командиры, однако, как и прежде, происходили из знати и были подчас людьми неуправляемыми. Маршал виконт де Тюренн принял командование в Германии в 1643 г., но шесть лет спустя — несмотря на то, что являлся слугой короны — возглавил силы Фронды. Точно так же и Луи II — герцог д'Ангьен, известный позднее как принц (тоже князь, конечно же, как и многие *prince* в этой и многих других книгах. — *Прим. ред.*) де Конде, — победитель испанцев под Рокруа в 1643 г., воевал на стороне монархии против первой Фронды, яростно сражался против Мазарини во время

Знамена постоянно использовались в сражениях как ориентир для определения положения части в хаосе битвы. С ростом размеров армий знамена и флаги стали просто жизненно необходимы, чтобы иметь возможность отличить полки друг от друга в замешательстве боя. Знамена бывали самыми разными: на них находили отражения гербы и цвета правящих родов, символы региональной принадлежности и в итоге даже в какой-то мере история части. Вверху слева знамя одной из испанских терсио во Фландрии; вверху справа прусское полковое знамя; внизу слева — австрийское; и наконец, внизу справа и в центре — французские флаги.

второй, а впоследствии отправился в добровольное изгнание, только чтобы не возвращаться в королевство. Уже позднее король Людовик сумел найти опору в ноблях средней руки, позволив им выделиться и занять важные военные должности; престиж и положение таких людей зависели от военной славы монарха и от их личной преданности ему. Маршалы Вильруа, Таллар и Виллар получили видные посты в начале Войны за испанское наследство (1701—1714 гг.), однако они подчинялись своему сюзерену, несмотря на возникавшее порой несогласие с ним по поводу военной стратегии и случаи вмешательства в мелкие детали кампаний со стороны короля — его, если можно так выразиться, микроманипулирования. Прежние маршалы Людовика проявляли тенденцию не слушаться монарха, если их мнения не совпадали с его точкой зрения.

Когда «военные антрепренеры» исчезли в эпоху Войны за испанское наследство, в Центральной и Восточной Европе их, как генералы, сменили выходцы из благородных семейств с военными традициями. Солдаты фортуны из дворянства, или наемники, искали службы у чужих государей. При дворе у Габсбургов графы Штаргемберги сохраняли значительный вес и присутствие в Хофкригсрате (*Hofkriegsrat* — высший государственный имперский военный совет) и среди армейских командиров вплоть до восемнадцатого столетия включительно. Раймондо Монтекукколи и принц Евгений Савойский не являлись подданными императоров Габсбургов, однако командовали их войсками в семнадцатом и в восемнадцатом веке. Фактически принц Евгений поначалу искал должности у Людовика XIV, но, получив отказ, нашел применение своим силам у австрийских Габсбургов.

Руководство войсками в шведской армии претерпело заметные изменения в период между правлением Густава Адольфа и Карла XII. Хотя монарх сохранил за собой роль главнокомандующего армии, офицерский корпус ее видоизменился по образу и подобию германского. В то время, как у Густава одна треть армии приходилась на шведов, одна треть на саксонских союзников, а остальные на солдат, набранных в Германии, Голландии и Шотландии, к Великой Северной войне (или Второй северной, называемой у нас просто Северной войной 1700—1721 гг. — *Прим. ред.*) войско Карла XII состояло в основном из выходцев с собственно шведских территорий и возглавлялось шведскими офицерами и генералами. Армия, которую Карл привел в Россию и в Польшу, почти сплошь была из балтийской империи Швеции, тогда как войска, сражавшиеся с датчанами, состояли главным образом из частей союзников или же наемных немецких солдат.

Противник Карла, Петр Великий, реформировал русскую армию, упразднив стрельцов и заставив нобилитет служить в войсках офицерами, что уже стало правилом в ту пору в Западной Европе. Поначалу в качестве наставников и командиров привлекали иностранцев, однако по мере роста потерь в многолетнем противостоянии возникла необходимость некоего постоянного источника, из которого представлялось бы возможным черпать военных руководителей. Этот вариант тоже оказался чрезвычайно сложным и не дал желаемых результатов. В ответ Петр применил революционный подход — в процессе организации регулярной армии повышать людей за действительные заслуги. Так возник офицерский корпус из закаленных ветеранов, низкий социальный статус которых не мешал им достигать относительно высоких чинов и командовать войсками. В действительности, многие оставались на уровне младшего офицерства, не поднимаясь выше, однако такой метод все равно обеспечивал опытное руководство. К концу правления великого царя система повышения за заслуги, а не за знатность была настолько важной для армии, что привела к учреждению знаменитой Табели о рангах (1722 г.), в которой, если можно так выразиться, в пошаговом режиме закреплялся социальный статус офицеров и гражданских чиновников.

Профессиональные армии

К середине восемнадцатого столетия содержать профессиональную армию стало для крупного правителя обычным делом. Даже Габсбурги, которые не любили тратиться на военные нужды, кроме случаев крайней необходимости, и то оказались вынуждены обзавестись регулярной армией к началу Войны за австрийское

В целях покрытия расходов на содержание регулярных войск монархи часто шли на торговлю воинскими должностями. Чем выше было звание и положение, тем большей цифрой выражалась цена. Хотя к 18-му столетию военная форма уже прочно обосновалась в вооруженных силах, различные украшения и дополнения к мундирам поначалу повсеместно допускались как средство отражения социального положения и значимости. Слева изображен британский генерал, в центре — офицер инженерных войск, а справа британский фельдмаршал. Последний, как видно, не отличался особым стремлением показать всем и каждому, насколько высокий пост он занимает.

наследство (1740—1748 гг.). Командование регулярными армиями осуществлялось людьми разного социального уровня. В некоторых случаях ими управляли сами монархи вроде Фридриха Великого, хотя этот король-солдат поначалу действовал при содействии служивших ему немецких князей вроде Леопольда I, князя Ангальт-Дессау, или же профессионалами, как фон Шверин (разумеется, Леопольд тоже являлся профессионалом. — *Прим. ред.*). Даже армиями Габсбургов руководили военные специалисты — такие, как фельдмаршалы Максимилиан Браун, Даун и Лоудон, — хотя династические соображения могли привести к тому, что командование получали некомпетентные вельможи.

Людовик XV Французский использовал военные таланты Мориса де Сакса, одного из более чем 300 бастардов Августа Сильного Саксонского. Однако к началу Семилетней войны качество французского военного лидерства снизилось. Не раз и не два французские генералы сталкивались с требованиями со стороны полковников, занимавших социально более высокую ступень либо имевших прочные связи при дворе, о том, чтобы их полкам давали почетные места на поле битвы или же чтобы рядом не было полков их соперников или тех, кого такие полковники считали ниже себя по общественному статусу. Солдаты фортуны и мелкое дворянство оттеснялись на второй план придворным нобилитетом. Соперничество среди могущественных вельмож часто выливалось в то, что Людовику XV приходилось назначать сразу двух командующих для одной и той же армии.

Несмотря на огромные трудности, сопряженные с созданием профессиональной армии, нобилитет играл в этом процессе важнейшую роль по двум причинам. Во-первых, дворяне являлись элитой общества, потомками класса воинов, что как бы подразумевало наличие у них полководческих способностей в крови. В континентальных армиях нечасто встречались вчерашние простолюдины или же другие представители недворянских сословий, поднявшиеся до высоких чинов. Во-вторых, нельзя забывать о финансовых возможностях нобилитета, поскольку офицерские чины и должности обычно покупались по принципу: чем выше звание, тем оно дороже. Полученный от короля чин являлся символом богатства и престижа. На цену влияла репутация полка и его положение. Полковникам вменялось в обязанности следить за тем, чтобы солдаты их были соответствующим образом снаряжены и

подготовлены. Хотя основные средства на содержание выделялись из государственной казны, недостающие суммы предполагалось покрывать за счет главы полка (называвшихся, к примеру в Германии, инхаберами [*Inhaber* — букв. переводится как владелец, содержатель и т.д.. — *Прим. ред.*]). Полковник делил расходы с подчиненными, делегируя им соразмерную часть финансовых обязательств: капитаны отвечали за состояние возглавляемых ими рот; ожидалось, что свой вклад внесут и лейтенанты. Фискальные обязанности бывали довольно обременительны для нобилей, многие из которых влезали в долги и оказывались банкротами в ходе долгой военной карьеры.

Конечно же, не все полковники в равной степени исполняли свои обязанности. Неравнозначность в уровне готовности полков нередко выходила наружу только с началом военных действий. Всегда наличествовало значительное несоответствие между численностью полков на бумаге и в действительности. Чтобы предотвратить практику недоукомплектованности личного состава и материальную недооснащенность в полках, Людовик XIV ввел звание лейтенанта-полковника (т.е. буквально заместителя полковника, или подполковника в нашем понимании этого звания. — *Прим. ред.*), задача которого прежде всего заключалась в том, чтобы следить, насколько серьезно относится к своим обязанностям полковник. В целях поддержания единообразия в частях в восемнадцатом столетии возникли во множестве военные инспекторы. Какими бы ни были недостатки новых регулярных армий, монархи успешно насаждали собственное влияние на всех ступенях и уровнях.

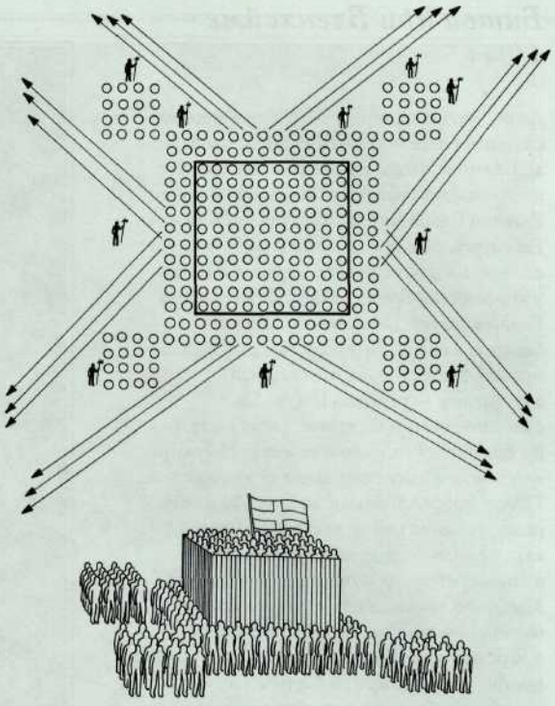
Бленхейм, 1704 г. — смелая стратегия

Битва при Бленхейме наглядно демонстрирует как преимущества, так и сложности ведения боевых действий силами профессиональных армий в разноплеменной коалиции. Она также иллюстрирует эволюционную природу военного лидерства. Джон Черчилль, герцог Марлборо, и принц Евгений Савойский выиграли чрезвычайно важное сражение против франко-баварской армии, что привело к выпадению Баварии из войны. Политическое сотрудничество между английской королевой Анной и императором Леопольдом I нашло еще лучшее отражение в оперативном взаимодействии их военных командиров. Напротив, союз между французами под началом маршала Камилля графа Таллара и баварцами курфюрста Максимилиана II Эммануила можно назвать в лучшем случае неудачным.

Баварский альянс имел важнейшее значение для Людовика XIV. В 1703 г. французский маршал Клод Виллар (наиболее успешный из трех ранее перечисленных французских военачальников, которому удалось чувствительно потрепать превозносимого автором герцога Марлборо в битве при Мальплаке в 1709 г.. — *Прим. ред.*) и курфюрст Максимилиан Эммануил успешно очистили Баварию от имперских войск, однако потом поссорились и разошлись, что называется, в разные стороны. В 1704 г. Виллара отозвали, а маршал Таллар получил наказ вести очередную французскую армию через Рейн с целью упрочить положение французов и баварцев.

Марлборо возглавлял англо-голландскую армию. Назначение послужило следствием многолетнего опыта солдата, накопленного этим командиром, а еще — и возможно, в наибольшей степени — того факта, что его жена являлась наперсницей королевы. Хотя и будучи английским генералом, в соответствии с условиями Великого союза он обязывался консультироваться по вопросам стратеги с голландскими Генеральными штатами. К 1704 г. стало очевидным, что имперское дело в Южной Германии находится на грани краха и что для Вены возникает угроза со стороны Баварии и Венгрии. Марлборо решил выступить на помощь Австрии. Два фактора очень затрудняли выполнение данного намерения: во-первых, военачальник не мог рассчитывать получить разрешение на уход из Голландии от голландских Генеральных штатов, во-вторых, тыловым обеспечением армии занимались опять-таки голландцы.

Голландских союзников герцог обманул ложной перспективой ведения боевых действий на реке Мозель. Между тем сам он 19 мая во главе 20 000 чел. маршем двинулся вверх по Рейну, переправился через него в районе Кобленца (как раз в месте впадения в Рейн р. Мозель. — *Прим. ред.*) и 7 июня прибыл

Пехотные построения подобного типа повсеместно использовались в битвах во времена сражения под Брейтенфельдом в 1631 г. Такой строй позволял инфантерии менять направление ведения огня в случае возникновения угрозы со стороны кавалерии или же при необходимости оказать поддержку другой части. Копейщики в центре формирования служили еще одним средством поставить заслон на пути конницы. Штандарт части находился в центре, там он был в безопасности и служил знаком того, где находится командир. Фактически пехота часто вела бой отдельно от кавалерии. Когда конное сражение бывало выиграно той или иной стороной, победители-кавалеристы возвращались на поле, чтобы уничтожить вражескую инфантерию.

в Гейдельберг. В ходе продвижения через Германию герцог получил подкрепления в виде 15 000 чел. из Ганновера, Пруссии и Гессена. Повернув на восток, он спустя две недели достиг Лаунсгейма, где к нему присоединился принц Евгений с имперской армией.

Марлборо прошел 400 км почти за месяц, что само по себе являлось отнюдь не беспрецедентным деянием, но тем не менее впечатляло, особенно в части того, какой выход нашел генерал для урегулирования вопроса снабжения. Проблему тылового обеспечения он решил просто — оставил голландских подрядчиков позади и стал отправлять офицеров в города, стоявшие на пути его следования, с тем, чтобы там готовили все необходимое. Поскольку войско находилось пока на союзнической территории, задача оказалась вполне решаемой.

Тыловое обеспечение

Марш Марлборо с низовий Рейна в Баварию поистине примечательное событие, но не в плане покрытого расстояния или же скорости продвижения (колонны проходили не более 15 км в день), а в плане тылового обеспечения, поскольку герцог оторвался от баз снабжения и ему пришлось находить себе иные источники поставок. Соображения тылового обеспечения всегда играли важнейшую роль в военных операциях, однако с ростом численности армий стоимость и практические сложности в плане поставок всего необходимого перешли в разряд стратегических слагаемых успеха или неуспеха того или иного предприятия. Оптимально было бы продвигаться вдоль судоходных рек или трактов, пролегавших через крупные города.

Марлборо предупредил принца Евгения о своем намерении наступать к Дунаю. Полководец Габсбурга отправил в поход князя Людвига фон Бадена более чем с половиной сил в Баварию, тогда как сам принялся отслеживать передвижения Таллара, который перешел Рейн в начале июля. Евгений упредил Таллара в Баварии, а затем вместе с Марлборо форсировал Дунай и приступил к набегам там и тут в регионе. Набеги и сопровождавшие их грабежи производились, главным образом, чтобы лишить баварского курфюрста важных ресурсов и снабжать собственную армию за неприятельский счет. Ограбление Баварии вынудило Максимилиана Эммануила и Таллара выдвинуться к Аугсбургу. Тогда Марлборо и принц Евгений сочли нужным вновь перейти Дунай. Таллар и Максимилиан Эммануил продолжали следовать на восток по реке к Бленхейму, где и встали лагерем 12 августа.

Битва при Бленхейме

1704 г.

Джон Черчилль, герцог Марлборо, прошел с армией более 400 км от Нидерландов до Баварии, чтобы подать помощь своему австрийскому союзнику. Марлборо и принц Евгений Савойский, командующий войсками Габсбурга, вошли в боевое соприкосновение с войсками французского маршала Таллара и курфюрста Максимилиана II Эммануила Баварского под Бленхеймом. Франко-баварская армия занимала сильные позиции: правый фланг ее прикрывал Дунай, а по фронту — речушка Небельбах с заболоченными берегами, где тут и там располагались городки и селения. Несмотря на удобное положение, занимаемое войском, Таллар выбрал довольно неудачный план развертывания войск, поставив в центре кавалерию и сосредоточив пехоту на изолированных позициях в Бленхейме. Марлборо атаковал город, связал боем расположенные там батальоны Таллара и перешел в решительный штурм французского центра. Принц Евгений наступал во взаимодействии с союзником, не позволяя Максимилиану Эммануилу подать помощь Таллару. В итоге французский центр рухнул. Инфантерия Таллара оказалась, как в западне, в Бленхейме и вокруг него, а Максимилиан Эммануил с остатками армии отступил.

Бленхейм расположен на северном берегу Дуная в Баварии. Несколько баварских городов, включая и Донауверт, стали свидетелями ожесточенных сражений, разыгравшихся в ходе описываемой в данном разделе кампании.

За Бленхеймом протекала речушка Небельбах, а на другой стороне расположились Марлборо и Евгений с их войсками.

Таллар чувствовал себя на занимаемых позициях весьма уверенно: справа фронт упирался в Дунай, впереди находилась речка Небельбах с ее болотистыми берегами, по которым то там, то тут росли маленькие селения и городки. Позицию можно с уверенностью назвать сильной, а потому французский маршал не ожидал наступательных действий со стороны Марлборо и принца Евгения, но тем не менее построил армию для битвы. Максимилиан Эммануил занимал левый фланг между Люцингеном и Оберглау силами 42 батальонов инфантерии и 67 эскадронов кавалерии. Таллар же командовал центром и правым крылом, имея в распоряжении 33 батальона и 76 эскадронов. Маршал поставил свою пехоту в городках, а открытые участки доверил кавалерии. Девять из его батальонов занимали позиции в Бленхейме, поддерживаемые 18 батальонами резерва и дюжиной кавалерийских эскадронов. В промежутке между этим городком и Оберглау — т.е. на расстоянии свыше 2,5 км — он разместил два эшелона кавалерии при поддержке третьей линии инфантерии. Резервы на данном участке отсутствовали.

13 августа Марлборо и Евгений прощупывали позиции Таллара, собираясь в тот же день атаковать франко-баварские войска. Евгению предстояло «занять делом» Максимилиана Эммануила, тогда как герцогу — атаковать Бленхейм и Оберглау. Все эти точечные атаки имели целью не позволить Таллару использовать имевшеися у него преимущества. В центре же — действуя через Небельбах — Чарльзу Черчиллю, брату герцога, предстояло развивать наступление на главном направлении. Центр был представлен четырьмя эшелонами: семь батальонов первого ряда, затем еще два строя — всего 72 эскадрона. Четвертый состоял из 11 батальонов резерва. Гром должен был прогреметь, когда 20 батальонов лорда Каттса атакуют Бленхейм, а немецкие вояки генерала Гольштейн-Бека штурмом ворвутся в Оберглау.

В 12.30 армия вышла на исходные, и Марлборо приказал наступать. Батальоны Каттса бросились крушить оборону Бленхейма, вынуждая французское командование пожертвовать на битву весь развернутый в тылу за городом резерв. В поле немцы столкнулись с решительным и грамотным противодействием. В 2 часа пополудни французская кавалерия в центре ударила на шеренги Чарльза Черчилля, когда между его командованием и войсками Гольштейн-Бека образовалось окно. Не сводя взора с происходящего в центре, Марлборо отправил связного к принцу Евгению с просьбой оказать поддержку. К счастью, гонец попал туда, куда нужно, и имперский генерал немедленно отрядил в помощь союзнику несколько эскадронов австрийских кирасир. Они сказали свое веское слово и спасли английский центр. Черчилль получил возможность продолжать наступление.

Поддержание взаимодействия между принцем Евгением и Марлборо послужило ключом к успеху. Если бы Евгений не послал кавалерию в поддержку английского центра, ситуация могла бы повлечь катастрофические последствия для союзников. К 3 часам пополудни немцы вырвали Оберглау из рук французов, хотя в ожесточенном бою погиб даже сам Гольштейн-Бек; Бленхейм продолжал держаться. Марлборо двинул центр вперед против конницы Таллара, усилив собственные атакующие полки кавалерией, которая высвободилась ввиду отсутствия необходимости далее поддерживать Каттса. Таллар противопоставил противнику 64 эскадрона и девять батальонов. В 16.00 герцог бросил в бой сосредоточенные в его распоряжении 81 эскадрон и 18 батальонов. Превосходящие силы позволили прорвать французский фронт. Натиск принца Евгения на крыло Максимилиана Эммануила развивался столь планомерно и эффективно, что баварский курфюрст оказался не в состоянии поддержать Таллара, когда Джон Черчилль ударил на французский центр. Не прошло и двух часов, как армия Таллара сломала строй и побежала. Батальоны и эскадроны в Бленхейме и вокруг него были окружены и принуждены к сдаче. Максимилиан Эммануил сумел вырвать свое крыло из боевого соприкосновения и спастись от полного разгрома ценой огромных потерь.

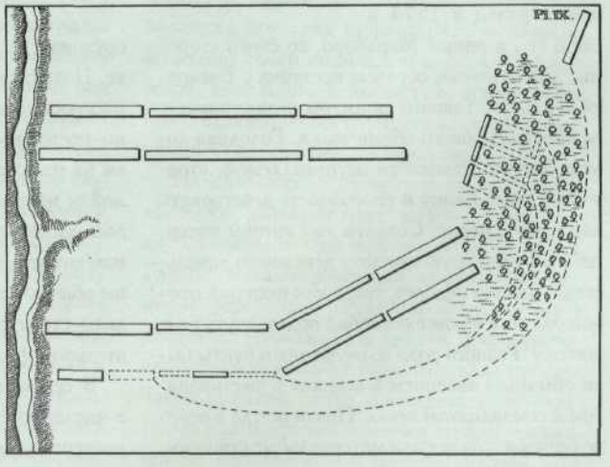
Все военные усилия французов в Баварии пошли прахом в единый день. Урон у Таллара и его баварского союзника составил до 20 000 чел., а еще 14 000 попали в плен: более половины армии. Англичане и имперские войска потеряли 13 000 чел. — они могли позволить себе заплатить такую цену, учитывая итог противостояния. Максимилиан Эммануил отступил к Рейну, отрезанный от своих владений. Принц Евгений развивал успех, осаждая баварские крепости и занимая земли курфюрста. Таллар потерял еще несколько тысяч человек в ходе отступления, так что в верховьях Рейна сохранилось лишь незначительное французское присутствие. Людовик XIV начал год, угрожая Вене, что сулило крах всему делу имперской стороны. 13 августа он потерял армию, а в ноябре лишился союзника. Бавария вышла из альянса с французами. На протяжении оставшегося периода войны войскам Людовика приходилось действовать с баз на левом берегу Рейна. Это ставило их в стратегически невыгодное положение, поскольку австрийские и имперские войска получили возможность создавать опасное положение для Франции с большей легкостью, чем французские армии могли бы угрожать сердцу Австрии.

Полководец в кампании и на поле сражения

Ведение военных действий в ранний период Нового времени обходилось недешево. Укомплектование армии личным составом и обеспечение ее всем необходимым высасывало ресурсы как государства, так и отдельных личностей, в чем сполна убедились те же Марлборо и Максимилиан Эммануил в 1704 г. Поскольку войны в ту эпоху велись на династической почве, важнейшим являлось приобретение территорий. На девять десятых закон жизни общества составляло землевладение, а потому возможность сесть за стол переговоров, «имея в кармане» те или иные территории, города и селения, гарантировало право сохранить за собой значительную их часть после заключения мира. Захват земель обещал финансовые вознаграждения, компенсирующие затраты на ведение боевых действий в ходе конфликта. Битвы — даже успешные — не являлись столь же экономически выгодными и прибыльными, как, скажем, победа за счет способности переиграть неприятеля на маневре и овладеть теми или иными территориями, не прибегая к сражению.

Предпочтение маневра и осады открытой битве в поле превалировало на протяжении всего раннего периода Нового времени. Скажем, тот же Морис фон Нассау дал на протяжении своей карьеры лишь два относительно крупных сражения — под Тюрнхаутом (в 1597 г.) и Ньюпортом (в 1600 г.). Достигнуть победы, избежав решающего боя, представлялось тогда своего рода «высшим пилотажем» в ведении военных кампаний. Маневрирование также сулило значительные территориальные приобретения, поскольку вынуждало врага зачастую очистить от своего присутствия целый регион. Марш Валленштейна из Богемии к Нюрнбергу в 1632 г. заставил Густава Адольфа покинуть Баварию и отойти на север, чтобы не позволить

Представленная тут диаграмма из книги Фридриха Великого, озаглавленной «Военные наставления», иллюстрирует охватный маневр и «многоступенчатый», или «анфиладный», проход с целью неожиданного выхода к вражеским позициям. Фридрих успешно применил такой прием под Лейтеном, разгромив австрийцев в Силезии в декабре 1757 г.

неприятелю перерезать его линии коммуникаций. Последующие передвижения Валленштейна и его вступление в Саксонию послужили причиной вынужденного ухода Густава из Франконии. В ходе войн, которые вел Людовик XIV, успехи его маршала Себастьяна ле-Претра де Вобана, в осадном деле помогли французам овладеть большими территориями, чем подвиги на поле брани иных генералов «короля-солнца».

Полководцы действовали в рамках подобных схем и старались достигать целей, что называется, «малой кровью». Если стороны не вступали в решительные вооруженные столкновения в поле, начиналась война на истощение, в которой всегда существовал риск обескровить собственные государственные ресурсы до того, как удастся принудить врага договариваться. Поэтому представлялось желательным уничтожить побольше материальной собственности противника и разжиться за его счет. Для этого Густав Адольф огнем и мечом прошелся по Баварии в 1631–1632 гг., также опустошил Пфальц в 1674 и 1688 гг., а герцог Марлборо, со своей стороны, аналогичным образом поступил с Баварией в 1704 г. Таковые примеры иллюстрируют важность тылового обеспечения. Голодная армия быстро становится неуправляемой, утрачивает дисциплину и способность действовать как единое целое. Солдаты еще готовы потерпеть нерегулярную выплату денежного довольствия, однако недолго, тогда как нехватка продовольствия и вовсе способна подтолкнуть их к мятежу. Разного рода возмущения и бунты были обычным явлением в войсках в шестнадцатом и семнадцатом веках. Почти всегда в основе беспорядков лежали материальные причины, что иллюстрирует известный афоризм тех лет – «пуэн д'аржан — пуэн де Сюисс» — (*point d'argent, point de Suisse* — т.е. нет денег, нет и швейцарцев), который вполне недвусмысленно давал понять, с какими явлениями рискует столкнуться полководец, не обеспечивающий солдат довольствием. Проблема преодолела рубеж столетий и не перестала давать о себе знать в профессиональных армиях восемнадцатого века, хотя и проявлялась в ином виде. Она выливалась в более, что ли, индивидуальную форму протеста — дезертирство, которое доставляло немало хлопот и побуждало офицеров и унтеров насаждать жестокую дисциплину. Заявления в том духе, что солдат в прусской армии боялся фельдфебеля больше, чем врага, имеют под собой довольно вескую основу.

«Задач у генерала множество. Так, ему надлежит знать, как прокормить войско... как расположить его так, чтобы не пришлось сражаться, за исключением случаев, когда он считает это целесообразным, как строить свои части в условиях самых разных особенностей местности и исходя из общей обстановки, как воспользоваться благоприятными моментами, которые порой выпадают в бою и которые приводят к решающему успеху».

Морис Саксонский,
«Размышления»

Когда стороны принимали решение вступить в битву, генералы выстраивали войска в соответствии с античными традициями, размещая кавалерию на флангах, а инфантерию — в центре. Кавалерия служила «арм бланш» (*arme blanche* — т.е. ударным, или букв. «холодным», оружием. — *Прим. ред.*) в восемнадцатом веке. Подвижность этого рода войск и частичное распространение в нем огнестрельного оружия по-прежнему делали конницу грозным оружием на полях сражений. Куда более медлительной и неповоротливой инфантерии приходилось заботиться о прикрытии уязвимых флангов, которые и обеспечивала ей кавалерия. Битвы обычно открывала конница атакой по крыльям строя с намерением опрокинуть неприятельские фланги.

В семнадцатом столетии армии выросли в численном отношении, а потому генералы развертывали войска глубокими эшелонами. Два или три строя, разделяемые несколькими сотнями метров, позволяли полководцу поддерживать накал сражения на должном уровне, подпитывая подкреплениями передний край. Наличие второго, а часто и третьего эшелона обычно гарантировало, что с крушением первой линии бой не будет проигран и вся армия не погибнет. На целесообразности подобной схемы развертывания частей настаивал Вегеций, так что и тут в боевых приемах нового времени чувствовалось римское влияние.

Приход в пятнадцатом столетии на службу военным пороха и огнестрельного оружия — прежде всего пушек — значительно изменил характер осадного дела и способствовал расширению полей сражений. В шестнадцатом и семнадцатом веках артиллерия, как правило, ввиду большой массы орудий, отличалась низкой степенью подвижности. Там, где пушки позиционировали в самом начале, там они и оставались на протяжении всего противостояния. Густав Адольф был первым, кто стал всерьез экспериментировать с более легкими полковыми орудиями, которые способствовали значительному усилению огневой мощи его пехоты. Крупнокалиберные пушки могли обстреливать неприятеля лишь ограниченное время — до тех пор, пока по мере продвижения своих войск последние не начинали служить в роли прикрытия для врага от поддерживающего огня. Полковые пушки передислоцировались с большей легкостью, однако все равно оставались слишком громоздкими, чтобы всегда поспевать за пехотой в ходе боя. До восемнадцатого столетия найдется немного примеров, когда бы полководец обладал возможностью применять артиллерию как сколь-либо подвижный род войск. В большинстве случаев тяжелые пушки *подготавливали* вражеские позиции перед началом наступления, тогда как легкие служили для умножения огневой мощи полков и особенно хорошо подходили для обороны.

Управление действиями армий в ту эпоху ни в коем случае нельзя рискнуть назвать научным. По мере того, как численность войск на полях сражений все увеличивалась, росли и проблемы контроля. Полководцам приходилось разделять армию на соединения и ставить во главе них подчиненных генералов или военачальников союзников. Хотя обстоятельства не требовали от полководцев личного участия в бою во главе войск, подобная практика служила составляющей частью военной культуры, а потому считалось вполне естественным для офицера на любом уровне, вплоть до самого высокого, увлекать подчиненных личным примером. Постепенно, однако, такие правила стали применяться все реже, и к концу семнадцатого и началу восемнадцатого веков командующие армиями все чаще руководили боем с какого-нибудь удобно устроенного командного пункта.

Полковые знамена позволяли генералам отличать действующие на поле боя части и отслеживать их перемещения там. Те же самые флаги служили и вехами сборных пунктов, куда надлежало стремиться попасть солдатам, отбившимся от своих частей в пылу сражения. С распространением применения пороховых зарядов клубы дыма покрывали все большие и большие участки ареала битвы, затрудняя наблюдение за ней. Вестовые имели крайне важное значение, поскольку от них зависело, насколько ритмично смогут обмениваться приказами и донесениями командиры и их подчиненные или же отдельные формирования между собой. Доставленное несвоевременно распоряжение или инструкция могли подставить под угрозу положение армии в бою. Иногда, впрочем, не полагаясь на посыльных и курьеров, генералы сами скакали в части и поднимали их в атаку или же лично вводили в бой резервы. Так, скажем, в битве при Праге в 1757 г. маршал фон Шверин — видя, как дрогнула прусская инфантерия, — схватил штандарт своей конницы и воскликнул: «За мной, дети мои!» К несчастью, вскоре после этого отважного поступка порывистый военачальник пал, сраженный картечью.

На протяжении раннего периода Нового времени полководцы обычно начинали бой силами всей или почти всей армии. Глубокоэшелонированная оборона, сохранение резервов и отсрочка введения их в действие, возможно, и сулили преимущества, однако отнюдь не гарантировали победы. Часто крупная битва распадалась на отдельные очаги противостояния между сравнительно небольшими формированиями, что приводило к тому, что полководец постепенно

частично или полностью утрачивал способность координировать их действия.

Выбор местности и сооружение полевых укреплений тоже имели огромное значение. Сегодня подобное явление называется умножением сил. Если полководец оказывался в численном меньшинстве или по какой-то иной причине должен был занять оборонительные позиции, ему надлежало грамотно выбрать местность и принять меры для обеспечения флангов, чтобы постараться расколоть силы наступающих и канализировать продвигающегося противника, заставив его выйти в сектор уверенного поражения.

Между тем, перечисленные выше меры лишь повышали шансы на успех, но вовсе не гарантировали его. Петр Великий постоянно применял полевые укрепления и траншеи, начиная с первого — неудачного — столкновения с Карлом XII под Нарвой (в 1700 г.) и до победы русского царя над шведским королем под Полтавой (в 1709 г.). Под Нарвой русская пехота обратилась в бегство под решительными ударами шведов. Под Полтавой армия Петра выдержала натиск противника в укрепленном лагере, при этом внешние форты способствовали изматыванию шведов и снижению их напора, затем русские перешли в наступление с оборонительных позиций, и контратака их увенчалась успехом.

Битвы и сражения давались не просто в этаком вакууме, а являлись частью кампаний. Полководцу приходилось вычислять, стоит ли предполагаемая «чистая прибыль» того, чтобы бросать в огонь ратного пожарища ценные материалы и живую силу. Многие среди прославленных военачальников раннего периода Нового времени вели не так уж много решительных сражений на своем веку, порой — и нередко — случалось, что сезон кампании вообще протекал без крупных столкновений в поле. В восемнадцатом столетии масштабы конфликтов и численность армий сделали битвы относительно менее рискованными.

У ЧИТАТЕЛЯ ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ СРАВНИТЬ этих господ с британскими офицерами на странице 157. Слева находится саксонский офицер-кирасир (тяжелая кавалерия) в защищающей торс кирасе. Фигура в центре — французский маршал с полагающимся военнослужащему этого звания жезлом, а справа — французский же генерал. Обратите внимание на украшения их мундиров, особенно в сравнении с британским фельдмаршалом на приведенной ранее иллюстрации.

Однако в конце концов генерал должен был осознавать верность максимы, сформулированной — возможно, не впервые — прусским военачальником Гельмутом фон Мольтке в его высказывании, сделанном после победы над Австрией в 1866 г.: «Большого успеха в войне не добиться без большого риска».

Россбах, 1757 г. — триумф Пруссии

В отличие от большинства современников, Фридрих Великий не стеснялся отважиться на решительное сражение. Так, в одном лишь 1757 г. он дал четыре крупных битвы: под Прагой, Колином (в Богемии), Россбахом и Лейтеном. Все они, за исключением Россбаха, дорого обошлись сторонам в смысле потерь в живой силе. Историки и по сей день спорят, чего

добивался Фридрих: уничтожения неприятельских войск в битве или же изматывания их, ведь Пруссия оказалась в кольце врагов. В пятидесятые годы восемнадцатого века Мария Терезия, императрица из династии Габсбургов, убедила крупные континентальные державы вступить в коалицию с ней, разгромить прусского монарха и разделить его владения.

В 1757 г. Фридриху угрожала не одна Австрия, поскольку в списках прочих врагов его числились также Россия и Франция. Прусское королевство не располагало таким большим ресурсом живой силы и материальных средств, возможности собрать которые имелись у его оппонентов. Англия приняла сторону короля-солдата, однако участие ее в войне в основном ограничивалось регионом Ганновера и Северной Германии. Два сражения, в которых пришлось участвовать Пруссии в 1757 г., были навязаны Фридриху. Как столкновение под Прагой, так и противостояние под Колином представляли собой следствия попыток австрийцев снять осаду с Праги. Но вот битв под Россбахом и Лейтеном он искал намеренно, стремясь к устранению стратегической угрозы. Сражение под Россбахом играло особенно важную роль в контексте всей кампании. Победа там Фридриха вселила уверенность в подавленного и деморализованного монарха, не говоря уже о том, что она помогла ему отстоять королевство.

ФРАНЦУЗСКАЯ ФОРМА мало чем отличалась от обмундирования солдат и офицеров других европейских армий того периода. На этой иллюстрации мы видим рядового кавалерийского полка Метр-де-Кан (верхом на коне) и офицера из полка Ла-Рен (полк Королевы). Оба вышеназванных формирования принимали участие в боевом соприкосновении под Россбахом.

1757 г. начался для Пруссии довольно обнадеживающе. Оккупация Саксонии в предшествующем году позволила Фридриху весной вторгнуться в Богемию. Уже через несколько месяцев после старта кампании он с войсками стоял у ворот Праги, однако летом удача стала поворачиваться к Пруссии спиной. В мае австрийская деблокировочная армия под началом маршала Брауна приблизилась к столице Богемии. Наскребя войск, Фридрих выдвинулся навстречу Брауну и разбил его в результате кровопролитного сражения, стоившего королю потери любезного друга, маршала фон Шверина.

Спустя месяц для снятия осады с города выступил другой австрийский командующий, Даун. Вновь Фридриху пришлось снимать части, задействованные в осаде, чтобы дать бой австрийскому маршалу. Сражение под Колином носило яростный и отчаянный характер — в ходе боя Фридрих сам едва не попал в плен. Именно там, как принято считать, король-воин, размахивая шпагой, обратился к одному пехотному полку с коротким, но пламенным воззванием: «Мерзавцы! Вы что же, намерены жить вечно?!» Понеся

Музыка имела огромное значение для европейских армий. Дудочники, барабанщики и трубачи задавали мерный шаг полкам. На поле боя, среди грохота орудий, треска ружейных залпов и звона сабель и штыков барабаны и трубы служили средством подачи сигналов, а также воодушевления солдат. Музыкантами служили обычно юноши и подростки, носившие особую форму, которая позволяла отличать их от прочих военнослужащих.

14 000 урона, Фридрих оставил поле битвы врагу, снял осаду с Праги и уполз обратно в Саксонию, зализывать раны. Но ситуация только начинала ухудшаться. Весной 1757 г. в войну вступила Франция, отправившая в Германию огромное войско под предводительством герцога д'Этре.

Одного этого уже хватило бы для того, чтобы схватиться за голову, однако тут вдобавок ко всему Фридрих узнал, что Пруссии придется иметь дело еще и со шведами, а также с русскими. Швеция вступила в союз с врагами Фридриха весной и высадила небольшой контингент в шведской Померании. Русская царица Елизавета также отрядила крупную армию для поддержки альянса. Летом маршал Апраксин двинулся в Восточную Пруссию во главе 100 000 чел., тогда как Фридрих располагал только 30 000.

В кольце врагов

Прусский король искал возможности нанести как можно более чувствительный и решительный удар по своим противникам. После одержанной над ним под Колином победы австрийцы вторглись в Силезию с намерением отторгнуть у Пруссии провинцию, которую за десятилетие до того прибрал к рукам Фридрих. Хотя он и смог выступить на выручку дислоцированной там крошечной прусской армии, для Фридриха представилась более выгодная возможность после того, как Рейн пересекла вторая французская армия численностью в 24 000 чел. под началом Шарля де Рогана (правильнее, конечно же, де Роана, но обычно принято читать и нечитаемую во французском «h» в слове *Rohan*— отсюда Роган. — *Прим. ред.*), князя де Субис. Продвигаясь через Гессен-Кассель во Франконию, Субису предстояло встретиться с генералом Иозефом фон Заксен-Гильбургхаузеном, возглавлявшим райхсармее. В 1757 г. австрийцы стали созывать окружные контингенты для противодействия Фридриху. К концу лета имперская армия насчитывала более 32 000 чел., что, принимая во внимание французское войско, означало двойное численное превосходство коалиции над Фридрихом.

Союзнический план заключался в следующем: Субис и Гильбургхаузен должны были наступать на Саксонию, тогда как французская армия в Ганновере — продвигаться к Бранденбургу, русские же — в Восточную Пруссию, а австрийцы — в Силезию. В октябре французская и имперская армии вступили на саксонские земли. Фридрих воспользовался недостаточно тесным взаимодействием между двумя полководцами, что напоминает нам ситуацию с Вилларом и Максимилианом Эммануилом в 1703—1704 гг. В соответствии с австрийско-французским военным соглашением, Субису предстояло служить в качестве вспомогательных войск для армии Гильбургхаузена. Князя подобное обстоятельство раздражало. Между тем он не имел большого военного опыта, а пост свой получил ввиду высокого общественного положения и связей при дворе. Он еще не был маршалом Франции, и назначение его в 1757 г. командующим являлось следствием расположения мадам де Помпадур, любовницы Людовика XV. Фридрих попробовал было преподнести Помпадур взятку, чтобы та пересмотрела ориентиры французской военной политики, но ничего не вышло. Однако со стороны Ришелье (внучатого племянника знаменитого кардинала. — *Прим. ред.*) — нового командующего французской армией в Ганновере — король Пруссии встретил больше понимания.

В конце октября Фридрих со своей армией поспешил на запад в направлении района действий войск Субиса и Гильбургхаузена, армии которых ужасно страдали от повального дезертирства. В результате неадекватных приготовлений тыловое обеспечение давало сбой, солдаты голодали и подолгу не видели жалованья. Но даже несмотря на это, дисбаланс сил все равно должен был оставаться значительными и мог послужить решающим фактором, если бы коалиционные войска лучше взаимодействовали между собой. Однако же Субис гнул свое и предпочитал переиграть Фридриха на маневре, не давая решающего сражения.

> *«Даже когда полководец поступает осторожно и осмотрительно, он все равно не застрахован от неудачи... Погода, урожаи, офицеры, здоровье или нездоровье солдат, промахи и ошибки... поимка ваших шпионов... и, наконец, предательство. Все эти вещи необходимо никогда не упускать из виду, готовиться к ним (к их воздействию на обстановку), чтобы полоса удач не ослепляла нас».*
>
> *Фридрих Великий,*
> «Военные наставления»

Отсутствие единства в действиях Субиса и Гильбургхаузена предоставляло Фридриху больше шансов *ухватиться* за одно из крыльев французской или имперской армии. Когда пруссаки перешли реку Заале, Субис и Гильбургхаузен, армии которых временно оказались разделенными, поспешили соединиться, дабы не терять численного перевеса. Вечером 4 ноября прусская армия встала лагерем около города Россбах, неподалеку от места дислокации коалиционной армии. Разведчики сообщили Фридриху о скверном положении дел со снабжением у французских и имперских войск, что являлось правдой. Он также узнал, что враг располагает не более чем 41 000 чел., поскольку при Субисе находилась только треть армии Гильбургхаузена, 11 000 чел.

Утром Гильбургхаузен и Субис решили атаковать прусского короля. Вместо того чтобы ударить в лоб, они собирались прикрыть лагерь этакой «ширмой» из пехоты и двинуть основные колонны в обход прусского левого фланга, чтобы застать Фридриха врасплох — разумный и нетипично дерзкий план. В следующем месяце под Лейтеном Фридрих проделает то же самое. Однако между обоими случаями прослеживается довольно заметная разница. Большая часть утра у французского и имперского командований ушла на построения войск в три маршевые колонны. В авангарде (так сказать, в нулевой колонне) находилась австрийская и немецкая тяжелая кавалерия. Первые две союзнические колонны состояли из частей французской армии, тогда как третью вел Гильбургхаузен.

Быстрое реагирование

Прусская разведка установила, что несколько французских батальонов прикрывают лагерь, а тем временем противник явно что-то замышляет. К полудню, однако, сведений о реальных шагах союзнического войска не поступало. Но вот прусский капитан прервал обед Фридриха, поскольку во время наблюдения за французскими батальонами прикрытия перед стоянкой противника обнаружил союзнические колонны, двигавшиеся в обход с целью выхода и удара в левый фланг прусского войска. Фридрих поначалу не придал должного зна-

Битва под Россбахом

1757 г.

Французская армия под началом князя де Субиса маршем проследовала по Франконии на соединение с имперским войском под началом генерала Иозефа Саксен-Гильбургхаузена на саксонской земле. Фридрих решил, что настал час дать бой франко-имперской коалиции. 4 ноября он встал лагерем у Россбаха, напротив армий де Субиса и Гильбургхаузена, как бы приглашая их начать сражение. На следующее утро два полководца задумали претворить в жизнь довольно дерзкий замысел — на маневре обойти левый фланг пруссаков. Прикрыв свои позиции заслоном из пехотных батальонов, армия франко-австрийской коалиции приступила к долгому обходному маршу. Опережая союзнические колонны на километр-другой, скакал авангард. Аванпосты предупредили Фридриха, который быстро передислоцировал всю армию и отправил батальоны вперед навстречу приближающемуся врагу.
Для противодействия союзнической кавалерии Фридрих отрядил генерала фон Зейдлица с прусской конницей. Зейдлиц рассеял вражеские эскадроны и двинулся в обход союзнического правого крыла. Батальоны Фридриха появились на пути у франко-имперской армии, которую уже обстреливали прусские пушки, и, когда та разворачивалась и приводила в порядок свои формирования, обрушили на нее сосредоточенный ружейный огонь. Появление же Зейдлица на правом фланге французов вызвало замешательство в войсках Субиса, и скоро они дрогнули и побежали.

Фридрих выбрал Саксонию как место расположения своей армии после отступления из Богемии, поскольку там он оказывался на центральной — «шарнирной» — позиции в Германии, позволявшей наибыстрейшим образом отреагировать на действия своих многочисленных врагов.

2 Осознав угрозу, которую таит для его фланга маневр противника, Фридрих передислоцирует армию на гору Янус. Он приказывает подтянуть на вершину тяжелые пушки, которые приступают к обстрелу союзнических колонн.

1 Князь де Субис и [illegible] Гильбургхаузен отп[illegible] пехотные колонны в обх[illegible] фланга пруссаков, в двад[illegible] следует крупный контин[illegible] кавалерии.

5 Прусская инфантерия покидает гору Янус и обрушивается на французские батальоны, пока те еще не развернулись в боевые шеренги из маршевых колонн. Те же части, которые успевают построиться, подвергаются губительным огневым залпам пруссаков.

3 Командующий прусской кавалерией генерал Зейдлиц перехватывает и рассеивает союзнический авангард.

6 Кавалерия Зейдлица появляется на французском фланге, атакует и обращает в бегство дислоцированные на этом участке части французской армии.

4 Зейдлиц собирает разбросанные после атаки эскадроны воедино и ведет их в обход для удара по союзническому флангу.

чения докладу капитана, когда же другие офицеры стали являться с аналогичными сведениями, король встревожился. Видя, что прусские позиции находятся под угрозой и что конный австрийский авангард уже выходит перпендикуляром ему во фланг и в тыл, Фридрих приказал генералу фон Зейдлицу, командующему кавалерией, всеми ее силами ударить на союзнические эскадроны. Передислокация прусской армии показывает чрезвычайную важность решительного лидерства, а также все плюсы дисциплинированной, профессиональной армии, которой довольно легко управлять в случае возникновения кризисной ситуации.

Когда Зейдлиц повел в бой кавалерию, прусская инфантерия приступила к передислокации. Фридрих воспользовался особенностями топографии местности. Сразу же в тылу у его войск и по косой к союзническим колоннам располагалась гора Янус. Он приказал выкатить на вершину тяжелые орудия, которые приступили к обстрелу французов с дистанции около двух километров. Батальоны его тем временем развернулись влево со скрупулезной точностью и маршем двинулись на новые позиции на возвышенностях. Менее полутора часов минуло с того момента, как Фридрих прервал обед и до того, как завершилась полная переброска всей армии. Прусская артиллерия заговорила около 15.15, а вскоре за тем из-за горы Янус появилась кавалерия Зейдлица. Союзническая конница все еще следовала походной колонной. Зейдлиц бросил в бой 38 эскадронов. Застигнутые врасплох, лишь немногие австрийские конники смогли оказать должный отпор атакующим. Разгорелся ожесточенный бой, в котором прусской кавалерии скоро удалось решительно рассеять союзнические эскадроны. Когда враг побежал, Зейдлиц стал собирать полки, продемонстрировав превосходную подготовку и выучку солдат и собственное полководческое мастерство. Когда прусская инфантерия зашагала по склону в направлении французской, Зейдлиц перегруппировал полки

Фридрих Великий обращается к своим генералам в утро сражения под Лейтеном, 5 декабря 1757 г. Сложности с поддержанием коммуникации между командным центром и действующими на поле частями в ходе битвы требовали от военачальников ясного и четкого понимания приказов, отдаваемых зачастую ночью или же утром накануне фактического боевого соприкосновения с противником. Когда армия выступала с исходных позиций, изменить что-либо бывало уже довольно трудно.

и отправил их в широкий охватный фланговый маневр против правого крыла французов за городки Позендорф и Тагеверден.

После того как прусские батальоны спустились с горы Янус, союзники не имели возможности наблюдать за их продвижением из-за впадины между своими позициями и позициями прусской армии. Впервые они увидели прусскую пехоту у себя по фронту, когда крайние левофланговые батальоны ее развернулись вправо, выходя в лоб на французские колонны. Вскоре появились центр и правое крыло армии Фридриха. Лишь только семь французских батальонов успели построиться до того, как прусская пехота перешла в атаку, залп за залпом обрушивая град пуль на союзнические колонны. Французские части дрогнули.

Синхронность действий — все или почти все на поле боя. Пока инфантерия наносила огневые удары по противнику, кавалерия Зейдлица появилась на правом фланге французов. Бросок тяжелой конницы прусских эскадронов рассеял уже и без того смятенную армию неприятеля. В считаные мгновения Субис утратил последние возможности контролировать ситуацию. Гильбургхаузену повезло больше, поскольку имперские части следовали в тылу. У него хватило времени для выстраивания батальонов в линию, но не для того, чтобы победить, а чтобы прикрыть отступление разгромленных французов. Тем временем огонь прусской пехоты и залпы артиллерии пробили бреши в порядках Гильбургхаузена. Батальоны из Гессен-Дармштадта стояли под губительным огнем, обеспечивая отход союзникам. Зейдлиц вновь приказал кавалерии устремиться на врага, чем совершенно лишил имперские войска желания продолжать бой; они смешались и побежали.

К 5 часам вечера боеспособных французских солдат как организованной силы на поле не осталось, а Гильбургхаузен ушел с остатками потрепанных частей. Фридрих не просто выиграл в битве, результаты ее помогли изменить стратегическую обстановку, которая так угнетала прусского короля все лето. Сражение стоило Фридриху 500 чел. Для французской и имперской партии все измерялось большими на порядок числами: 5000 убитых и раненых и еще 5000 пленных. Вместо того чтобы уходить на зимовку, Фридрих решил быстро выдвинуться против австрийцев в Силезии. Спустя месяц, вновь действуя в меньшинстве, он сумел как следует встряхнуть австрийскую армию под Лейтеном, записав себе в актив еще одну блестящую победу. Фридрих мог вновь считать 1757 г. хорошим годом для Пруссии. Как ни странно, но год выдался не таким уж скверным и для де Субиса, который свалил всю ответственность за поражение на Гильбургхаузена. В следующем году князь получил маршальский жезл и новую армию. В эру Людовика XIV он вполне мог бы дорого заплатить за неудачи, как тот же Таллар после Бленхейма, однако то была эпоха Людовика XV, а дружба и расположение мадам Помпадур стоили куда больше, чем какая-то проигранная битва (в 1758 г. де Роган одержал две победы — под Зондерхаузеном и Люцельбургом, — так что он не был таким уж бездарным полководцем, как выходит у автора. — *Прим. ред.*).

Заключение

К середине восемнадцатого столетия институционализация войны подтолкнула страны к систематизации и регламентации своих военных систем. Стало очевидным, что в эпоху Просвещения маршалы, генералы и офицеры должны считать военное образование основополагающим базисом своей профессии. Началось систематическое изучение истории войн, появились военные училища и академии, а тот же Фридрих Великий произвел на свет несколько работ, способствовавших постижению его офицерским корпусом «науки побеждать». Однако профессионально обученные военные, которых находим мы в немецких армиях, пока оставались довольно редким видом. Несгибаемость Пруссии и неудачи Франции в Семилетней войне вынудило Людовика XV к проведению значительных военных реформ, которые среди прочего открыли дорогу в офицерский корпус представителям неблагородных сословий, обеспечив им возможность учиться в военных школах и академиях. Продуктом преобразований стал хорошо образованный профессиональный офицерский корпус, из рядов которого в скором времени выдвинулись военные лидеры революционной и наполеоновской Франции.

Глава четвертая

Осадное дело

Осадные пушки появились в Европе впервые в середине четырнадцатого столетия, что в последующие века привело к революционным переменам в приемах ведения войн, а особенно осадного дела. Ответом на применение артиллерии и на все большее усложнение осадных технологий стало строительство целых комплексов бастионов и внешних редутов.

Случись профессиональному офицеру-артиллеристу более поздней эпохи попасть в эру первых осадных пушек, он, наверное, покачал бы головой, пораженный примитивностью и нескладностью ранних орудий. Осадные пушки в те времена представляли собой просто-напросто кованые металлические трубы, смонтированные на жестких деревянных лафетах, если такое слово вообще применимо к незатейливым станкам. Стреляли такие орудия металлическими ядрами или камнями. Рассуждать о дальности огня, его меткости и скорострельности пушек не представляется целесообразным, все эти показатели — особенно точность боя — были, мягко говоря, весьма условными. Следовательно, в четырнадцатом и в начале пятнадцатого столетия у людей отсутствовали подлинные мотивации к совершенствованию систем укреплений, как и просто зданий. Стены крепостей и замков продолжали оставаться

Картина Франца Геффлера посвящена теме осады Вены в 1683 г., когда турецкие войска великого визиря столкнулись с необходимостью преодолевать героическую оборону жителей и гарнизона в защищенном мощными укреплениями городе. Своевременный подход армии герцога Лотарингии и польских войск короля Яна Собеского привел к полному разгрому османского войска и избавлению Центральной Европы от угрозы вторжения, многими десятилетиями висевшей над ней.

высокими, относительно тонкими — построенными с расчетом выдерживать усилия противника, штурмующего их при помощи лестниц и осадных башен.

Средневековая пушка представляла собой этакое неповоротливое чудище, транспортировавшееся в район боевого применения на телегах, а затем выводившееся на огневые позиции усилиями людей и лошадей. Применять такие орудия в военных действиях, к которым хоть в какой-то мере подходило бы определение «подвижные», не представлялось решительно никакой возможности, а потому изначально пушки использовались как осадное оружие для взятия замков, крепостей и укрепленных городов. Положение изменилось, когда французы — а они выступали новаторами в этой области — изобрели так называемый осадный поезд — подвижный (по тогдашним понятиям) и обладающий огромной огневой мощью.

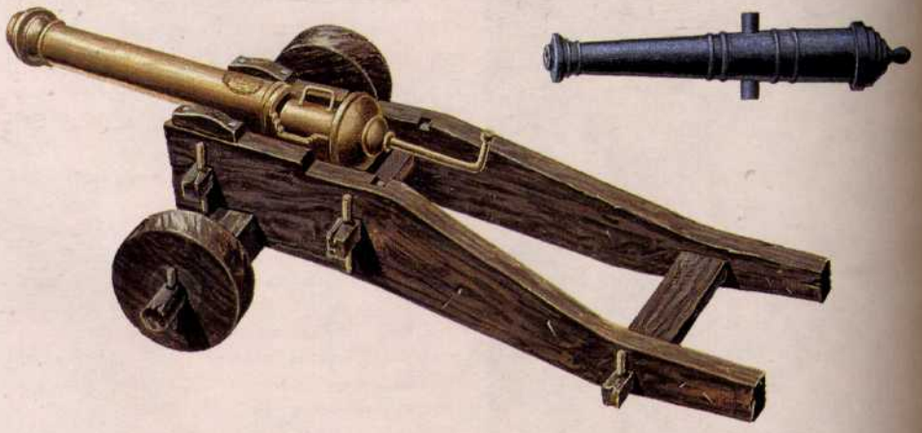
Французская артиллерия

Конструкцию французской пушки можно было смело назвать передовой, если не революционной. Цельный бронзовый ствол имел в длину около 2,5 м. Для удобства транспортировки он устанавливался на деревянный лафет, приводившийся в движение довольно скромной упряжкой лошадей. Обеспечение изрядной доли подвижности артиллерии дало французам беспрецедентные преимущества в ходе наступательных действий, когда они развернули военную кампанию в Италии в 1494 г.

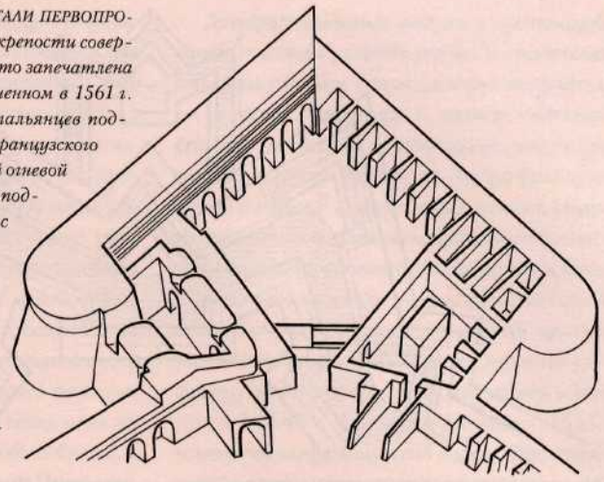
Однако кроме подвижности имелись и другие плюсы. Ствол закреплялся на станке не жестко, он стоял на штырях, отливавшихся вместе с ним и находившихся немного впереди точки центра тяжести, почти прямо над двухколесным лафетом, что позволяло легко производить вертикальную наводку орудия. Горизонтальная наводка осуществлялась путем подъема сошки лафета и перемещения его влево или вправо. В отличие от неповоротливых средневековых «железных труб» такая пушка представлялась высоконоваторской конструкцией, которая претерпела не так уж много изменений вплоть до конца девятнадцатого столетия. Французская пушка позволяла легко транспортировать ее силами конной упряжки на большие расстояния в сравнительно непродолжительные сроки, выводить на огневые позиции и приступать к боевой работе сразу же после прибытия в район назначения. Подобную пушку представлялось возможным использовать не против основания стены, как большинство средневековых пушек, но — за счет большего угла вертикальной наводки — вести огонь по кромке стены.

Однако, кроме того, французы — демонстрируя профессиональный и доскональный подход, которому спустя два столетия предстояло привести к рождению инженерно-саперного корпуса, — считали, что обслуживать пушки надлежит специально обученным

Типичные бронзовые пушки, применявшиеся в европейских кампаниях на протяжении 16-го столетия, имели ствол длиной около 1,25 м. Такие орудия стали широким шагом вперед по сравнению с пушками предшествующих веков, отличавшимися чрезвычайной неуклюжестью и отсутствием возможности легко менять углы горизонтальной и вертикальной наводки ствола.

Итальянцы, со своей стороны, стали первопроходцами в области строительства крепости совершенно новой конструкции, как та, что запечатлена тут на рисунке Дж. Дзанки, выполненном в 1561 г. К разработке таких форпостов итальянцев подтолкнуло развитие артиллерии «французского типа», обладавшей сокрушительной огневой мощью, а также заметной степенью подвижности. Стены клались под углом с заметным наклоном, призванным ослаблять эффективность воздействия пушечного огня на их поверхность. С внутренней стороны стен возводились массивные каменные опоры, повышавшие сопротивляемость и степень выносливости стен под артиллерийскими выстрелами.

и подготовленным людям. И здесь вновь наблюдался отказ от устаревших методов и приемов. Пушкари, канониры, или артиллеристы, во французской армии являлись корпусом наиболее профессиональных военных.

Карл (или Шарль) VIII вторгся в Италию ближе к исходу 1494 г. с приличным по размеру войском, в состав которого входил и крупный современный осадный поезд, укомплектованный специально обученной применению пушек прислугой и возглавляемый грамотными офицерами. Итальянцы были неприятно поражены, когда увидели, что форты и укрепленные города, на осаду которых прежде уходили месяцы, теперь падали к ногам французов за считаные дни или даже часы. К январю 1495 г. Карл VIII овладел Флоренцией, Римом и — в конечном итоге — Неаполем (такими успехами Карл был обязан не только и не столько новаторству в осадных технологиях, сколько незначительному противодействию, которое он поначалу встречал в Италии. — *Прим. ред.*).

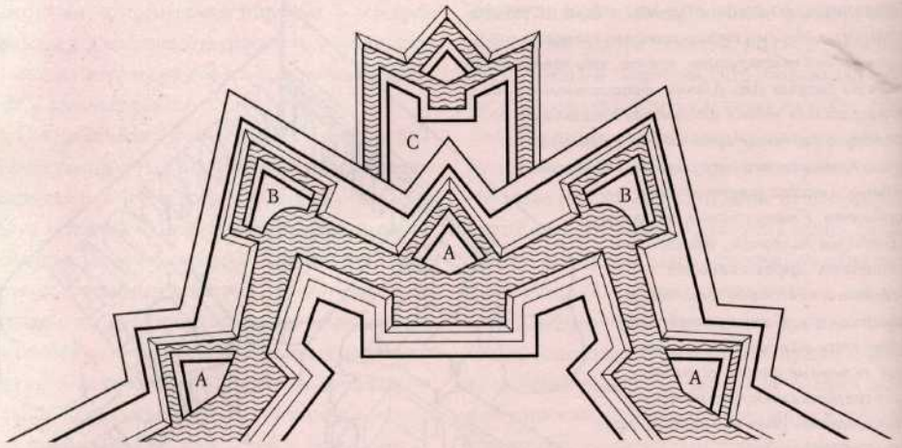
Итальянский форт — «противоядие» против новой осадной артиллерии

Когда первый испуг, вызванный у итальянцев вторжением «северных варваров», пошел на убыль, они быстро нашли способ противостоять неприятелю за счет усовершенствования укреплений и применения собственной артиллерии против французов. Шок кампании 1494–1495 гг. уверенно качнул стрелку весов успеха в пользу осаждающих. Строительство новых укреплений позволило итальянцам выровнять баланс.

Средневековые стены отличала заметная высота и сравнительная тонкость. Для тяжелых крупнокалиберных пушек подобные цели служили просто-таки подарком судьбы. Немедленным ответом могло стать сооружение на переднем крае низких и толстых земляных брустверов, которые бы могли выдерживать артиллерийский огонь и помогать сохранять более высокие стены замков. Чтобы уберечь такие брустверы от захвата силами отрядов штурмующих, поверху сооружались деревянные палисады, оборону за которыми держали отборные воины.

Однако подобного рода полевые укрепления служили лишь временным решением, поскольку — особенно в условиях небрежения поддержанием их в боеспособном состоянии — быстро приходили в негодность, в особенности потому, что палисады имели тенденцию прогнивать под воздействием влаги. Совершенно очевидно, приходилось думать о замене старых средневековых каменных крепостей современными также каменными фортификациями, однако все это требовало огромных средств и массы труда инженеров и рабочих.

Итальянские архитекторы отвергли прежние средневековые закругленные башни в пользу четырехсторонних ангулярных бастионов с двумя внешними фасами. Бастионы предоставляли целый ряд преимуществ. Они позволяли вести нечто вроде круговой обороны, простреливая продольным огнем рвы, а

Эти голландские земляные укрепления представляют собой имитацию итальянских и датируются ранними годами 17-го столетия. Фортификации многоуровневые и включают в себя отдельные равелины, или вспомогательные бастионы (A), люнеты (B) и сложные бастионы в форме трезубца (C).

кроме того, перед ними не создавалось этакое «мертвое поле», как перед средневековыми циркулярными башнями. По фасам выступа можно было разместить в большом количестве артиллерийские стволы, способные служить источником поддерживающего огня для соседних бастионов. Таким образом, при внедрении бастионов снижалась потребность непременно заботиться об их самостоятельном огневом прикрытии на коротких дистанциях, как в случае с большинством укреплений в прежние времена (надо все же заметить, что в прежние времена башни строились с учетом оказания защитниками взаимной поддержки, просто средства этой поддержки изменились, расстояние между башнями соответствовало дистанции действительного «огня» из лука. — *Прим. ред.*). Такие похожие на молотки бастионы становились мощными самодостаточными фортификациями. При большой их концентрации предоставлялась удобная возможность простреливать сообщающиеся участки сосредоточенным артиллерийским огнем.

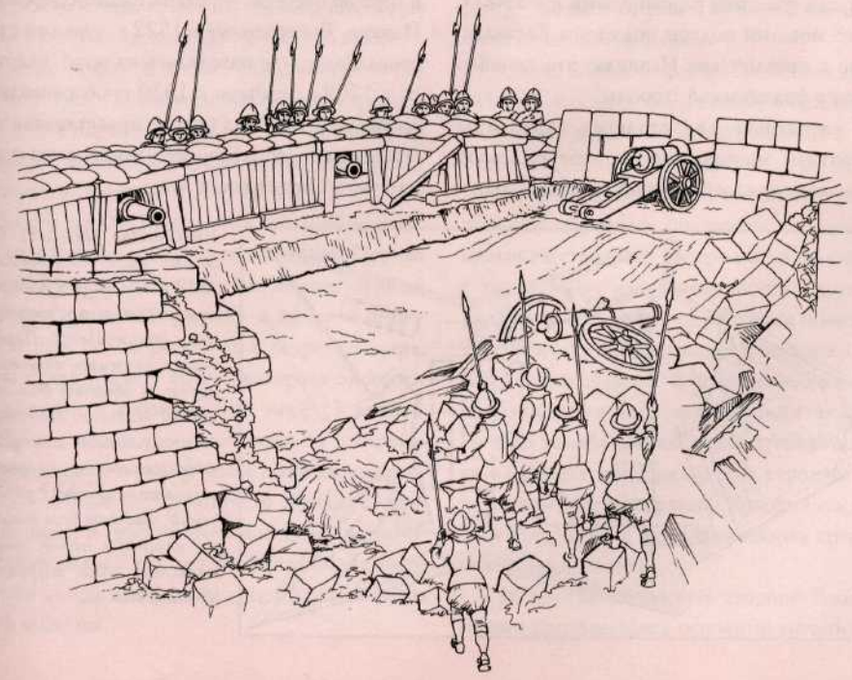
Вновь отстроенные укрепления города Вероны могли служить своего рода образцом передовой военной архитектуры раннего периода Нового времени. Однако итальянские инженеры не позволяли какой-то особой системе или модели закабалить себя и заставить слепо следовать ей, а потому создавали фортификации, приноравливаясь к топографии и условиям местности в каждом отдельном случае. Когда венецианцы воздвигли главную крепость в Кьодже, что в южной оконечности Венецианского залива, фортификации ее, в отличие от веронских, окружали не массивные каменные валы, а наполненные водой широкие рвы.

Примерно к 1497 г. генуэзцы «дебютировали» представлением треугольных земляных укреплений, называвшихся равелинами и призванных прикрывать ворота и слабые участки стен, т.е. играть ту же роль, что играл некогда средневековый барбакан (или барбикан). Скоро стало очевидным, что равелины могут служить неплохой защитой и на всем протяжении куртины. Таким образом, равелины представлялось возможным применять для защиты бастионов — оказания им поддерживающего огня — или же строить на регулярных интервалах перед внешней стеной для обеспечения дополнительной ее обороноспособности. Для повышения надежности оборонительных сооружений использовался третий пояс крытых галерей, расположенных на подходе к внешнему ряду стен и защищенных рвом — сухим или же наполненным водой. На таких фортификациях могли укрываться мушкетеры, ведущие огонь по штурмующим, также укрепления эти обладали способностью играть роль защищенных исходных позиций для пехотной контратаки — вылазки. Так крепости быстро вновь вернули себе былую славу грозных сооружений и обрели готовность оказывать достойное сопротивление артиллерии осаждающего войска.

Новая система итальянских фортификаций доказала свою работоспособность. (Суть подобных укреплений вообще состояла в том, чтобы держать вражескую артиллерию со свойственной ей способностью разрушительного воздействия на оборонительные укрепления на почтительном расстоянии и не позволять сократить его настолько, чтобы дать пушкам возможность нанести крепости серьезный урон. — *Прим. ред.*) В 1500 г. франко-флорентийская армия приступила к осаде Пизы, рассчитывая быстро овладеть городом после того, как свое веское слово скажет французская артиллерия, обрушив всю мощь огня на стены города. Скоро удалось пробить брешь, и французы ожидали легкого взятия Пизы, чтобы предать ее мечу и разграблению. Однако защитники города заготовили неприятный сюрприз для французов. Позади бреши они прокопали ров, а за ним воздвигли так называемую ретирару (*retirara*) — дополнительный оборонительный вал. Когда французы бросились на штурм через пролом, они с удивлением обнаружили, что перед ними стоит еще одна стена. Несколько попыток прорваться через этот заслон не возымели действия, поскольку пехота с холодным оружием, мушкетеры и артиллеристы обороняющихся держались стойко, всякий раз отбрасывая штурмующих.

Деморализованные упорным противодействием, высоким уровнем потерь и отсутствием надежды сломить сопротивление неприятеля на ретираре, французы — прежде считавшиеся непобедимыми — проиграли, вынужденные снять осаду. Девять лет спустя французов ждало подобное же фиаско под стенами Падуи, жители которой взяли на вооружение приемы и технологии, опробованные защитниками Пизы. Совершенно очевидно — форты *нового типа* приводили к нейтрализации усилий артиллерии *нового типа*. Получившие хороший урок французы усвоили то, чему научились в Италии, и в 1543 г. Франсуа д'Ангулем, с 1515 г. известный как французский король Франциск I, нанял сотню итальянских специалистов для строительства фортификаций их конструкции по рубежам разросшегося королевства.

На представленном здесь рисунке мы видим, как осаждающие, прорвав оборонительный рубеж крепости, к своему большому удивлению столкнулись со вторым заслоном на, казалось бы, уже расчищенном для них пути в город. Таким образом поступали в ходе осад в 16-м столетии итальянцы, которые первыми начали создавать дополнительные импровизированные линии обороны позади капитальных укреплений, называвшиеся ретирарами. Как показано на иллюстрации, состояли такие преграды из земляных валов с деревянными палисадами и мешков с песком или землей.

Турецкий подход к минированию

Если говорить об осадной артиллерии у турок, то она в описываемый период оставляла желать лучшего, чего нельзя сказать о саперном деле. Опытные гражданские шахтеры, особенно сербы, привлекались османами для минирования — прокладки подземных туннелей. Ночью такой сапер запускал в подножье стены «маркер» — камень с тонкой веревкой, посредством применения которой замерялось расстояние до цели, что помогало точно определить длину будущего туннеля. С помощью отвеса у входа в туннель и установленной в рабочем конце его зажженной свечи минеры корректировали направление и глубину коридора, следя за тем, чтобы он получился прямым и ровным.

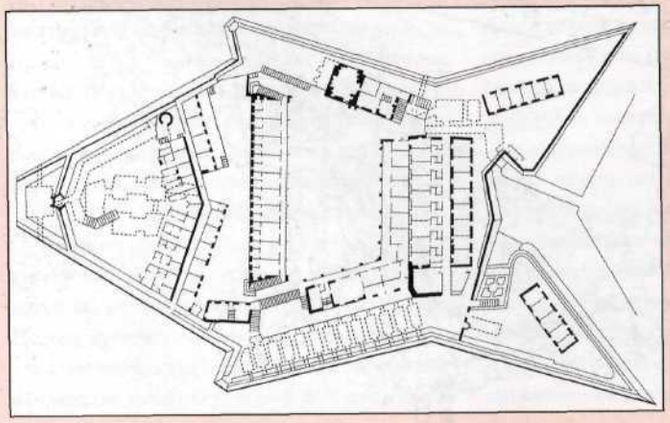
Европейцы тоже зарекомендовали себя как отличные минеры, кое-чему научившиеся и у турок. В 1500 г. турки заняли венецианский остров Кефалония и Ионические о-ва и разместили сильный гарнизон в крепости Сан-Джорджо. Педро Наварро, служивший Венеции испанец, перенял искусство турок, сумев применить его для подрыва бастионов форта. Затем Наварро участвовал в войне соотечественников в Италии (Испания с 13-го века вела борьбу с французами за южные области Апеннинского полуострова и Сицилию. — *Прим. ред.*), где сражался с французами и в 1503 г. подвел мощный подкоп под стены Кастелло-Нуово в предместьях Неаполя, что вызвало панику у французской стороны.

В следующие два столетия европейцы превратили минирование в неотъемлемую составляющую своей осадной стратегии, однако труды величайшего французского инженера Себастьяна ле-Претра де Вобана способствовали настоящему расцвету осадных поездов и саперного дела.

Мальта 1565 г. — неудачная осада, которая спасла Европу

Начиная с 1453 г. — года падения Константинополя — и до осады Вены в 1683 г., ужаснувшаяся мощи врага Европа жила в страхе перед экспансией грозного азиатского соседа — Османской империи. И тем не менее европейцы довольно вяло реагировали на наступление турок через Балканы, на унижение королевства Венгрия, разгромленного в решающей битве при Мохаче в 1521 г.; ничто, казалось, не могло вывести Европу из апатичного оцепенения.

В Средиземноморье, впрочем, враг встречал противодействие со стороны возглавляемой папством Католической лиги (автор, очевидно, допустил вольность и имел в виду Священную лигу, которых существовало, по меньшей мере, две, организованные в конце 15-го и начале 16-го века, Католическая же лига — продукт более позднего времени, начала 17-го столетия и религиозных войн протестантов с католиками. — *Прим. ред.*), Испании и Венеции, а также — и, возможно, в первую очередь — ордена госпитальеров св. Иоанна. Вытесненные в 1522 г. турками с острова Родос, где находилась их штаб-квартира с 1309 г., рыцари к 1530 г. обосновались на Мальте. Эскадра ордена представляла собой постоянную угрозу мусульманскому судоходству в Средиземном море.

Небольшая крепость Св. Эльма была построена в 1552 г. испанским военным инженером и архитектором, доном Педро Пардо, чтобы служить ключевым пунктом обороны Большой гавани Мальты. Несмотря на изощренность конструкторского замысла, крепости не хватало внешних укреплений, что делало ее довольно уязвимой перед лицом навесного огня турецкой артиллерии.

Султан Сулейман «Великолепный» твердо вознамерился сокрушить орден как военную силу и источник опасности линиям коммуникаций турецкой империи в центральной части Средиземного моря, для чего предстояло захватить Мальту. Как стратегическая база, остров, расположенный южнее Сицилии и Неаполитанского королевства, послужил бы плацдармом для вторжения в Италию и в любом случае мог, находясь в руках турок, изрядно поспособствовать делу священной войны султана против христианской Европы. Если султан рассчитывал, что кампания станет чем-то вроде прогулки длиной в несколько недель, в ходе которой его непобедимые войска захватят еще одну крепость, что же, значит, Сулейман сильно ошибался, и его доселе не знавшие поражений войска ждал неприятный сюрприз. В военном деле — особенно в том, что касается осад — побеждает часто тот, кто более упорен и исполнен отчаянной решимости биться до конца, каким бы горьким ни обещал стать этот конец, кто идет на все, что в силах и даже не в силах человека, чтобы выстоять и не покориться. Чтобы выдержать осаду, требуется также настоящий вожак — лидер, который наделен качествами предводителя и талантом военного. Рыцари-госпитальеры и население Мальты нашли такого человека в лице великого магистра ордена шевалье Жана Паризо де ля Валетта. Еще молодым человеком де ля Валетт принимал участие в обороне Родоса и был полон решимости скорее умереть, чем сдать Мальту врагу, которого опасался и ненавидел в одинаковой мере (1 января 1523 г. рыцари покинули Родос по условиям соглашения с турками после полугодовой осады. — *Прим. ред.*). Магистр обладал огромной волей и стремлением победить, которые потребовались ему все без остатка для того, чтобы не спасовать перед лицом грозной военной машины.

> *«Если вы намерены овладеть хотя бы средней крепостью, то приготовьте двадцать четыре тяжелые пушки, шесть или семь кулеврин... (дальнобойных пушек. — Прим. ред.) и 5000 пудов пороху».*
>
> *Герцог де Гиз*

Веря в своих рыцарей и в мальтийцев, великий магистр распорядился об укреплении уязвимых участков острова и реконструкции существующих фортификаций. Де ля Валетт сфокусировал основное внимание на обороне Большой гавани, расположенной на юго-восточной стороне. Основными укреплениями, на которых предстояло разыграться ожесточенным схваткам с врагом, были крепость Св. Эльма на оконечности Шеберрского полуострова (это такой длинный и узкий гористый выступ, «язык», на котором, собственно, и находится столица теперешней Мальты. — *Прим. ред.*). Построенный в 1552 г. испанским инженером (Мальту госпитальерам и дал испанский король римский император Карл V. — *Прим. ред.*), форт св. Эльма не просто служил преградой на пути к полуострову, но и прикрывал вход в гавань Марсамуетто. Небольшой форт в виде четырехконечной звезды (так написано у автора, хотя рисунок не позволяет назвать шаблон четырехконечным. — *Прим. ред.*) с высокими стенами из блоков известняка стоял на монолитной скале.

Однако слабость форта Св. Эльма заключалась в его местоположении, поскольку он находился в низине по отношению к горе Шеберра(с), откуда турки могли бы обстреливать форт артиллерией с господствующих позиций. Крепость построили из довольно низкокачественного материала из-за спешки, а также ввиду недальновидности архитектора. Кроме того, он не позаботился о внешних укреплениях в форме рва, контрэскарпа или же равелина, который — или которые бы — прикрывали ядро аванпоста от усилий атакующих. Приняв на себя бразды руководства обороной, де ля Валетт распорядился о строительстве контрэскарпа и равелина, которые соединялись с основными фортификациями крепости подъемным мостом.

На противоположной стороне Большой гавани располагались основные мальтийские

Осада Мальты

1565 г.

Османское командование совершило крупную ошибку, не сосредоточив усилия огромного по меркам задач операции войска, насчитывавшего 40 000 чел., на оборонительных сооружениях Мальты, окружавших Большую гавань, избрав в качестве главной цели маленький внешний форпост — крепость Св. Эльма, под которой контингент вторжения увяз на долгие недели. Вследствие чрезмерной уверенности в успехе и недооценки решимости гарнизона и его воли к борьбе нападающие не позаботились об оборудовании огневых артиллерийских позиций на господствующих высотах. Участок, который в противном случае заслуживал бы лишь непродолжительных боев, превратился в камень преткновения для гигантской армии и стал местом наиболее ожесточенных схваток на протяжении всего сражения за Мальту. Все это подарило ордену драгоценное время, необходимое для подготовки главных оборонительных позиций, способствовало снижению боевого духа турецких частей и изматыванию их в пожирающем время и силы противостоянии, продлившемся два долгих месяца (имеется в виду не вся осада, а действия на данном участке. — *Прим. ред.*). Когда же турки наконец переключились на Биргу и Санглею — ключевые укрепленные пункты, — было уже слишком поздно. Боевой дух упал, а генеральный штурм, развернутый 18 августа, провалился.

Остров Мальта расположен в центральном районе Средиземного моря, что обеспечивает владеющим им войскам важную стратегическую позицию на равном удалении от подчиненной испанцам Сицилии и от североафриканской османской провинции Триполитания (в сегодняшней Ливии).

укрепления. Биргу (в настоящее время Витториоза, т.е. Победоносный/ая. — *Прим. ред.*) служил главной крепостью, в которой хранились запасы продовольствия и военных материалов, заготовленные на случай продолжительной осады. Могучие оборонительные сооружения выходили на юг и состояли из каменного рва и четырех бастионов и полубастионов. Отделенный от Биргу узким, наполненным водой рвом, рядом располагался форт Св. Ангела, где сосредотачивались артиллерийские орудия, позволявшие обороняющимся господствовать над Большой гаванью. За узким Греческим доком находилась Санглея (*Senglea* — название явно дано в честь предшественника де ля Валетта, магистра Клода де ля Сангля [*Claude de la Sengle*], основавшего крепость в 1554 г.. — *Прим. ред.*). Как и Биргу, Санглея представляла собой укрепленный городок, прикрытый с юга фортом Св. Михаила. За краткое время де ля Валетту удалось привести в порядок оборонительную систему Биргу и Санглеи. Для несения гарнизонной службы на всех этих протяженных сооружениях он располагал 600 рыцарями и 7000—8000 воинов мальтийского ополчения. В качестве последней меры оборонительного характера де ля Валетт распорядился о разрушении всех построек за пределами стен, в результате чего местность становилась совершенно голой, врагу было негде закрепиться, а кроме того, на ней отсутствовали крестьянские хозяйства, и, значит, турки лишались источника пополнения продовольствия и дарового труда.

Надо сказать, что все меры были приняты очень вовремя, поскольку не успели приготовления завершиться, как 18 мая 1565 г. на горизонте появился крупный османский флот почти из 200 кораблей с 40 000 солдат на борту (включая 6300 чел. элиты — янычар). На следующий день турки, не встречая противодействия, высадились на южном берегу Мальты.

Махмуд-паша и его коллега из турецкого ВМФ, адмирал Пали-паша, в самом начале осады Мальты совершили три фатальных оперативно-тактических просчета. Они высадились слишком далеко от главных целей и, не захватив слабо укрепленную Мдину, позволили христианам наносить удары по протяженным линиям коммуникаций, пролегавшим от берегового плацдарма к районам боевых действий. Но первоочередная ошибка состояла, однако, даже не в этом, а в том, что турки сфокусировали основные усилия на атаках форта Св. Эльма, а не на том, чтобы сконцентрировать свои огромные ресурсы на разгроме Биргу и Санглеи. Турки рассчитывали взять форт Св. Эльма в считаные дни, но их ожидал крайне неприятный сюрприз.

Османы сконструировали парапет на высотах напротив форта св. Эльма, разместив там две 60-фунт., десять 80-фунт. пушек и одну тяжелую мортиру, стрелявшую мощным сплошным выстрелом массой 73 кг (160 фунтов), и 24 мая приступили к обстрелу христианской батареи. Турки применяли в качестве снарядов куски мрамора, камни и чугунные ядра, однако большого ущерба врагу нанести не могли.

Сулейман, которому не нравился характер течения осады, послал навести порядок 80-летнего Драгут-пашу, бея Алжира и предводителя североафриканских пиратов. Драгут поразился тем ошибкам, которые сделали Махмуд и Пали, особенно в той части, что касалось штурма форта Св. Эльма. Рассудив, что теперь уже все равно слишком поздно менять точку приложения сил, Драгут велел установить фланговую батарею на высоте для ведения перекрестного огня по крепости Св. Эльма и соорудить стену для прикрытия собственных войск.

Турецкое командование вовсе не хотело оставаться на вторых ролях в шоу алжирца и бросило в массированный штурм укреплений Св. Эльма янычар. Защитники форта задействовали против турок весь имевшийся у них оборонительный арсенал, включая «греческий огонь» — горшки с адской смесью из селитры, серы, дегтя, нашатыря, смолы и скипидара. Воспламеняемые за счет запальных шнуров, снаряды сбрасывались на неприятеля или ими стреляли в него из мушкетов. Тягучая и стойко горючая жидкость вела себя при применении примерно так же, как изобретенный в двадцатом веке напалм. Огонь, который практически не представлялось возможным потушить иначе, как закидав песком, пожирал одежду, кожу и волосы. Вершиной изобретательности служили огненные бугели из дерева, вымоченного в конъяке и масле и покрытые материалом (х/б или шерстью), также пропитанным маслом и припорошенным селитрой и порохом. Развевающиеся одежды янычар служили идеальным объектом для применения подобного оружия; воздух наполнился запахом спаленной человеческой плоти. Атака обошлась туркам в 2000 чел.

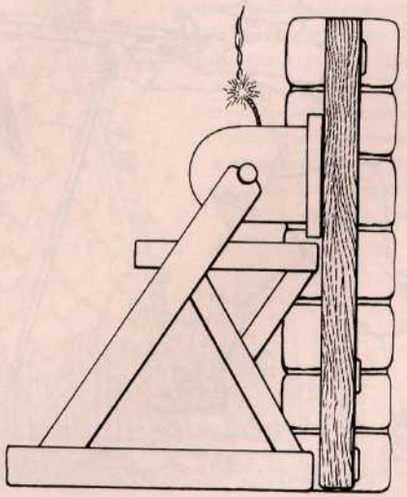
Приближенные побуждали великого магистра оставить подвергавшийся мощным обстрелам форт Св. Эльма, однако ничто не могло поколебать решимости де ля Валетта продолжать держать крепость любой ценой. Он отстранил от командования дрогнувших сердцем рыцарей, послал подкрепления и потребовал, чтобы комендант форта, Луиджи Бролья, бился с врагом до смерти. Де ля Валетт знал, что каждый день осады Св. Эльма подтачивал силы врага, давая больше времени на подготовку и увеличивая шансы на приход помощи. 7 июня турецкая артиллерия начала массированную огневую подготовку, продолжавшуюся в течение многих часов, а три дня спустя в бой вновь бросили янычар, которые на сей раз обзавелись собственным секретным оружием — зажигательными гранатами, сакетти (или саше, *sachettis*. — *Прим. ред.*), — которые приставали или прилипали к тяжелым рыцарским доспехам. Христиане, однако, чего-то подобного и ожидали, поскольку заготовили бочки, в которые могли бросаться рыцари, чтобы тушить воспламеняющиеся участки снаряжения. Когда штурм прекратился, потери сторон составили: 60 рыцарей и 1500 янычар. Боевой дух защитников оставался на высоте.

Турецкий командир, уже чувствовавший на шее удавку султанского палача, неистовствовал, бессильный сломить мужество защитников Св. Эльма, державшихся неделю за неделей.

Замысел, положенный в основу петарды, отличался предельной простотой, а последствия могли быть весьма впечатляющими: установить мортиру на деревянном станке, наполнить порохом ствол, подкатить к стене или воротам и произвести выстрел, результатом которого будет большой пролом. Однако если что-нибудь помешает гладкому проведению такого рода операции, эффект может оказаться разрушительным не для того, против кого применено оружие, а для того, кто его применил. Отсюда, как видно, и пошло выражение: «подорваться на собственной петарде».

Он решил послать в атаку добровольцев, вооруженных кривыми саблями. Воодушевляемые строками из сур Корана, которые читали муллы, подогреваемые воем дудок и грохотом барабанов османского «музыкального корпуса» и поддерживаемые огнем 4000 мушкетеров, воины ислама бросились на приступ, но были отражены. Штурм обошелся защитникам в 150 чел., тогда как атакующим он стоил потери более тысячи человек. Два дня спустя Драгут получил смертельное ранение от пушечного ядра. Однако к тому времени турки закончили стену, полностью окружили форт Св. Эльма, перерезав его коммуникации с Большой гаванью. В пятницу, 22 июля, турки вновь устремились на приступ, однако снова безуспешно. После продолжавшейся шесть часов рукопашной гарнизон недосчитался 200 чел., тогда как урон у турок выражался вдесятеро большей цифрой. На следующий день в атаку пошли почти все турецкие воины, штурм которых поначалу отразили 100 оставшихся защитников, однако при втором приступе нападающие добились успеха. Кроваво-красный флаг султана взвился над стенами форта Св. Эльма. Турки одержали пиррову победу. Они положили пятую часть армии — 8000 чел. — в попытках овладеть самым небольшим и слабым из мальтийских форпостов. Однако теперь, покончив с злополучным фортом Св. Эльма, османы получили возможность вплотную взяться за Санглею.

Турки послали 1000 янычар в атаку на лодках через гавань против северной оконечнос-

ти Санглеи, тогда как другой отряд бросился штурмовать южную стену с суши. Однако защитники приготовились к встрече, установив на скрытых позициях батарею из пяти пушек, которые прямой наводкой открыли огонь по приближавшейся флотилии, потопив многие лодки и уничтожив 800 чел. на них. Тех же, кто выбрался на берег, тут же перерезали. В то же время удалось отразить и штурм с суши.

Турецкое командование переключилось на Биргу, и грохот османской артиллерии услышали даже на Сицилии. Пять дней интенсивного обстрела позволили пробить брешь в стене, однако 7 августа, когда турки бросились в пролом на приступ, они обнаружили перед собой еще один вал. Нападающие остановились, а потом обратились в бегство под ударами контратакующих христиан.

Утром 18 августа турки вновь приступили к массированному обстрелу, на сей раз Санглеи, однако он являл собой лишь отвлекающий маневр, а тем временем турки вели мину под стены Биргу, в результате чего обрушился значительный участок стены и появилась зияющая дыра. С душераздирающими воплями турки помчались в пролом, где их встретили рыцари и мальтийцы, возглавляемые лично де ля Валеттом. Де ля Валетта ранили в ногу, однако он разрешил перевязать себя не раньше, чем убедился, что городские укрепления вновь в руках христиан.

Следующим шагом турок стала попытка овладеть Биргу с помощью огромной осадной башни, однако рыцари, располагавшие широким набором зажигательных боеприпасов, подожгли сооружение и расстреляли его ядрами. В конце августа турки пребывали в деморализованном состоянии из-за понесенных потерь и вследствие постоянных неудач, к тому же начались перебои со снабжением, а в довершение всего приближалась осень. 1 сентября они предприняли еще один штурм, хотя и вполсилы, а потому нет ничего удивительного в том, что и он был отбит. Спустя неделю под стенами крепости не осталось ни одного турка, а тем временем в северной оконечности острова высадилось небольшое испанское деблокировочное подразделение. Рыцари и мальтийские защитники праздновали успех, распевая громогласное «Тебе, Господи, радуемся...» (или «Тебя, Господи, славим», *Te Deum laudamus* — хвалебный гимн Богу Отцу и Сыну. — *Прим. ред.*), всюду часами звонили церковные колокола в честь невиданного избавления и величайшей победы в истории многовековой священной войны христиан с врагами их веры. Мальту удалось спасти, а турки более никогда не возвращались, чтобы угрожать ей осадой. Попытка овладеть Мальтой обошлась султану в суммарные потери, достигавшие 25—30 000 чел. (в том числе включая понесенные и от болезней); спустя

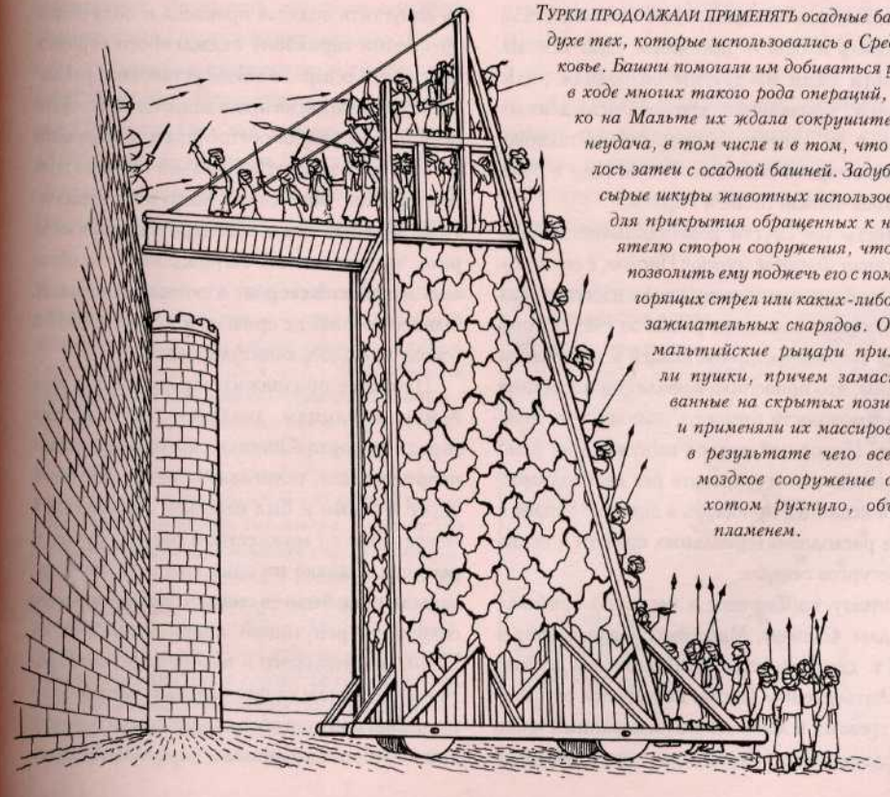
Когда не хватало артиллерии, солдатам приходилось импровизировать. Горшок с «греческим огнем» (с современной событиям иллюстрации) являлся простым, но смертоносным оружием, которое представлялось возможным сбрасывать на головы атакующим или запускать в них с помощью какого-нибудь метательного механизма или приспособления. Адская горючая смесь имела тенденцию прилипать к одежде, коже и оружию, сжигая все в считаные секунды. Выпаленный из мушкета зажигательный снаряд позволял поражать цели на большем расстоянии. В таких случаях осаждающие или осажденные использовали тонкостенный сосуд с «греческим огнем», применяя его как средство поражения деревянных палисадов и прочих строений. Как нетрудно себе представить, в равной степени губительным бывало его действие и против живой силы.

год умер Сулейман, а в июле 1568 г. скончался величайший из его врагов, так и не побежденный де ля Валетт (в его честь названа и столица Мальты. — *Прим. ред.*).

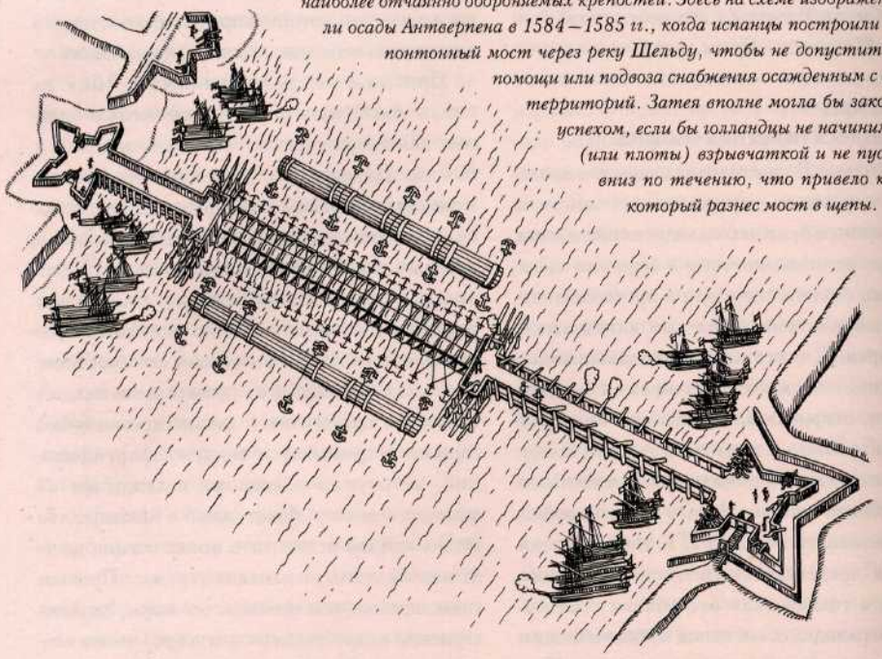
Война осад — «Восьмидесятилетняя» война

Когда Филипп II унаследовал отцовские владения в Нидерландах, ему пришлось столкнуться с немедленным бунтом голландских подданных на севере региона, которые в середине шестнадцатого столетия перешли в протестантизм, став кальвинистами и врагами католического монарха. В ответ король, недальновидно полагавший, что имеет дело лишь с обычным мятежом, отправил на подавление беспорядков решительного и жестокого герцога Альбу. Результатом стала наиболее продолжительная в европейской истории Нового времени война, продолжавшаяся до 1648 г. К тому времени Испания представляла собой истомленного гиганта, а голландская республика в Северных Нидерландах стала одной из богатейших и могущественных морских держав в мире. Продолжительный конфликт привел к прогрессу в области осадного дела, дав толчок технологиям и приемам, которым предстояло послужить своего рода моделью на следующие три века.

Прибыв к месту назначения в 1567 г., герцог Альба приступил к сооружению мощных каменных укреплений, или цитаделей, в Южных Нидерландах — в таких городах, как Брюссель, Валансьен и Намюр. Это позволило испанцам сохранить власть в регионе, который стал называться Испанскими Нидерландами (сегодняшняя Бельгия). Однако при продвижении далее на север испанцам пришлось столкнуться с большими сложностями, поскольку голландцы не пожалели ни сил, ни труда, ни средств на создание чрезвычайно сложно устроенных и мощных фортификаций, хитроумно вписанных в ландшафт со множеством озер, болот, дамб и каналов, что позволило им остановить продвижение доселе непобедимых испанских терсиос. Прошли годы, прежде чем испанцы осознали, сколько терпения потребуется от них на то, чтобы сломить сопротивление осажденных защитников

Турки продолжали применять осадные башни в духе тех, которые использовались в Средневековье. Башни помогали им добиваться успеха в ходе многих такого рода операций, однако на Мальте их ждала сокрушительная неудача, в том числе и в том, что касалось затеи с осадной башней. Задубевшие сырые шкуры животных использовались для прикрытия обращенных к неприятелю сторон сооружения, чтобы не позволить ему поджечь его с помощью горящих стрел или каких-либо иных зажигательных снарядов. Однако мальтийские рыцари применяли пушки, причем замаскированные на скрытых позициях, и применяли их массированно, в результате чего все громоздкое сооружение с грохотом рухнуло, объятое пламенем.

Как и турки, испанцы славились как искусные мастера осадного дела. Они гордились своим умением преодолевать сопротивление даже самых мощных и наиболее отчаянно обороняемых крепостей. Здесь на схеме изображены детали осады Антверпена в 1584–1585 гг., когда испанцы построили большой понтонный мост через реку Шельду, чтобы не допустить подачи помощи или подвоза снабжения осажденным с северных территорий. Затея вполне могла бы закончиться успехом, если бы голландцы не начинили баржи (или плоты) взрывчаткой и не пустили их вниз по течению, что привело к взрыву, который разнес мост в щепы.

городов и крепостей. К 1572 г. их претерпевшие значительную эволюцию приемы стали приносить плоды — посеянное дало всходы. Испанцы один из другим возводили ряды заслонов, призванных держать осажденных в узде и не допускать прорыва на помощь им деблокировочных сил. В том году в руки испанцев попали Монс и Гарлем.

Шесть лет спустя командование принял Александр Фарнезе, герцог Пармы, с его методами, нацеленными на то, чтобы избегать осад как таковых. Задачу он решал за счет опустошения местности, прилегающей к мятежным городам, что приводило к изоляции последних и невозможности получить помощь или снабжение. Подобный подход вынуждал их рано или поздно капитулировать без необходимости для испанцев прибегать к дорогостоящим в плане расхода материальных средств и людских ресурсов осадам.

Потому-то Фарнезе и неохотно прибегал к осадам. Скажем, Маастрихт удалось взять в 1578 г. ценой потери 2000 отличных солдат. Под Антверпеном Парма постарался осуществить трезвый и логически обоснованный план. Он блокировал Шельду за счет наведения бона, нечто вроде понтонного моста, чтобы не допустить подвоза припасов и подачи подкреплений гарнизону осажденного города с мятежного севера, а также установил артиллерийскую батарею на противоположной стороне реки, чтобы оттуда обстреливать выходившие на воду и потому относительно слабые стены Антверпена. Защитники нагрузили взрывчатыми веществами два брандера и пустили их по реке, взорвав в итоге заграждения, что обошлось испанской стороне в потерю 800 солдат. Однако помощь не пришла, и в августе 1585 г. городу пришлось капитулировать.

Наиболее продолжительную осаду в ходе войны испанцам довелось вести против города и порта Остенде, который считался неприступным, поскольку обладал могучими укреплениями и был окружен заболоченной местностью со множеством озерец, ручьев и речушек. Однако ни одна крепость, сколь бы сильными ни были ее стены и башни, не может сохранить репутацию неприступной перед лицом решительного и изобретательного противника. В этом случае таковым вполне можно назвать испанского главнокомандующего, дона Амброзио Спинола (правильнее будет Амброджо, поскольку он по происхождению генуэзец. — *Прим. ред.*).

Единственный путь в Остенде вел через песчаные дюны побережья, однако на дороге испанцев в этом случае немедленно вырастали грозные оборонительные сооружения, начинавшиеся широким и глубоким рвом, за которым притаились восемь земляных бастионов с расположившимися на них солдатами и артиллерией. А уже за этой внешней линией обороны начинались собственные городские укрепления.

В январе 1602 г., после неудачного штурма, обошедшегося ценой жизней 2000 чел., Спинола призадумался и в поисках выхода нащупал слабое место в обороне, приказав забросать фашинами и габионами (связками прутьев и корзинами с камнями и землей, соответственно. — *Прим. ред.*) заболоченные участки местности и создав на них валы для защиты атакующих. Спинола воодушевлял солдат, лично возглавляя работы.

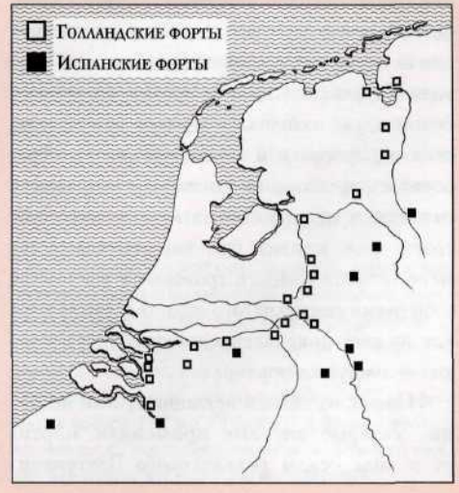
К апрелю 1604 г. испанцы сумели преодолеть внешний рубеж обороны и приступить к подавлению сопротивления на внутренних укреплениях. Во второй половине сентября неприступный Остенде капитулировал. Осада продолжалась более трех долгих лет и обошлась в 40 000 ливров. Несмотря на падение Остенде и 12-летний мир, заключенный сторонами в 1609 г., война на севере Центральной Европы полыхала еще добрых сорок лет. Конфликт, как и прежде, ознаменовывался затяжными

осадами, а не маневренными столкновениями полевых армий, что привело к совершенствованию осадных приемов и технологий, а также к усложнению и даже изощренности в конструкциях полевых укреплений и соответствующей техники.

Испанско-голландский опыт

Артиллерия в ту эпоху представляла собой скопление пушек самого разного калибра и дальности огня, которые применялись для обстрела осажденного города или крепости с единственной задачей добиться цели за счет прямого суммарного воздействия на вражескую оборону — как на стену, так и на души их защитников. Вынужденные вести войны везде и повсюду, испанцы стали первопроходцами в деле стандартизации своей артиллерии, так, в 1609 г. начальник управления материально-технического снабжения испанских вооруженных сил, как назвали бы мы его теперь на современный лад, или генерал-квартирмейстер, подытожил потребности армии, выделив четыре базовых категории артиллерийских орудий: огромные 48-фунт. («стеноломы», или *полные* пушки); 24-фунт. (полупушки); 10–12-фунт. (пушки в четверть) и, наконец, 5–6-фунт. (пушки в одну восьмую). Нельзя не назвать это большим достижением, поскольку рациональность подобной стандартизации проверила себя временем, с полным на то правом просуществовав почти до конца девятнадцатого столетия.

Война между католической Испанией и протестантской Голландией стала второй по продолжительности европейской войной (имеется в виду и Столетняя война. — Прим. ред.). Она тянулась долше 80 лет (с перерывами) и стала свидетельницей множества продолжительных и порой чрезвычайно кровопролитных осад. Нидерланды при ровной местности с многочисленными каналами, дамбами, реками и речушками подходили для ведения боевых действий именно такого характера, в ходе их обе стороны интенсивно занимались строительством, возводя множество фортов и аванпостов, стремясь сдержать продвижение неприятеля. Испанцы настроили укреплений на Рейне и Маасе (или Мезе), также и в Германии, чтобы отрезать голландцев от основных баз снабжения в Европе. Со своей стороны, голландцы защищали от испанских атак передовыми форпостами главные города страны, такие, как Роттердам, Утрехт и Амстердам.

Наиболее эффективной в осаде оказалась 24-фунт., которая отлично справлялась с задачами «стенолома», однако в определенной степени отличалась даже большей эффективностью, чем сами *полные* пушки. 24-фунт. орудие, если сравнить его со старшей сестрой, 48-фунт., весило намного меньше и занимало значительно меньше места в батарейном строю. Более того, при заряжании 24-фунтовки существенно экономились время и порох, так как ей требовался не такой большой заряд, как той же 48-фунтовке. А потому 24-фунт. сумела закрепиться как главное осадное артиллерийское орудие на протяжении следующих 250 лет и показала себя как отличная *многоцелевая* пушка (будем надеяться, что под термином вроде «многоцелевая» подразумевается что-то еще, кроме свойственных нашему времени смысловых оценок, вкладываемых в это понятие, т.е. это *не* зенитки или *не* противотанковые пушки, а лишь орудия, способные уничтожать живую силу и укрепления. — *Прим. ред.*). К 1620 г. враги Испании — Франция и Нидерланды — приняли на вооружение испанский подход.

«Сегодняшние испанские и голландские офицеры превратили захват городов в искусство, так что они способны в считаные дни предсказать протяженность срока сопротивления той или иной крепости, какой бы сильной она ни была».

Маршал де Таванн

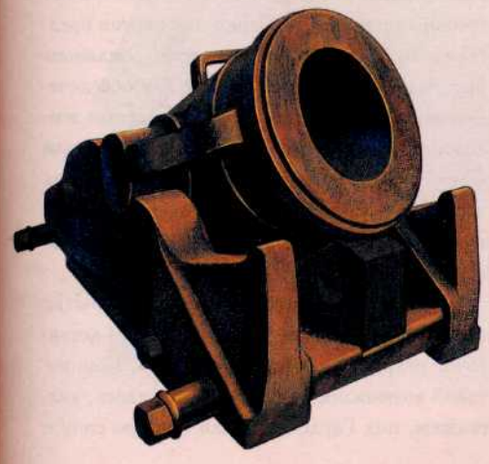
Пушки применялись в буквальном смысле для пробития стен и образования брешей в них. Однако при относительно пологой траектории они не всегда с должной эффективностью позволяли задействовать себя против объектов за стенами, где находились важные здания, как, скажем, арсеналы и пороховые склады. Требовалась артиллерия, способная отправлять снаряды к цели по очень крутой навесной траектории, каковое решение отыскалось по мере течения полного грозовыми военными событиями семнадцатого столетия, после того как на свет появилась курносая сестра пушки — толстушка мортира.

И вновь во главе инновации стояли испанцы, которые впервые применили мортиру в ходе осады голландского Вахтендонка в 1588 г. (подобные даты умозрительные, ибо многие первоначальные орудия отвечали характеристикам мортир. — *Прим. ред.*). Испанцы, однако, не ввели мортиры в широкое употребление сразу и даже отчасти сделали ошибочный вывод в отношении того, что мортира скорее оборонительное, чем наступательное оружие, способное повысить шансы форта выстоять. В действительности реальность доказывала обратное — мортира представляла собой самого «страшного зверя», с которым только приходилось сталкиваться осажденной крепости. Толстые крепостные стены обеспечивали защитникам довольно высокую степень защищенности перед огнем обычной артиллерии, что повышало боевой дух осажденных горожан и гарнизона. Однако стены совершенно не спасали от мортиры с ее летящим по навесной траектории снарядом, способным поражать любые цели внутри крепости.

Таким образом, мортира обладала способностью причинять осажденным как материальный, так и моральный ущерб, вызываемый потерей чувства нахождения в безопасности, что делало мортиру грозным оружием в ходе осады. Иные форты — особенно после того, как в действие вступила и прочно завоевала позиции система де Вобана — были принуждены к капитуляции после первых мортирных залпов. Мортирным снарядом мог служить как простой камень, так и сплошной выстрел или же бомба — полое чугунное ядро, начинявшееся взрывчатым веществом. Чтобы пробить крышу и пройти вниз через несколько этажей дома, а потом взорваться в подвале (идеальная схема), бомба должна была обладать большой массой и весить где-то между 60 и 70 кг (140—150 фунтов). Как с мизантропическим энтузиазмом подмечал один французский очевидец, снаряд мортиры взрывался, «разнося на куски и поджаривая людей внутри (здания)».

Таким образом, чтобы успешно противостоять новому тренду в артиллерии, приведшему к увеличению ее поражающей способности, на протяжении Восьмидесятилетней войны обеим сторонам потребовались совершенно иные фортификации. В Италии видели ответ в строительстве более мощных каменных фортов, однако в Нидерландах никто из противников не мог позволить себе такой роскоши ввиду нехватки средств и людских ресурсов. Посему требовались недорогие и несложные при постройке фортификации, которые бы вписывались в ландшафт и, так сказать, удовлетворяли местным условиям.

Голландцы — сторона, преимущественно пребывавшая в обороне на протяжении войны, — преуспели в строительстве земляных бастионов перед перманентными средневековыми по сути и происхождению стенами своих городов, таких, как Антверпен или Гарлем. В дополнение к этому голландцы возводили в местах речных переправ или у дамб небольшие земляные редуты, известные нам под немецким названием «шанцы» (от немецкого *Schanze*, что и означает «земляное укрепление»; глагол *schanzen* означает «рыть, копать». — *Прим. ред.*). В 1599 г. граф Морис фон Нассау приказал настроить подобных шанцев по рекам Вааль и Маас, чтобы преградить путь возможному наступлению испанцев. Кроме того, еще раньше — в период начиная с 1589 г. — оборонительные заслоны городов двух основных провинций, Зеландии и Голландии, подверглись усилению за счет сооружения второй линии аванпостов между Эйссельмером и Рейном, прозванных Голландской Ватерлинией и состоявших из фортов, аванпостов, рвов и дамб, вписанных в разветвленные сети естественных и рукотворных водных преград — озер, рек и каналов. Зимой 1605—1606 г. в ожидании нападения испанцев из Хертогенбоса голландцы подвергли оборонительную систему еще большим усовершенствованиям.

Смертоносное оружие осад, мортира, стрелявшая крупными снарядами с навесной траекторией, практически лишала осажденных надежного укрытия за стенами. Изображенная тут грозная красотка и ее товарки отливались из бронзы и потому обходились недешево. При массе около полутоны (445 кг), она имела калибр 127 мм (5 дюйм.) и длину ствола в полметра, из которого выстреливала большим камнем или сплошным чугунным выстрелом.

Голландские земляные форты отличались широкими и покатыми валами, обычно уходившими под большим углом к берегу того или иного водного препятствия. От применения эскалады их защищали деревянные палисады с солдатами наверху. В основании бруствера пролегал внешний заслон, называемый у французов «фосс-брэ» (*fausse-braye* — что-то вроде ложного пояса или *штанов*. — *Прим. ред.*), дававший обороняющимся возможность простреливать ров. Аванпосты строились в расчете на мушкеты, а не на артиллерию, а потому такие бастионы отделяло друг от друга не более пятисот шагов (для ружейного выстрела тех лет это слишком большое расстояние, так как мушкет тогда бил не далее, чем на 300 шагов, причем дальность действительного огня была, наверное, вдвое меньше. — *Прим. ред.*). По форме они напоминали длинные остроугольные клинья. Голландцы не изобретали тут ничего нового, а просто копировали итальянские равелины, однако добавляли открытые редуты в форме полумесяца (люнеты) и зубцов, или отрогов, которые обеспечивали бастионам большую степень обороноспособности от фланкового огня. Нидерландские фортификации (применявшиеся как испанцами, так и голландцами) представляли собой эшелонированные системы укреплений, дававшие наибольшую выгоду осажденной стороне. В 1587 г. французский военный эксперт, де ля Ну, признавал, что итальянцы превратили создание фортификаций в науку, но что голландцы перещеголяли

итальянцев в плане скорости строительства и дешевизны укреплений. Он отмечал, что у голландцев на укрепление Гента ушло два года и 300 000 флоринов, тогда как итальянцам с их методами на то же самое понадобилось бы 20 лет и вдесятеро большее количество денег. В Германии главные города обзавелись голландскими оборонительными системами, и даже Венеция укрепляла Корфу, следуя голландской модели, несмотря на очевидную климатическую разницу между южным островом и сырой Голландией.

Однако у голландской системы, или голландского подхода, имелись не только плюсы, но и слабые места. Чтобы как следует защитить такие форты, требовалось большое количество всегда недостающих солдат. Кроме того, когда враг захватывал внешние пояса обороны, он получал уже готовые позиции для дислокации войск и размещения осадной артиллерии.

Более того, в то время как окруженный водой форт представлял источник головной боли для любого, кто хотел захватить его штурмом, для самих защитников также создавалось немало хлопот в плане поставок снабжения и посылки подкреплений на такой аванпост внешней обороны. Если они сооружали деревянный мост через ров, что снимало проблему, порождаемую необходимостью переправляться на плотах и лодках по воде, то таким образом у противника появлялся шанс ворваться на аванпост, проследовав тем же самым путем. В случае же наступления холодов существовал риск, что вода во рву замерзнет и он вообще перестанет служить оборонительным заслоном. Как испанские, так и голландские гарнизоны расходовали зимой немало сил и энергии на то, чтобы очистить рвы ото льда и снега.

Ну и, наконец, последнее и главное: подобные укрепления представляли собой лишь временные рубежи, требовавшие постоянного и дорогостоящего техобслуживания, если только командиры не хотели, чтобы их земляные валы осели и пришли в негодность. Наполненные водой рвы приходилось очищать от ила и грязи, а палисады быстро гнили в сыром климате. В долгосрочной перспективе представлялось даже более оптимальным как с экономической, так и с военной точки зрения строить постоянные каменные форты, нежели постоянно поддерживать на должном уровне состояние временных земляных фортификаций.

Осада по-научному

Одним из приоритетных условий для осаждающих служило строительство укрепленного лагеря для войска. Затем предстояло возвести сплошной рубеж временных деревянных фортификаций, обращенных лицом к окружающей местности (циркумвалляционную линию), а также заслоны, выходящие на осажденный город (контрвалляционную), чтобы предотвратить подачу подкреплений и поставку снабжения гарнизону.

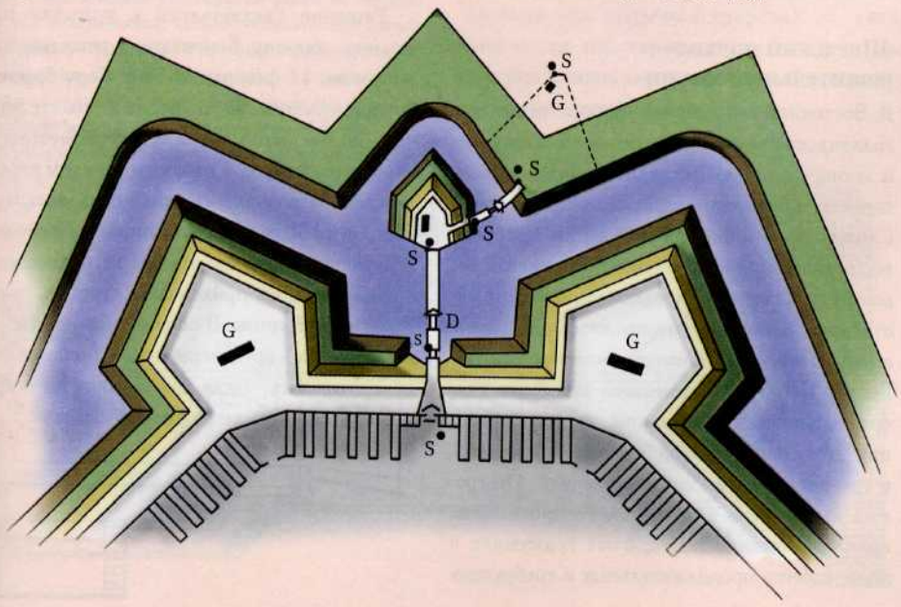
И вновь пионерами в области осадных приемов выступали испанцы: так, скажем, Альба применял их против Монса в 1572 г. Герцог Парма продолжал развивать наработанный опыт, а главнокомандующий войсками Голландии, граф Морис, еще больше усовершенствовал их на заре семнадцатого столетия. В ходе осады Граве в 1602 г. французский посол отмечал, что граф Морис снабдил каждый редут собственным рвом с водой и подъемным мостом. У француза ушло пять часов на то, чтобы обойти все впечатляющие размерами и уровнем приготовлений голландские рубежи.

Когда заканчивалось сооружение осадных заслонов и командир принимал решение о месте предстоящего штурма, приходила пора приступать к приближению к вражеским позициям с помощью строительства редутов. Где-то 500 солдат в ночное время продвигались на расстояние выстрела из мушкета к передовым рубежам форта. При наличии удачи такой маневр вполне мог пройти без обнаружения со стороны противника. Передовой партии предстояло прокопать глубокий окоп с земляным бруствером по верхней кромке для обеспечения пущей защищенности. Где не хватало земли или где почва бывала слишком рыхлой, шли в дело габионы. Траншеи расширялись до тех пор, пока не становились способными принять пушки; на стороне, обращенной к врагу, выкапывались ступени.

Следующим шагом становилось рытье зигзагообразной сапы, если позволяла достаточно открытая для этого местность. Если же такой возможности не предоставлялось, как, скажем, под Гарлемом, вели прямую сапу с предохраняющим людей прикрытием, или заслоном, в виде большого габиона, который продвигали перед бригадой землекопов для защиты от продольного огня. И вот рабочие углублялись на приличное расстояние от исходных позиций, чтобы с них представлялось возможным быстро подать им какую-то помощь, а посему осаждающие строили крытые галереи, а каждую траншею прикрывали расположенными на регулярных интервалах редутами. По мере придвижения сапы к стене применялись разного рода — часто деревянные — заслоны, призванные прикрывать землекопов от вражеского огня. Несмотря на это, до двух третей участников работ погибало, однако хорошая плата толкала людей на риск выполнять этот опасный и утомительный труд. Прокладывание сапы заканчивалось на расстоянии примерно метров в 30 от стены. Затем осаждающие приступали к отведению окопов как вправо, так и влево и насыпали вал, называвшийся «кавальe де транше» (*cavalier de tranchée*). Такие укрепления служили двум целям: во-первых, они представляли собой относительно безопасные позиции для обстрела неприятеля артиллерийским и ружейным огнем; во-вторых, могли выступать в качестве пункта сосредоточения штурмовых отрядов перед их броском вперед. Под Хертогенбосом в 1629 г. голландцы вели одновременно четыре сапы.

В шестнадцатом столетии обычной практикой служило установление основной батареи на единой позиции, однако эволюция в области фортификационной практики в следующие века привела к крупным подвижкам и коррективам. В начале семнадцатого столетия сосредоточение всей артиллерии на одном направлении постепенно выходит из обихода, по мере того, как возникает потребность выделять дополнительные орудийные батареи для приведения огня на фасы выступов бастионов или обеспечения продольного (или же перекрестного) прострела брешей или иных уязвимых участков. Для увеличения эффективности осадную артиллерию стали подвигать все ближе к целям, так что примерно к 1620 г. принятая дистанция огня стала ограничиваться 200 шагами. Общей целью стало наступление на бастионы. Если атакующим удавалось проломить куртину и создать в ней брешь, их войска — по мере приближения к цели — подвергались фланговому огневому воздействию

Вход в форт мог прикрываться сложной системой из постов часовых (S), предотвращавших внезапную попытку врага ворваться на передовой укрепленный узел. Первые находились с внешней стороны форта, затем следовали посты в равелине, затем часовой у подъемного моста (D) и уже следующий внутри укреплений на другом конце моста. Многочисленные караульные помещения тоже служили для повышения надежности защиты входа (G).

Показанное на рисунке странное по виду оружие представляет собой развитие идеи выстрела из мушкета гранатой, о чем мы уже говорили ранее. Специальным образом перепрофилированный мушкет использовался для стрельбы гранатой из чашевидного ствола. Подобный древний, по нашим понятиям, «ружейный гранатомет», представлял собой сравнительно легкое и удобное вооружение — средство поддержки пехоты в осаде в тех случаях особенно, когда недоставало артиллерии.

с соседних бастионов. Потому стало обычным делом дислоцировать, по меньшей мере, четыре пушки непосредственно перед выступом бастиона для его бомбардировки. Вспомогательные батареи размещались напротив сопряженных укреплений для подавления огневого противодействия пушек бастионов, расположенных в непосредственной близости к направлению штурма.

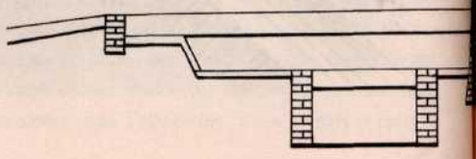
А тем временем сапа достигала вражеских галерей. Наступала пора переходить в атаку и выбивать защитников с их позиций, применяя гранаты из чугуна, бронзы и даже дерева или толстого стекла. С падением передовых рубежей защитники города понимали, что ему не устоять, что полдела враг уже сделал, и воля гарнизона к сопротивлению быстро шла на убыль. К тому моменту, когда она почти совсем истаивала, нападающим удавалось обычно подавить артиллерию осажденных, построить мост или дамбу через наполненный водой ров или же забросать его фашинами.

«Шведский подход» — решительный штурм

В Восточной и Северной Европе испанско-голландская модель со всеми ее тонкостями и изощренностью никогда не пользовалась почетом и не находила широкого применения. Сложность и инженерные изыски попросту не согласовывались с характером подвижных военных действий, предпочтение которым отдавали региональные правители и полководцы. Типичным примером может считаться Густав II Адольф, сумевший завоевать значительную часть Германии, не располагая при этом почти никакой осадной техникой, в том числе и тяжелой артиллерией. Он громил имперского католического противника преимущественно в открытых сражениях в поле, избегая продолжительных и требующих огромных усилий осад, являвшихся обычным делом в Нидерландах.

Карл X, его племянник и наследник, разделял дядюшкину нелюбовь к осадам и громоздким и неповоротливым осадным поездам. В 1657 г. Карл оставил Польшу, в которую он вторгся исключительно из страсти завоевателя, и маршем двинулся в Данию, пересек по льду Большой и Малый Бельты, чтобы в конце 1657 г. выйти к грозным стенам Копенгагена и приступить к осаде датской столицы. И что же он собирался делать, не имея запаса стремительно утекавшего времени и не располагая как мощной артиллерией, как и вообще сколь либо достойным уважения осадным поездом?

Решение заключалось в попытке преодолеть оборону Копенгагена решительным штурмом. 11 февраля 1658 г. Карл бросил в бой две колонны, насчитывавшие вместе 5800 чел., по покрытой льдом и снегом местности, окружавшей город. Головным отрядом первой штурмовой колонны служили семьдесят мушкетеров и 150 солдат с лестницами. Поскольку атакующие шведские отряды не располагали артиллерией, им приходилось стрелять гранатами из мушкетов. В общем, можно сказать, что этим их «артиллерийская» поддержка и исчерпывалась, тогда как датчане на стенах недостатка в артиллерии не испытывали.

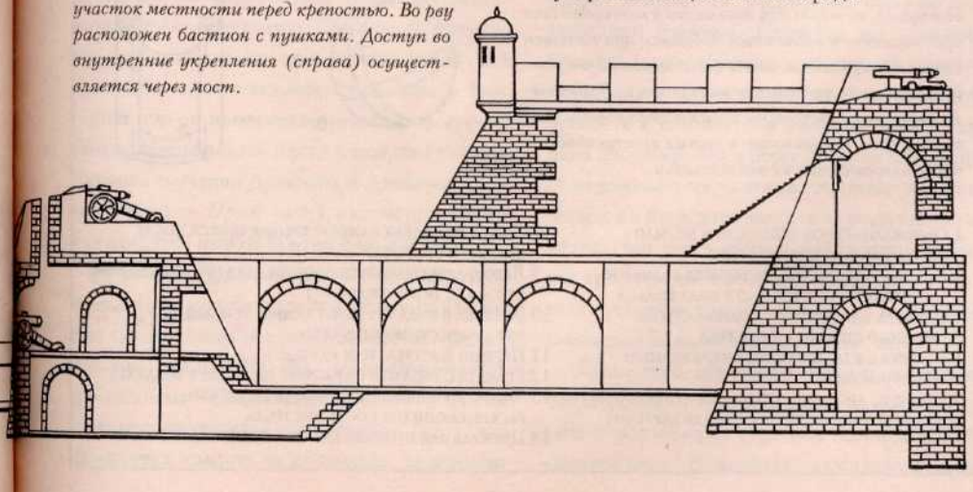

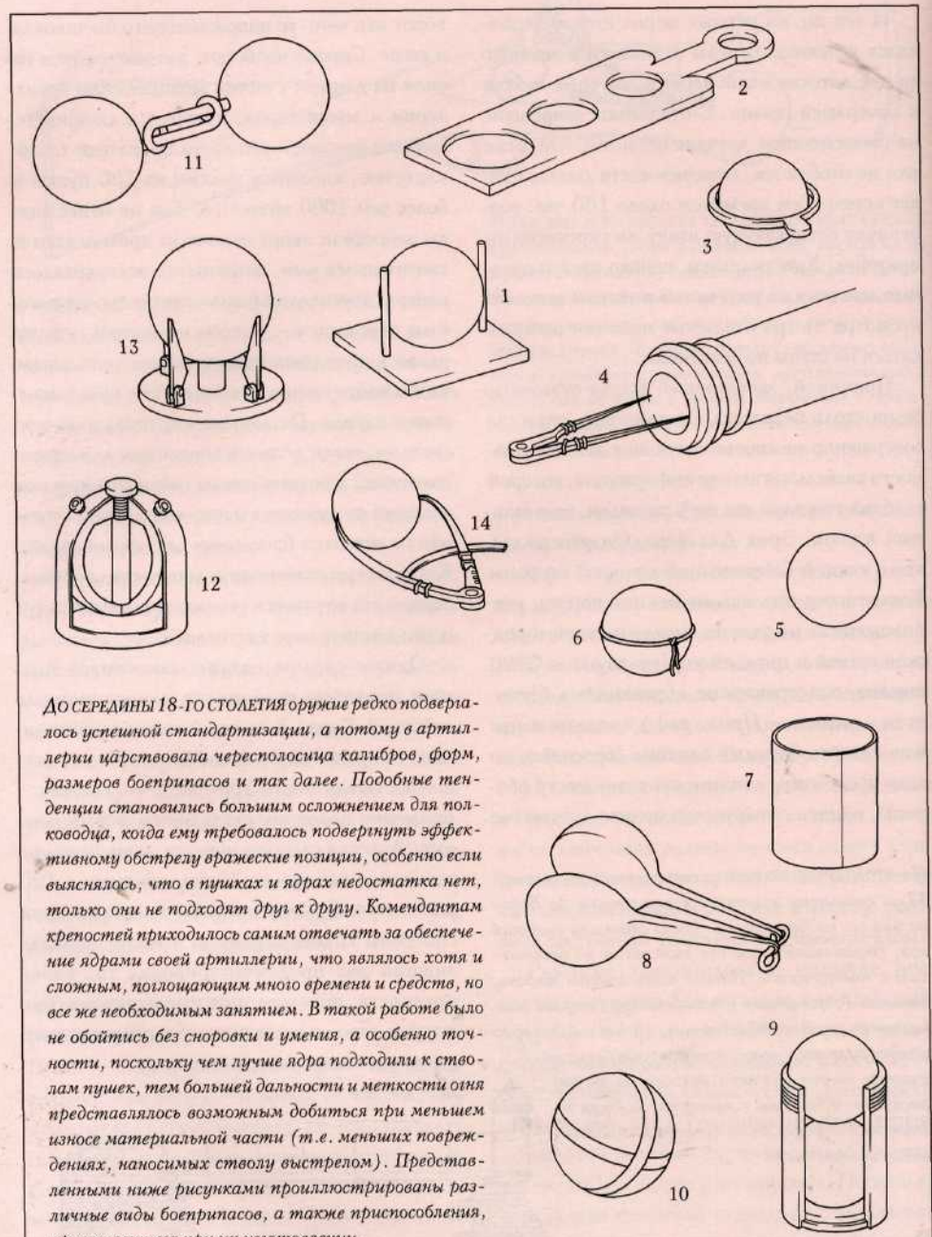
И все же на первых порах штурм развивался успешно. Шведы атаковали и захватили две датских «канонерки», которые стояли в замерзшей гавани. С отчаяньем взиравшие на происходящие датчане осознали, что, если они не отобьются, независимости Дании придет конец. Тем временем около 100 чел. развернули отвлекающую атаку на укрепленный пригород, Христианхавн, однако наступательные действия не увенчались никаким успехом, несмотря на три отважные попытки вскарабкаться на стены по лестницам.

Причиной, заставившей Карла отважиться на столь безрассудные действия, служила совершенно не соответствующая действительности разведывательная информация, которой снабдил государя его шеф разведки, или главный шпион, Эрик Дальберг. Он утверждал, что с южной (обращенной к морю) стороны Копенгагена есть незащищенные ворота, расположенные на участке между главной городской стеной и цитаделью. Что-то около 3000 шведов, подогреваемые «бренвином» (*brännvin* — водка. — *Прим. ред.*) и издаваемыми ими самими боевыми кличами, бросились по льду к слабому, как они считали, месту обороны, однако обнаружили полное отсутствие ворот или чего-то напоминавшего бы таковые в стене. Совсем наоборот, датчане сосредоточили на данном участки мощные силы артиллерии и мушкетеров, которые и поприветствовали ненавистного врага по-датски тепло: картечью, ядрами и пулями из 100 пушек и более чем 1000 мушкетов. Тем не менее шведы забросили якоря-кошки за кромки стен и, зацепившись ими, попытались вскарабкаться наверх, другие установили лестницы, по которым некоторым — совсем немногим — даже удалось подняться наверх только лишь затем, чтобы найти смерть от клинков или пуль защитников города. Остальные же, оставшись под стенами, стали легкими мишенями для оборонявшихся, а потому шведы гибли сотнями под залпами из мушкетов и артиллерийским огнем или от осколков бросаемых датчанами гранат. Когда штурм закончился, множество окровавленных тел мертвых и умирающих валялось тут и там на снегу перед стенами.

Одним словом, штурм закончился полным провалом по причине непродуманных действий Карла X и ошибочных разведданных, полученных от Дальберга. Потери шведов достигали почти 2000 чел., что составило примерно половину атакующего формирования. Датская сторона понесла лишь незначительный урон: что-то 20 чел. убитыми и 100 ранеными. Пример показал, что укрепления способны спасти страну от гибели, а также лишний раз продемонстрировал то, какие опасности подстерегают осаждающих при штурме хорошо укрепленного и обороняемого упорными защитниками города.

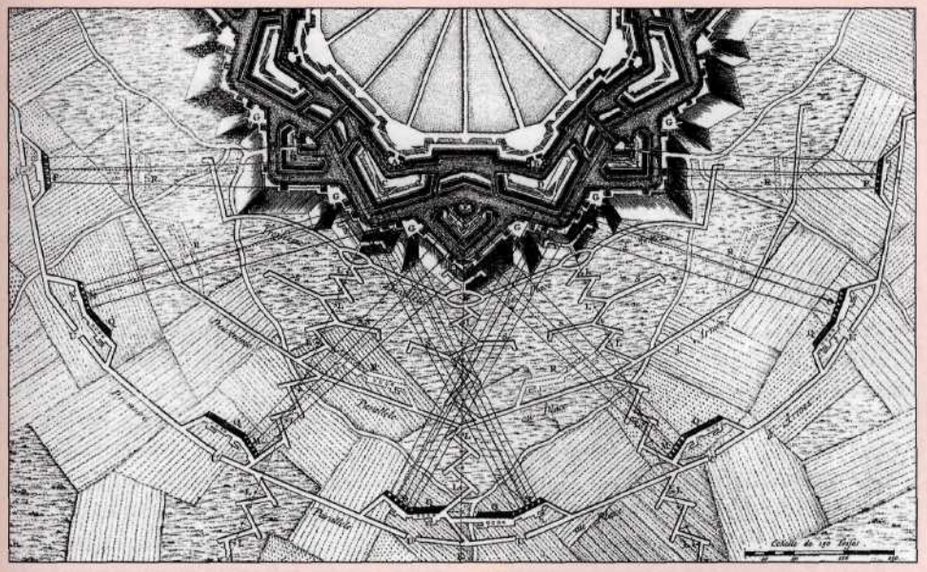
На этом срезе показана современная по меркам 17-го столетия крепость конструкции де Вобана или его подражателей. Слева скат или внешний вал, строившийся под острым углом по отношению к поверхности. Позади возвышается насыпь, внешняя (обращенная к противнику) сторона рва, называющаяся контрэскарпом, с галереей, откуда представляется возможным простреливать участок местности перед крепостью. Во рву расположен бастион с пушками. Доступ во внутренние укрепления (справа) осуществляется через мост.

До середины 18-го столетия оружие редко подвергалось успешной стандартизации, а потому в артиллерии царствовала чересполосица калибров, форм, размеров боеприпасов и так далее. Подобные тенденции становились большим осложнением для полководца, когда ему требовалось подвергнуть эффективному обстрелу вражеские позиции, особенно если выяснялось, что в пушках и ядрах недостатка нет, только они не подходят друг к другу. Комендантам крепостей приходилось самим отвечать за обеспечение ядрами своей артиллерии, что являлось хотя и сложным, поглощающим много времени и средств, но все же необходимым занятием. В такой работе было не обойтись без сноровки и умения, а особенно точности, поскольку чем лучше ядра подходили к стволам пушек, тем большей дальности и меткости огня представлялось возможным добиться при меньшем износе материальной части (т.е. меньших повреждениях, наносимых стволу выстрелом). Представленными ниже рисунками проиллюстрированы различные виды боеприпасов, а также приспособления, применявшиеся при их изготовлении.

1 Однокалиберное лекало, или мерило (шаблон), для промера ядер
2 Планка с отверстиями четырех калибров
3 Однокалиберное мерило в виде кольца
4 Циркуль для промера калибра ствола
5 Обычный сплошной выстрел
6 Веревка с узлами для промера калибра боеприпасов
7 Сосуд из листовой стали для пулек или кусочков металла (т.е. для картечи)
8 Ядро в виде двух самораскрывающихся после выстрела полусфер
9 Ядро с деревянным поддоном (для предохранения ствола от подвреждений)
10 Выстрел в виде круглого камня, усиленного металлическими обручами
11 Парный выстрел, или «дублет»
12 Граната с запалом (в расчете на взрыв в воздухе)
13 Ядро с колюще-режущими предметами, раскрывающееся после выстрела
14 Циркуль для промера калибра боеприпасов

Артиллерийские батареи, выстроенные по периметру осаждаемого объекта и предназначенные для прострела бастионов перекрестным огнем. Их ядра рикошетом отскакивают от «терраплена» — выступов позади парапетов стен, на которых установлены пушки защитников.

Карл умер раньше, чем смог чему-нибудь научиться, сделав должные выводы из допущенных ошибок. В свою очередь Дальберг, провалившийся как глава разведки, кое-что, как говорится, намотал на ус. Будучи губернатором прибалтийских провинций шведского государства, он построил множество грозных фортов, пригодившихся для обороны этих территорией во время вторжения русских в 1710—1711 гг.

Фредрикстен, 1718 г. Осада, спасшая Норвегию

Великая Северная война продолжалась уже шестнадцать лет, когда в 1716 г. грозный шведский король-воитель Карл XII решил вторгнуться в Норвегию. Сама по себе страна эта представляла для него интерес только как трамплин для последующего прыжка в Британию, где он намеревался низложить короля Георга I, короновать Якова Стюарта (в оригинальном звучании Джорджа и Джеймса, соответственно. — *Прим. ред.*), а затем приступить к реализации планов против Дании и России.

В 1716 г. Карл собирался в ходе короткой кампании в духе блицкрига ударить на Норвегию силами лишь незначительного по численности войска из 7700 чел., организованного в три колонны. Шведы надеялись, что, если они не станут притеснять норвежцев, а будут, что называется, гладить их по головке, те встретят войска вторжения как «освободителей». Шведы знали, что их маленькой армии норвежцы смогут противопоставить вдвое большее войско, которое, однако, состояло из плохо экипированных и скверно подготовленных рекрутов, набранных на военную службу из крестьян. Как сторона нападающая, шведы владели инициативой, что вынуждало норвежскую армию, командование которой не знало, где и когда ударит неприятель, растягивать силы по протяженной границе. Норвегия по условиям климата и рельефу местности чем-то напоминает Канаду и представляет собой естественную крепость с множеством замерзающих в зимнюю пору озер, рек и речек, а также болот; при этом довольно протяженная территория страны лесистая и негустонаселенная — лишь иногда на множество верст вокруг попадаются одинокие крестьянские поселения и городки. Вести в таких условиях традиционную для европейцев кампанию было, по меньшей мере, непросто.

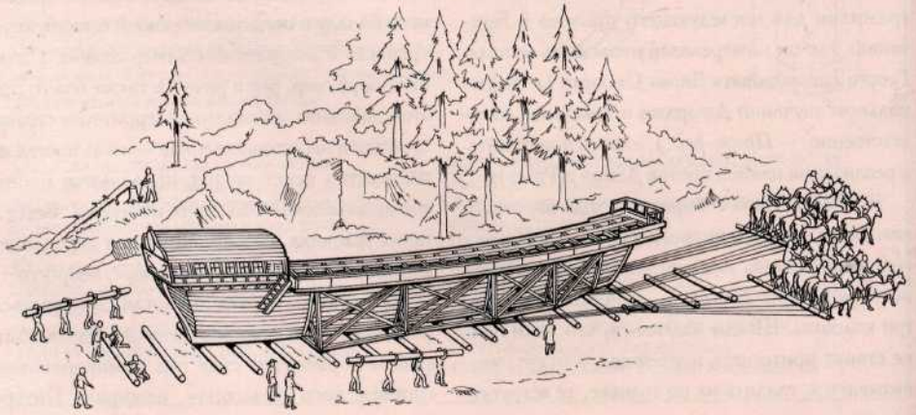
Кроме того, норвежцы могли пользоваться поддержкой со стороны датского флота. Датские и норвежские суда под командованием «норвежского Нельсона», адмирала Питера

Торденскольда, обладали способностью перерезать шведские прибрежные линии коммуникаций, осложняя поставку жизненно важного снабжения армии вторжения. Слабость шведов на море представляла собой главную трудность для реализации планов Карла. Вдобавок ко всему норвежцы не поленились возвести по линии главной реки на востоке Норвегии шесть крупных опорных пунктов, способных стать мощным заслоном на пути захватчиков, так называемую «линию Гломмы». Плюс к этому оборонительному рубежу по реке Гломма норвежский командующий, генерал Люцов, приказал воздвигнуть фортификации на двух основных горных перевалах, блокировав таким образом путь к Христиании (сегодня Осло. — *Прим. ред.*). Оборону на полевых фортах держали 1500 всадников и 5600 пехотинцев.

Когда Карл, войска которого пересекли границу в начале марта, вышел к грозному рубежу, он предпринял не увенчавшийся успехом штурм одного из фортов и отступил в южном направлении. Затем он снова повернул на север, где его ждал очередной неприятный сюрприз: противник с поразительной быстротой создал на пути шведов непреодолимый заслон из бревен и поваленных деревьев. Как и канадцы — если уж продолжать сравнения, — норвежцы показали себя мастерами устраивать оборонительные линии. Однако Карл маршем повел войско по льду замерзшего Осло-фьорда, чтобы обойти неприятеля с фланга, и к 21 марта очутился неподалеку от норвежской столицы.

Как только там разнесся слух о подходе «Северного Льва», население тут же бежало на запад. Между тем гарнизон Христиании состоял из 3000 чел., располагавших большими запасами всего необходимого и находившихся под началом служившего датчанам умелого немецкого офицера, полковника Йоргена фон Клено (*Klenow* — Кленов, по нашей традиции. — *Прим. ред.*). Норвежские фортификации стали серьезной помехой на пути шведского вторжения. 22 марта Карл занял Христианию, однако город строился с учетом возможности захвата его неприятелем, а потому улицы пролегали перпендикулярно позициям крепостных батарей, что позволяло пушкам простреливать пространства между домами, уничтожая любого шведа, имевшего глупость рискнуть показаться там. Шведам пришлось выкапывать камни из мостовой, разбирать здания и всевозможные постройки, чтобы добыть достаточно камня для возведения брустверов, или же копать траншеи. Штурмы фортов не увенчались успехом и были отбиты с большим уроном для нападавших. Карл, однако, не терял надежды, но офицеры его источали пессимизм: пораженческие настроения, подтачивавшие боевой дух шведской армии со времен катастрофического разгрома ее под Полтавой в 1709 г., стали

Известно, что галеры находили широкое применение в Средиземноморье на протяжении всего 16-го столетия, однако и на севере ими не брезговали те же Россия и Швеция, которые использовали эти гребные суда в ходе Великой Северной войны. Здесь как раз изображен процесс перекатывания волоком галеры по гати из покрытых жиром бревен с берега Северного моря в темные воды Идде-фьорда, что около Фредриксхалда. Время действия 1718 г.

превалировать в частях. Офицеры опасались, что противник перережет их длинные линии коммуникаций, окружит армию и принудит к капитуляции или уморит голодом. Карл отправился на юг и в июле овладел городом Фредриксхалд (сегодняшний Халден). Между тем он не мог взять его крепость, Фредрикстен, или же внутреннюю линию обороны города, которую удерживали вооруженные горожане.

Когда Карл вновь вторгся в Норвегию в 1718 г., он избрал совершенно иной подход. Коль скоро норвежцы упорно не желают видеть в шведах освободителей, что ж, тем хуже для них, придется вбить в них любовь и повиновение шведскому королю вооруженной рукой. Памятуя не особенно обнадеживающий опыт 1716 г., Карл намеревался первым делом овладеть Фредрикстеном. В конце концов, цитадель эта представляла собой самую грозную из крепостей Норвегии, к тому же она «сидела» на шведских маршрутах поступления снабжения и линиях коммуникаций армии вторжения со Швецией.

«Штурм укреплений и их оборона являются наиважнейшей составляющей военного дела... Войны, в которых преобладают осады, менее опасны для государства и в них есть больше надежды одержать победу».

Де Вобан

Первый шаг в рамках плана состоял в переброске галерной эскадры в Идде-фьорд, чтобы помочь овладеть фортом Спонвикен, а затем подвергнуть обстрелу Халден не только с суши, но и с поверхности фьорда. Эскадра смогла бы избежать «бастонады» батарей крепости Фредрикстен и губительных последствий встречи с рыскавшим у побережья флотом Торденскольда. Карл отрядил 800 чел. при 1000 лошадей с тем, чтобы они перетащили галеры и «канонерки» через отрезок суши между Северным морем и Идде-фьордом.

Фредрикстен, что означает «скала Фредерика», гордо возвышалась над Фредриксхалдом на массивном утесе с норвежской стороны Идде-фьорда, который на западе граничил с водами Свинесанна. С трех сторон это орлиное гнездо прикрывала вода, скалистые уступы или глубокие долины, и штурмовать цитадель представлялось реальным лишь с юго-востока. Но даже и с этой стороны подходы осложнялись из-за болот и трех фортов.

На сей раз Карл не собирался полагаться на неверную удачу и лихой кавалерийский наскок. Он собрал огромную и обеспеченную всем необходимым армию почти из 40 000 чел. при поддержке полностью укомплектованного осадного поезда, заправлял делами в котором профессионал и знаток своего дела — офицер с большим опытом ведения осадных работ. Филипп Мэгре, французский полковник инженерно-саперных войск, как выразились бы мы в наше время, был обучен и подготовлен самим де Вобаном и теперь собирался здесь, в холодной северной пустыне, вести осаду по заветам прославленного учителя. Фредрикстен предстояло полностью окружить, отрезав от внешнего мира. Мэгре собирался выкопать параллельные ряды траншей, которые бы охватили крепость концентрическими кольцами. За счет рытья земляных подходов предполагалось избежать губительного воздействия крепостной артиллерии. Чтобы пробить стены и подавить боевой дух защитников, шведам предстояло применить тяжелые осадные мортиры и пушки. Как уверял нанимателя Мэгре, изоляция, отсутствие новостей о происходящем вокруг и растущая нехватка припасов быстро приведут к деморализации гарнизона. Когда все необходимые действия будут проделаны, шведы пойдут на штурм и захватят крепость.

Доскональные приготовления потребовали массу времени, а потому вторжение шведов в Норвегию началось не ранее конца октября. Карл отправился в путь впереди войска с 900 всадниками, что заставило норвежцев затопить их транспортную эскадру в Идде-фьорде. Между тем осадная артиллерия прибыла лишь 20 ноября. В общем и целом, Карл привел в Южную Норвегию 35 000 чел., а полковник Ландсберг, норвежский комендант Фредрик-

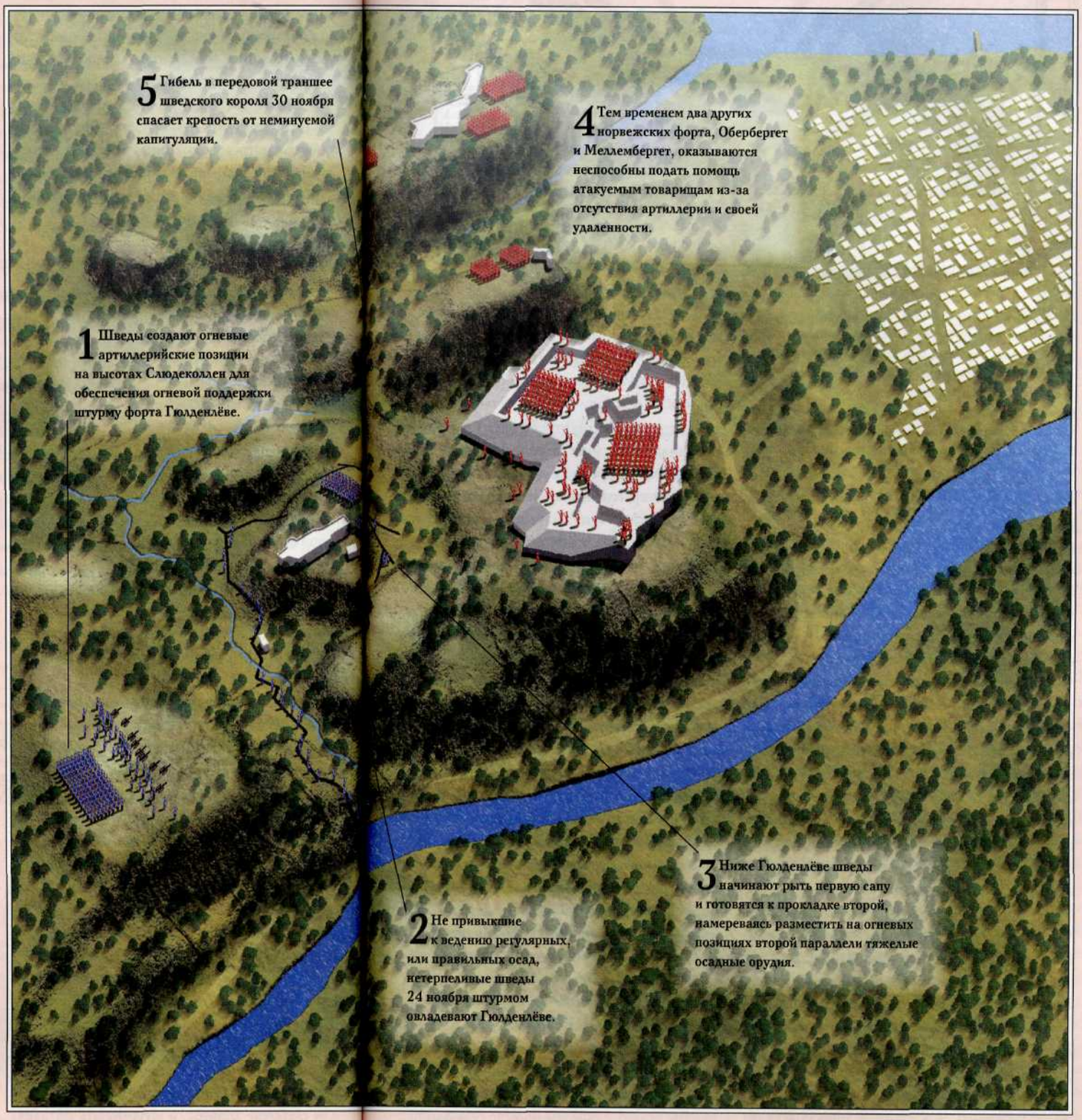
Осада Фредрикстена

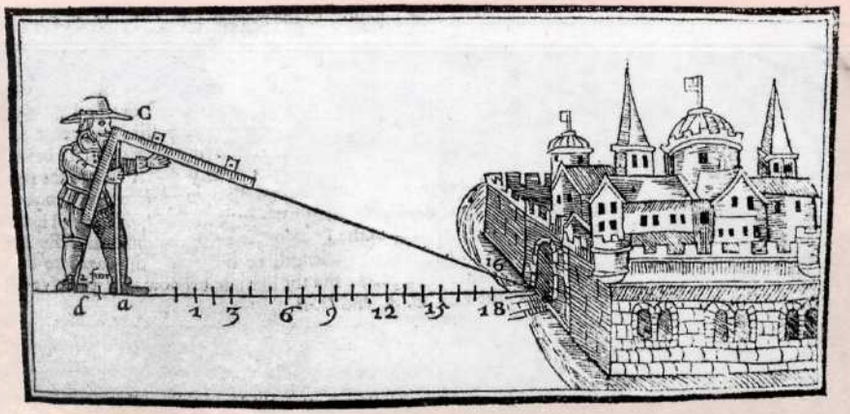
1718 г.

В октябре 1718 г. шведский король Карл XII вторгся на территорию юга Норвегии с 35 000 солдат, твердо намеренный овладеть ключевым пунктом приграничной оборонительной системы, Фредриксхалдом, захватив его в ходе планомерной осады, руководил которой профессиональный французский офицер-артиллерист, полковник Мэгре. 27 ноября шведы, возглавляемые самим королем, штурмом взяли форпост Гюлденлёве. Трое суток спустя шведы, которые вели сапы перед лицом противодействия всего лишь 1400 солдат противника в крепости Фредрикстен, вырыли параллельную траншею, после завершения работ над которой настал черед проложить вторую параллель (траншею на ближних подступах к цитадели. — *Прим. ред.*), что обещало им скорую — и сравнительно легкую, но при этом очень важную — победу. Когда бы шведам удалось вывести осадную артиллерию на позиции в пределах дистанции огня, они сумели бы принудить защитников крепости к сдаче за счет продолжительных обстрелов из мощных орудий, как полковник Мэгре и гарантировал королю. Однако 30 ноября Карл XII погиб при весьма туманных обстоятельствах, находясь в передовых окопах, что спасло норвежцев от унизительного поражения и неминуемо последовавшей бы за ним оккупации войсками соседней страны.

Расположенный в юго-восточных районах Норвегии у города Фредриксхалда (сегодняшнего Халдена) замок Фредрикстен представлял ключевую крепость в обороне на границе между Норвегией и Швецией.

Несмотря на примитивные инструменты, которыми пользовались саперы в те времена, осадные пояса (параллели), туннели и траншеи прокладывались ими с поразительной точностью. На этой иллюстрации солдат инженерно-саперных войск с помощью неустановленного прибора определяет дистанцию от места, на котором находится, до основания окруженной рвом стены укрепленного города.

стена, должен был констатировать, что враг полностью обложил крепость осадой, тогда как в его собственном распоряжении находилось только 1400 чел. Карл не мог удержаться от соблазна самому ввязаться в рискованное предприятие и 27 ноября лично возглавил смелую атаку, которая привела к захвату отстоящего форта Гюлденлёве.

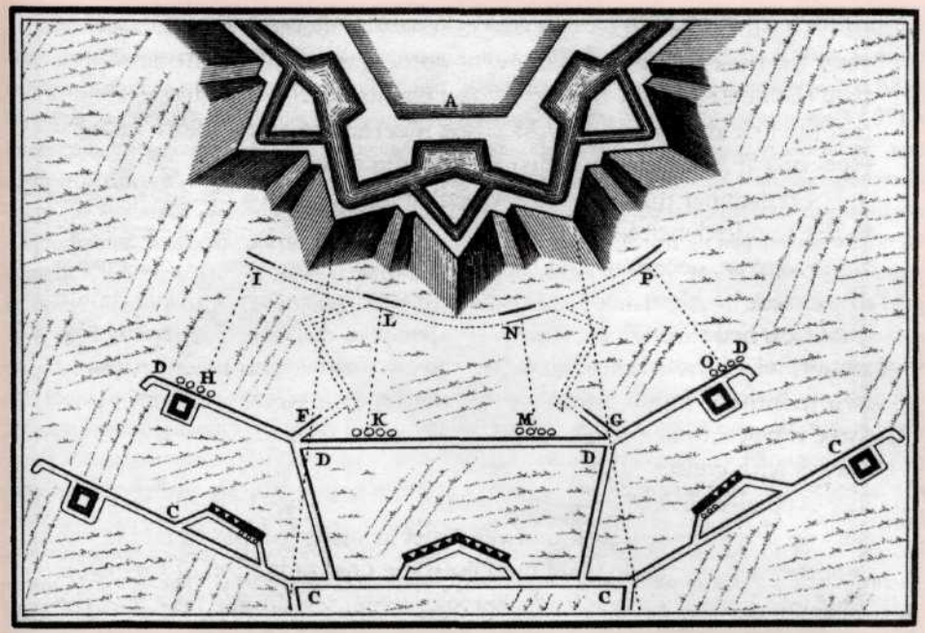
Между тем, шведам приходилось на сей раз заниматься несвойственным им нудным делом — рытьем траншей и подходов к Фредрикстену. Всю эту трудную и особенно медленную в условиях сложного грунта на подступах к крепости работу им приходилось производить под огнем норвежцев со стен главного форта и двух уцелевших аванпостов на пути к нему. К 30 ноября прокладывание первой ветви осадных сооружений завершилось, сапа была вырыта. Карл с нетерпением ждал, когда Мэгре приступит к созданию второго эшелона. Мэгре уверял нетерпеливого короля, что крепость не продержится более восьми дней, и даже сам комендант Фредрикстена, полковник Ландсберг, разделял мнение оппонента, признавая, что не сможет удерживать Фредрикстен больше недели.

Поскольку почва была слабая, шведам пришлось укреплять ее и траншеи, закладывая по 600 фашин и 3000 мешков с землей ежедневно. Когда осаждающие закончили второй пояс и соорудили заслон в виде брустверов, осадная артиллерия Мэгре, состоявшая из 18 тяжелых стволов (в том числе шести 16-кг [36-фунт.] гаубиц и шести 34-кг [75-фунт.] мортир), получила возможность обрушить свой огонь на фортификации цитадели. Ландсберг сознавал, что укрепления не были должным образом «вжившены» в скалу, на которой возвышался замок, а потому не смогли бы выдержать сильного обстрела шведских орудий.

К счастью для норвежцев, 30 ноября воинственный Карл XII, постоянно стремившийся командовать с переднего края, находился в передовой траншее, где его нашла, во всей видимости, шальная пуля, попавшая венценосному воителю в голову и сразившая его насмерть. Командовавшие операцией шведские офицеры тут же отдали приказ об отступлении, так что мечты об империи умерли вместе с Карлом. Сейчас считается, что роковая пуля вовсе не была случайной и что король пал жертвой наемного убийцы, подосланного беспринципным и властолюбивым зятем Карла (мужем его сестры), князем Фридрихом Гессенским, который и стал впоследствии шведским королем Фредериком I (1720–1751 гг.).

Мастера фортификационного дела – де Вобан и Кухорн

Франция усвоила голландскую, или испанскую, технологию возведения фортификационных систем, применения артиллерии и прочие осадные приемы на заре семнадцатого

На представленной здесь схеме из собственного учебника де Вобана, откуда и позаимствована иллюстрация, показаны приемы осадного дела, а именно упрощенная система параллельных траншей, соединенных между собой ходами сообщения. Пояс траншей придвигался к стенам при помощи прокладки зигзагообразных туннелей с последующим разветвлением коридоров вправо и влево.

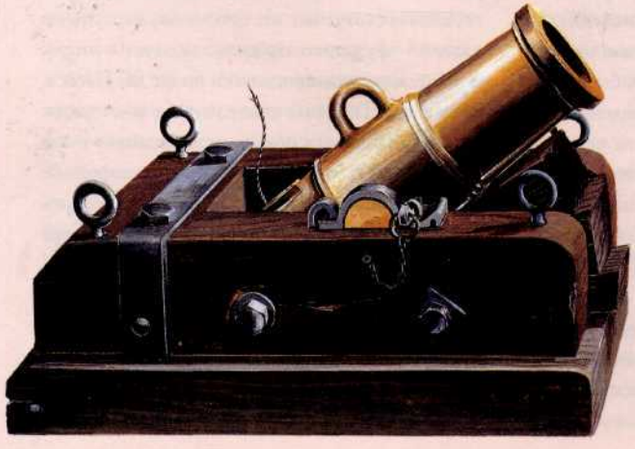
столетия и применяла их с переменным успехом. Французы обнаружили, что голландская схема обложения крепостей требовала огромных усилий и большого количества солдат, однако подступы к укреплениям все равно получались неширокими и изолированными, что повышало уровень потерь у осаждающей стороны. Французы отмечали, что параллельные траншеи применяют турки, однако собственно французские военачальники, как наблюдательный маршал дю Плесси, предложили внедрить поясную систему — или систему параллелей — для размещения на переднем крае осадной артиллерии. Подобный шаг обеспечивал огневое прикрытие штурмовым отрядам и позволял вывести артиллерию на более близкие к вражеским укреплениям позиции. Все эти находки служили как бы предтечей появления де Вобана и произведенных им усовершенствований французского осадного поезда и вообще приемов осадного дела во второй половине семнадцатого столетия.

В середине семнадцатого века Себастьян ле-Претр де Вобан (1633–1707 гг.) был молодым артиллерийским офицером. Не лишенный наблюдательности, он пришел к выводу, что тот хаос, который царил во время осад во всех армиях, включая и французскую, обусловлен в первую очередь отсутствием настоящих инженерно-саперных войск и прежде всего толковых инженеров. Профессиональный эксперт инженерно-саперного дела являлся во времена юности де Вобана и правда редкой птицей во французских войсках, а постоянного инженерно-саперного корпуса в смысле рода войск с закрепленным за ним соответствующим статусом, по сути дела, не существовало — функцию эту выполняли все и никто. Французские военачальники вроде дю Плесси, Конде или Тюренна считали себя мастерами на все руки и вели осады, не спрашивая советов специалистов и не привлекая профессионалов. Именно де Вобану предстояло создать и вскормить инженерно-саперный корпус и превратить его офицерство в отряд высокопрофессиональных и толковых экспертов, без которых не мыслила себя в будущем французская армия. Де Вобан — самый знаменитый из мастеров фортификационного искусства — родился в бедной дворянской семье

в Бургундии в 1633 г. В 1678 г. он сделался генеральным комиссаром фортификаций, в 1688 г. получил звание генерал-лейтенанта, а в 1703 г. возвысился до поста маршала Франции. Четырьмя годами позднее он скончался в почтенном возрасте 74 лет, имея на счету 160 построенных или спроектированных фортов, 48 осад и восемь ран на теле. Современники единодушно считали его трудоголиком, которого всегда можно было застать в Париже за изучением карт, разработкой схем и составлением планов либо в инспекционной поездке или на войне. Величайшим из его достижений стало строительство сплошной линии укреплений — знаменитой «железной границы», или «фронтьер де фер» (*frontière de fer*), — протянувшейся от Ла-Манша до швейцарских гор. Всегда, когда возможно, де Вобан возводил двойные эшелоны укреплений.

Именно его стараниями даже в самые мрачные для Франции годы Войны за испанское наследство — с 1709 по 1711 гг. — враги не сумели прорвать «железную границу». Те же самые форты спасали Французскую республику от вторжений в девяностые годы восемнадцатого века и стали грозной преградой для прусской артиллерии в 1870—1871 гг.

Несмотря на все заслуги де Вобана как строителя фортификационных сооружений, история помнит о нем больше как о разрушителе или человеке, который брал крепости. Прежде чем де Вобан разработал собственную логическую, методическую и рациональную систему осадного дела и представил ее как «съеж ан форм», или регулярную осаду (*siège en forme*), понадобилось множество труда, проб и ошибок, выкопанных траншей и установленных батарей. Фундаментом системы де Вобана служил основополагающий план. Траншею, которую осаждающим надлежало прорыть параллельно стене вражеской крепости, называли первой параллелью или поясом. Закончив ее, предстояло приступить к прокладке зигзагообразных ответвлений, так называемый «апрош» (*approche*, или сапа), чтобы неприятельская артиллерия не могла простреливать их продольным огнем, поскольку — если бы коридор велся напрямую — для врага открывалась возможность, как следует прицелившись, посеять смерть и разрушения среди находящихся в нем людей и механизмов. На полпути к стене прокладывалась вторая параллель, или пояс, что позволяло передвинуть артиллерию ближе к целям. Затем наступало время вновь вести сапу, или апрош, — точно в том же духе, как и прежде, — чтобы по окончании рытья коридора развернуть третью и последнюю параллель. Находясь на огневых позициях на ней, мортиры и гаубицы открывали смертоносный огонь по объектам внутри города, что зачастую позволяло ожидать скорой капитуляции. Обычно командование стремилось избежать проделывания брешей в стенах и, как следствие, штурма, сопряженного с резней жителей и гарнизона и разграблением города или крепости, поскольку хотело заполучить объект целым. Система в большинстве случаев срабатывала, а потому осаждающим редко приходилось прибегать к прорывам через проломы в стенах.

Представленная здесь легкая мортира — продукт конструкторской мысли голландского эксперта в области фортификаций и артиллерии Менно ван Кухорна, названная в его честь и применявшаяся как довольно подвижное средство поддержки пехоты в ходе осад. Орудие имело калибр 143 мм, весило «всего лишь» 74 кг и обладало способностью послать снаряд на расстояние около километра. Ствол длиной 457 мм устанавливался на станке, который позволял менять угол вертикальной наводки от 20 до 70 градусов.

На картине отражен взгляд современника на события битвы за Квебек: британские солдаты в ярко-красных мундирах форсируют кажущуюся обманчиво спокойной реку Св. Лаврентия на гребных лодках. Сразу же после высадки на северном берегу они принимаются карабкаться по отвесным скалистым склонам, чтобы затем развернуть атаку против неприятеля на равнине Авраама.

Де Вобан — точно какой-нибудь средневековый алхимик — создал превосходный учебник — руководство по овладению крепостями без излишних потерь и кровопролития для осаждающих, а также и для осажденных, если у тех хватало сообразительности вовремя капитулировать. Однако технологии гениального изобретателя позаимствовали и враги Франции, к тому же де Вобану не удалось превратить французскую артиллерию в гладко — без сучка и задоринки — функционирующий узел механизма осадного дела и заставить ее легко «подкатываться» к вражеским твердыням. Более того, из-за его нелюбви к минированию французские минеры отставали от коллег в соседних странах, пока в середине восемнадцатого столетия Белидор (военный инженер и специалист в области гидравлики. — *Прим. ред.*) не изобрел форсированную мину. Де Вобану никогда не приходилось держать оборону в осажденном форте, и у него не возникало новаторских идей в отношении того, как защищать крепость во время осады, если не считать рекомендаций сосредотачивать в фортах побольше артиллерии. В итоге система де Вобана повернулась против страны изобретателя, причем с колоссальным разрушительным эффектом.

Голландский коллега де Вобана, Менно ван Кухорн (1641—1704), остается куда менее известным персонажем. В то же время известно, что он оборонял Намюр от французов в 1692 г. и вновь захватывал его в сентябре 1695 г. Король Вильям III Английский и Нидерландский сделал Кухорна генералом фортификаций, и тот приступил к обновлению и модернизации укреплений Бреды, Граве, Зволле и Гронингена. Его шедевром стал Берген-оп-Зон. Кухорн создал голландский инженерно-саперный корпус из 70 офицеров, изобрел легкие и подвижные осадные мортиры, которые могли перетаскиваться с места на место усилиями двух человек и легко размещаться в осадных траншеях; орудия получили в честь разработчика название мортир Кухорна. Его работы, как и созданное Вобаном, прошли практическую проверку и выдержали испытание временем.

Звездный час де Вобана и войны «короля-солнце»

Людовик XIV унаследовал престол Франции в 1661 г., видя для себя главную королевскую работу в руководстве и главнокомандовании войсками. Ближе к концу своего правления он уже предостерегал потомков, давая им наказ не любить войну так же, как любил ее он. Однако если война служила его страстью, то главной фавориткой выступала осада, потому что победа в ней, благодаря мудрому водительству де Вобана, никогда не изменяла королю.

Людовик XIV находился рядом с де Вобаном, когда в 1673 г. тот приступил к осаде голландского гарнизона крепости и города Маастрихт. Де Вобан приказал рыть просторные осадные траншеи с укрепленными ступенями, с которых мушкетеры вели постоянный и меткий огонь по городским стенам, обладая со своей стороны возможностью встречать вылазки противника на широком фронте. Землекопы прокладывали параллели для расположения артиллерии и вели зигзагообразные сапы, что помогало снижать потери. Де Вобан сосредоточил артиллерию на одном участке — в данном случае против городских ворот, — и 1 июля защитники Маастрихта сложили оружие. Как мы уже говорили, величайшим наследием де Вобана стала «железная граница», которая обеспечила Франции беспрецедентные по надежности оборонительные рубежи, так пригодившиеся ей в ходе Войны за испанское наследство, однако великий строитель не преминул заметить воинственному государю, какие затраты приходится нести в связи с этим Франции. Слишком много солдат приходилось задействовать на монотонной гарнизонной службе, тогда как с большей пользой они могли бы послужить в рядах французских войск в полевых столкновениях. Средства, потраченные на строительство фортов, не только привели к оскудению королевской казны, они и вынудили сократить размеры финансирования французской армии.

Методы де Вобана — в жизнь. Семилетняя война в Северной Америке

То, что учебник по осадному делу де Вобана может оказаться полезным и за пределами Европы, показала на примере Семилетняя война в Северной Америке, где в ходе противостояния между Францией и Британией отмечались довольно интересные осады. Британия располагала козырными картами в виде сильного ВМФ и многочисленного колониального ополчения, служившего в качестве усиления для регулярных войск. Если бы материальные ресурсы и количество вооруженных людей одни могли бы служить способом добиться победы в военном противоборстве, тогда старый враг быстро бы сокрушил французов. Главной причиной того, что этого не случилось, — помимо ошибок, допущенных британцами на начальной стадии враждебных действий, — являлись грозные французские фортификации, вставшие перед британцами на любом маршруте в глубь Канады.

Французский главнокомандующий в Северной Америке, маркиз де Монкальм, довольно разумно захватил инициативу в действиях против куда более сильных британских войск, послав в марте 1757 г. партию рейдеров против форта Вильям-Генри. Они сожгли стоявшую на озере эскадру, лишив форт средств коммуникаций и способности остановить продвижение французов через озеро Георг. 3 августа Монкальм высадился около форта в отсутствие какого бы то ни было противодействия со стороны британского гарнизона. Монкальм приказал устроить артиллерийскую позицию к западу от объекта и тут же приступил к рытью сап и прокладыванию параллелей в классическом стиле де Вобана, шаг за шагом продвигаясь к цели. Трое суток спустя французы открыли артиллерийский огонь из передовых траншей, а еще через день к пушкам подключились мортиры. Мортирный огонь привел к разрушениям домов и хозяйственных построек внутри форта, в то время как сами британцы не имели возможности дать достойный ответ противнику. Под ударами артиллерии стали рушиться стены, боевой дух обороняющихся заметно упал. 9 августа комендант форта, полковник Манро, капитулировал.

В следующий год британцы приложили усилия к тому, чтобы реорганизовать свои силы и попытаться отомстить французам за понесенные поражения. Генерал Джеймс Аберкромби, метко прозванный его собственными солдатами «Дедусей», переправился через озеро Георг с 12 000 чел. и огромным осадным поездом, чтобы ударить на форт Карильон (Тикондерога). Аберкромби следовало бы занять Гору Гремучих Змей в полутора километрах к юго-западу от форта, разместить там осадную артиллерию (16 пушек, 11 мортир и 13 гаубиц) и разнести в щепы слабенькие стены.

Вместо этого Аберкромби проявил этакую неуместную стеснительность, дав Монкальму время построить «абатти» (*abattis*) для защиты форта. Она состояла из неглубоких траншей с брустверами из бревен и мешков с песком поверх них, а также с заграждениями длиной в добрую сотню метров из поваленных деревьев, или, если по-французски, «арбрз абаттю» (*arbres abattus*), могучие стволы которых, длинные переплетенные ветки и острые сучья представляли собой непреодолимый барьер на пути атакующих.

Аберкромби продолжал играть на руку неприятелю, отправив 7000 великолепных красных кафтанов в сомкнутом строю против «абатти», где те, увязнув в прегради, были буквально расстреляны французскими мушкетерами и артиллеристами. Британцы потеряли только убитыми 2000 чел. и, как побитые собаки, уползли к кораблям флотилии под хохот и улюлюканье французов.

Восточнее от места британского позора протекала другая осада, которую вели британцы против сильнейшего французского форта в Северной Америке, Луисбурга, по предписаниям де Вобана. Генерал Амхерст с 14 000 чел. приступил к высадке на острове Кейп-Бретон 8 июня и приказал рыть траншеи полукольцом, постепенно приближаясь к стенам города. Оборонительный комплекс Луисбурга опирался на два массивных бастиона, называвшихся «Король» и «Королева» (*Le Roi* и *La Reine*), и два меньших полубастиона — «Наследный принц» и «Принцесса» (*Dauphin* и *Princesse*) — и имел гарнизон из 6000 солдат и моряков. По стандартам Северной Америки крепость вполне заслуживала названия огромной. Однако события осады убедительно доказали, что британцы прекрасно усвоили уроки де Вобана и как нельзя лучше переняли его приемы. 8 июня они начали вести сапы, а уже 12 июня потеснили французов из внешних укреплений, чтобы спустя еще неделю приступить к обстрелу города. К 3 июля британские батареи с входившими в них смертоносными мортирами находились всего немногим более чем в 500 м от стен города, обстреливая его бомбами с весьма большим уроном для противника. 24 июля, когда была выведена из строя французская морская эскадра и в порт вошел британский флот, мортиры накрыли удачными выстрелами бастион «Король», который запылал, как факел. Луисбург сдался. Дорога в сердце Канады лежала открытой.

Квебек, 1759 г. Начало конца французского владычества в Северной Америке

Успех британцев в деле подавления внешней обороны Канады и взятие Луисбурга открывали речной маршрут вверх по реке Св. Лаврентия и давали британцам возможность вторгнуться в центральные пределы Новой Франции. Генерал Джеймс Вулф, возглавлявший Квебекскую экспедицию, оставил позади занятый британскими войсками Луисбург и отправился в путешествие по реке Св. Лаврентия с 8500 британских регулярных солдат. Путь этот вел его к главному деянию за всю карьеру и достойному венцу ее — к захвату крепости Квебек.

В выборе места для столицы и главной крепости Новой Франции, Квебека, французы превзошли самого Вобана, равно как и преуспели в том, что касается военной архитектуры и инженерно-саперного дела. Так, по крайней мере, казалось на первый взгляд. Квебек возвышался на гористом мысе, где с трех сторон город прикрывала вода рек Св. Лаврентия и Св. Карла.

Памятуя о неудачах былых британских экспедиций в 1693 и 1711 гг., французы полагали, что противник столкнется с большим трудностями в ходе преодоления течения реки Св. Лаврентия и считали, что будет достаточно нескольких брандеров, чтобы не допустить прорыва вражеских судов к Квебеку. Если бы все же дело дошло до штурма, противник — как рассчитывали французы — высадился бы с северной стороны. Далее со своего плацдарма британцам предстояло бы попытаться продвинуться на юг и атаковать через реку Св. Карла. Если бы враг решил напасть с юга, французы

Осада Квебека

1759 г.

Французские власти в Северной Америке всегда надеялись, что им не придется выходить на защиту своей колониальной столицы в скольлибо опасной близости от нее, и впоследствии неверно предугадали шаги неприятеля. Монкальм сделал основным участком обороны проложенный к северу от реки Св. Карла рубеж — хваленую линию Бопора, — но не позаботился об укреплении Пуэн-Леви, господствовавшего над нижним городом. Британский командир, генерал Вулф, занял важный участок местности, установил на нем батарею, за счет чего обеспечил эскадре дальнейшее продвижение под прикрытием артиллерии. Сделав это, он совершенно подорвал обороноспособность вражеского рубежа путем неожиданной для французов высадки войск выше по течению от Квебека, в л'Анз-де-Фулон. Затем Вулф, владея инициативой, дал противнику бой на равнине Авраама. Монкальм помог ему, допустив еще одну роковую ошибку. Он слишком рано бросил в бой свои большие, но непрофессиональные отряды, тогда как ему следовало бы избрать более оборонительную тактику. Когда французы легкомысленно устремились на британские порядки, пехота обрушила на них смертоносные ружейные залпы. После кровавой битвы британцы приступили к строительству осадных сооружений, однако разгромленный в поле гарнизон капитулировал раньше, чем они были закончены.

Квебек не просто являлся ключом к судоходству по реке Св. Лаврентия, но и, по сути дела, находился в самом центре французской колонии в Канаде. Преодоление мощных укреплений города представляло собой непростую задачу для генерала Вулфа и его британских солдат.

надеялись, что почти отвесные скалистые уступы северного берега помешают неприятелю осуществить высадку и развернуть штурм. На случай прихода британцев с запада путь им преградила бы сплошная стена с двумя могучими бастионами и двумя полубастионами. Одним словом, французы пребывали в уверенности относительно любого варианта развития событий, однако — к несчастью для них — уверенность эта оказалась ложной.

Взгляд на стену, прикрывающую Квебек с суши, мог бы создать у досужего наблюдателя ощущение неприступности, которая являлась, между тем, не чем иным, как блефом. В действительности с якобы грозной стеной не все было в порядке. Прежде всего, ее закончили в 1749 г., но не вырыли перед ней рва. После падения Квебека британские военные инженеры высказали немало критических замечаний в адрес строителей. Из-за очень каменистого грунта пришлось бы применять взрывные работы, чтобы сделать ров достаточно глубоким и широким, если только обороняющиеся хотели, чтобы он действительно представлял собой преграду на пути атакующих. Но поскольку стену уже возвели, подобные действия могли бы привести к ее обрушению. Как убедились британцы, сколь-либо достойный ров и внешние заслоны существовали только перед северным бастионом Св. Иоанна. В остальных местах ров так и не закончили. Там же, где ров все же имелся, он походил скорее на канаву глубиной от полутора до двух метров, чем на деталь настоящего фортификационного сооружения.

Современная по тем временам крепость нуждалась в широком поясе внешних укреплений, чтобы защищать городские стены от воздействия огня артиллерии и препятствовать их эскаладе. Ничего подобного в Квебеке не водилось, и даже сами стены города представляли собой еще одну проблему для обороняющихся. Земля шла под уклон в направлении с севера на юг, что соответственно обуславливало более низкое положение следующего бастиона по сравнению с предыдущим, а это мешало солдатам на бастионах оказывать друг другу взаимную поддержку. Вдобавок ко всему, вся стена оставалась открытой перед продольным огнем через реку св. Карла, а напротив северной оконечности стены снаружи имелись господствующие высоты. Ну и в довершение всего строитель укреплений, де Лери, совершенно не позаботился об огневых позициях для пушек и даже не сделал ни одной амбразуры, которые бы смотрели в сторону равнины Авраама. Четыре бастиона стены сооружались без учета обстрела врага на равнине, в случае же попытки штурма стен осажденные располагали для оказания противодействия нападению всего 52 пушками. В общем, атакующим надо было только достигнуть стен, что — принимая во внимание всю их слабость — неизбежно привело бы к падению Квебека. Едва овладев Квебеком, британцы немедленно проделали амбразуры, которые бы выходили на равнину.

> *«Осадное дело дает нам в руки средства овладеть территорией и удержать ее. Битва может дать победителю господство над той или иной местностью на какое-то время, однако он не способен чувствовать себя хозяином ее до тех пор, пока не возьмет крепость».*
>
> *Де Вобан*

Французы не уделили должного внимания и еще одному обстоятельству, что спустя полвека обошлось им довольно дорого. В 1702 г. французское командование собиралась возвести один, а лучше два форта в Пуэн-Леви (сейчас просто населенный пункт Леви. — *Прим. ред.*) по ту сторону реки Св. Лаврентия и напротив нижнего города Квебека. Если бы британцы овладели этим участком местности, они смогли бы разместить на нем батареи, которые позволили бы обеспечить прикрытие британской флотилии на пути продвижения вверх по реке и для нанесения удара по Квебеку с юга и с запада, но, кроме того, установленные там пушки получили бы возможность обстреливать сам город, принуждая защитников к сдаче.

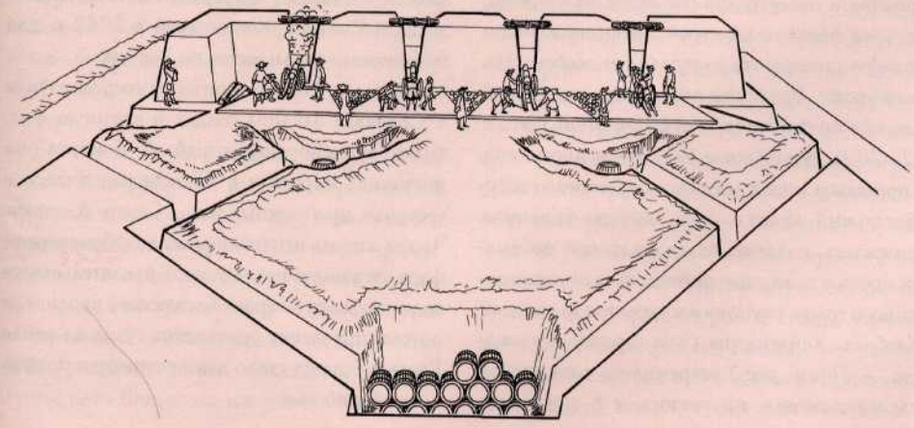
Осенью 1758 г. Монкальм и его главный специалист в области инженерно-саперного дела, полковник Понлеруа, разработали план обороны. Они не очень-то верили в неприступность Квебека и собирались встретить врага по линии полевых фортификаций за пределами стен города. Оба исходили из того, что британскому флоту придется встать на якорь в бассейне Бопора прежде, чем противник сумеет высадиться между устьями рек Св. Карла и Монморанси. В соответствии с этим Монкальм решил проложить главный оборонительный рубеж по линии Бопора, а второй пояс заранее подготовленных для отхода позиций — по реке Св. Карла. При этом оба — и маркиз, и его главный эксперт — упустили из вида главную слабость Квебека — не придали значения опасности, исходившей от Пуэн-Леви и равнины Авраама. В случае овладения британцами первой из позиций они получали возможность продвинуться за Квебек и обойти «линию Бопора» с фланга, если же британцам — несмотря на все расчеты и предположения французов — удастся вскарабкаться по почти перпендикулярным скалам северного берега, Квебек падет.

К 11 июня 1759 г. работы по сооружению линии Бопора завершились. Комплекс состоял из трех крупных редутов, нескольких меньшего размера и трех мостов через реку Св. Карла. В разрез с последующими утверждениями Монкальма он располагал достаточным числом солдат, чтобы возвести фортификации и разместить на них нужное количество живой силы. Путем тотальной мобилизации он сумел сколотить войско в 15 000 чел., включая и бойцов канадского ополчения. Однако Монкальм обнаружил, что главный рукав реки Св. Лаврентия слишком широк для блокирования, тогда как 27 июня преждевременно пущенные по течению брандеры сгорели шумно и эффектно, но безо всякого вреда для противника.

Командиры с британской стороны спешили воспользоваться слабостью Квебека, а потому адмирал Сондерс, возглавлявший эскадру, рекомендовал Вулфу немедленно атаковать и овладеть Пуэн-Леви. 29 июня этот важный участок местности перешел в руки британцев, которые стремились предотвратить блокирование французами дальнейшего пути вверх по реке Св. Лаврентия. Операция удалась, и на следующий день британские солдаты устремились на берег. Располагая Пуэн-Леви, британцы получили возможность открыть огонь по Квебеку и подниматься по течению, не слишком-то заботясь об угрозе со стороны пушек противника.

Когда британцы овладели южным берегом реки, Вулф 31 июля развернул закончившуюся неудачей атаку, которая обошлась ему в 443 чел. В августе он отправил отряды для

Осадная артиллерийская батарея, расположенная на показанных тут тщательно оборудованных оборонительных позициях, прикрыта надежным заслоном из грунта и камня. Несмотря на отличную защиту, которой служили такие укрепления, они ограничивали сектор обстрела пушек. В тылу позиции вырыты глубокие траншеи, а запас пороха и боеприпасов хранится в глубоком погребе, крышей которому служит настил из бревен под толстым слоем земли. Расстояние от склада до огневой позиции довольно значительное, что позволяет артиллеристам избежать потерь в случае удачного попадания вражеского снаряда в пороховой погреб и взрыва.

опустошения местности вокруг города, уничтожив 1400 фермерских хозяйств, чтобы подтолкнуть Монкальма к решительным действиям — заставить его выйти в поле и дать бой. Однако Монкальм оставался по ту сторону заграждений.

Но вот на долю Вулфа выпала удача. Один британский офицер, капитан Роберт Стэбо, попал в плен и сидел в заточении в Квебеке, но весной 1759 г. бежал оттуда. Он поведал Вулфу о существовании узкой и крутой тропы, которая вела вверх с берега к равнине Авраама из района л'Анз-де-Фулон. На тот момент Вулф готов был ухватиться за любой шанс, пусть даже и рискованный, а потому послушал капитана и высадил войска в рекомендованной им точке. Чтобы сбить с толку французов и заставить их поверить в то, что атака на данном направлении лишь отвлекающий маневр, адмирал Сондерс послал солдат и матросов на штурм линии Бопора. Оказавшись в л'Анз-де-Фулон, Вулф отправил отряд вперед для занятия небольшого французского лагеря на вершине скал, а потом вывел свою армию на равнину. Французы заглотали наживку и бросились отражать вражеское нападение на рубеж по Бопору; день уже клонился к закату, когда Монкальм получил тревожные известия о том, что противник угрожает ему с тыла.

Монкальму следовало подождать часа три, пока полковник Буренвилль с 1500 солдатами регулярных войск сумеет выйти к равнине с Кап-Руж, однако маркиз совершил просчет и принял решение немедленно атаковать, несмотря на нехватку у него дисциплинированных регулярных бойцов. Храбрые, но излишне горячие и необстрелянные канадцы устремились на британский строй, неорганизованно паля по противнику из ружей без особого для него урона. Британцы выжидали, когда нападающие приблизятся, и открыли огонь всего с 12–20 м. Воздействие сосредоточенного огня с предельно малой дистанции произвело сокрушительный эффект: очень быстро французы смешались, подались назад и в панике побежали прочь с поля, превратившись в неорганизованную толпу, рвущуюся к укрытию за стенами Квебека. Хайлендеры (или горные шотландцы. — *Прим. ред.*) устремились в погоню за улепетывающим противником с тяжелыми клинками в руках. Единственным утешением для французов стал тот факт, что туземные и канадские снайперы застрелили как Вулфа, так и его помощника Монктона.

Монкальм ненадолго пережил оппонента, он получил смертельную рану и скончался 14 сентября. В тот же день британцы приступили к рытью осадного рубежа на подходах к стенам. Еще трое суток они продолжали трудиться, стягивая на передний край артиллерию. Ко второй половине дня 17 сентября английский флот изготовился к обстрелу Квебека с воды, а сухопутный контингент с осадного пояса сосредоточил огонь на бастионе Св. Урсулы. 18 сентября защитники Квебека капитулировали.

Гавана, 1762 г. Осада, которая унизила Испанию

В восемнадцатом столетии Гавана представляла собой самый хорошо укрепленный город на территории обеих Америк, являясь ключевым пунктом для испанской империи в Новом Свете. Город был не просто столицей и главным портом Кубы, но также и сосредоточением сил испанских властей в Вест-Индии, кроме того, он служил местом встречи кораблей с серебром перед их отправлением через Атлантику в Кадис. Для защиты стратегически важного порта, морской базы и доков испанцы разместили в гавани Гаваны мощный флот. Падение Гаваны стало звонкой пощечиной Испании и пятном на имперском престиже, после чего на протяжении 60 лет шел активный процесс ослабления позиций Испании на Американском континенте. Воздействие падения Гаваны можно сравнить с пагубными последствиями захвата Сингапура японцами в 1942 г. для британского владычества на Востоке.

В начале 1762 г. британцы сосредоточили в Спитхэде 16 000 солдат и крупную флотилию транспортных кораблей. 5 марта она поставила паруса и к 25 мая находилась в северных прибрежных водах Санто-Доминго. Чтобы застать испанцев врасплох, британский флот отважился проследовать предательскими водами узкого Старого Багамского пролива, а потому появление британских судов на рейде Гаваны 6 июня стало для противника полной неожиданностью.

Фактор внезапности играл очень большую роль, поскольку британцам надо было захватить Гавану до начала осени, в противном случае существовал немалый риск, что личный состав армии выкосят желтая лихорадка и малярия. Однако взятие Гаваны являлось непростым делом, поскольку испанцы приложили немалые силы и потратили большие средства для того, чтобы сделать город-крепость неприступным. Вход в гавань и к самому окруженному стенами городу преграждала грозная крепость Эль-Морро. Обороноспособность огромных, выходивших на сушу стен форта еще больше повышал глубокий и широкий каменный ров. Местность за пределами крепости не позволяла рыть осадные траншеи или же наполнять землей мешки, кроме того, не давала наступающим возможности где-нибудь укрыться и обеспечить себя питьевой водой. Доступ в гавань также преграждался другой крепостью, Ла-Пунта, расположенной на западной стороне, а кроме того — заграждениями из бревен и судами Гаванской эскадры. Город, его внешние форты и укрепления гавани представляли собой взаимно сообщающиеся, интегрированные в единую огромного потенциала оборонительную систему фортификации, которая ни в коем случае не могла послужить легкой добычей для осаждающих ее войск. На позициях располагался гарнизон численностью не менее 5000, но не более 10 000 чел., если считать и матросов с эскадры. Однако в испанской обороне имелся один маленький уязвимый пункт, который британцы могли употребить себе на пользу, поскольку противник их не позаботился об укреплении господствующих высот Ла-Кабана. Дислоцированные там британские батареи получали возможность поливать смертоносным огнем как Эль-Морро, так и саму Гавану вместе с ее портом.

Британское командование, возглавляемое лордом Албермарлем, решило сосредоточить усилия на крепости Эль-Морро, однако выбор точки приложения сил обрекал их на продолжительную осаду, которая грозила вспышкой эпидемий тропических болезней среди неопытных и незакаленных солдат. 7 июня 4000 британских военнослужащих высадились в устье реки Бакуранао и в условиях лишь слабого противодействия овладели расположенным там фортом. Когда же британцы таким образом создали береговой плацдарм, стало очевиднее, чем когда бы то ни было прежде, что испанцам следовало бы позаботиться об укреплении высот Ла-Кабана. 10 июня полковник Карлтон с отрядами легкой пехоты захватил эти господствующие позиции. Быстро и решительно британцы приступили к строительству дороги от плацдарма к Ла-Кабана и установке батарей на них для обстрела Эль-Морро.

Осуществив все эти подготовительные мероприятия, командование получило возможность топить вражеские суда в порту и уничтожать объекты в Эль-Морро мортирным огнем с Ла-Кабана. Испанцы, надеясь затянуть кампанию до начала сезона ураганов и болезней, то и дело освежали гарнизон в Эль-Морро, и губернатор выбрал для него стойкого и целеустремленного коменданта, дона Луиса де Веласко. Британцы быстро осознали, что дон Веласко будет удерживать крепость во что бы то ни стало, а потому Эль-Морро нуждался в постоянном и массированном обстреле, если только осаждающие хотели ослабить его обороноспособность и пробить бреши в стенах.

В первую неделю июля британские войска стали испытывать трудности из-за жары и нехватки пресной воды. На одной батарее после полумесяца, в течение которого на землю не упало ни капли дождя, произошло самопроизвольное возгорание. И без того уже низкий боевой дух войска и вовсе упал. Для набивания грунтом мешков и изготовления фашин пришлось рекрутировать моряков эскадры адмирала Покока (что-то около 800 чел.). На протяжении многих дней 24- и 32-фунт. орудия во взаимодействии с 28- и 33-см мортирами поливали огнем Эль-Морро, причем настолько интенсивно, что у них стали заканчиваться боеприпасы. Тем не менее британские артиллеристы добились немалых успехов: взрывами осколочных гранат внутри Эль-Морро оторвало большие куски кладки от стен и убило множество защитников. К 17 июля в Эль-Морро осталось только две способные стрелять пушки, что позволило наступающим приблизиться. Британцы вели осадную линию, пролегавшую на северо-

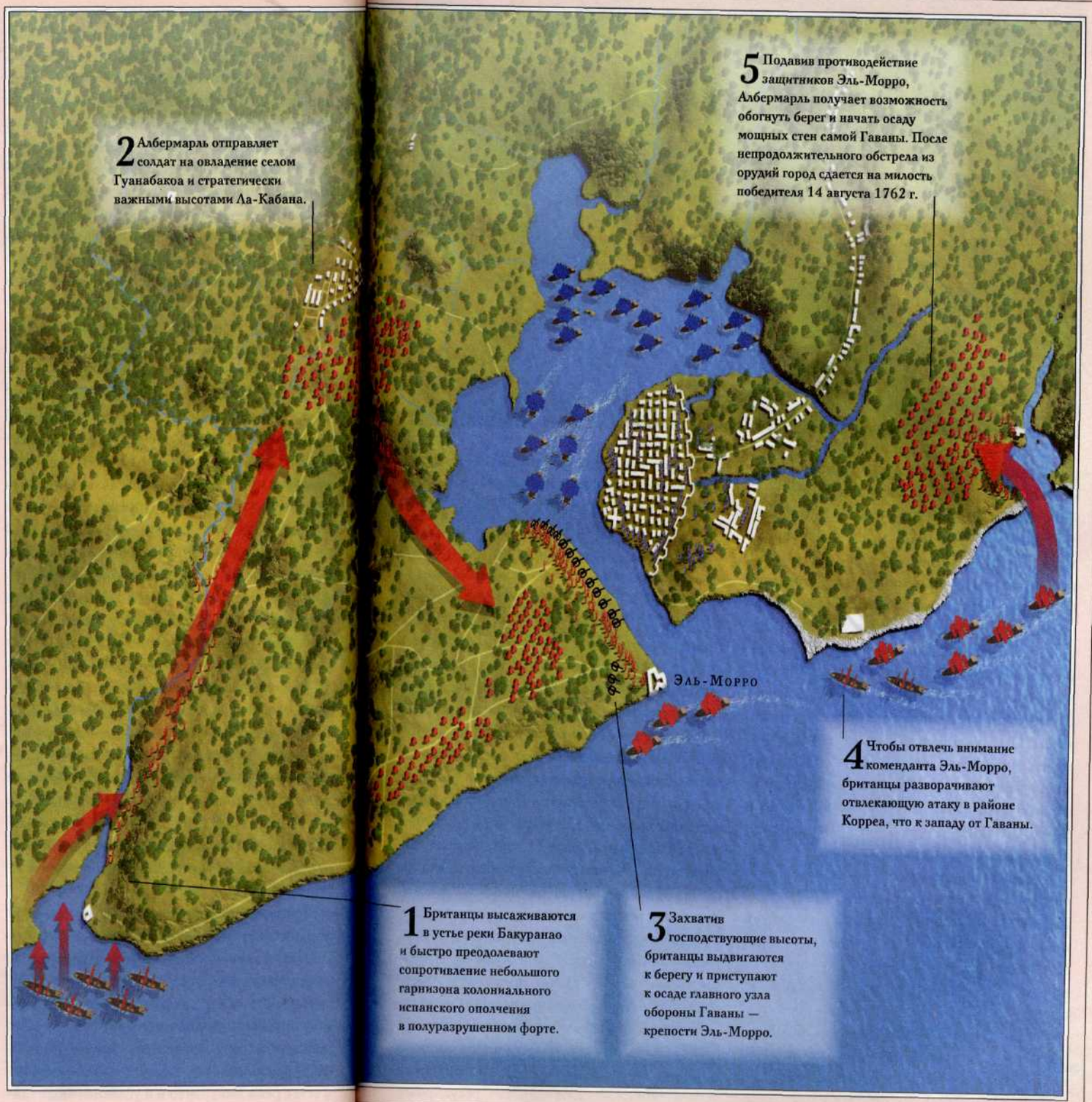
Осада Гаваны

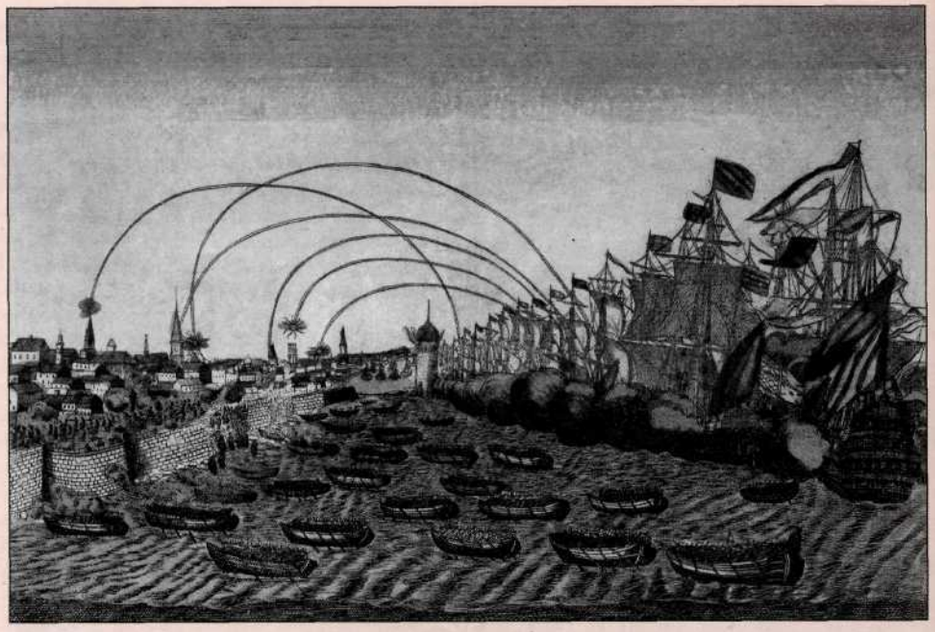
1762 г.

В июне 1762 г. британцам удалось застигнуть испанцев врасплох, высадив войска в устье реки Бакуранао и быстро продвинувшись для овладения стратегически важными высотами Ла-Кабана и селением Гуанабакоа. Британский командующий, Албермарль, подвергался критике за избранный им медленный, но методичный подход к подавлению сопротивления противника. Ла-Кабана давала британцам господствующие позиции над Гаванским заливом, на которых представлялось возможным дислоцировать артиллерию, прежде чем приступать к активным действиям по подчинению крепости Эль-Морро. Дабы отвлечь внимание защитников Эль-Морро, британцы развернули отвлекающую атаку в районе Корреа к западу от Гаваны. Против ожидания, отчаянный испанский гарнизон Эль-Морро продержался до 22 июля, за что британцам пришлось дорого заплатить потерями, понесенными как от огня противника, так и от болезней, вызываемых нездоровым тропическим климатом. Однако успех давал возможность Албермарлю провести войска вокруг южной стороны залива и приступить к осаде самого города, который в конце концов и пал 14 августа 1762 г. Так кампания завершилась, и в ней Британия одержала крупную победу над соперниками в колониальных столкновениях.

Куба, эта жемчужина Антильских о-вов, очень важный со стратегической точки зрения остров, позволяющий контролировать судоходные маршруты в Мексиканский и Флоридский заливы и, соответственно, оттуда. Гавана представляла собой главный порт и укрепленную базу на Кубе.

Британский флот запечатлен на этой сделанной с гравюры иллюстрации в момент оказания огневой артиллерийской поддержки солдатам десанта, высаживающегося на берег в больших гребных лодках чуть восточнее форта Эль-Морро и города. И тот и другой подвергаются сильному обстрелу корабельных пушек эскадры. В действительности же обстрелы вражеских укреплений начались позднее и велись преимущественно британской артиллерией сухопутного базирования — пушками и мортирами.

запад в направлении правостороннего бастиона рядом с морем, однако ввиду отсутствия выборного грунта главную функцию прикрытия для рубежа должны были выполнять брустверы. К 20 июля наступающие завершили работы по созданию заслонов, что позволяло британцам обстреливать форт из стрелкового оружия и подтянуть батарею к бастиону, где они первоначально надеялись пробить брешь во вражеских укреплениях. Однако, обнаружив узкий каменный нарост во рву, британцы передумали и решили установить там две мины. Одну из них предполагалось заложить прямо под стеной, а вторую они рассчитывали взорвать так, чтобы каменный барьер и обломки позволили бы завалить ров, что дало бы возможность штурмовым колоннам беспрепятственно преодолеть преграду.

Минирование началось 20 июля и закончилось двое суток спустя. В тот же день (22 июля) испанцы предприняли отчаянную попытку заклепать пушки батарей и уничтожить мины силами 1300 чел., атаковавших на трех отдельных направлениях, включая и высоты Ла-Кабана. Все атаки провалились.

Мины сработали, удалось пробить брешь, однако ров остался не заваленным, вопреки плану. Подполковник Джеймс Стюарт из 90-го полка возглавил штурм силами 268 пехотинцев и 150 саперов. Британская атака носила такой стремительный и напористый характер, что — вследствие количества участников приступа и натиска нападавших — понадобилось не более часа ожесточенной рукопашной схватки, как крепость Эль-Морро пала. Испанцы потеряли 130 убитыми, 37 ранеными, 326 пленными, а еще 213 чел. погибли или утонули при попытке вплавь пересечь вход в гавань и добраться до безопасной Гаваны. Храбрый и решительный комендант гарнизона, дон Веласко, оказался среди павших в бою. Испанский губернатор, дон Хуан де Прадо, имел теперь законное право предложить Альбермарлю капитуляцию, однако испанцы не желали сдаваться и решили продолжать сражаться.

В этот момент к осаждающим пришла так нужная им помощь: 3188 американских вспомогательных и британских регулярных солдат из Нью-Йорка. Прибытие подкреплений позволило британцам расширить плацдарм и установить дополнительные батареи для обстрела форта Ла-Пунта и самой Гаваны. И снова испанцы предприняли вылазки, однако не смогли ни потеснить британцев, ни уничтожить батареи. К 31 июля Албермарлю удалось завершить осадный пояс, протянувшийся вдоль западного (сухопутного) фронта Гаваны и расположить батареи по всему берегу гавани от форта Эль-Морро до высот Ла-Кабана. К 10 августа десять мортир, пять гаубиц и свыше 40 пушек находились в состоянии готовности для того, чтобы разнести вдребезги неприятельскую оборону. Британский командующий послал к дону Прадо адъютанта с предложением согласиться на капитуляцию, но губернатор отказался.

11 августа британцы начали заключительный обстрел Гаваны и продолжавших оставаться в руках испанцев фортов Ла-Пунта и Ла-Фуэрса, нанося большой урон укреплениям и множа потери среди защитников. После нескольких малоприятных часов под бомбами и снарядами Ла-Пунта перестала отвечать огнем, а испанский гарнизон ее отступил в Гавану. К полудню большинство пушек на городских стенах вышли из строя. Штурм и взятие города становились теперь вопросом ближайшего времени. В 2 часа пополудни Прадо поднял белый флаг и послал парламентера для переговоров о капитуляции. После бесполезных споров и препирательств Албермарль и Покок пригрозили губернатору Прадо сровнять город с землей, если британские требования не будут выполнены немедленно. 14 августа британцы взяли форт Ла-Пунта и устремились на Гавану.

Победа под Гаваной стала триумфом служб снабжения и специалистов осадного дела в сложных климатических условиях. Покок потерял 1200 чел., в основном по причине болезней, а урон у Албермарля составил еще 5000 чел. В итоге длинная и трудная осада Гаваны частично послужила причиной не только падения испанской империи в Америке, но и потери Британией власти над Северной Америкой. Когда американские вспомогательные отряды вернулись в Нью-Йорк, многие их бойцы страдали от болезней. Британцы же оказались не в состоянии обуздать нападения туземцев на американских колонистов в Америке, что разожгло ненависть последних по отношению к имперскому правлению, став приводным механизмом мятежа 1776 г.

Британская сухопутная мортира 1769 г. отличалась бронзовым стволом, крепившимся с помощью цапф к деревянному станку, что позволяло добиться устойчивости при стрельбе, но создавало сложности во время транспортировки, особенно если приходилось тащить орудие по пролегавшим через заросли джунглей тропам, как обстояло дело под Гаваной. Угол вертикальной наводки мортиры фиксировался за счет клиньев. Мортиры такого же типа применял и Королевский флот для обстрела целей на берегу.

Глава пятая

Война на море

Успех или поражение в боевом соприкосновении на море определялись тремя факторами: наличием или отсутствием превосходящих тактики и технических средств, а также особенностями местности в районе, в котором протекал бой, поскольку столкновения происходили обычно поблизости от берегов — в бухтах и заливах. В эпоху активных инноваций в области техники и тактики — т.е. тех двух сфер, которые поддаются изменению силами человеческого разума, — перемены в двух вышеупомянутых областях, в свою очередь, оказывали влияние на третий из названных выше, т.е. на местность, а вернее, на выбор местности.

К началу эпохи, называемой Новым временем, европейцы вышли на уровень, когда выросшая в техническом отношении материальная часть флота — корабли с их оснасткой — позволяла государям вести военные действия практически в любой точке земного шара. Иначе говоря, ни один сколько-нибудь значительный регион не мог остаться вне сферы влияния государств Западной Европы. На заре Нового времени успехи в тактике ведения боевых действий определяли направление, в котором развивались техно-

В начале эпохи Нового времени благополучный исход морского сражения обусловливался преобладающими тактикой и техническими арсеналами, а также особенностями района, где проходило сражение. В отсутствие современных средств вооружения и связи действия того или иного флота определялись наличием генерального плана атаки, техническими характеристиками кораблей и их боевой оснастки, а иногда — и довольно часто — зависели от такой простой на первый взгляд вещи, как рельеф береговой линии.

логии, в то же время достижения в области технического оснащения судов и их вооружения обуславливали набор тактических средств, избиравшихся адмиралами и судовладельцами для ведении боя в том или ином месте и в то или иное время. Необходимость защиты коммерческих интересов, а также стремление к завоеванию отдаленных территорий приводили к тому, что в ранний период Нового времени европейцы вели морские сражения в таких районах Мирового океана, которые оставались недоступными предыдущим поколениям мореплавателей.

«Говорят, что любые попытки соблюсти строй на море бессмысленны, ибо строй-де нельзя выдержать. Должен ответить на это, что из двух равных по вооружению флотилий победит та, которая сумеет держать строй лучше, чему есть простое объяснение: море, разумеется, способно смешать порядки эскадры, следующей строем, но еще больший беспорядок может вызвать оно у флота, не соблюдающего никакого строя».

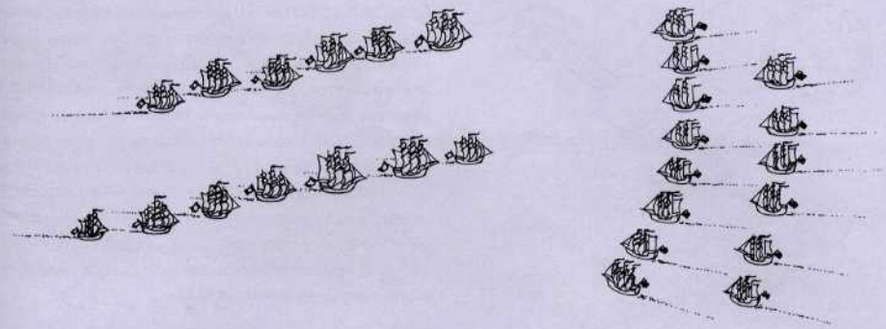
Алонсо де Чавес, 1530 г.

Тактика

Один из адмиралов более позднего времени, лорд Нельсон, суммировал тактические изыски предшественников, сведя их до одного призыва к подчиненным, звучавшего просто и понятно: «Идите и атакуйте их!» Однако выполнение подобного приказа бывало порой сопряжено с известными сложностями, если только противник не отвечал взаимностью и не разделял боевитого настроя нападавших, как происходило, например, в 1571 г. у Лепанто (сейчас греческий город Навпактос, расположенный у входа в Коринфский залив. — *Прим. ред.*). В других случаях задиристым командирам приходилось, что называется, «навязывать» сражение противнику, стремившемуся избежать столкновения. Именно то, *как* «навязать» бой не желавшему рисковать неприятелю, и представляло главную проблему для флотоводцев.

Капитанам кораблей, не приспособленных к штормам, характерным для Северной Атлантики, приходилось думать не столько о том, как выиграть то или иное сражение, сколько о том, как вообще уцелеть в экстремальных условиях. Примером может служить судьба галеасов Испанской армады после сражения при Гравлине в 1588 г. Со временем, однако, конструкции кораблей претерпевали постепенные усовершенствования в направлении усиления корпусов, что делалось как в целях повысить способность судов противостоять волнам, так и с тем, чтобы сделать их пригодными для несения более тяжелых пушек. Еще одна сложность, как уже говорилось, проистекала из того, что противник не всегда с готовностью шел на столкновение, и тогда его сначала приходилось разыскивать. Для решения подобных задач проектировались и строились более легкие корабли-разведчики. Использование таких судов позволило, в частности, голландскому адмиралу Мартену ван Тромпу поддерживать боевое соприкосновение с численно превосходящим неприятельским флотом до тех пор, пока не подошли других корабли его эскадры, которые и нанесли решающий удар по противнику в битве у Даунса (т.е. у песчаных дюн на юго-востоке Англии. — *Прим. ред.*) в 1639 г.

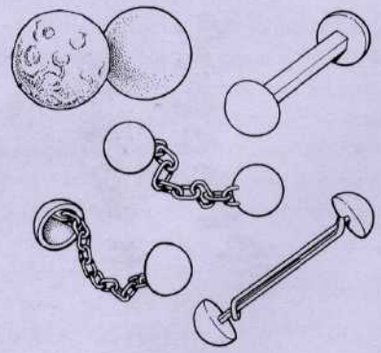
В качестве следующей из достойных упоминания проблем, которая постепенно разрешилась путем применения технических средств, выступала задача обеспечения надежной связи между кораблями. Испанская армада при Гравлине (1588 г.) испытывала огромные трудности из-за отсутствия четкой координации действий кораблей, и, располагая лишь ограниченным набором сигналов, адмиралы — в том числе и такие, как адмирал дон Хуан, командовавший эскадрой в битве у Лепанто (1571 г.), — порой тщетно пытались передать приказы подчиненным. Команда атаковать или отойти — вот, по сути дела, и все или почти все,

Боевое построение кораблей в то время сводилось к двум основным типам: к линейному строю (корабли следуют борт к борту по направлению к неприятелю) или к колонне (корабли идут друг за другом по направлению к неприятелю). Действуя линией, в случае благоприятной погоды, суда имели возможность дать бортовой залп по противнику. Построенные в колонну, корабли могли попытаться пройти через вражеский строй или, повернув разом, сформировать боевой порядок фронтом.

о чем флотоводцам удавалось сигнализировать подчиненным в тот период. Появление более совершенной связи относится лишь к концу 18-го столетия, когда удалось разработать и внедрить систему, строившуюся на применении сигнальных флажков, однако и ее функционирование, по понятным причинам, становилось возможным только в условиях хорошей видимости. Опробовались и другие способы передачи заранее условленных знаков, однако их не представлялось возможным изменить так, чтобы они могли адекватно отражать изменения обстановки в условиях реального боя.

Существовали и иные технические ограничения, не позволявшие обеспечить в должной мере эффективные средства коммуникации, ведь у тогдашних адмиралов отсутствовали даже смотровые трубы. Последующие годы стали свидетелями разработки более сложных систем связи с использованием флажков или выстрелов, однако эффективность применения такого рода приемов во многом зависела от наличия соответствующей техники, а также и от расстояния, на котором находились друг от друга ведущие переговоры моряки. Пользуясь другими словами, условиями возможности поддержания коммуникации между кораблями служил целый ряд факторов: скажем, наличие малых курьерских судов, позволявших бы передавать команды и распоряжения, что называется, из рук в руки, расстояния, погода и многое другое. Представим себе кромешный ад битвы на море, да еще в шторм под проливным дождем, когда бедолага связной на маленькой лодчонке пытается разыскать нужный корабль и передать на него приказ, и нам сразу же станет понятно, сколь многое зачастую зависело просто от везения такого моряка — от того, удастся ли ему уцелеть, не говоря уж о том, чтобы выполнить задание. Наличествовали и другие обстоятельства, затруднявшие связь на море, в результате чего действия эскадр порой носили хаотический характер. Так, скажем, человеческий фактор — личная выгода. Вот, например, в ходе первого сражения с Испанской армадой Фрэнсис Дрейк не пришел на помощь горящему кораблю главнокомандующего лорда Говарда. Игнорируя требования военной дисциплины и забывая о долге, Дрейк бросился ловить пострадавший от взрыва испанский «Нуэстра Сеньора дель Росарио» с целью захватить ценную добычу. Еще одним примером нарушения субординации может служить уже упоминавшаяся выше битва у Лепанто, когда каждый из четырех «контр-адмиралов» — т.е. адмиралов, командовавших кораблями, следовавшими позади флагмана главнокомандующего — вел, по сути дела, собственное сражение с неприятелем. В то же время в ходе упомянутого выше боя у Даунса тому же Тромпу повезло в том, что его подчиненные последовали за ним и напали на противника, а не отказались подчиниться приказу из-за несогласия с ним или из-за упрямства, что частенько случалось на голландском флоте с печальными для него последствиями. Еще большая удача сопутствовала Хоуку в сраже-

Канаты, паруса и люди разрывались в клочья с помощью различных специальных снарядов, называемых «выводящими из строя». Так, каменный выстрел мог наносить огромный вред судну, калечить и убивать множество членов команды разом, однако металлические ядра летели дальше и отличались большей простотой и меньшей стоимостью при изготовлении. Снаряды, соединенные между собой металлической пластиной или цепью, обладали способностью повредить такелаж и проделать дыры в парусах, существенно снизив тем самым маневренность неприятельского корабля.

нии в Кибронском заливе в 1759 г., поскольку к тому времени уже появились более или менее совершенные оптические приборы, были построены в меньшей степени зависевшие от капризов стихии корабли, а также выработаны более функциональные системы сигналов. Однако и тогда суда Хоука с их вооружением едва-едва соответствовали задачам, которые он перед ними ставил.

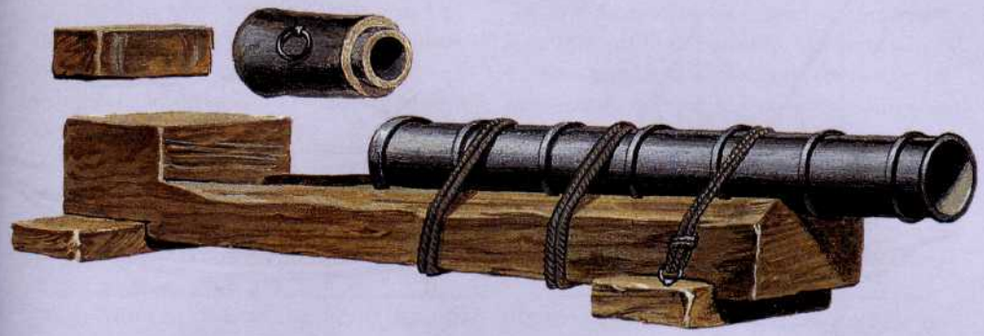
Тактика ведения морского сражения в то время основывалась на маневрировании в рамках двух базовых построений: первое — корабли следуют строем друг за другом — нос к корме; второе — корабли идут параллельно одни другому, борт к борту. Должно заметить, что еще древние греки и римляне придерживались вышеозначенных схем в ходе боевых столкновений на суше и на море. Более того, обе разновидности построений доминировали в ходе Второй мировой войны. Успех (или неуспех) той или иной формы строя в ходе конкретного сражения в немалой степени определялся типом кораблей и имевшимся на них вооружением.

Технические аспекты

Корабль есть одно из наиболее впечатляющих достижений техники и торжества человеческого разума, но в то же время это сооружение из дерева или — как позднее — из металла, веревок и парусины, плывущее по предательским волнам готового пожрать его океана. Такой океанский корабль обладал способностью доставить пассажиров — исследователей и первопроходцев или же войска — практически в любую точку на побережье Мирового океана. Основной задачей судостроителей служило придание кораблю как можно более высоких мореходных качеств, обеспечивающих возможность плавания в любых водах, добиться чего бывало непросто. Относительно спокойное Средиземноморье позволяло путешествовать по нему за тысячу лет до рождения Христа, однако все россказни относительно того, как в эпоху бронзового века кто-то будто бы отваживался ходить в дальние походы на утлых суденышках, представлявших собой хрупкие и жалкие скорлупки, за «Геркулесовы столбы» (через Гибралтарский пролив. — *Прим. ред.*), являются не чем иным, как художественным вымыслом — легендами. К концу периода Средневековья искусство судостроения достигло уровня, позволявшего торговым или военным кораблям все чаще выигрывать битву с океаном. Одним из свидетельств того служит успех кругосветного путешествия Магеллана, совершенного им за пятьдесят лет до сражения у Лепанто. Вместе с тем следует заметить, что плавание это (а также другие, имевшие место позднее) не являлось автономным, т.е. участвовавшие в них материальная часть и живая сила нуждались в остановках для проведения ремонта, пополнения запасов пищи и пресной воды. Подобные факторы, несомненно, представляли собой весьма существенные ограничения свободы действий мореплавателей.

Между тем перед корабелами стояла и еще более сложная задача, связанная с необходимостью обеспечить выпускаемой продукции способность противостоять вражеским нападениям. Высокие борта кораблей, не позволявшие волнам захлестывать палубу, превращали их в своеобразные крепости из дерева, которые могли перемещаться по воде с «гарнизонами» в виде стрелков из луков и арбалетов, как, скажем, в незаслуженно забытой битве при Слойсе в 1340 г. Ранее греки и римляне проводили разграничение между «круглыми» — торговыми — и «длинными» — военными кораблями. То обстоятельство, что галеры (второй из описанных выше типов. — *Прим. ред.*) сохраняли способность перевозить грузы, а парусники (первый тип. — *Прим. ред.*) — выполнять функции боевого корабля с командой из воинов на борту, вовсе не означало, что оба этих типа судов идеально подходили именно для таких целей. Так или иначе, способность маневрировать и таранить корабль противника делала весельные галеры основными военными судами на Западе вплоть до шестнадцатого столетия, они показали себя и на закате своей эры при все том же Лепанто (надо заметить, что, во-первых, галеры никогда не являлись *основными военными судами* в Северном море и, во-вторых, средневековые галеры не имели таранов, характерных для таких кораблей в античности; главной задачей служил захват, а не потопление неприятельского корабля. — *Прим. ред.*). Однако уже в шестнадцатом веке стала очевидной потребность внедрения новейших технических достижений при строительстве современных военных кораблей. Речь, разумеется, идет о применении пороха и пушек.

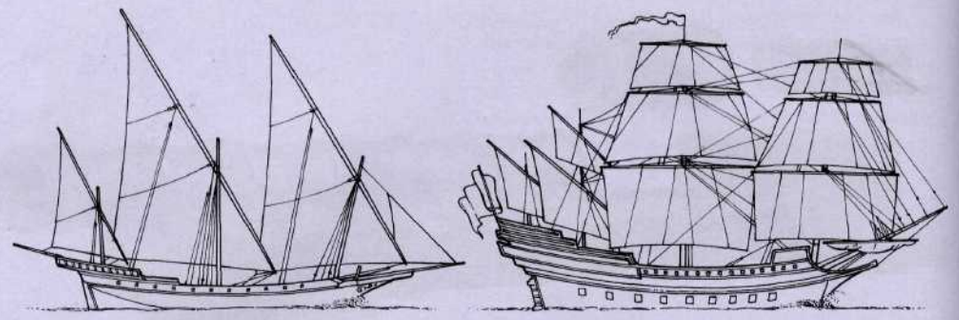
Несмотря на то что упоминания об использовании примитивных пушек, или «железных труб» (*pot de fer*), стрелявших металлическими ядрами, относятся к более ранним временам (ко все тому же сражению у Слойса в 1340 г. — *Прим. ред.*), нет никаких свидетельств того, что эти неповоротливые стволы сыграли хоть какую-то заметную роль в вышеупомянутой битве. Между тем к временам битвы у Лепанто малые и большие пушки находили

Первые морские орудия, заряжавшиеся с казенной части, выглядели так или примерно так, как показано на рисунке. Заряжающий сначала засыпал порох в полую казенную часть, или зарядную камору, затем помещал ядро в дуло, потом с помощью клиньев, грузил и доброй молитвы соединял казенник с дулом, приготовляя пушку к стрельбе. Подобная система, очевидно, отличалась излишней громоздкостью; кроме того, так заряжание осуществлялось даже медленнее, чем более привычным для тех времен способом — с дула.

уже самое широкое применение на всех боевых судах. На носу галер располагались от трех до пяти стволов для того, чтобы залпом нанести наиболее существенный урон врагу прежде, чем против него будут применены испытанные временем приемы тарана или взятия на абордаж (насчет тарана см. выше; между тем, капитан судна мог, конечно, решиться пойти на таран в качестве, так сказать, последнего аргумента. — *Прим. ред.*). С конструктивным улучшением морских орудий и совершенствованием приемов их боевого применения флотоводцы начали понимать, что использование артиллерии может внести более значительный вклад в победу над противником.

Заметим, однако, что вплоть до 1759 г., да и позднее применение морских орудий бывало порой сопряжено с угрозой гибели или нанесения увечий для членов собственной команды и с повреждениями судна. До сего времени дожило выражение «отвязавшееся орудие» (*a loose cannon* — т.е. свободно «гуляющая» пушка. — *Прим. ред.*), весьма образно передававшее угрожающее положение, создававшееся из-за сорвавшейся с креплений и неконтролируемо перекатывавшейся по палубе корабля пушки, которая представляла огромную опасность не только для команды, но и для самого корабля.

Древние римляне и викинги устанавливали на судах квадратные паруса. Позднее на кораблях, ходивших в Средиземном море, стали применяться треугольные паруса (иначе называвшиеся «латинскими»), натянутые на массивную рею, которая крепилась к мачте судна под большим углом к ней. Свободно вращаясь вокруг мачты на такой рее, парус ловил меняющийся ветер. Парусная оснастка кораблей более позднего времени являла собой продукт некой гибридизации и состояла из небольших продольных треугольных парусов на бизань-мачте, дополненных квадратными парусами, установленных на очень высоких мачтах и помогавших судну при попутном ветре развивать значительную скорость.

Без надлежащего ухода орудия могли (и так происходило на самом деле) взрываться на палубе корабля, кроме того, не будучи должным образом откалиброваны, пушки часто оказывались неспособными к ведению меткого огня, не оправдывая возлагаемых на них надежд, а также вложенных в их изготовление средств. Вдобавок ко всему попадание влаги в порох делало его нестабильным или приводило к тому, что орудие утрачивало способность стрелять. С позиций сегодняшнего дня может показаться, что и тогда огневой потенциал корабля определялся количеством пушек, расположенных на его палубах. Однако если в результате перегруженности артиллерией корабль терял устойчивость и маневренность, могло случиться так, что он со всеми его пушками оказывался на дне либо попадал в руки противника.

Маневренность против огневой мощи

Сегодняшнему читателю трудно оценить истинную природу технического прогресса на заре эпохи Нового времени. Боевые суда с парусной оснасткой, способные нести большое количество пушек, постепенно доказывали собственные преимущества перед весельными судами, но адмиралы и капитаны с большой неохотой отказывались от преимуществ в маневренности, которыми обладали галеры.

Перспектива попасть в штиль на паруснике перед лицом приближающейся боевой галеры противника ни в коем случае не выглядела заманчивой. Спустя несколько лет после сражения у Лепанто такое произошло, в частности, с голландским пиратом Карстенсом, когда эскадра венецианских галеасов при безветрии подошла к его галеону и уничтожила его. За счет установки как можно большего числа орудий по бортам строители галеасов старались добиться оптимального сочетания огневого потенциала и маневренности, обеспечивавшейся гребцами. Должно признать, однако, что достигнуть идеального баланса этих качеств так и не удалось.

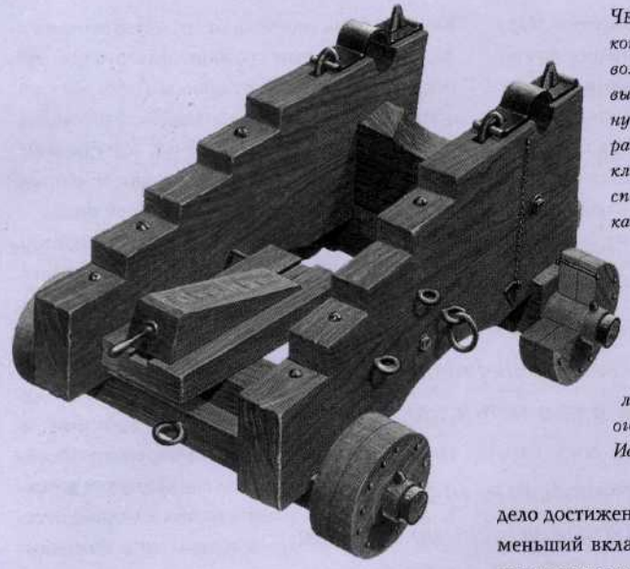
Ко времени битвы у Лепанто парусные суда еще не завоевали себе репутации грозного оружия, но впоследствии сумели продемонстрировать преимущества, имевшиеся у них перед галерами. Что касается маневренности, то треугольные латинские паруса давали возможность улавливать меняющийся ветер, а большие квадратные паруса — развить значительную скорость при попутном ветре. По сравнению с так называемыми карраками позднего Средневековья сочетание обоих вышеназванных типов парусов в такелаже судна на раннем этапе нового времени, обеспечивавшее кораблю способность двигаться как по ветру, так и против него, — явилось значительным техническим достижением. Результатом устранения носовой надстройки с карраков, а также усовершенствований парусного вооружения стало, в частности, появление легендарного галеона, позволившего Магеллану совершить кругосветное путешествие. Орудия на подобных судах располагались довольно высоко над океанскими волнами, что препятствовало попаданию в них брызг и влаги, а кроме того, позволяло вести огонь без помех, которые представляли собой волны или головы гребцов. Позднее появились и нашли применение другие новации: орудийные порты, что означало расположение пушек в два ряда один над другим (на главной палубе и ниже) и давало возможность увеличить мощь бортового залпа, тогда как сами пушки устанавливались на специальных станках — лафетах, что вело к существенному повышению их скорострельности. Так, один из секретов успеха англичан в битве у Гравлина заключался в использовании специальных четырехколесных тележек, на которых монтировались пушки, однако, в свою очередь, попытка открыть орудийные порты в сильный шторм в Кибронском заливе привела к потоплению французского корабля, капитан которого попытался задействовать весь бортовой огневой потенциал.

«...Если нашему флоту будет суждено потерпеть поражение, в сем нет слабости наших государей, а есть лишь то, что ими не предприняты должные усилия по повышению обороноспособности. Если же нам доведется взять верх, то, возможно, мы сумеем рассчитывать на спасение Греции. ...Кроме того, нам не следует надеяться одолеть турок до тех пор, пока мы не разгромим их флот...»

Аскано Делла Корниа

В ретроспекции все бывает виднее, и современники, к сожалению, не всегда могли по достоинству оценить значение тенденций в усовершенствовании конструкции и оснащения боевых парусных судов, однако постепенно и адмиралы, и государства в целом начали осознавать всю широту возможностей, которыми обладали военные парусники. Одним из побудительных мотивов, заставлявших обратить внимание на потенциал парусных судов, послужили события, происходившие в 1538 г. в Превезском проливе (также в водах Греции. — *Прим. ред.*). В процессе следования через пролив венецианская эскадра из состава объединенного флота под командованием Карла V была отсечена от него и атакована с фланга кораблями грозного флотоводца, турецкого адмирала Барбароссы (речь идет об османском пирате и талантливом флотоводце Хайр-эд-дине [ум. в 1546 г.], получившем прозвище, одинаковое с тем, которое за добрых четыреста лет до него по тем же причинам — из-за рыжей бороды — носил император Фридрих I Барбаросса [1123—1190]. — *Прим. ред.*). При подходе турецких кораблей «Венецианский галеон» (один из первых, а возможно, и первый парусник подобного типа) попал в штиль и утратил подвижность, а галеры под командованием Андреа Дориа сбежали.

Сложилась весьма опасная ситуация, однако под умелым командованием Алессандро Кондальмьеро артиллеристы гигантского «Венецианского галеона» обрушили на врага всю мощь залпов бортовых батарей. Несмотря на потерю главной мачты и на то, что Дориа не сделал попыток выручить из беды флагман соперника (Дориа был генуэзцем, а Венеция и Генуя на протяжении многих веков состязались между собой за первенство в Средиземноморье. — *Прим. ред.*), венецианцы отразили все атаки противника и, в свою очередь, уничтожили множество турок. Другими словами, приведенный случай показал, что даже в условиях штиля военный парусник смог постоять за себя, будучи атакован галерным флотом. С другой стороны, в 1588 г. под Гравлином очевидно выявилась ошибка испанцев с их галеасами, попытавшихся подменить тактику техникой. Способные в темпе маневрировать, корабли предоставляли адмиралам новые тактические возможности. Другие горизонты открывались перед флотоводцами с появлением более дальнобойных или быстрее перезаряжающих-

Четыре колеса этой тележки, на которую устанавливался ствол, позволяли орудию откатываться при выстреле, а не врезаться в древесину обшивки, разрушая ее, тогда как расположенный под казенной частью клин обеспечивал артиллеристам способность осуществлять вертикальную наводку орудия при прицеливании. Наличие тележки давало орудийной прислуге возможность с большим удобством перезаряжать пушку, что повышало скорострельность. Использование таких колесных лафетов позволило англичанам вести более частый огонь в противоборстве с кораблями Испанской армады.

ся орудий (и то и другое вместе бывало по тем временам, можно сказать, роскошью), как давали дополнительный шанс на успех суда, способные продолжать применять бортовую артиллерию в условиях штормового океана, когда противник предпочитал открытым просторам более спокойные воды, чтобы встать там на якорь. Нечто подобное, как мы увидим, происходило в Кибронском заливе и даже до некоторой степени у Даунса. Причины поражений и побед часто непросто рассмотреть.

Особенности местности

Люди не рыбы и никогда не станут таковыми, как не могут и не могли они на заре периода, называемого Новым временем, действовать на море, если можно так выразиться, в отрыве от суши. Так, задачи Испанской армады при Гравлине и французского флота в Кибронском заливе сводились в конечном итоге к одной-единственной цели — осуществлению десантной операции по захвату Британских островов, т.е. обеспечения стартовых условий для проведения, по сути дела, сухопутной операции. Битвы при Лепанто и у дюн Даунса представляли собой противоборство собственно морских сил, однако обе они давались ввиду попыток предотвратить вмешательство неприятельского флота в события, происходившие на суше. Уничтожение адмиралом Тромпом испанских транспортных судов в битве у Даунса внесло в дело достижения независимости Голландии не меньший вклад, чем любое другое вооруженное противостояние на твердой почве.

Кроме того, как уже говорилось, действия флотов в представленную вниманию читателя эпоху ограничивались значительной степенью «привязанности» кораблей к суше: они не могли позволить себе роскошь обходиться без множества баз для ремонта и пополнения запасов воды и пищи, не говоря уже об ориентирах на земле, необходимых для штурманской работы и отыскания враждебных и дружественных портов. Зависимость от портов, а также обязанность осуществления поддержки сухопутным кампаниям заставляли корабли держаться ближе к берегу, что, соответственно, приходилось делать и эскадрам, в задачи которых входило противодействие намерениям неприятеля в ходе попыток достижения им обозначенных выше целей.

Идея встречи с противником в *совершенно* открытом море, вне видимости берегов или хотя бы вне непосредственной досягаемости от них, показалась бы практически немыслимой в описываемую эпоху; подобные боевые соприкосновения бывали редкостью и позднее. Особенности береговой линии могли послужить, по сути дела, условиями — стать залогом самой возможности события морского сражения, которое в противном случае не разыгралось бы вовсе. Воды залива Патраикос (у греческого города Патры. — *Прим. ред.*), в котором проистекала битва при Лепанто, отличались малой степенью волнения, что позволяло

противоборствующим флотам, состоявшим в основном из галер, продемонстрировать свои наилучшие качества. То же самое можно сказать и о Кибронском заливе и водах Гравлина, представлявших собой отменное убежище от сильных волн и ветра, что привлекло к ним — в разное время и при разных ситуациях — французов и испанцев, а затем и их противников. Или взять для примера тот же Даунс, который тоже служил привлекательным нейтральным рейдом для отчаявшихся испанцев, уже потрепанных голландским противником.

Надежды на поддержку со стороны англичан и маячивший на горизонте призрак их так никогда и не материализовавшейся помощи обратились в прах перед лицом решимости голландцев победить. Большое значение имели также береговая линия и наличие отмелей, определявшие движение кораблей в боевом столкновении и в итоге их судьбу. Любопытно, что все четыре из рассматриваемых ниже сражений названы в честь сухопутных географических объектов (не менее любопытно было бы, однако, узнать у автора его мнение насчет того, как еще давать более или менее точные названия морским битвам, если не пользоваться сухопутными ориентирами; единственной альтернативой в подобном случае могли бы служить указания на широту и долготу, что, согласитесь, не всегда удобно, особенно для неспециалистов. — *Прим. ред.*). Наряду с тактическими соображениями и техническими возможностями именно эти географические особенности и сделали сами сражения возможными.

Лепанто, 1571 г. Состязание галер

Сражение у Лепанто, являвшееся столкновением двух религий — христианства и ислама — происходило в районе, позволявшем гребным флотам обеих противоборствующих сторон вести бой в благоприятных условиях, в которых прилегающая местность как бы прикрывала оппонентов от воздействия стихии. Идеологи и командиры с обеих сторон обещали солдатам и морякам райское блаженство в случае геройской смерти в бою и страшные кары за трусость. Тактические изыскания уже получили известное развитие, однако истовая вера в торжество рукопашной схватки прекрасно выражалась в приказе, отданном испанско-венецианскому флоту: «Стреляйте только тогда, когда вас обрызгает кровь противника». Одним словом — бейте в упор. Победа, одержанная в этом сражении христианским флотом Священной лиги (альянса Испании и Венеции, который автор небрежно называет то лигой, то союзом, что, хотя и не меняет смысла, требует уточнения, так как Священным союзом назывались другие известные содружества. — *Прим. ред.*), сделавшим ставку на пушки, равно как и на некое секретное оружие, произвела неизгладимое впечатление на разгромленных турок.

Среди причин, приведших к этому столкновению, следует назвать джихад — священную войну врагов рода человеческого (как называл турок тот же Макиавелли. — *Прим. ред.*) против христиан — и ответный ход папы Пия V (на престоле св. Петра в 1566—1572 гг.. — *Прим. ред.*), провозгласившего крестовый поход против мусульман, прежде всего турок, и обещавшего избавить погибших за крест правоверных от мук ада. Турки-османы, государство которых неуклонно расширялось на протяжении предшествующих столетий, вели борьбу с христианами под знаменем религии, располагая пушками и судами — как и вообще современной техникой и вооружением — ничуть не худшими, а порой и лучшими, чем те, что имелись у христиан. Турецкие эскадры и сухопутные армии находились при этом в руках командиров, которые не уступали в умении и способностях европейским.

Кроме того, Османская империя раскинулась на таком широком пространстве, что перекрывала Венецианской республике торговые пути на Восток. Венецианцы столкнулись с непростой дилеммой сохранения хороших торговых отношений с турками при одновременном противостоянии стремлению последних завоевать их владения. «Дальновидный» король Испании Филипп II являлся обладателем довольно протяженной береговой линии Средиземного моря, при этом он отдавал себе отчет в том, что турки рассматривают значительную часть принадлежавших ему земель, отвоеванных некогда в результате длительного процесса Реконкисты у ислама христианством (особенно ту часть, которая была освобождена всего не больше века тому назад), как мусуль-

манскую территорию и при первой возможности готовы подтвердить территориальные претензии на деле.

Папа в то время вел ожесточенную борьбу с злокозненными еретиками — с протестантской Реформацией, — однако, как ни один житель Италии, не мог закрывать глаза на более древнюю угрозу, веками исходившую со стороны воинствующего ислама для этой страны и всей Европы. Когда Кипр — форпост Венецианской республики в Восточном Средиземноморье — оказался под угрозой захвата со стороны Османской империи, когда огромный турецкий флот проник в воды Адриатического моря, венецианцам удалось наконец убедить папу и Испанию поддержать их в борьбе с турками.

Во главе объединенного испанско-венецианского флота встал незаконнорожденный брат короля Филиппа, дон Хуан Австрийский. Он зарекомендовал себя как инициативный, способный и решительный командир, которому уже доводилось противостоять турецким рейдерам и который понимал всю необходимость дать немедленный отпор османским эскадрам. Материальная поддержка со стороны папы тоже оказалась довольно существенной и выразилась в посылке двенадцати галер под личным стягом понтифика. Они сыграли куда более важную роль, чем кто-нибудь мог бы предположить, особенно в моральном плане — в качестве своего рода «красной тряпки» для быка, в шкуре которого оказался турецкий адмирал Али-паша, просто обязанный теперь проявлять напористость с тем, чтобы низвергнуть знамя духовного владыки ненавистной туркам веры.

Силы флота христиан составляли приблизительно 74 000 чел., занимавших боевые позиции на бортах 240 судов разного тоннажа, включая шесть огромных кораблей, внесших решающий вклад в победу. Турецкий флот насчитывал около 210 кораблей, на которых находилось около 75 000 чел. Как и дон Хуан, Али-паша получил назначение на должность командующего турецким флотом как любимец государя, но под его началом действовало немало опытных командиров, имена которых наводили ужас на всю христианскую Европу.

На картине изображен момент столкновения двух галер. Одна, представляя собой этакий управляемый снаряд, пытается протаранить другую, прибегая к последнему и более надежному, чем пушки, «аргументу». Атакующая сторона, идя на абордаж, использует кошки и валом бросается на палубу вражеского судна. Гребцы обоих судов — каторжники или рабы — прикованы цепями к веслам, что мешает им ударить в спину хозяевам, а заодно и определяет их судьбу в случае, если галера затонет.

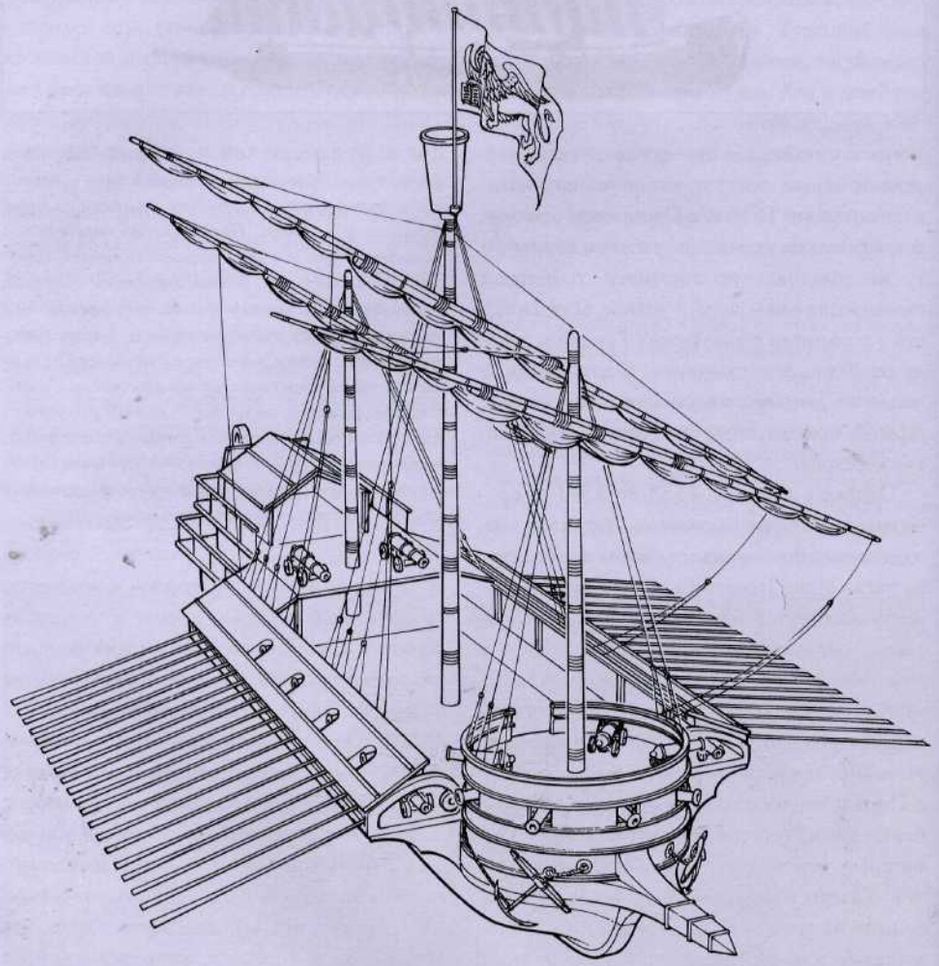
Дон Хуан Австрийский — главнокомандующий флотом так называемой Священной лиги — избрал этот легкий корабль в качестве флагмана во время сражения у Лепанто. Предпочтение определялось маневренностью и скоростными качествами, которыми обладало судно. Личные контакты адмирала с подчиненными служили залогом его уверенности в том, что приказы будут поняты и станут четко выполняться пестрым в плане национальной принадлежности личным составом христианского флота. Еще одна причина, по которой главный флотоводец Лиги сделал своим флагманом именно этот корабль, заключалась в том, что противник вряд ли мог предположить, что такой корабль будет выступать в качестве носителя адмиральского штандарта.

У турок имелись все основания ожидать очередного успеха, как тот, которого они достигли в кампании 1538 г. в Превезском проливе, когда османам удалось потрепать в общем-то ту же христианскую коалицию. Али-паша сконцентрировал силы в заливе Патраикос, что расположен у побережья Греции к западу от Коринфского залива. Флот христиан медленно двигался в восточном направлении, скрытно преследуемый легкими судами турецких корсаров.

Однако в период с 1538 по 1571 г. произошли некоторые, и довольно значительные, изменения. Во-первых, открытие все большего числа стран Нового Света давало возможность эксплуатировать эти заморские территории, обладавшие большими ресурсами, в том числе золотом и серебром. Значительная часть получаемых там доходов использовалась непосредственно для усиления военной мощи Испании, которая после вытеснения мавров с Пиренейского полуострова, а позднее и с близлежащих берегов Африки, и без того уже по праву считалась крупной и могучей страной. Галеры короля Филиппа можно назвать одними из лучших по тем временам, а располагавшиеся на них солдаты были вооружены мушкетами с фитильными замками.

В качестве прочих обстоятельств, работавших против османов, служили, как ни странно, их собственные успехи. После потери важнейшей цитадели на Кипре, порта Фамагуста, взятие которого обошлось туркам в гибель 50 000 чел., Венецианская республика уже не могла позволять себе недооценивать угрозу ее экономическим интересам, исходившую от Османской империи, и более не надеялась обойтись дипломатическими мерами в попытках разрешения проблем во взаимоотношениях с турками. Таким образом, венецианцы окончательно сделали выбор в пользу вооруженного вмешательства и отрядили для участия в битве (вошедшей в историю как сражение у Лепанто) один из самых крупных и хорошо оснащенных флотов из всех ранее собиравшихся этим могущественным городом-государством. Недостаток гребцов удалось восполнить впервые за счет привлечения каторжников (которым в случае успеха обещали свободу), а многие команды комплектовались из людей с подчиненных Венеции территорий (говоря об использовании преступников в качестве гребцов *впервые*, автор, очевидно, имеет в виду то обстоятельство, что в Средние века у христиан в подобной роли выступали только свободные граждане. — *Прим. ред.*).

Сами корабли строились и оснащались вооружением, производившимся на одном из наиболее передовых по тому времени предприятий Западной Европы — на знаменитом Венецианском арсенале, его котлы и массы трудившихся вокруг них людей, как видно, и послужили прообразом ада в известном произведении Данте. В создании кораблей приняли участие опытнейшие специалисты, построившие за несколько месяцев до вооруженного столкновения около сотни галер, самой известной из которых и, если можно так выразиться, самодостаточной в битве следует назвать «Сереннссиму». И в предшествующие века, отмеченные яростной борьбой Венеции за господство на море, Венецианский арсенал славился тем, что строил военные и торговые суда. Самым крупномасштабным можно назвать проект создания так называемой «большой галеры», нареченной так из-

Шесть огромных галер, или галеасов, построенных на Венецианском арсенале и участвовавших в сражении у Лепанто, поначалу закладывались как торговые суда для перевозки пряностей и шелков из далеких стран Востока. Установление в ходе спешной переделки специально изготовленных надстроек с тяжелыми пушками на носу, на корме и по бортам делало галеры неповоротливыми «замками на воде». Ни одно предприятие мира не смогло бы, наверное, закончить перепрофилирование такого количества судов и так быстро, как Венецианский арсенал. Более того, участие галер в сражении оказалось столь успешным, что командир эскадры удостоился после него особой похвалы и благодарности. Медленные и неманевренные по сравнению с парусниками, подобные суда обладали известными преимуществами перед последними в условиях штиля или неблагоприятного ветра.

за того, что одним ее веслом гребли не менее четырех человек. Подобное судно обладало способностью как перевозить изрядные грузы, так и нести мощное пушечное вооружение, состоявшее из «большой пушки» по центру и «драконов» и «змеев» (т.е. пушечек поменьше. — *Прим. ред.*) по бортам. Венецианские пушки отличались простотой в изготовлении, в известной мере подвергались стандартизации и были функциональны в бою, обладая способностью сеять смерть и разрушения на палубах вражеского флота.

«...Одержав верх в центре в тот день, я бросил захваченные мною и взятые на буксир галеры и направился туда, где требовалась помощь. Несколько следовавших за мной венецианских галер взяли на абордаж оставленные мною суда и заполучили изрядную добычу, ибо корсары те были богаты. Пусть так, мне все равно, ведь я участвовал в сражении не ради трофеев, а для того, чтобы послужить Господу Богу».

Онорато Гаэтани

Секретное оружие

Согласно одному из свидетельств, шесть самых крупных галер Венеции все время подготовки к сражению стояли на воде одного из доков Венецианского арсенала. В преддверии неизбежного столкновения власти решили поместить на эти суда груз, сильно отличавшийся от привычных приправ и шелков. Другими словами, вместо дорогих материй и пряностей на них разместили тяжелые пушки и иное снаряжение, необходимое для ведения морского боя. Как уже говорилось, ни одно другое судостроительное предприятие того времени не могло бы осуществить такое переоснащение в столь короткие сроки.

После соответствующей переделки вышеозначенные гибриды достигали 49 м в длину и 12 м в ширину, вдвое превосходя размеры более легких галер. Каждым из 76 весел такой галеры управляло до шести гребцов, высокие надводные борта защищали галеру от попыток противника взять ее на абордаж. В состав артиллерийского вооружения, установленного на такой галере, или галеасе, входило около пяти тяжелых пушек, стрелявших ядрами весом в 50 фунтов (22,5 кг), две-три пушки под выстрел массой 25 фунтов (11 кг), около 23 более легких пушек различного размера и калибра, а также около 20 поворотных фальконетов, использовавшихся для уничтожения гребцов и вообще живой силы противника в ближнем бою. Подобного арсенала вооружения хватило бы для оснащения целых пяти обычных галер.

Со всех точек зрения, как ни посмотри, новоявленные галеасы представляли собой сильные боевые корабли. На баке такого судна располагалась высокая ощетинившаяся пушками надстройка и точно такая же «уравновешивала» ее на юте. Девять или более пушек стояли по бортам и размещались выше, ниже или на одной линии с гребцами, что было бы невозможно на обычной галере. В более позднее время самые тяжелые венецианские галеры могли одним залпом выпускать ядра общим весом около 150 кг. На палубе располагались три мачты с латинскими парусами, суммарная площадь которых составляла 750 кв. м. Нельзя с уверенностью утверждать, что галеры, принимавшие участие в сражении у Лепанто, обладали именно таким вооружением, но точно известно, по крайней мере, что шесть венецианских галер, применявшихся в том судьбоносном бою, представляли собой весьма мощные военные корабли.

Не говоря уже об этих новых кораблях-сверхгигантах, даже обычные галеры из состава флота Священной лиги отличались от турецких судов меньшей маневренностью и скоростью, вместе с тем они обладали надстроенными бортами, так называемыми «павесадами» (подобное слово, «павеза», применялось для обозначения большого средневекового щита, служившего прикрытием арбалетчикам при

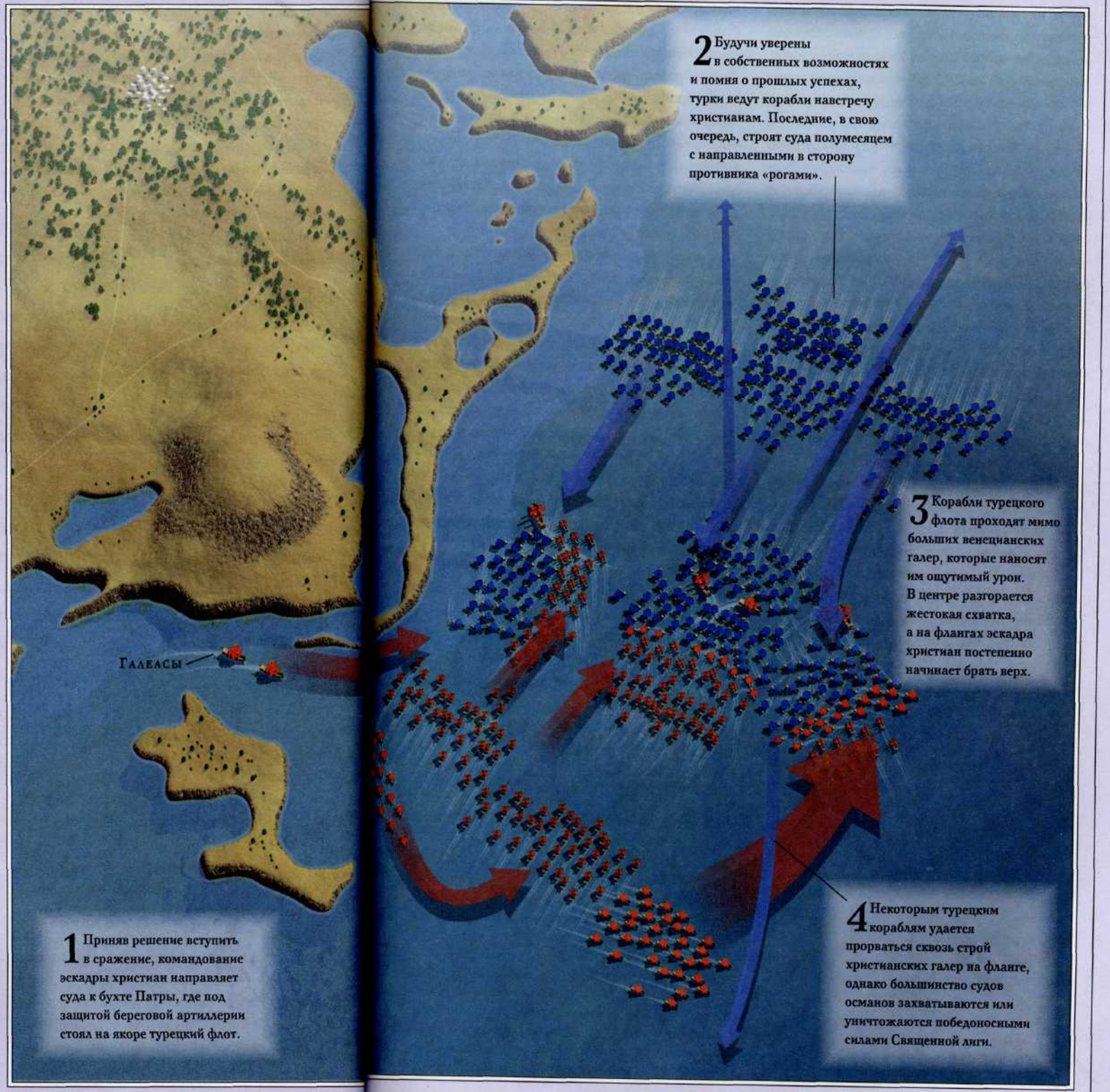
Битва у Лепанто

1571 г.

Особенности местности, защищавшей воды залива близ г. Патры от сильных ветров и волнения на море, позволяли галерам христианского флота действовать в наиболее благоприятных для них условиях, когда ничего не отвлекало моряков и солдат от главных задач — схватки с противником не на жизнь, а на смерть. Смертоносный огонь турецких лучников отличали точность и быстрый темп, однако христианские доспехи и аркебузы служили достойным средством противодействия стрелковому оружию неприятеля. Покинув спасительное побережье, где прикрытием туркам служили бы их береговые батареи, османский адмирал Али-паша выступил навстречу флоту Священной лиги, возглавляемому доном Хуаном. Опытные капитаны христиан тут же построили корабли в боевые порядки, при этом некоторые из судов выполнили задачу по буксировке в авангард шести больших венецианских галеасов, которые наносили сильнейший урон проплывавшим мимо туркам. Попытка прорыва передового турецкого формирования в центре порядков флота христиан привела к полному окружению османов с обоих флангов, закончившемуся почти полным уничтожением или захватом турецких кораблей к концу противостояния. Возможно, одним из наиболее важных результатов столкновения у Лепанто следует считать воздействие, оказанное его исходом на умы людей: блестящая победа христиан развеяла миф о непобедимости турецких войск.

Залив Лепанто (иначе у автора залив Патраикос, т.е. залив Патр. — Прим. ред.) расположен к западу от Коринфского залива вблизи порта Патры в длинном рукаве Ионического моря, отделяющего Пелопоннес от материковой части Греции.

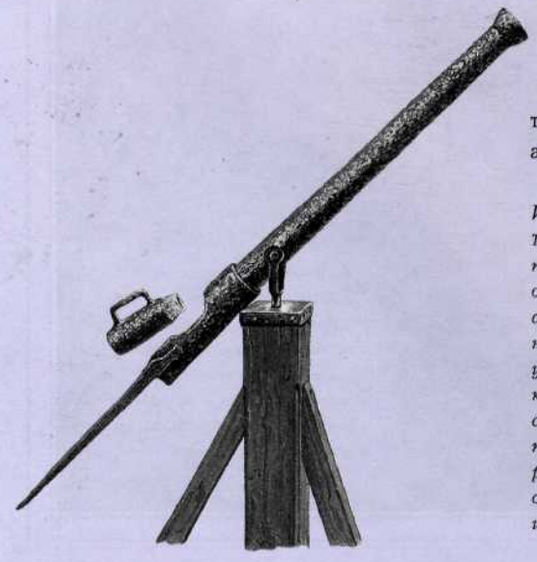

перезаряжании. — *Прим. ред.*) дававшими укрытие гребцам и команде. Одним из слабых мест эскадры турок являлись гребцы, бывшие пленными христианами, которые могли воспользоваться суматохой и замешательством в бою с целью освобождения и бегства, т.е. существовала опасность того, что одна — и немалая — часть команды в сражении ударит в спину другой. Кроме того, надежды турецких командиров на наличие высокого боевого духа у моряков и солдат на бортах их кораблей оказались несостоятельными. В то время, когда 7 октября 1571 г. флот христиан вошел в залив Патраикос, у турок еще сохранялся шанс избежать сражения и отойти под защиту артиллерии крепостей, расположенных по обоим берегам в самом узком месте залива. Вместо этого Али-паша и подчиненные ему адмиралы приняли решение вступить в бой и направились в сторону противника, построив корабли в линию. Впередсмотрящие на турецких судах заметили христианские галеры, следовавшие друг за другом, нос к корме.

Завидев корабли противника, некоторые из контр-адмиралов дона Хуана высказались за отход, но в ответ услышали слова командующего: «Поздно держать совет — пришло время дать бой». Дон Хуан велел поднять на флагмане большое знамя, благословленное самим папой, и с помощью выстрела из пушки и зеленого вымпела отдал приказ атаковать противника. Как мы знаем, флагман дона Хуана являлся легким и быстроходным судном, маневрируя на котором среди кораблей своей флотилии адмирал организовывал ее перед предстоящим сражением. По приказу дона Хуана большие галеры, или галеасы, каждую из которых вели на буксире четыре обычные галеры, выдвинулись впереди боевых порядков христиан. Следует заметить, что задача сохранения строя гребными судами отличалась большей легкостью, нежели для кораблей, движение которых зависло от «настроения» переменчивых ветров.

Боевые порядки христианского флота возглавляла эскадра из 12 галер под командованием генуэзского мореплавателя и купца, внучатого племянника и тезки знаменитого Андреа Дориа. Линия христианского флота выгнулась, образовывая своеобразный полумесяц, «рога» которого смотрели в сторону приближавшегося неприятеля. Завидев эскадру Дориа, Али-паша и его капитаны не удержались от радостных возгласов, уверенные в скорой и легкой победе. Они приняли маневр христиан за начало отступления и не сомневались, что перед лицом их численного превосходства противник в беспорядке бросится наутек. И только когда солнце поднялось выше над горизонтом, турки рассмотрели остальные корабли флота Священной лиги, следовавшие за эскадрой Дориа. Непоколебимый Али-паша отдал приказ о вступлении в бой.

Тактическими формированиями обоих флотов являлись три эскадры кораблей (все, видимо, зависит о того, как считать, в других источниках информации говорится о четырех колоннах, по крайней мере, у христиан. — *Прим. ред.*). Вид шести галеасов в авангарде флота христиан, как можно предположить, заставил Али-пашу погрузиться в раздумья. Его галеры могли бы повернуть пушки против этих чудищ, только подставив борта под огонь христиан, которые, конечно же, не замедлили бы воспользоваться подобным подарком. Однако турецкий адмирал принял иное решение: разделить строй кораблей, прорваться через заслон галеасов противника и выдержать их бортовые залпы, находясь как можно дальше от них. Подобная тактика, на первый взгляд, позволяла свести к минимуму урон, который вражеские левиафаны могли нанести турецким судам, однако одновременно приводила к расчленению турецкого флота на части, неспособные оказать поддержку друг другу при атаке основных формаций христианского флота. Выбранный Али-пашой прием грозил также ударом в спину туркам со стороны неприятеля, поскольку тот мог, развернув галеасы в прямо противоположном направлении, атаковать османские корабли с тыла.

Изображенный на представленной здесь иллюстрации заряжавшийся с казенной части фальконет получил название «убийца» из-за того, что его основная задача заключалась в уничтожении живой силы противника. Подвижное крепление на треноге, или вертлюге, позволяло орудиям этого типа убивать и ранить как гребцов, так и других членов команды корабля противника, скажем снайперов на стеньгах. В случае необходимости, когда, например, противник шел на абордаж и оказывался в непосредственной близости, грозя кораблю захватом, огонь из таких малокалиберных орудий мог вестись и по собственной палубе.

Когда суда противоборствующих сторон сошлись в ближнем бою, воздух наполнился дымом от выстрелов христианских аркебуз и свистом турецких стрел. Кроме того, вращающиеся малокалиберные фальконеты, установленные на кораблях христиан и прозванные «убийцами», с близкого расстояния били по живой силе на палубах вражеских кораблей снарядами в виде мелкого металлического лома различной формы и тяжести, действуя как огромные дробовики. Особые команды метали в корабли противника глиняные горшки с горящим маслом, животным жиром или даже негашеной известью и мыльным раствором, чтобы либо устроить пожар на вражеских палубах, либо сделать их скользкими и буквально выбить почву из-под ног у команд. Другие применяли еще одно оружие ближнего боя — «бомбы», представлявшие собой, по сути дела, «римские свечи», изрыгавшие снопы искр, пламени и множество маленьких шариков с горючим веществом. Управляемые гребцами галеасы маневрировали с тем, чтобы дать бортовой залп по врагу, а затем повернуться к нему кормой или носом и использовать установленные там батареи, при этом не давая туркам возможности пойти на абордаж или причинить иной вред христианам.

Особенно ожесточенное сражение полыхало на флангах, где каждый из противников пытался окружить и смять строй кораблей другого, и удача постепенно повернулась лицом к кораблям Священной лиги. Некоторые рабы-христиане, служившие гребцами на турецких галерах, сумели завладеть брошенным в ходе сражения оружием и напасть на бывших хозяев. Тяжелые доспехи воинов-христиан служили хорошей защитой от турецких стрел, однако, если солдат в таком боевом снаряжении оказывался в воде, оно тянуло его на дно, практически не оставляя шансов на спасение. Али-паша во главе собственной эскадры с боем прорвался через центр строя кораблей противника к «королевским»

Вода и огонь всегда оставались неразлучными спутниками в морских сражениях того времени. Разновидность «римской свечи», получившая название «бомба», с небольшого расстояния выстреливала по противнику полыми, заполненными трутом шариками (ниже слева). Более крупная разновидность этих шариков получила название «зажигательного ядра» (ниже справа). Такими ядрами в более поздние времена стреляли из установленных на кораблях мортир по вражеским судам или сухопутным укреплениям противника.

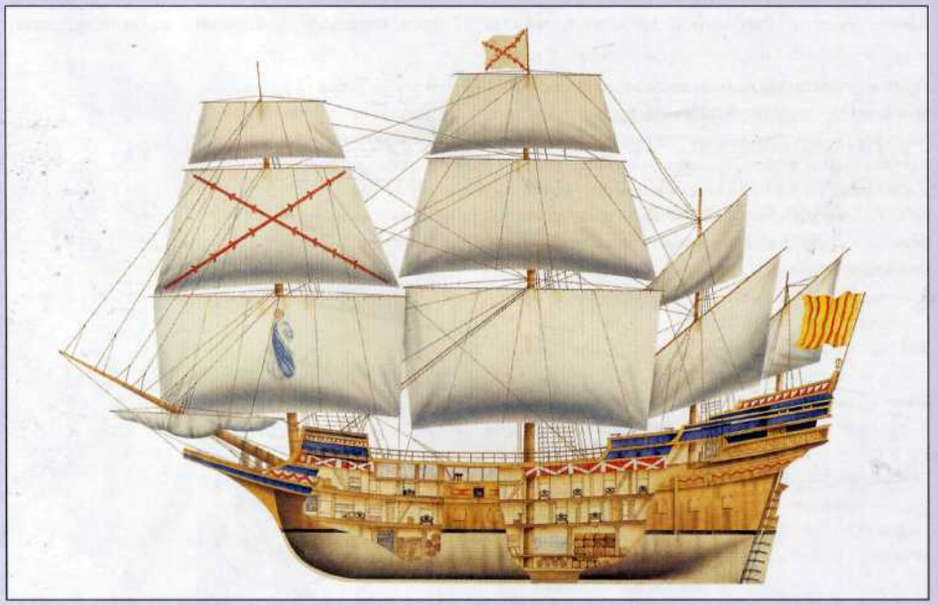

галерам, где находились многие из христианских командиров; команда его корабля бросилась на абордаж. О степени накала схватки лучше всего говорит тот факт, что самому Али-паше пришлось стрелять из лука, а один венецианский аристократ, почтенный старец семидесяти лет от роду, расположившись на стеньге с помощником-заряжающим, бил по нападавшим из тяжелого арбалета.

Спустя несколько дней толпы любопытных граждан, расположившихся на самой дальней дамбе в венецианской лагуне, наблюдали медленно двигавшуюся в их направлении сквозь туман Адриатического моря длинную галеру. Но даже и через дымку представлялась возможность разглядеть, что галера весьма потрепана, флаги висят в безветрии, а гребцы вовсю орудуют веслами. Но вот судно приблизилось, и над волнами пронесся крик измученной команды: «Победа! Победа!» Позднее, когда подсчитали урон и прибыль, выяснилось, что по итогам сражения христиане захватили более 170 галер и легких судов противника (собственно галер было, видимо, не более 117. — *Прим. ред.*), а большинство прочей материальной части уничтожили. В ходе битвы погибли также 30 000 турков. Потери флота Священной лиги составляли приблизительно 7700 чел. убитыми и 12 потопленных кораблей.

Сегодня модно недооценивать значение этого великого сражения, что делается по вполне понятным причинам: визири турецкого султана неустанно повторяли ему, что при желании он может построить новый флот взамен погибшего у Лепанто, оснастив его серебряными якорями и атласными парусами. Другими словами, ресурсы, которыми располагала в то время Османская империя, вполне позволяли восполнить понесенные в битве у Лепанто потери. Как известно, не успело еще смениться поколение, как увядающей Венецианской республике пришлось признать гегемонию турецкой империи в Восточном Средиземноморье, подписав соответствующий договор (спустя всего два года после Лепанто Венеция все же потеряла Кипр, которым владела на протяжении столетия. — *Прим. ред.*).

На рисунке изображен флагман испанской Непобедимой армады, называвшийся «Сан Мартин». На его борту во время сражения находился адмирал Медина-Сидония. Характерные конструктивные особенности этого «испанского галеона», хорошо приспособленного к плаванию и ведению боевых действий в водах Атлантики, указывают на их итальянское происхождение. В корпусе корабля имелось достаточно места для размещения как запасов продовольствия и воды, так и тяжелого вооружения. В отличие от строителей вооруженных купеческих судов средневековья, называвшихся карраками, разработчики галеона отказались от высоких и опасных надстроек на баке и на юте.

Признавая это, нельзя одновременно не отметить и тот факт, сколь огромным воодушевлением наполнились сердца людей в Европе в те времена вследствие славной победы всего лишь части сил христианского мира над турками, находившимися в ту пору на пике могущества.

Гравлин, 1588 г. Ветер и течение

Вряд ли стоило винить Филиппа Испанского за ту безграничную веру, которую питал он в отношении больших галер, или галеасов, особенно после сражения у Лепанто. Как-никак именно такие галеры, выступившие в качестве своего рода «секретного оружия» христиан, помогли его сводному брату одержать столь блистательную победу над турками. В 1588 г., спустя десять лет после смерти дона Хуана (умер в 1578 г. — *Прим. ред.*), когда король Испании решил подняться на новый крестовый поход против еретиков, в роли каковых на сей раз выступали протестанты-англичане, испанский флот по-прежнему купался в лучах славы победителя битвы у Лепанто.

> *«Тот, кто господствует в водах океана, главенствует в торговле. Тот, кто главенствует в мировой торговле, контролирует мировое богатство, а следовательно, хозяйничает и во всем мире».*
>
> *Сэр Уолтер Рэйли*

Однако в лице английской королевы Елизаветы I и ее «морских волков» Испания столкнулась с противником, сильно отличавшимся от султана Турции и его галерных эскадр. По счастью, исследователям, занимающимся историей морских сражений, удалось отделить достоверные зерна истины от тумана плевел вымысла в отношении событий 1588 г. Покровы легенды сорваны, а следовательно, сегодня можно с уверенностью говорить о том, почему английскому флоту удалось взять верх и остановить Испанскую армаду в грохоте пушек еще одной битвы за свободу и национальное самоопределение.

Со времени английского короля Генри (или Генриха) VII (первого из династии Тюдоров), заключившего в 1501 г. союз с правившими в Испании Фердинандом и Изабеллой, Испания считала себя главной в этом альянсе. Дочь Фердинанда и Изабеллы, Катерина Арагонская, вышедшая в 1502 г. замуж за будущего Генри VIII, в письмах к отцу называла Англию «новыми землями Вашего Величества». Отход Генри в 1534 г. от правоверного католицизма, а также другие обстоятельства подорвали союз Испании и Англии. Правда, после того, как в 1554 г. дочь Генри — Мария, прозванная «Кровавой», — вышла замуж за самого Филиппа II, отношения между Англией и Испанией на краткое время восстановились. Филипп, не любивший ни английских королей и королев, ни английский климат, искал только предлог для окончательного разрыва. Таким поводом послужило восшествие в 1558 г. на английский престол королевы Елизаветы. Филипп и весь католический мир объявили Елизавету незаконнорожденной, как дочь не состоявших в браке родителей (вследствие непризнания государями-католиками действительным брака Генри и Анны Болейн, матери Елизаветы, из-за намерения короля жениться на которой, собственно, и случился церковный раскол. — *Прим. ред.*), а папа римский к тому же освободил ее подданных от необходимости считать себя связанными данной ей присягой на верность.

Однако, вопреки ожиданиям многих, Елизавета проявила себя как очень опасный противник. Вскоре последняя из династии Тюдоров нашла недорогой и практичный способ поправить благополучие измотанной серией войн с Францией страны и поживиться за счет скалившейся на Англию Испании. Таким средством послужила поддержка пиратства, осуществляемая путем продажи или сдачи в аренду «частным лицам» кораблей королевского флота или же за счет выдачи владельцам судов «каперских лицензий». Нападение на порт Кадис и его разграбление, осуществленные в 1587 г. дерзким Фрэнсисом Дрейком, стало наикрупнейшим в серии подобных атак англичан, наносивших чувствительные удары по экономике и национальному престижу Испании.

Изрядно натерпевшись от набегов английских пиратов, а также встревоженный ростом угрозы распространения протестантизма, Филипп счел себя наконец-то готовым ответить на вызовы и провокации врага и пресечь их, так сказать, вооруженной рукой (не последнюю роль в переходе его к активным действиям сыграла, как известно, казнь Марии Стюарт в 1572 г., однако наибольшее воздействие оказывала, конечно же, серьезная поддержка англичанами голландцев и рейды пиратов. — *Прим. ред.*).

Пробы и ошибки

Корабли Фрэнсиса Дрейка и конкурирующих с ним других «морских волков» довольно хорошо оснащались в техническом отношении. Во времена правления Генриха VIII со стапелей английских судоверфей сошли самые крупные для того времени военные корабли, хотя, как известно, не обошлось и без неудач, связанных с эксплуатацией таких громадин, как это произошло, например, с «большим кораблем» «Мэри Роуз», затонувшим на глазах у короля. Тем не менее, лишь немногие из построенных позднее кораблей могли сравниться по своим размерам с этим гигантом. И раз уж мы коснулись темы размеров материальной части, следует развеять миф о том, что корабли Испанской армады будто бы намного превосходили габаритами корабли англичан. На самом деле все обстояло как раз наоборот — самыми крупными из участвовавших в сражениях были как раз английские корабли.

Оказавшись перед лицом ситуации, в которой на противоположных от Англии берегах образовалось содружество целого ряда враждебно настроенных по отношению к ней католических стран, Генри VIII предпринял усилия с целью создания самостоятельных инфраструктур, способных строить корабли и оснащать их вооружением. Конструкторами и строителями первых крупных кораблей, принадлежавших его отцу, служили мастера из Италии. Сыновья этих мастеров обучали английских коллег и одновременно конкурировали с ними как в деле кораблестроения, так и в области изготовления бронзовых и чугунных пушек. Экспансия Англии на море, сопровождаемая экспериментами в области строительства кораблей, создания и применения их вооружений, позволила англичанам опередить испанцев во многих вопросах, связанных с морским военным делом, что, в конечном итоге, позволило им одержать победу над Непобедимой армадой Филиппа II.

Одним из наиболее важных свидетельств превосходства англичан является разработка ими простой и естественной на вид четырехколесной тележки, или морского лафета, на котором устанавливалась пушка. Вовлеченным в вынужденное соревнование с крупнокалиберной артиллерией, размещавшейся на больших галерах, или галеасах, строителям более скромных по размерам судов приходилось придумывать что-нибудь для увеличения скорострельности бортовой артиллерии. В то же время, если говорить об устремляющейся на врага крупной галере, идея перезаряжания пушек кажется неуместной, и вот почему. Подойдя к противнику достаточно близко для открытия эффективного артиллерийского огня, галера производила сокрушительный залп и затем сходилась с вражеским судном вплотную, после чего ее команда шла на абордаж — перескакивала на палубу неприятельского корабля с тем, чтобы решить исход боя с помощью мушкетов и сабель. Другими словами, повторный залп просто не требовался.

Вот такой стратегии, названной «стратегией одного залпа», и придерживались флотоводцы на судах Филиппа II, несших на палубах пушки различного калибра, установленные, подобно сухопутным орудиям, на двухколесные тележки. Пушки эти заранее заряжали (некоторые много позднее были подняты со дна именно в таком виде) и перемещали взад и вперед по кораблю, чтобы дать из них смертоносный залп с близкой дистанции перед тем, как команда пойдет на абордаж вражеского судна. Частая и эффективная стрельба с большого расстояния являлась для испанцев скорее некой утопией, чем реальностью. Необычайно длинные стволы испанских пушек, их калибр, тяжелые лафеты, на которых они устанавливались, — все это не позволяло даже и мечтать о возможности повторного залпа.

Что же касается англичан, то они выработали иной подход. Учитывая тот факт, что испанцы и португальцы контролировали кратчайшие торговые пути в Азию и к рудникам и

копям Южной Америки, т.е. к золоту и ко всем заморским диковинкам, англичанам вынужденно приходилось искать более длинные пути, осваивать отдаленные земли и, соответственно, строить корабли, способные преодолеть большие расстояния. Рассчитанные на один выстрел в бою крупнокалиберные пушки с их огромной массой попросту не подходили для столь дальних путешествий.

Не говоря уже о более совершенном парусном вооружении английских кораблей, Дрейк, Фробишер, Говард и другие противопоставляли испанцам сравнительно легкие и подвижные орудия, способные выстрелить как минимум дважды за то время, за которое испанцы успевали дать один залп. Короче, на одной чаше весов лежали размеры, масса и высокая стоимость, а на другой — технологические инновации, при этом вторые перетягивали первые. Огромное каменное ядро, которым стреляло большинство испанских пушек, обладало способностью нанести громадный ущерб при попадании, однако производство такого снаряда являлось дорогостоящим и долгим занятием. Металлические ядра, используемые англичанами, обходились дешевле и к тому же обладали более совершенными баллистическими характеристиками. Кроме того, англичане пришли к совершенно правильному выводу о том, что существует определенный предел целесообразности увеличения длины ствола пушки при стрельбе с применением черного пороха, так, они установили, что выход за этот лимит никак — или почти никак — не сказывается на эффективности огня.

> *«Чрезвычайно важно, чтобы корабли Армады держались строгого единства... Ни один корабль не должен отделяться от строя без моего соизволения... Любое нарушение приказа будет караться смертью».*
>
> *Герцог Медина-Сидония*

Приготовления испанцев

Нельзя забывать, что в конфронтации с англичанами испанцы располагали ресурсами огромной империи, управляемой королем, обладавшим организаторскими качествами и стремлением добиться цели, которые не уступали его религиозному рвению. До сих пор достижения Филиппа II в области создания флота и обеспечения его командами и всем необходимым производят впечатление. Объединив собственные корабли средиземноморских эскадр с судами покоренной им Португалии, добавив к ним корабли, откомандированные из Италии или взятые у нее в наем, Филипп сколотил мощные военно-морские силы, представлявшие смертельную угрозу для англичан. Причем создать ее Филипп сумел куда быстрее, чем ожидали последние, особенно в свете ударов Дрейка и остальных по экономике Испании. В состав этого ВМФ вошли и галеасы, послужившие своеобразным «секретным оружием» в сражении у Лепанто. Благодаря усовершенствованиям, произведенным за то время, что прошло после победы над турками в водах Греции, галеасы с разместившимися на их палубах ветеранами-пехотинцами уже не нуждались в предварительной буксировке.

Кроме служившего в роли молота собранного Филиппом мощного флота, существовала и наковальня — не менее сильная и боеспособная армия под командованием герцога Пармы, дислоцированная во Фландрии и готовая к нападению на противника. Перед испанским королем, как и перед теми, кто намеревался захватить Британские острова до него и после него, вставала одна и та же основополагающая проблема — от 30 до 40 км открытого водного пространства, отделявшие Англию от материка. В случае, если бы Филиппу удалось объединить силы армии и флота и обрушиться ими на англичан, у тех не осталось бы никаких шансов выстоять перед лицом вторжения, что означало бы рабство и насаждение католицизма в сравнительно небольшом, но раздражающе свободном островном королевстве.

Дальновидность Филиппа проявилась и в том, что он позаботился о хорошем оснащении, снабжении и вооружении войск, которые не должны были бы знать ни в чем нужды, при ус-

ловии, конечно, что удалось бы выдержать запланированные сроки и, так сказать, вписаться в график. Испанские специалисты в области артиллерии во многих отношениях опередили английских коллег. В частности, они стремились стандартизировать калибры имевшихся в их распоряжении орудий и свести к минимуму их разношерстность, и не просто стремились, но и обскакали тут англичан. Однако усилия испанцев в данном направлении оказались все же довольно малоэффективными, что объяснялось не только большим количеством судов, входивших в состав армады, сколько их разнообразием.

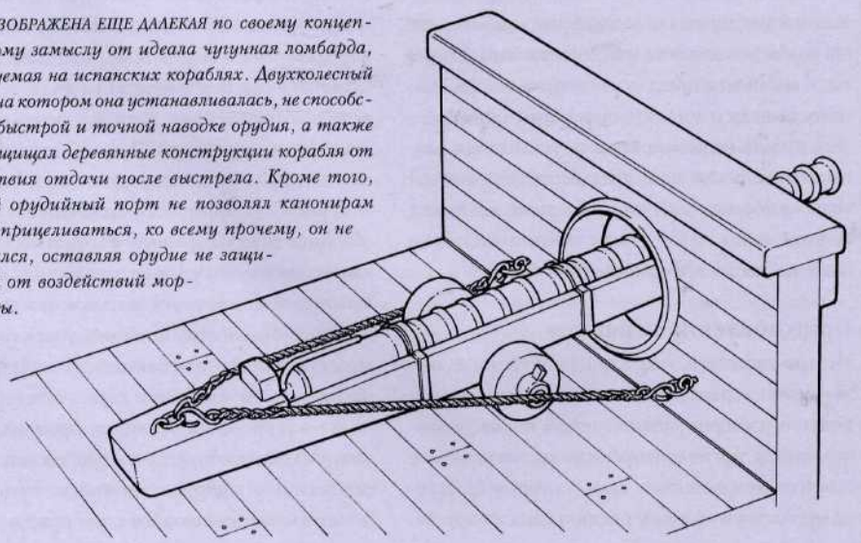
Одним из свидетельств того, что желания далеко не всегда совпадали с возможностями, являются обнаруженные и изученные современными историками тогдашние правила артиллерийской стрельбы, которыми руководствовались испанские канониры. В частности, предписания эти содержали расчеты траекторий полета металлических или свинцовых выстрелов определенной массы, но калькуляции страдали от множества математических ошибок, что делало все вычисления практически совершенно бесполезными.

В задачу военного флота входило сопровождение и охрана транспортов, перевозивших войска, которым предстояло высадиться на сушу на английской стороне Ла-Манша. И здесь адмирал испанского флота Медина-Сидония и командующий сухопутными войсками герцог Парма столкнулись с двумя трудностями. Прежде всего, координация их совместных действий предполагала наличие налаженных средств коммуникации, однако ветра и активность флота англичан делали такую связь фактически невозможной. Кроме того, избранный Филиппом на роль главнокомандующего Армадой адмирал скончался за три месяца до описываемых событий (прославленный флотоводец, маркиз де Санта-Крус, умер в феврале. — *Прим. ред.*), в результате назначение получил Медина-Сидония, не очень-то подходивший для решения поставленных перед ним задач.

Медина-Сидония был благородным, религиозным и склонным к фатализму человеком, каковые качества в полной мере проявились в том, как он командовал флотом. Его силы насчитывали 40 боевых и 90 вспомогательных кораблей, перевозивших на палубах около 19 000 чел. (не считая примерно 8000 моряков. — *Прим. ред.*), тогда как силы герцога Парма состояли из 300 «десантных» судов с 27 000 расквартированными во Фландрии — в Испанских Нидерландах — ветеранами-пехотинцами.

Срывы и задержки

Вскоре после того, как 25 мая 1588 г. испанский флот отплыл из Лиссабона, стало ясно, что реальная ситуация отличается от ожидаемой. Эскадры продвигались медленнее, чем предполагалось, а большая часть запасов продовольствия успела испортиться. Флот под командованием терзаемого скверными предчувствиями Медина-Сидония медленно прокладывал себе путь вперед до тех пор, пока неожиданные шторма не нанесли кораблям весьма существенные повреждения, спутав все карты испанцам, которым пришлось остановиться для ремонта и приведения в порядок материальной части на северном побережье Испании, где флот простоял до июля. Тем временем наконец материализовавшаяся угроза со стороны испанцев заставила Елизавету действовать: она назначила главнокомандующим — лордом-адмиралом — сэра Чарльза Говарда, лорда Эффингема, отдав под его команду эскадру из 40 самых крупных кораблей. В качестве средств поддержки этому ударному соединению задействовалось до 160 более легких вспомогательных судов, на которые возлагалась роль разведчиков, сторожевиков, курьеров и снабженцев флота (надо оговориться, что из 200 судов никогда не действовало разом больше половины. — *Прим. ред.*). Когда корабли Армады приблизились к водам Ла-Манша, там их уже ожидала боевая эскадра англичан, сопровождаемая 60 кораблями меньшего тоннажа.

Здесь изображена еще далекая по своему концептуальному замыслу от идеала чугунная ломбарда, используемая на испанских кораблях. Двухколесный лафет, на котором она устанавливалась, не способствовал быстрой и точной наводке орудия, а также слабо защищал деревянные конструкции корабля от воздействия отдачи после выстрела. Кроме того, круглый орудийный порт не позволял канонирам хорошо прицеливаться, ко всему прочему, он не закрывался, оставляя орудие не защищенным от воздействий морской воды.

29 июля торговое судно англичан сообщило о приближении испанского флота. На тот момент англичане пребывали в невыгодном положении, поскольку эскадра их зализывала раны в порту Плимут после неудачи с планом нанесения упреждающего удара по испанцам, когда те находились на стоянке в Ла-Корунье, к тому же ветер дул не попутный. 30 июля, под покровом ночи, Говард, находившийся на борту «Арк Ройэл», в сопровождении сотни кораблей покинул Плимут и направился навстречу Медина-Сидония, совершив маневр, позволивший эскадре встать по ветру (это означает, что он атаковал с запада. — *Прим. ред.*). Она шла споро, ветер надувал английские паруса и гнал клубы дыма пороховых разрывов прямо в лицо испанцам. Армада приготовилась к бою, используя все то же построение в виде полумесяца, которое семнадцать лет назад применил в сражении у Лепанто дон Хуан.

Огненный меч над Англией

Говард, благородно дав предупредительный выстрел, устремился в атаку на внушавший страх строй испанских кораблей, растянувшийся на 3 км. Испанцы, как уже сказано, выстроились полумесяцем, а корабли Говарда и его капитанов, повернувшись бортами, открыли оживленную канонаду по неприятелю. Однако Говард пока лишь примерялся к противнику, и ввиду довольно большого расстояния воздействие огня имело лишь незначительные последствия. Испанцы нехотя отозвались выстрелами, но тоже без успеха. Известно, однако, что случайность зачастую может сыграть решающую, а в сочетании с неопытностью и фатальную роль, и на сей раз произошло нечто подобное. Неожиданные взрывы на борту двух самых крупных испанских судов, одно из которых служило штаб-квартирой казначея флота, внесли сумятицу в ряды испанцев. Один из поврежденных кораблей, «Нуэстра Сеньора дель Росарио», понесло к расположениям пиратов Фрэнсиса Дрейка, который вышел из боя с тем, чтобы обеспечить за собой богатую добычу.

Говард в итоге отошел, но, раз обнаружив Армаду, принял разумное и дальновидное решение поддерживать контакт с противником с тем, чтобы предотвратить его дальнейшее продвижение через воды Ла-Манша. 1 или 2 августа вблизи Портлендского мыса испанцы решили применить один из излюбленных тактических приемов: быстроходный корабль «Регасона» сделал попытку сблизиться с крупным судном англичан и взять его на абордаж, но оно ответило беглым артиллерийским огнем, после чего благополучно вышло из боевого соприкосновения.

Эскадра испанских галер столкнулась с той же ситуацией, когда попыталась атаковать самый большой английский корабль «Триумф», командовал которым Мартин Фробишер. Ветер ненадолго стих, и «Триумф» потерял ход. Испанский «Сан Лоренцо» дал по нему мощный залп, получив достойный ответ со стороны англичан. Однако ветер вновь усилился, что позволило английскому кораблю увеличить ход и уйти от неприятеля. Спустя два дня (4 августа. — *Прим. ред.*) противники вновь сошлись в узком проливе у острова Уайт. Как и в предыдущую встречу, Фробишер, обрушив на врага град металла, затем успешно ушел от него. Из описанных выше случаев напрашивается

Битва у Гравлина

1588 г.

Стоя перед проблемами снабжения собственного флота при полном отсутствии координации действий у войск вторжения в целом, герцог Медина-Сидония отдал приказ подчиненным ему капитанам Непобедимой армады причалить в нейтральном, но принадлежавшем католической стране порту Кале, где надеялся найти укрытие и пополнить запасы продовольствия. Суда англичан, в свою очередь, вернулись в порт для пополнения боезапаса. Несмотря на все усилия испанцев в разыгравшемся финальном столкновении огонь брандеров англичан Говарда рассеял корабли Армады, что позволило английским артиллеристам расстреливать неприятельские суда с близкого расстояния. Находившиеся на бортах испанских кораблей солдаты не могли ничего поделать, оставаясь бессильными перед вражеской артиллерией и бессмысленно погибая под ее залпами. Испанцы располагали более тяжелыми и грозными орудиями, которые, однако, сильно уступали в скорострельности артиллерии англичан и не имели расчетов, обученных перезаряжанию в бою. К исходу дня эскадра испанцев была сильно потрепана, действия ее перестали носить организованный характер, что заставило командование забыть о планах сопровождения войск вторжения к берегам Англии. Примечательно, что решение лорда Говарда перепрофилировать восемь худших кораблей в брандеры получило оценку как один из наилучших примеров целесообразного расходования средств на военные нужды за всю историю Англии.

Сражение у Гравлина (фламандское Гравелинге, что значит «графский канал» [grave-linghe]. – Прим. ред.) произошло в проливе Ла-Манш к северу от порта Кале. Поражение Испанской армады в этом боевом столкновении на море положило конец планам испанцев высадиться на берегах Англии и одновременно дало старт началу эпохи господства Англии в водах Мирового океана.

1 После предварительных и не принесших ни одной из сторон перевеса столкновений англичан и испанцев в водах Ла-Манша корабли Армады укрываются на рейде Кале, ожидая, когда же флотилия в Нидерландах завершит подготовку к вторжению в Англию.

2 В ночь с 7 на 8 августа адмирал лорд Говард приказывает бросить брандеры против стоящих на якорях кораблей испанцев.

3 Испанские корабли стремятся скрыться бегством от неприятельских брандеров, в результате чего утрачивают строй и приходят в полностью дезорганизованное состояние.

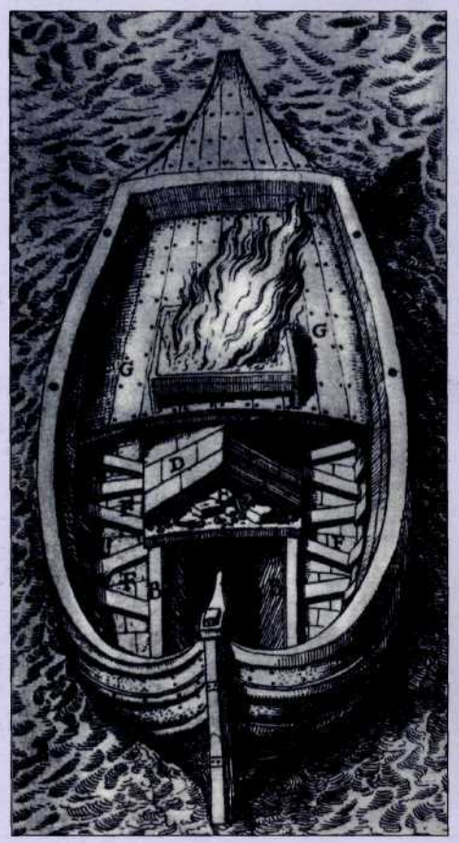
4 Медина-Сидония пытается привести в порядок строй кораблей Армады. Со своей стороны, англичане пользуются возможность открыть интенсивную стрельбу по кораблям противника, нанося им заметные повреждения и не позволяя восстановить боевые порядки.

5 Сильные ветры и повреждения не позволили кораблям испанцев ни воссоединиться с флотом вторжения, ни осуществить высадку на берегах Англии.

простой и однозначный вывод: если галеасы не могут догнать вражеское судно, они не могут и уничтожить его.

Передышка

Англичане щедро тратили боеприпасы, а потому Говарду пришлось направиться в Дувр для пополнения запасов пороха и ядер. По этой причине испанский флот в течение трех суток не встречал никакого противодействия, пока не оказался в 40 км от заранее условленного места, где после предпринятой накануне Медина-Сидония усиленной «бомбардировки» герцога Пармы курьерами с посланиями и указаниями предстояло состояться — а точнее, как мы знаем, *не* состояться — долгожданной встрече двух соединений вторжения. Испанцы вошли в порт Кале, где намеревались произвести ремонт кораблей, ожидая сигнала отправиться на соединение с флотилией с десантом на борту для сопровождения ее к берегам Англии — к верной победе.

На данной иллюстрации, позаимствованной в военном наставлении, выпущенном в 1630 г., изображен «Дьявольский факел Антверпена» — тот самый целевой постройки брандер, собратья которого уничтожили множество испанцев в ходе осады Антверпена (в 1584–1585 гг.; см. об этом ниже; подробнее же в 3-й главе книги на стр. 188. — Прим. ред.). Такое судно, передвигавшееся под действием течения или парусов, управляемое отборной командой из смельчаков-добровольцев, несло горючие материалы или взрывчатку, которая — часто вследствие действия «таймера» — должна была взорваться при сближении к кораблями противника. Единственным средством защиты от брандера могло стать его скорейшее потопление, отвод в сторону или же отход от него на расстояние, не позволяющее огню перекинуться на атакуемый объект.

И здесь Медина-Сидония получил шокировавшее его послание от герцога Пармы, который извещал его о том, что войска пока никак не готовы к переправе через пролив. Трудности путешествия в шестнадцатом веке серьезным образом сказывались на скорости передачи корреспонденции, они задержали гонцов Армады, и Парма получил указания слишком поздно. В итоге только через шесть дней расквартированная во Фландрии армия могла закончить грузиться на суда и отправиться через Ла-Манш (все это витиеватое словесное построение скрывает за собой тот простой факт, что погрузка армии на десантные суда заняла у Пармы почти неделю, однако шнырявшие по мелководью голландские и английские морские дозоры не позволяли ему даже и помыслить о том, чтобы выйти в открытое море без соединения с судами Армады, у последней же отсутствовало надежное место для стоянки. — *Прим. ред.*).

Говард пребывал в неведении относительно проблем, выпавших на долю испанцев, однако вид сгрудившихся на рейде кораблей вражеского флота подсказывал вполне очевидные шаги. Учитывая то обстоятельство, что его суда пополнили запасы продовольствия и боеприпасов и находились в готовности к активным действиям, Говард собрал воедино наличные силы и решил атаковать противника, используя еще одно из особых вооружений англичан.

Как мы уже знаем, зажигательные боеприпасы использовались и в ходе сражения у Лепанто. Таким оружием располагали и

корабли Армады, и, если бы им удалось сблизиться с более быстрыми судами англичан, испанцы вполне могли применить против них зажигательные боеприпасы вроде глиняных горшков с горючей смесью или же «огнеметы» наподобие «бомбы». Еще за два тысячелетия до описываемых событий подобные приемы брали на вооружение капитаны судов с острова Родос, поливавшие врагов горящим маслом из горшков над таранами их галер, а византийцы неоднократно использовали «греческий огонь» для отражения атак на Константинополь (и не только; тот же «греческий огонь» постоянно применяли турки в борьбе с крестоносцами. — *Прим. ред.*). Осадные сооружения Александра Великого в 332 г. до РХ тоже пали жертвами огня. Словом, история знает немало примеров, а потому средства, которые собирались использовать англичане, не являлись чем-то новым.

> *«Завидев приближающиеся к ним выстроенные в линию восемь судов, несущих искусственный огонь — страшный до того, что и не вообразить как... команды кораблей Армады немедленно бросились рубить якорные канаты»*
>
> *Испанский моряк с «Сан Лоренцо»*

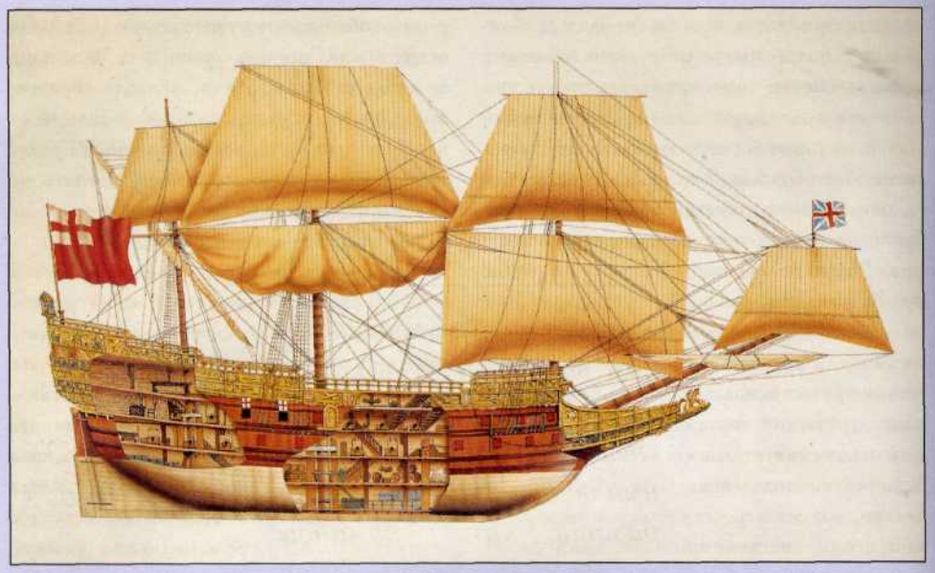
Брандеры

Брандеры представляли собой единственное самонаводящееся оружие вплоть до самого двадцатого века. Чаще горящее, но иногда и заминированное судно управлялось членами команды до того момента, пока максимально не сближалось с целью, после чего команда брандера покидала его в самую последнюю минуту, пересаживаясь в лодки. Испанцы испытывали вполне объяснимый ужас перед брандерами, особо усиленный воспоминаниями о том, как четыре года назад они понесли тяжелейшие потери от пылающих барж итальянца Джамбелли под Антверпеном (автор, очевидно, имел в виду осаду Антверпена, которая происходила в 1584–1585 гг. — *Прим. ред.*).

Однако, несмотря на страх, испытываемый моряками перед подобным оружием, Медина-Сидония, как хороший командир, прежде всего постарался предпринять все возможное с целью обезопасить от него свои корабли. Он отдал приказ послать лодки, в цели команд которых входила задача зацепить горящие брандеры и отбуксировать их подальше от испанских судов, последние получили приказ находиться в постоянной готовности сняться с якоря и избежать контакта с брандерами противника по мере их приближения.

В полночь с 7 на 8 августа Говард направил в сторону противника восемь брандеров. Испанским сторожевым судам удалось изменить курс двух из них, однако когда оставшиеся шесть приблизились к эскадре испанцев на опасное расстояние, на кораблях вспыхнула настоящая паника; началось самое настоящее светопреставление. Испанский корабль «Сан Лоренцо» попытался уклониться от приближающегося к нему вражеского брандера и выбросился на отмель, где уже ни гребцы, ни паруса не смогли предотвратить его попадания в руки англичан. Другие корабли испанцев, обрубив якорные канаты, растворились в освещенной зловещим светом ночи, оставшись без якорей и вынужденно отдав себя на волю ветру и течению. С рассветом 8 августа Медина-Сидония с ужасом увидел, что для противодействия всему флоту англичан у него осталось всего четыре больших корабля, не считая «Сан Мартин».

В ходе разыгравшегося затем сражения, получившего название битвы у Гравлина по месту якорной стоянки испанцев, Медина-Сидония безуспешно пытался собрать беспорядочно разбросанные на волновавшемся море и увлекаемые против людской воли сильными ветрами корабли Армады. Тем временем англичане (не забывая об опасности возможного абордажа со стороны противника) подошли достаточно близко для того, чтобы осыпать противника градом снарядов из скорострельных пушек, и продолжали поддерживать канонаду, покуда у них не кончи-

На рисунке изображен «Владыка морей», как называли его англичане, или «Золоченый дьявол», как нарекли этот огромный корабль голландцы, которым пришлось иметь с ним дело. Спущенный на воду в 1637 г. гигант нес на трех палубах свыше 100 бронзовых пушек. Монстры, подобные ему, воплощали в себе богатство и военную мощь стран, способных строить таких горделивых геркулесов.

лись боеприпасы. Медина-Сидония так и не удалось сплотить разбросанную эскадру и наладить взаимодействие.

«Бог дохнул», как говорили англичане. Ветра понесли уцелевшие испанские суда прочь от Фландрии и дислоцированных там войск (они едва не загнали их на мели Зеландии прямо в объятья голландцам, однако природа все же смилостивилась над испанцами, и ветер понес их на север. — *Прим. ред.*). Из 130 испанских кораблей на плаву оставались лишь 60, и то по большей части сильно поврежденных (необходимо уточнить, к моменту возвращения в Испанию после плавания вокруг Британских о-вов. — *Прим. ред.*), а из 19 000 чел. десанта, отправившихся покорять злополучную Англию, домой вернулись только 4000 (тут не учитываются моряки, так что из 19 000 + 8000 чел. = 27 000, минус 15 000 потерь дает в сумме 12 000 возвращенцев; впрочем, любые калькуляции, как минимум, условны, как и потери англичан, исчислявшиеся несколькими сотнями и в основном не от вражеского огня. — *Прим. ред.*).

Битва у Даунса, 1639 г. Закат Испании

Голландцы вовсе не оставались в роли простых наблюдателей, пока англичане и испанцы сражались между собой. Армия, которую Филипп II намеревался направить против англичан, не случайно находилась во Фландрии: с ее помощью испанский король хотел усмирить протестантскую Голландию, которая делала все возможное для помощи англичанам в их борьбе с Армадой. Так, голландские корабли пытались помешать подготовке испанского флота вторжения, но герцог Парма перехитрил их и обошел на маневре в рукавах и проливах на материке (тем не менее, продвинуться дальше на соединение с лишенным устойчивой якорной стоянки флотом испанцы все равно не смогли. — *Прим. ред.*).

Спустя полвека после описанных выше событий, когда герцог Медина-Сидония отправился в путь к бесславию, расклад сил между сторонами-участницами противостояния при Гравлине изменился бесповоротно раз и навсегда, как, впрочем, претерпело радикальные изменения и положение голландцев. Мощь испанцев к тому моменту достигла зенита и с тех пор постепенно безвозвратно убывала. Страна приходила в упадок, что в то же время вовсе не означало, будто с ней было можно уже

и вовсе не считаться. Англия же демонстрировала всему миру свои возможности на море, что позволяло ее мореплавателям открывать новые, ранее недоступные торговые пути и рынки. Однако у Англии хватало соперников. Всех усилий Филиппа II и его наследников оказалось недостаточно для того, чтобы покорить упрямых голландцев, провозгласивших и отстоявших независимость семи своих изначальных провинций, восставших против католиков в 1568 г. В 1628 г. они нанесли по Испании удар, сравнимый по последствиям с разгромом Армады. Пит Хейн отомстил врагам за четыре года, проведенные им у них в плену на галерах, захватив целую испанскую флотилию, перевозившую грузы золота и серебра из стран Нового Света. В результате теперь предоставлялась возможность переадресовать вышеназванные грузы, предназначавшиеся как раз для финансирования борьбы Испании с Голландией, и направить на поддержку борьбы голландских провинций с самой Испанией.

Уроки разгрома Армады не прошли даром для европейских стран, ставших своего рода заинтересованными наблюдателями в противостоянии между англичанами и испанцами. Для того чтобы убедиться в справедливости подобного замечания, достаточно внимательно присмотреться к трем эскадрам кораблей, спущенных со стапелей верфей английского Дувра и бросивших якорь у Даунса в тот день и час, о которых у нас и пойдет речь в дальнейшем. Современный взгляд на события битвы при Гравлине затеняет истинное видение событий и заставляет забывать о том, что вынесенных из нее уроков насчитывалось в общем и целом не один, а два. Одним из опытов, извлеченных европейскими судостроителями из вышеупомянутого сражения в Ла-Манше, стало взятие ими курса на строительство более быстрых и легче поддающихся управлению судов, кроме того — это и есть второе следствие — отмели, разбросанные по всему побережью Голландии, заставляли строить корабли со средним водоизмещением, пригодные к плаванию в условиях мелководья, которым предстояло стать прародителями всем известных фрегатов и «74-пушечников» времен расцвета парусного флота. «Триумф» же с успешно выдержанными им двумя боевыми соприкосновениями с галеасами породил первых в длинной цепи наследников левиафана.

Ощущение могучей гордости и уверенности корабелов и судовладельцев исходили от позолоченной резьбы, которой английские судостроители Карла I украсили корму «Владыки морей». Подобные дизайнерские изыски служили свидетельством богатства страны, построившей такой знатный корабль, а также символом гордости нации ее военно-морскими силами. В практическом смысле наличие украшений давало возможность определенно идентифицировать корабль, находясь на расстоянии от него. На французских судах такого рода резьба нередко защищалась плетеными циновками.

Медина-Сидония использовал легкие парусные полубаркасы — пинасы — для передачи приказов кораблям флота и вообще как средства коммуникаций. Говард задействовал их в качестве разведчиков, расположив посудины вдоль строя испанского авангарда, а Дрейк применял в рейдах вдоль вражеского побережья. Голландские пираты усовершенствовали подобные суда, сделав их крупнее, причем настолько удачно, что модернизации оказались эффективными до такой степени, что в период правления Чарльза (Карла) I англичане, а вслед за ними и французы покупали у голландцев суда данного типа или строили их копии. Останки одного из них — потерпевшего крушение английского «Лебедя» — способны многое рассказать о кораблях своего класса. Голландское название для таких судов *sloep* в английском языке трансформировалось в *sloop* (звучит примерно одинаково — «слуп», а в русском «онемечилось» и приняло форму «шлюп» [в верхненемецком с его мягким «л» — *Schaluppe*/шалюппе]. — *Прим. ред.*) и обозначало легкое, быстроходное судно, имевшее одну палубу, на которой размещались орудия.

«Наше преимущество (заключалось) в более юрких кораблях, способных нести большее (чем у испанцев) количество пушек... Сами орудия наши скорострельностью вдвое превосходили вражеские и обслуживались более умелыми канонирами».

Английский капитан Николас Горгас

Налоговое законодательство заставило голландцев разработать и построить новый тип судна, названного *fluyt* (звучит примерно как «флойт», так что читатель, если еще не знал, уже догадался, откуда «растут ноги» нашего слова «флот». — *Прим. ред.*) и сыгравшего заметную роль в их победе над испанцами в сражении у Даунса. Дело в том, что налог на строительство судна определялся размерами его верхней палубы, площадь которой было проще измерить. Очевидным ответом экономных и рачительных купцов на такую тенденцию, направленным, естественно, на снижение суммы налога, становилось строительство длинных и узких судов, имевших небольшую осадку, изогнутые борта, верхняя палуба которых получалась меньше нижней (вообще флойты отличались тем, что имели только одну палубу. — *Прим. ред.*). В результате получался корабль, обладавший удачной конструкцией и высокими мореходными характеристиками, управлять которым было под силу более малочисленной, по сравнению с ранее строившимися судами, команде. Кроме того, флойт доказал способность перевозить довольно значительный груз и вести бой в условиях сильного волнения на море. Корабли среднего тоннажа, которые Мартен ван Тромп бросил против испанцев, в плане парусного и пушечного вооружения во многом напоминали суда, на которых хаживали по морю Говард и Дрейк, однако их корпус отличался более высокой прочностью, а вооружение — большим совершенством. Голландцам, испанцам и португальцам предстояло вскоре столкнуться на подобных кораблях в сражениях у берегов Азии.

Действовать все чаще приходилось в более глубоководных районах, а успех «Триумфа» не переставал волновать воображение, и вот все они — англичане, испанцы и французы, а особенно шведы — поспешили последовать руслом тренда, простейшим и наияснейшим лозунгом которого служило словосочетание «королевский корабль», воплощавшее в себе богатство, власть и престиж государя, пославшего в битву такие суда. Роскошь и гордость королей отражались в причудливой резьбе и позолоте орнаментов, в ярких знаменах, гордо реявших над ощетинивавшимися жерлами пушек из орудийных портов громадами под парусами. Спасенные «бренные останки» гиганта по имени «Ваза» (шведская королевская династия, представители которой правили с 1523 по 1818 гг.. — *Прим. ред.*) дают нам ни с чем не сравнимую возможность воочию наблюдать поколение бегемотов семнадцатого столетия. Процесс проделанной ими эволюции нетрудно проследить.

Властители морей

В правление Генриха VIII кораблестроение стало свидетелем изобретений, имевших как положительные — создание «Мэри Роуз» и последующий триумф под Гравлином, — так и печальные последствия для флота — потерю той же «Мэри Роуз». Так, например, сетки, натянутые на деревянных реях вдоль бортов «Мэри Роуз» с целью предотвратить попытки противника взять судно на абордаж, не позволили членам ее собственного экипажа спастись, когда корабль пошел на дно. Однако идея смещения линии тяжести ниже к ватерлинии за счет установки на более низком уровне тяжелых орудий на колесных лафетах, впервые примененная на той же «Мэри Роуз», нашла более удачное воплощение на судах более позднего выпуска. Сама конструкция корабля с открытыми орудийными портами и высоким центром тяжести делала его уязвимым для волн, способных привести к опрокидыванию судна или захлестыванию водой через порты в неспокойном море. Печальная судьба постигла не только «Мэри Роуз», но и шведский корабль «Ваза» в 1627 г. и много позднее — во время сражения в Кибронском заливе спустя более чем столетие — французский «Тезей». Однако профит казался столь соблазнительным, чтобы решиться отвергнуть сделку с дьяволом. Подобные им суда могли использовать собственные бортовые батареи с множеством тяжелых пушек в качестве балласта, тогда как над мощными корпусами, способными выдержать суровый шторм и пережить бурю, реяли широкие паруса, позволявшие кораблям, если будет нужно, выходить из боя и оставлять с носом врага, что дважды проделал тот же «Триумф» у Гравлина, не позволяя галеасам сблизиться для абордажа.

Шведский корабль «Ваза» удалось поднять, восстановить, и теперь он хранится в музее Стокгольма. Его длина составляет 69 м, а ширина — 11,7 м. Помимо 175 чел. команды он обладал способностью перевозить 300 солдат; на нем находилось 64 пушки, 48 из которых 24-фунтовые (11 кг), которые стали стандартными после сражений англичан с Армадой. Корпуса и бортовая артиллерия, укрываемая от дождя и брызг чехлами из парусины, достигли оптимальных форм и размеров. Стандартизация представляла собой решительный шаг вперед, поскольку значительно облегчала проблемы тылового обеспечения и упрощала процесс заряжания под огнем в условиях боя. Однако тут же нашла отражение одна из неудачных английских инноваций — пушки отливались из бронзы, но заряжались с казенной части и не были приспособлены к частой стрельбе. В попытке добиться большей скорострельности и повысить огневую мощь английские оружейники произвели на свет кованые стволы из чугуна с казенниками, скрепляемыми воедино за счет штырей и обручей. Открывающиеся «затворы» вообще таили источник большой опасности для орудийной прислуги, поскольку под действием силы взрыва заряда швы расходились, изрыгая огонь. Не помогали никакие клинья, предназначенные удерживать конструкцию вместе. Время для эффективных и надежных затворных пушек попросту еще не пришло.

В течение двух последующих столетий самым распространенным видом морского орудия являлась цельная пушка, отлитая по возможности из бронзы или из чугуна и стреляющая ядрами или иными снарядами массой около 14,5 кг (32 фунта.) Она отличались меньшими размерами, чем многие предшественницы, однако имела более высокую скорострельность — в два и более раза — и меткость огня. Некоторые образцы так зажились, что находили применение до 1865 г. Бронзовая артиллерия служила предметом роскоши, англичане радовались, когда захватили в Кибронском заливе корабли с такими пушками.

Карл (или Чарльз I) с разочарованием наблюдал за тем, как его эскадра оказалась не способна не то что помешать, даже выступить в роли арбитра в битве при Даунсе, где Мартен Тромп уничтожил испанский флот, вновь отогнанный от Кале брандерами и пытавшийся укрыться в английских водах. Отчаяние Карла вылилось в продукт кораблестроительной гигантомании и материализовалось в виде 1500-тонного «королевского судна», построенного для государя Финисом Петтом и спущенного на воду через восемь лет после вышеупомянутого сражения (трудно уловить мысль автора, поскольку, по его собственным

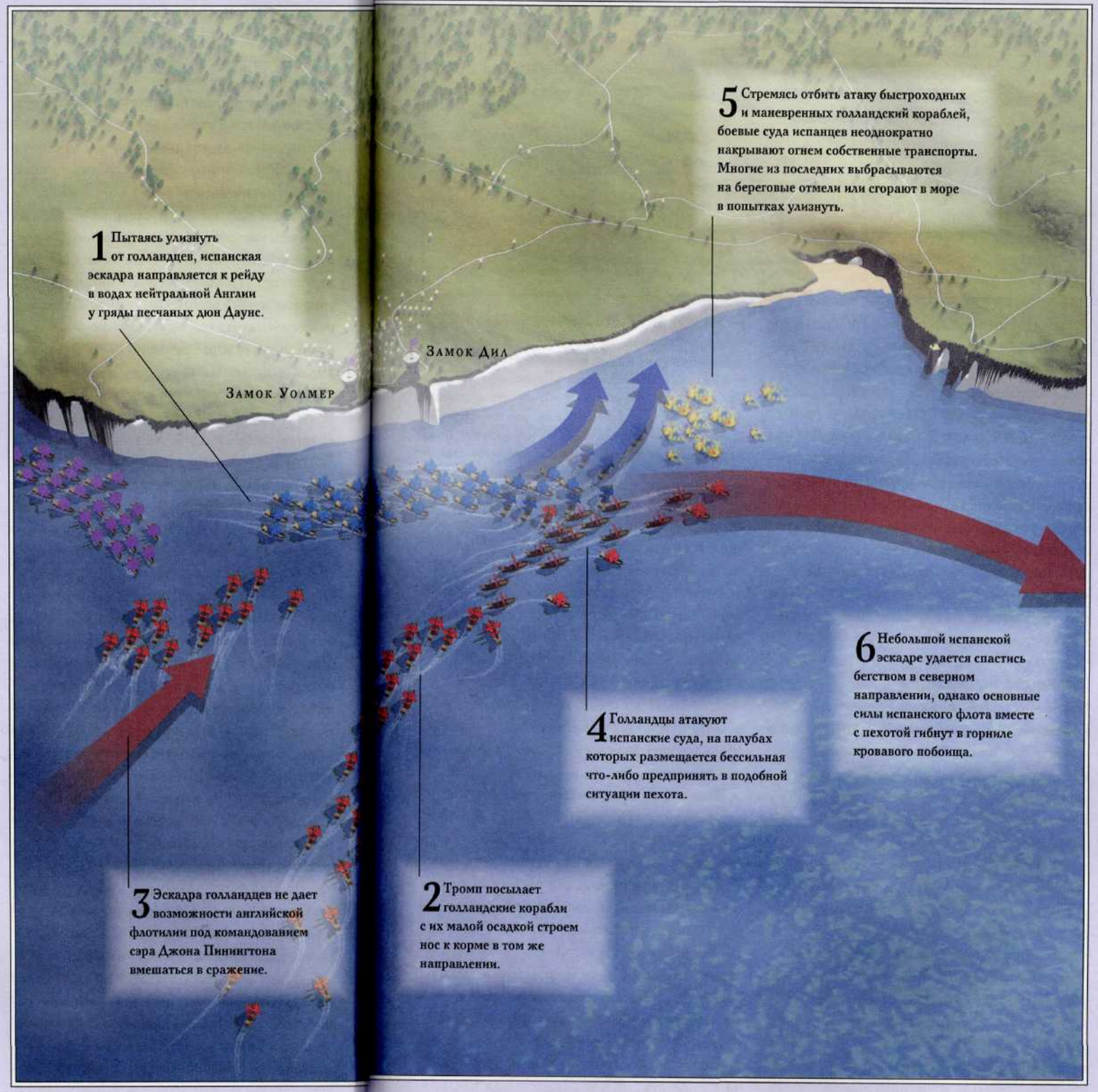
Битва у Даунса

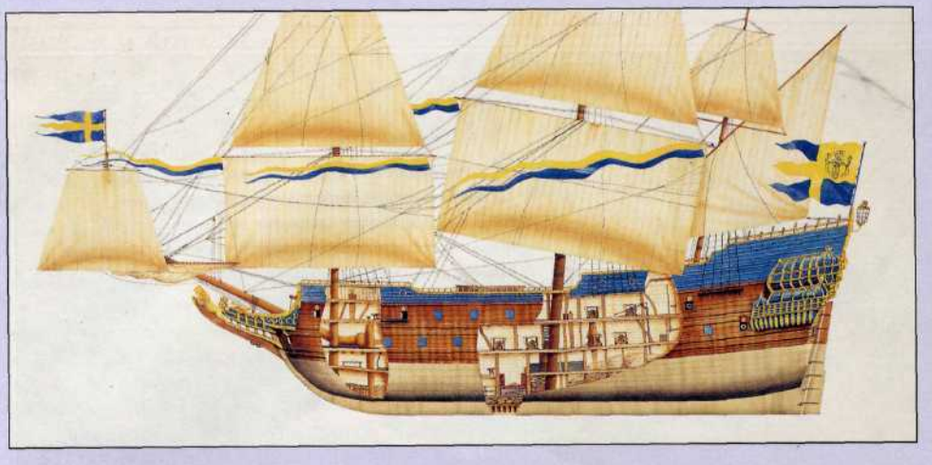
1639 г.

Испанский флот в составе 75 кораблей с 13-тысячной армией на борту, направлявшийся к берегам Фландрии, столкнулся с эскадрой под командованием адмирала Мартена Тромпа, насчитывавшей всего 18 кораблей. Британцы могли грозить голландцем вмешательством и даже стрелять из береговых орудий, однако сумели мало что поделать в спасительном для неприятеля тумане. Корабли голландцев Тромпа особенно хорошо подходили для плавания в условиях мелководья и управлялись опытными моряками, что позволило им проникнуть на вражескую стоянку и построиться в боевые порядки. Испанцам, оказавшимся окруженными со всех сторон более быстроходными судами противника, не оставалось ничего другого, как мужественно противостоять артиллерийской канонаде, сеявшей смерть среди новобранцев на палубах. Прямым следствием упомянутого тут столкновения стало стремление английского короля Карла I выдавить из подданных «корабельные деньги» — большие средства, позволявшие бы создать мощный и хорошо оснащенный флот, чтобы никто уже не осмелился глумиться над королевством и оспаривать его могущество как морской державы. Несмотря на серьезные потери, испанцы оказались в состоянии построить еще один флот, сохраняя тем самым собственные позиции как морской державы. Отважные действия Мартена ван Тромпа продемонстрировали всем растущую мощь недавно зародившегося военно-морского флота Нидерландских провинций.

Сражение разыгралось в английских водах, у берегов графства Кент. Поражение привело к уничтожению остатков испанского флота и нанесло непоправимый ущерб военно-морской мощи Испании, заметно ослабило ее позиции во Фландрии, одновременно предоставив голландцам преимущества на Северном море.

На рисунке изображен шведский военный корабль «Ваза», позволяющий судить о состоянии военного кораблестроения в 17-м веке. Обладая преимуществами в виде более стандартизированного вооружения, корабль предоставлял довольно некомфортные условия для быта команды, а его конструктивные недостатки — прежде всего недостаточный бимс при слишком высоких палубах, словом, недостаточная остойчивость — привели к крушению в ходе первого же плавания в 1627 г.

утверждениям «Владыка морей» сошел на воду в 1637 г., тогда как битва у Даунса датирована 1639 г.. — *Прим. ред.*). Английский «Владыка морей» на трех орудийных палубах нес иногда свыше 100 отлитых из бронзы пушек и применял их с такой интенсивностью, что получил от голландцев, которым и пришлось хлебнуть лиха от горделивого чудовища, прозвище «Золоченый дьявол». Подводя итог, можно сказать, что соображения престижа и необходимость превосходства в огневой мощи привели к созданию корабля, который, возможно, оказался бы уместным и в ходе битвы при Трафальгаре, но создание такого корабля в итоге стоило Карлу I головы.

Сражение начинается

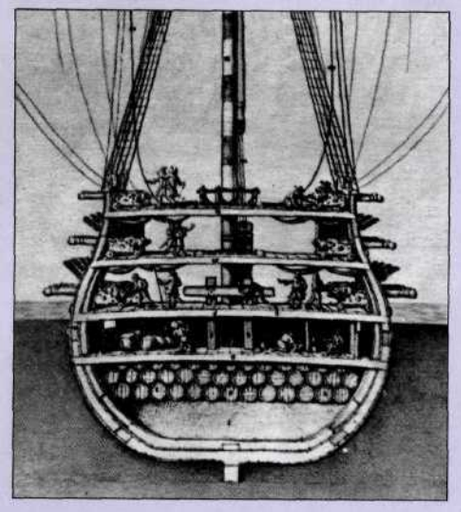
Подобно столкновению у Гравлина, битва, начавшаяся 15 сентября 1639 г., протекала в проливе Ла-Манш. Тактика и цели противников также можно назвать схожими с теми, которым следовали участники противостояния у Гравлина. Испанские корабли перевозили на палубах части, предназначенные для высадки на суше, а задача противодействующих им сил состояла в том, чтобы предотвратить эту высадку. На сей раз испанский адмирал, Антонио де Окуэндо, возглавлял флот из 45 оставшихся у испанцев больших военных кораблей, сопровождавших 30 транспортных судов с 13 000 солдат к берегам сегодняшней Бельгии. Голландцы сочли, что наилучшим способом противостоять такой силе будет морская артиллерия, нежели мушкеты пехоты в польдерах (польдеры — осушенные участки земли, защищенные дамбой, что характерно для голландского ландшафта, а потому вся эта витиеватая фраза означает всего лишь намек на то, что голландцы предпочли уничтожить врага в море, чем потом биться с ним на суше, причем на своей территории. — *Прим. ред.*), а потому, завидев флот испанцев, Тромп, как до него Говард, предпочел не терять контакта с неприятельской эскадрой, покуда хватит пороху и ядер, хотя на тот момент его собственная эскадра насчитывала всего 12 кораблей, не считая флагмана.

Голландцы доказали свое преимущество перед испанцами как в плане координации собственных действий, так и в налаживании связи между кораблями. На следующий день эскадра Тромпа пополнилась еще пятью кораблями, и ничто не смогло бы заставить его отказаться от мысли уничтожить противника. Тромп дал сигнал голландским капитанам, и те накинулись на испанские транспорты, точно волки на отару овец. Частый огонь голландских пушек нес смерть и наносил увечья испанской пехоте, беспомощно толпившейся на палубах транспортов. Испанские пешие воины не могли ничего поделать, не имея средств для реального противодействия, позволявших если уже не нейтрализовать огонь противника, то хотя бы адекватно отвечать на него, и гибли во множестве, причем не только от неприятельских снарядов, но нередко попадая под обстрел собственных кораблей сопровождения, которые в дыму палили во все стороны без разбора. Флотоводческое мастерство и напористость действий голландцев не оставили Окуэндо возможности предпринять что-нибудь иное, кроме как попытаться укрыть корабли на нейтральной территории — на безопасной стоянке у Даунса. Когда испанцы прибыли туда, командир английской эскадры, сэр Джон Пинингтон, потребовал от голландцев покинуть английские воды, в случае неподчинения Тромпа Пинингтон пригрозил, что английская эскадра выступит на стороне испанцев.

Тромп, между тем, зря времени не терял: он пополнил запасы пороха, закупив его в Кале, и отправил в Голландию доклад о сложившейся ситуации. В результате он получил приказ атаковать, который прибыл к нему с пополнением — с флотилией из всех военных кораблей, имевшихся в распоряжении у Нидерландов. Окуэндо, занятый починкой и приведением в порядок материальной части, находился в безвыходном положении: на севере его ждали противные ветра, а на юге — ненавистный Тромп с хищной эскадрой. Испанский адмирал оставил инициативу за голландцами, которые и воспользовались ей 10 октября, когда Тромп, проигнорировав предупредительные выстрелы Пинингтона, бросил флот в атаку. Условия на мелководье в районе Даунса диктовали тактику и выбор боевого построения. Более легкие корабли Тромпа (так, «Эмилия» имела водоизмещение где-то около 800 тонн и располагала 46 орудиями), следуя гуськом вплотную друг за другом, что позволяло им поддерживать контакт между собой в условиях густого тумана, окружили огромный испанский корабль «Санта Тереса», команда которого превосходила команду «Эмилии» вдвое и на борту которого находилось 68 орудий. Тромп знал, что делал. Имея на тот момент 96 военных кораблей при 12 брандерах, он штормовым валом обрушился на испанцев. Тромп также послал отдельное формирование с целью обезвреживания Пинингтона на случай, если тому вздумается выполнить угрозу и присоединиться к испанцам. Однако Пинингтон не сдержал обещания, и уже ни какой бы то ни было международный закон (а голландцы, напомним, действовали в чужих водах. — *Прим. ред.*), ни «Санта Тереса» не могли спасти испанцев от кровавой бойни.

Флагман испанского флота загорелся и вскоре взорвался со страшным грохотом, а остальные испанские корабли выбросились на отмели, превратились в обломки от вражеских ядер и пошли на дно или же и вовсе сгорели. Только девяти кораблям и 7000 солдат удалось спастись. Так голландцы положили конец испанскому господству на море.

Нахождение оптимального соотношения размеров и массы, с одной стороны, и обеспечивавших скорость высоких мачт с парусами — с другой, стало возможным за счет превращения бортовой артиллерии более поздних боевых кораблей в своего рода уравновешивавший балласт. Таким образом, грозные пушки служили не только оружием, но и средством, нейтрализовавшим тенденцию мощного такелажа, необходимого для обеспечения ускорения тяжелому кораблю, разбалансировать его, грозя опасностью переворота. Запасы продовольствия и пороха, необходимые в дальних походах, теперь представлялось возможным размещать ниже ватерлинии, там, где они хранились в относительной безопасности от вражеского огня. В ходе боя на таких кораблях использовался уменьшенный парусный такелаж при сохранении возможности быстро нарастить количество развернутых парусов в случае, если приходилось преследовать противника или, напротив, чтобы оторваться от погони.

Кибронский залив, 1759 г.
Силы стихии

В 1759 г. сами корабли, их вооружение и тактика ведения морского боя во многом напоминали те, которыми пользовался Тромп за столетие до этого. Одним из новшеств стало появление военных судов среднего тоннажа, призванных заполнить брешь, существовавшую между кораблями, сходными по размерам с «Эмилией», с одной стороны, и с «Владыкой морей» — с другой. В перечень произошедших перемен следует внести и факт превращения Франции в морскую державу, что произошло впервые после 1340 г. (опять-таки ссылка на битву при Слойсе в начале Столетней войны, где англичане разбили французов, и те надолго оставили попытки мериться с ними силами на море. — *Прим. ред.*).

Фрегаты, подобные «Эмилии», давали возможность владеющим ими странам через военно-морские силы оказывать влияние на события, происходившие на большом расстоянии, а также позволяли следить за активностью флотов противника, что делало подобные суда незаменимыми в своем роде. Однако в случае вступления в боевое соприкосновение один на один судна класса «Эмилия» с кораблем, подобным английскому «Золоченому дьяволу» Карла I, исход боя вряд ли вызвал бы сомнение. Быстроходные суда, способные отстоять себя в схватке или даже атаковать монстра, схожего по габаритам с «королевским кораблем», вот что требовалось голландцам, как, впрочем, и кардиналу де Ришелье. В 1628 г., когда англичане выступили в поддержку французских протестантов, кардиналу де Ришелье пришлось убедился в неспособности французского военного флота предотвратить подобное вмешательство. Таким образом, перед Францией встала задача обзаведения мощным военно-морским флотом.

Ришелье пытался обеспечить материальную базу для участия Франции в Тридцатилетней войне за счет расширения торговли, однако для этого неизбежно приходилось думать об обеспечении надежной защиты французским торговым кораблям. Пользуясь политическим благорасположением к Франции со стороны Объединенных Провинций Нидерландов, кардинал закупил мало- и крупнотоннажные суда у голландцев. Одним из наиболее заметных приобретений стал в 1626 г. «Сен-Луи», построенный в Амстердаме на верфях, принадлежавших братьям де Грот, т.е. тем же корабелам, которые прежде выполнили заказ для шведов, спустив на воду их знаменитый «Ваза». Голландцы предпочитали строить корабли с просторными палубами, позволявшими наиболее эффективно обслуживать пушки, а потому на «Сен-Луи» нашлось место для размещения 60 орудий. При постройке его претерпело усовершенствование парусное вооружение, что сыграло затем положительную роль для этого боевого французского судна. Деревянные решетчатые заслонки защищали команду корабля от падающих обломков, а также позволяли лучше проветривать и освещать нижние палубы. Приобретя этот корабль, французы использовали его в качестве образца при постройке однотипных судов для расширявшегося ВМФ, в конструкции которых вносили собственные инновации.

Количество орудий, устанавливавшихся на кораблях новой конструкции в соответствии со стандартом, дало им общее название — «74-пушечники». В то время как французы в основном занимались совершенствованием конструкции военных кораблей, англичане посвящали себя вопросам упорядочения их строительства и вооружения, что привело во времена правления Якова (иначе Джеймса) II к появлению такого понятия, как классификация военных кораблей. Согласно регламенту классификации, «Владыка морей» относился к «первому разряду» и оставался в нем до того, как после переименования в «Государь — владыка морей» сгорел в 1696 г. Корабли, подобные «Эмилии», соответствовали «пятому разряду» и не рассматривались как полностью боеспособные единицы в сражении. Упомянутые выше «74-пушечники», столь охотно принимаемые на флот англичанами как вполне способные послужить им боевые трофеи, были определены, или классифицированы, в «третий разряд», каковой термин с течением времени стал обозначать нечто совсем иное. Корабли эти, продемонстрировавшие высокие мореходные качества и эффективность в условиях реальных боевых действий, вскоре стали самыми распространенными в эскадрах ведущих морских держав мира. В шестидесятые годы семнадцатого столетия на балансе французского флота числились десятки чрезвычайно боеспособных судов подобного типа.

Подобно голландским, новые французские корабли обладали суженным и прочным корпусом, но отличались более глубокой осадкой, чем прототипы, строившиеся с учетом мелководья, типичного для гаваней Нидерландов. Имея только две орудийные палубы вместо трех, такие корабли легче переносили волнение на море и позволяли вести более точный огонь из пушек в шторм. Путешествия голландских, французских и английских торговцев к берегам Индии и стран Востока заставили усовершенствовать корабли в плане их парусного оснащения и задуматься о повышении способности корпусов противостоять стихии, вражескому огню и такой напасти южных широт, как морские моллюски, разъедавшие древесину. Скорость передвижения служила важным фактором в длительных вояжах и в боевых столкновениях, которые приходилось вести французам с мощными английскими эскадрами, корпуса кораблей которых строились из дуба. Провозглашенная французами тактика «гер де курс» (война в догонялки/*guerre de course*) позволяла их быстроходным и хорошо оснащенным артиллерией судам использовать собственные преимущества перед испанскими, английскими, а порой и голландскими противниками, что делало столкновения врагов с «74-пушечниками» опасными и дорогостоящими. Фрегаты отлавливали каперов и мусульманских пиратов, брали «малые призы», тогда как «74-пушечники» позволяли себе роскошь помериться силами с любым противником, кроме, разве что, «перворазрядных» голиафов.

Преимущества французского подхода

Говоря о процессе совершенствования конструкций новых кораблей, следует отметить, что она предусматривала улучшение бытовых условий команд. В плохую погоду личный состав на борту венецианских галер — скажем, подобных тем, что участвовали в сражении у Лепанто — оказывался абсолютно незащищенным, и людям попросту приходилось мокнуть на продуваемой ветрами палубе или жариться под нестерпимым тропическим солнцем. Как следствие, многие из числа матросов, гребцов и солдат погибали из-за заболеваний, вызван-

Изображенная на рисунке пушка, отлитая из чугуна и установленная на четырехколесную деревянную тележку, представляла собой дешевое и эффективное оружие для кораблей различных классов. Широкие колеса давали возможность орудию свободно откатываться по палубе после выстрела на расстояние, которое матросы регулировали за счет применения перлиня. Ниже представлены инструменты и приспособления, с помощью которых производилось обслуживание пушки: напоминающий штопор «червяк» для удаления остатков картуза после произведенного выстрела, щетка с ведром для мытья орудия после нескольких выстрелов, банник, пальник и прочие. Такая пушка стреляла стандартными ядрами весом в 24 фунта и называлась, соответственно, «24-фунтовкой».

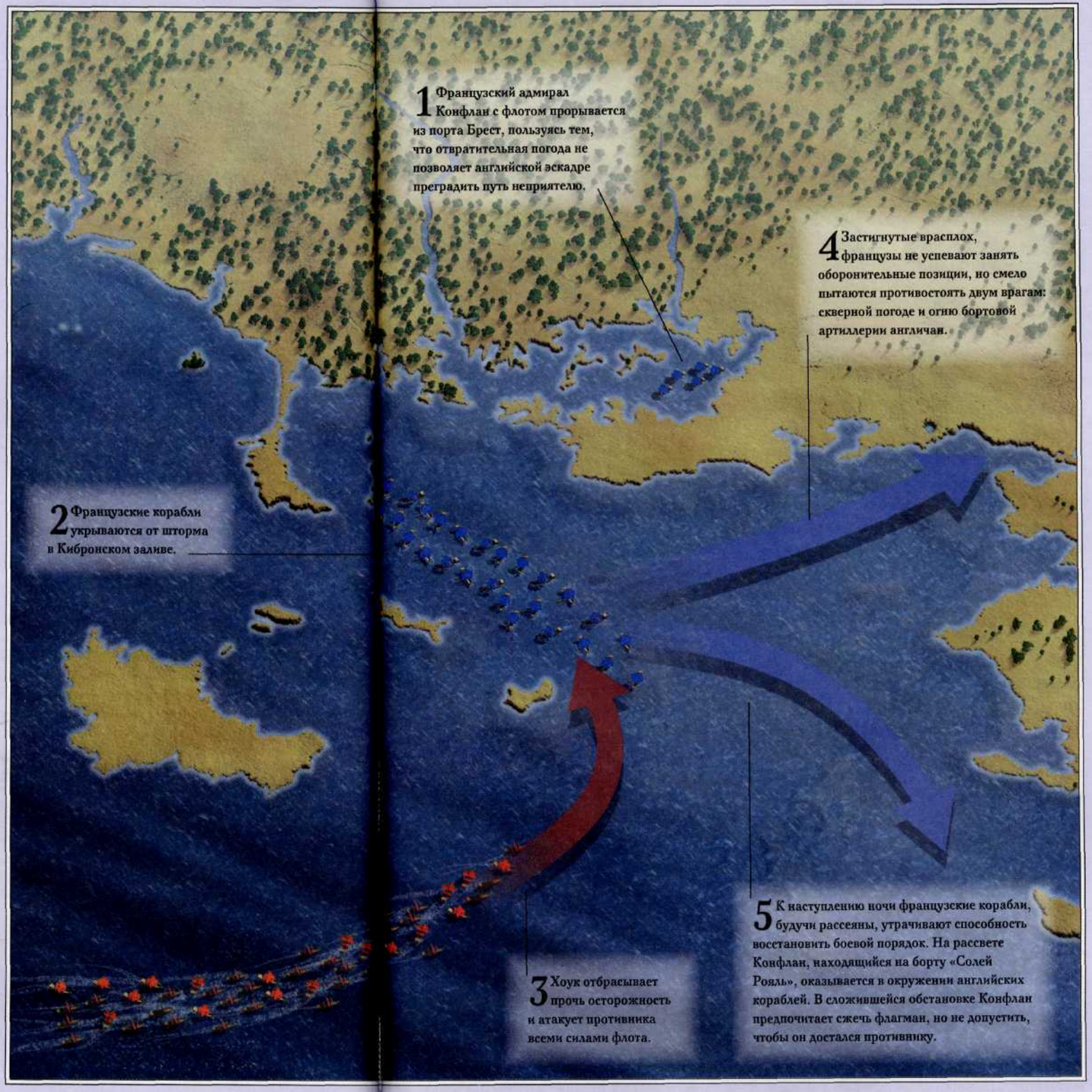
Битва в Кибронском заливе

1759 г.

«Ступайте же на них!» — гласил приказ, отданный адмиралом Эдвардом Хоуком капитанам эскадры, отвага которых среди буйства стихии принесла британцам в тот год одну из наиболее убедительных и ярких побед. Несмотря на то что Хоуку не удалось воспользоваться преимуществами применения нижних орудийных портов в быстро развивавшихся событиях, он восторжествовал. Его примеру позднее последовал Нельсон в противостояниях у Копенгагена и на Ниле. Описываемое здесь столкновение двух сильных флотов, произошедшее у берегов Франции, во многом решило исход Семилетней войны (типичная британская «скромность»; а вообще-то речь в данном случае может идти только о противостоянии между Францией и Британией, причем в основном в Америке. — *Прим. ред.*). Противоборство это, в плане используемых судов, пушек и тактики, во многом напоминало сражение, разыгравшееся у Даунса более чем за столетие до него. Преследуемый английскими фрегатами адмирал Конфлан попытался укрыться от них и от разбушевавшейся стихии в Кибронском заливе, как некогда испанцы в водах Кента. И вновь преследователь воспользовался фактором внезапности в атаке и сумел одержать победу в неблагоприятных погодных условиях. Техника англичан и примененная ими тактика позволили преодолеть мужественное противодействие отчаянно сопротивлявшихся французов.

Сражение в бухте Киброна состоялось в штормовую ночь ноября 1759 г. в Бискайском заливе у побережья Франции, неподалеку от Сен-Назера. Победа англичан Хоука положила конец планам французов высадить контингент вторжения в Шотландии.

«Смерть с небес» — выстрелы из показанной на рисунке легкой мортиры Кухорна (подробнее на стр. 204. — Прим. ред.) — подстерегали любого вражеского моряка, будь то простой матрос или адмирал. В 18-м веке они устанавливались на мачтах военных кораблей, способные накрыть неприятеля огнем неожиданно. Избирательная меткая стрельба по неприятельским офицерам позволяла «обезглавить» противника. Так, например, из подобного оружия был убит в 1653 г. Мартен Тромп (в сражении уже с англичанами, а не с испанцами. — Прим. ред.), а позднее смертельно ранен Нельсон.

ных воздействием стихии и недоеданием. Голод и болезни унесли больше жизней на флоте того же Говарда, чем все испанские пушки. Говоря о шведском корабле «Ваза», не следует забывать, что при всей его позолоте и сусальном блеске вензелей на корпусе члены команды одевались в видавшие виды дедовские одежки с деревянными скрепами вместо швов и не имели возможности отдохнуть от тяжелого матросского труда в столь простых, но естественных и необходимых приспособлениях, как гамаки или подвесные койки.

У французов все обстояло несколько иначе: для создания здоровых и комфортных условий командам кораблей они позаботились о свете и воздухе. Если англичане радовались, когда им выпадала возможность подкрепиться котелком хотя бы вскипевшей «баланды», французы регулярно получали горячую пищу и свежеиспеченный в печи хлеб вместо потраченной крысами солонины и заплесневелых сухарей. Во время длительных путешествий команды французских кораблей выращивали в специальных ящиках зелень для салатов, что означало возможность питаться витаминами, по крайней мере, для ответственных за принятия решений «мозговых центров» — командной верхушки. На английских кораблях и речи не могло идти о роскоши вроде фруктов и овощей. Если незадолго до столкновения у Гравлина сэр Ричард Хокинс писал о ценности носителей витаминов и кислот — особенно цитрусовых — для рациона команд морских судов, говоря, что Бог «заключил столь небывалую и неведомую силу в эти плоды, дав им способность служить в качестве лекарства против немочи», то на заре эпохи Просвещения об этом, похоже, начисто забыли и вспомнили только во времена капитана Кука (т.е. только в середине 18-го века. — *Прим. ред.*), а до того бесчисленные легионы английских матросов и солдат на бортах кораблей напрасно жертвовали своим здоровьем во славу невежеству.

Лучший пример для подражания — «Непобедимый»

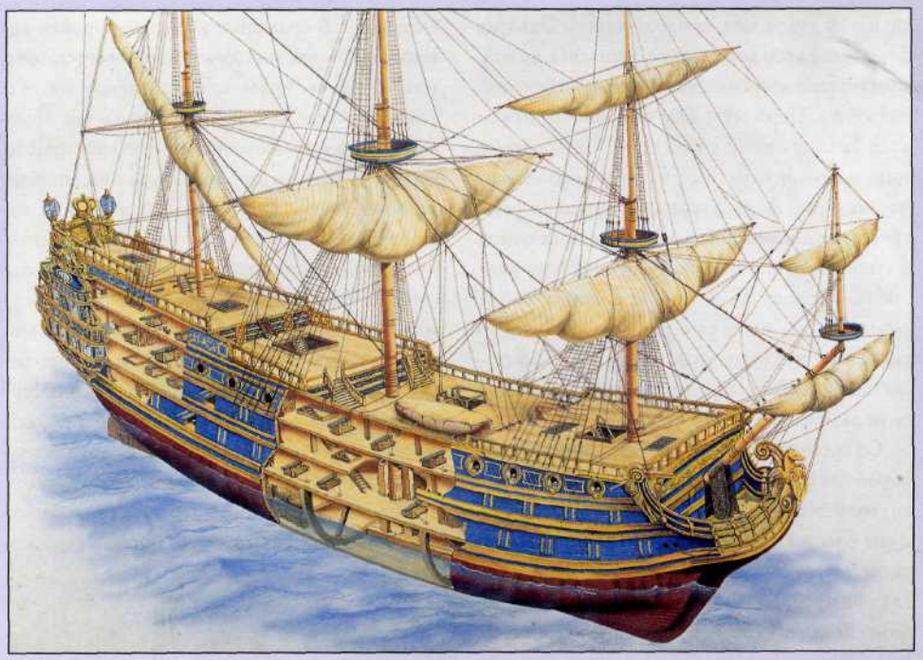
Возьмем пример французов, которые совсем незадолго до сражения в Кибронском заливе продемонстрировали конструктивные преимущества их кораблей. Построенный в 1744 г. французский 74-пушечный корабль «Л'Энвенсибль», что в переводе означает «Непобедимый», не сумел в итоге все же поддержать гордого имени, что не помешало ему, однако, отразить попытки трех английских кораблей захватить его в 1745 г. Однако количество почти всегда берет верх над качеством, а потому позднее английской эскадре из 14 судов под командованием Эдварда Боскэйвена удалось все же захватить вышеупомянутый корабль французов и отбуксировать его в Портсмут. Там инновации, присущие французскому кораблю новой конструкции, вызвали заметный интерес и известное восхищение. Лорд Энсон настоятельно рекомендовал английским корабелам приступить к строительству военных судов по образу и подобию «француза», и власти, наконец, соблаговолили дать на то свое согласие. Первый из таких «клонов» спустили на воду в 1755 г. — совсем незадолго до столкновения в Кибронском заливе.

Со времени сражения у Даунса английские корабелы сумели кое в чем продвинуться, хотя, возможно, пошли не так далеко, как французы с их выдающимися достижениями. Что касается конструкции корпуса, то здесь у англичан прогресс едва ли сильно обогнал галеон. Когда в 1765 г. со стапелей впервые сошла «Виктория» — корабль, на котором воевал Нельсон, — она во многом напоминала построенного во времена Карла I «Владыку морей», нежели же то, что видим мы в ее, так сказать, последней реинкарнации (100-пушечная «Виктория» имела в длину около 60 м, водоизмещение свыше 2000 тонн и команду из 800 с лишним чел.; автор, очевидно, хочет сказать, что судно это долгое время хирело и приходило в упадок, прежде чем через сотню лет, в двадцатые годы двадцатого столетия, его восстановили, воссоздав примерно таким, каким оно было во времена Нельсона. — *Прим. ред.*). На протяжении многих последующих десятилетий требования тактики оказывали влияние на кораблестроительные технологии куда больше, чем что-либо еще.

Боевой порядок, в котором флот Говарда вступил в битву испанцами у Гравлина, сводился, в сущности, к команде «следовать за лидером». В сражении у Даунса корабли адмирала Тромпа шли друг за другом гуськом с тем, чтобы не терять контакта между собой в условиях густого тумана. Руководство королевских военно-морских сил Англии пришло к выводу, что все крупные сражения должны вестись флотом, выстроенным в линию, и, соответственно, принимало решения в отношении строительства кораблей, отвечавших бы именно этой тактической установке. Не сама по себе линейная концепция, которая мало отличалась от нидерландской, и не мастерство моряков, но скорее материальные ресурсы, которыми располагали англичане, давали им известные преимущества перед голландцами — преимущества, которые нашли отражение не только в военных противостояниях, но и в состязании между собой гражданских мо-

Помимо обслуживания парусного такелажа и пушечного вооружения у французских матросов имелись и другие обязанности — они служили в качестве «морпехов» на судах. Моряки вооружались абордажными саблями, кремневыми ружьями, ножами, тесаками, копьями и метательными копьецами, а кроме того, прочим рубяще-колющим оружием, необходимым в рукопашном бою с противником и требовавшим от тех, кто применял его, по большей части физической силы, нежели мастерства.

Научный подход французских корабелов к их ремеслу хорошо отражает изображенный на рисунке «Солей Рояль» — флагман Конфлана в сражении в Кибронском заливе. Его просторные палубы и отсеки, а также пропускавшие свет решетки на люках создавали куда более вольготные условия быта для команды, нежели на тесных и темных английских судах. Более ровный — если можно так выразиться, аэродинамичный — корпус позволял развивать большую, чем у английских кораблей, скорость. Со временем и палубы французских кораблей приобрели более плоские и обтекаемые формы. Французские суда становились вожделенными трофеями для английских морских волков, однако, как известно, Конфлан предпочел сжечь свой флагман, но не допустить, чтобы тот достался врагу.

реплавателей. Ну и вспомним о том, что в те времена связь между отдельными флотскими соединениями, ведущими бой с неприятелем, осуществлялась посредством все более и более изощренной системы заранее обусловленных сигналов.

Морские уставы

Один из уроков, вынесенных англичанами из сражения у Гравлина, гласил: удача всегда будет на стороне тех, кто движется живее и стреляет быстрее и точнее. Кроме того, после вышеупомянутого сражения усилия Адмиралтейства (Министерства обороны, или Военно-морского министерства. — *Прим. ред.*) направлялись на систематизацию тактики и приемов ведения морского боя, стандартизацию кораблей и их парусного и артиллерийского вооружения, что выливалось в разработку военно-морской доктрины, отраженной на страницах уставов английского флота, напечатанных Адмиралтейством и доведенных до сведения всех английских капитанов. Последним строжайше запрещалось отступать от предписаний и не дозволялось действовать вразрез с требованиями, продиктованными в той или иной ситуации инструкциями. С последствиями такого ослушания столкнулся в 1756 г., в частности, адмирал Джон Бинг, поступивший вопреки уставу и потерпевший неудачу при попытке освободить осажденный остров Менорка (иначе Минорка — один из архипелага Балеарских о-вов наряду с более известной Мальоркой, соответственно меньший, по сравнению с последней, что явствует из названия. — *Прим. ред.*). По прибытии в Портсмут Бинг был расстрелян на квартердеке (на корме) собственного корабля; как довольно сухо, если не сказать цинично, заметил Вольтер, *pour encourager les autres* («чтобы подстегнуть остальных»).

Дневники секретаря английского Адмиралтейства Самуила (или Сэмъюэла) Пеписа служат наглядным отражением того, как создание и развитие собственного «морского подхода», вобравшего в себя разнообразные тактические приемы, всевозможные технические наработки и бюрократические уложения, позволило англичанам со временем достигнуть превосходства над голландцами и французами.

Однако процессу формирования такого рода, если будет позволено так выразиться, *схемы* предшествовало большое количество боевых соприкосновений на море. Уинстон Черчилль назвал Семилетнюю войну 1756—1763 гг. «первой мировой войной» и высказался так потому, что противоборство — враждебные действия — в ходе этого конфликта действительно велось по всему миру. Фридрих Великий и Пруссия сражались на полях Силезии с австрийскими войсками Марии Терезы, американские колонисты мерились силами с французами и индейцами в Огайо и Пенсильвании, английские «красные кафтаны» вели военные действия против французов в Ост-Индии и среди поглощенных феодальными распрями «туземцев» на Индийском субконтиненте. В 1759 г. флот Юбера де Бриена, графа де Конфлана, находился на пути к условленному месту рандеву с флотилией транспортов флота вторжения, целью которого служили Британские острова. Все верно — новые фрегаты и «74-пушечники» могли применяться где угодно, однако для того, чтобы одержать верх в войне быстро, окончательно и бесповоротно, французам надлежало сразиться с противником в сердце его владений. Результат любого другого сражения в любой другой точке земного шара не оказал бы — не мог бы оказать — такого влияния на исход войны, как действия и события, приведшие бы к акту подписания некоего так никогда и не материализовавшегося *Вестминстерского* мира.

Командиры и предводители

Адмирал французского флота Конфлан вполне заслуживает называться решительным и бесстрашным человеком, о чем, в частности, говорит факт оставления им порта Бреста после того, как непогода «смыла» блокировавших выход англичан. Меньшая по численности английская эскадра засекла состоявший из 21 корабля флот Конфлана, который смело и напористо отбросил неприятеля. Французы держали путь в широкий и, надо думать, безопасный Кибронский залив, где их ожидала стоявшая на якоре флотилия транспортов. Шторм набирал силу по мере того, как Конфлан приближался к месту рандеву с погрузившейся на суда армией вто-

Офицерская шпага служила не только оружием, но являлась символом в те времена, когда самое серьезное внимание уделялось церемониальным аспектам: так, скажем, вручение шпаги побежденным победителю при сдаче в плен. При меньшей массе она превосходила абордажную саблю длиной, что делало шпагу более удобной в обращении. Морская пехота уже тогда представляла собой солдатскую элиту, в обязанности которой входило поддержание дисциплины на борту, а также ведение рукопашного боя с противником в абордажном штурме. Французские мушкеты отличались большей легкостью и удобством, нежели английские «Браун Бесс» и соответственно предоставляли солдатам ряд преимуществ в условиях моря.

жения — задача вроде той, что много раньше стояла перед эскадрой под командой Медина-Сидония в 1588 г. и так и осталась невыполненной. 14 ноября 1759 г. выполнявший разведывательную задачу фрегат засек приближавшуюся эскортную флотилию французов и поспешил с известием к командованию своего флота.

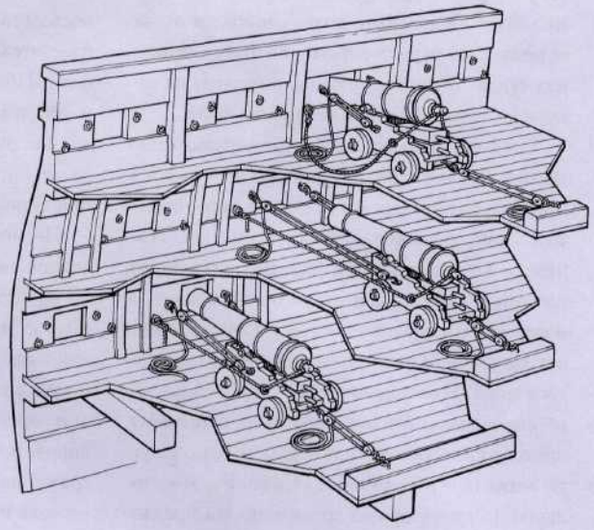
Конфлану противостоял, однако, человек не менее решительный и куда более бесстрашный. Его эскадра укрылась от непогоды с подветренной стороны острова Бель-Иль в широком и глубоком речном устье, где представлялась возможность идти под парусом, тогда как многочисленные отмели в Кибронском заливе не всегда позволяли это. Потеряв французов из вида у Бреста, Эдвард Хоук воспользовался шансом пополнить боекомплект и запасы снабжения и с 23 кораблями занял позиции в штормовом море на пути у французов, устроив им засаду. И вот Конфлан и его капитаны заметили, как англичане выдвигаются со стороны острова и направляются прямо к ним. Французский адмирал решил тогда отойти в глубь залива с тем, чтобы в более спокойных погодных условиях занять надежные оборонительные позиции он надеялся, что ветер и отмели станут его подспорьем в противостоянии с неприятелем, если тот проявит достаточно безрассудства, чтобы сунуться в бухту. Как видим, рельеф местности вновь продиктовал выбор тактики.

Инструкции Адмиралтейства — его доктрина, устав — требовали от Хоука переждать шторм и напасть на противника при более благоприятной погоде. Волнение и хлеставший ливень не позволяли применять для прострела вражеских палуб мушкетеров и снайперов с так называемыми «убийцами», или мортирами Кухорна, жертвой которых пал, как известно, в частности, Тромп в 1653 г. и Нельсон в день славы Трафальгара. Все та же стихия не давала возможности открыть порты самых мощных и эффективных стволов нижней орудийной палубы. Кроме того, на мелководье корабли запросто рисковали сесть на мель. Однако, не обращая внимания на инструкции, отбросив осторожность и забыв о доктринах, мужественный Хоук приказал флоту следовать за французами и атаковать их корабли один за другим. Отдавая такой приказ, он рисковал собственной карьерой, безопасностью страны и, наконец, жизнью, но он победил, увенчав себя лаврами до конца своих дней.

Хоук одержал победу над Конфланом в сражении, разыгравшемся в водах Бискайского залива в сильный шторм. С надутыми ветром парусами английские корабли, раскачиваясь на волнах, осыпают французов градом снарядов; стремясь уничтожить побольше орудийной прислуги и нанести максимальный ущерб корпусам вражеских судов, одним словом, англичане действуют в соответствии с их излюбленными приемами. В ответ французы, в свою очередь, также применяют милый сердцу подход, «стреляя в накат по волне» по парусам и такелажу кораблей противника, лишая того способности к бегству или — в зависимости от исхода встречи — преследованию.

Корабли с тремя орудийными палубами, как показано на рисунке, относились к «первому разряду» — к линкорам эры боевых парусников. На верхней палубе изображена заряженная и готовая к стрельбе по приближающемуся противнику пушка. На средней палубе можно наблюдать орудие при откате после выстрела — теперь прислуга сможет прочистить ствол и перезарядить пушку, подготовив ее к следующему залпу. На нижней — мы видим тщательно закрепленное орудие в нерабочем положении, защищенное от морских волн закрытым портом. Выражение «отвязавшееся орудие» имело весьма зловещий смысл, поскольку, не будучи надежно зафиксированной в условиях качки на море, пушка могла нанести существенный ущерб корпусу корабля и команде, раня и калеча или даже убивая людей.

«Toujours l'audace!»[1]

В ответ на вопрос о том, что отличает хорошего флотоводца от великого, один из американских адмиралов сказал: «Тридцать секунд». Хоук располагал гораздо большим временем для оценки ситуации и принятия решения атаковать или не атаковать среди неистовства стихии. Представляется, что в основе его приказа: «Ступайте же на них!» лежит то же соображение, которым руководствовался и Нельсон в битве на Ниле, а именно: «Если противник может, смогу и я». В 14.30 английские корабли проследовали второй пояс островов в бухте и развернули наступление на противника. Поначалу, когда из-за плохой видимости в дожде столкнулись три корабля его эскадры, Хоук, наверное, задумался все же ненадолго о целесообразности следования инструкциям. Одна из типичных черт рассмотренных в данной главе сражений — начиная со столкновения у Лепанто, у Гравлина и Даунса и вплоть до боевого противостояния в Кибронском заливе — заключалась в формуле: «Вожак возглавляет стаю». На своем флагмане «Ройэл Джордж» Хоук неуклонно продвигался впереди навстречу пусть и неготовому к свиданью Конфлану на его флагмане «Солей Рояль» (королевское солнце. — *Прим. ред.*).

Вероятно, решающую роль среди причин поражения французов сыграло то обстоятельство, что они не ожидали нападения Хоука при столь неблагоприятной погоде и в условиях опасного мелководья. Конфлан не успел еще занять оборону, когда англичане открыли огонь по замыкающим эскадру кораблям, кроме того, не готовые стрелять в условиях сильного шторма, французские канониры били по врагу не столь точно, как английские. Будет совершенно неверно утверждать, что одна из сторон уступала другой в мужестве и бесстрашии. В ответ на огонь с английского «Торби» капитан французского «Тезея» храбро открыл орудийные порты на нижней палубе, но волны немедленно захлестнули их, вода стремительно хлынула в трюм, и «Тезей» за-

[1] *L'audace* — отвага (*фр.*). Часть фразы Наполеона: отвага, снова отвага и всегда отвага!

тонул. Другой французский корабль — «Формидабль» — довольно долго отбивался от наседавших на него попеременно трех английских судов, пока, очутившись в кольце, не покорился неизбежному и не спустил флаг.

Конфлан явно заколебался: направил было «Солей Рояль» к выходу, словно бы стремясь прорваться с эскадрой в открытое море, но потом вдруг повел корабли в глубь залива. Темнело, и Хоук не мог предпринять ничего иного, как отдать приказ флотилии бросить якоря в надежде, что кованое железо и канаты позволят судам пережить раздражение волнующегося моря. В отношении двух кораблей расчет не оправдался: стихия сорвала их с якорей и понесла на мели, где суда ждала гибель. Наутро англичане обнаружили «Солей Рояль» стоящим на якоре прямо среди них. На предложение сдаться Конфлан ответил отказом и попытался улизнуть, но наскочил на мель и приказал поджечь флагман, чтобы тот не достался в качестве трофея англичанам. Двум французским кораблям удалось уйти на юг в сторону Рошфора, еще восемь, выбросив за борт пушки и припасы, спаслись бегством в устье реки Вилен. За счет одной лишь отваги и превосходства в выучке канониров Хоук одержал блистательную победу, уничтожив вражеский флот. Потери англичан составили два корабля и 300 человек. У французов три судна затонули, два попали в руки неприятеля, одно было сожжено, а остальные рассеяны. Французский план вторжения полностью лопнул.

Несмотря на доктринальную эволюцию, усложнившиеся тактические приемы, бравшиеся на вооружение командирами, и систематизацию артиллерии и условных сигналов, описанная выше битва представляла собой скорей бой в духе примитивной схватки стенка на стенку, чем организованное противостояние, как, впрочем, в большинстве случаев и три других сражения из этой главы. Местность, тактика, техника и всего более погода играли заметную, если не основополагающую роль, однако господствующим под Кибероном, в частности и на морях в ту эпоху раннего периода Нового времени вообще оставался прежде всего человеческий фактор. Превосходство в храбрости, решительности, отваге и подготовке помогало одним морякам брать верх над другими.

В книге «Войны и сражения Нового Времени» описываются сражения, тактические приемы, вооружение, методы подготовки солдат в Европе и Северной Америке 1500 – 1763 гг. Это была эпоха, когда огнестрельное оружие стало окончательно доминировать на полях сражений.

Каждая из глав посвящена определенным родам войск и их применению на полях сражений: пехоте, кавалерии, артиллерии, инженерным войскам, флоту и организации командования.

На страницах этой великолепно проиллюстрированной книги вы найдете детальное описание самых известных сражений на суше и на море, а также осад крепостей.

ISBN 5-699-18464-3